

Борис Сапожников

Ultima Forsan

Представьте себе, что зомби-апокалипсис случился не в XXI веке, не в XX, даже не в начале XIX, а в то страшное время, когда чума, прозванная Чёрной смертью, опустошала города и веси. Представьте себе, что вместо того, чтобы спокойно лежать в могилах жертвы чумы поднимаются на следующую ночь, и идут убивать. Им нужна плоть и кровь живых людей, а в жилах они несут проклятые чернила — ихор, разносящий чуму.

Борис Сапожников

Ultima Forsan

Мы бежали! Неслись, как угорелые. И всё равно, не успевали. Ведь от смерти не скроешься. Она следовала за нами по пятам. И куда быстрее, нежели мы успевали бежать. Чумные твари догоняли нас. Каблуки наших сапог и ботинок стучали по разбитой мостовой покинутого города, а вслед нам неслись рёв сотен глоток чумных мертвецов и куда более страшное клцанье когтей неведомых доселе порождений мерзости.

Первым, обгоняя остальных, нёсся наш врач по прозвищу Чумной Доктор. А ведь как всю дорогу ругался, что стар уже для таких эскапад, и чтобы подождали его, дали отдохнуть его больным коленям, и что маска мешает дышать нормально. Теперь же больные колени так и мелькают из-под длинного плаща, а маску он ни на дюйм не сдвинул с лица. Как только шляпа у него с головы не слетает? Сидит, как приклеенная.

— Красная черта! — выпалил бегущий рядом с Доктором Абеле Аркури. — Левая стена на три пальца ниже крыши!

Абеле наёмник и недавно в команде, я взял его за умение примечать самые незначительные детали. И сейчас он, возможно, спас всех нас.

Я вскинул голову глянуть, о чём именно речь. Спасительная черта и в самом деле шла там, где сказал Абеле. Вот только она почти стёрлась от времени.

— Прикрываю! — опережая мои слова, выкрикнул Баум, скидывая с плеча свой чудовищных размеров биденхандер^[1]. Всегда удивлялся, как он его с такой лёгкостью с собой таскает, да ещё и в бою орудует им так, будто меч не весит ничего.

— Беги дальше! — рывкнул на него я. От бывшего ландскнехта сейчас проку, как с козла молока. — Абеле, крюк!

Притормозивший вместе со мной Абеле сорвал с пояса своё любимое оружие. Хитро изогнутый крюк на длинной прочной верёвке. Учёный из нашей фактории недавно сделал ему хитрую машинку на пояс, что крепилась к ремню сзади и даже не особо мешала при движении. Зато с её помощью он легко управлялся с верёвкой, швыряя крюк с ней на большие дистанции и возвращая с помощью катушки, закреплённой в коробочке.

Я же выхватил два пистолета, вскинув их перед собой. Всякая тварь, что попытается сейчас подобраться к нам с Абеле, гарантированно получит пулю между глаз. Или в сердце, так оно надёжней.

Баум зыркнул на меня из-под козырька шлема, но ничего говорить не стал, бросился догонять остальных.

Мертвецы догоняли нас с удивительной прытью. Среди их толпы мелькали спины и головы неведомых тварей. И мне совсем не улыбалось сегодня познакомиться с ними.

Абеле дважды крутанул крюком и метнул его под красную черту. Крюк застрял, и наёмник навалился на него всем весом, а после и машинку на поясе завёл. Та привычно загудела и заскрипела многочисленными шестерёнками, скрытыми внутри невеликой размерами коробочки.

Мертвецы пёрли по улице города. Рёв их становился всё громче. Они уже чуяли наши жизни, нашу тёплую кровь, наше дыхание. Они торопились разорвать нас на куски, напиться нашей горячей крови. Застарелые бубоны чумы болтались на их телах чудовищными наростами, вместе с обрывками одежды. У иных уже плоть начала слезать с костей, зубы обнажились в отвратительном оскале. Но куда больше этой толпы меня пугали серые тени,

скрывающиеся среди поднятых чумой покойников. Я поймал себя на том, что пытаюсь уследить за ними, понять, что же это такое. Но всякий раз взгляд цеплял лишь движение и не получалось даже краем глаза уловить ничего больше.

Наконец, машинка и сила Абеле справились с тем, что скрывалось за красной чертой. Раздался оглушительный грохот, и на мостовую рухнула вся стена здания, на которой и была нанесена та самая черта. Мы едва успели убраться с пути падающих камней, балок и кусков черепицы. Завал полностью перекрыл улицу.

— Неужели, — произнёс Абеле с тенью надежды в голосе.

— Бегом за остальными, — отмахнулся я, и первым рванул дальше, показывая наёмнику пример.

Абеле не отстал, и вскоре поравнялся со мной. Дышал он тяжело, явно упражнения с верёвкой дались ему куда как непросто. Особенно после изнуряющего бега.

— Спасибо, — пропыхтел я, кивнув наёмнику.

Никогда нельзя забывать о благодарности, тем более тем, кто только что вполне возможно спас тебе жизнь.

Вскоре мы догнали остальных. Теперь можно было хоть немного сбавить темп. Ведь так долго выдерживать его было многим не под силу. Но и останавливаться никак нельзя — мертвецы тут повсюду и очень скоро нас нагонят снова. Мы отнюдь не избавились от них, мы лишь немного отсрочили их новое появление.

— Плохо наше дело, — произнёс Баум, широко шагавший теперь по правую руку от меня. — На нас охотятся.

Он говорил достаточно тихо, чтобы его слышал только я, однако для остальных это был и без того не слишком хороший знак. Если командир о чём-то говорит с одним из рейдеров, да ещё так, чтобы остальные не слышали их беседы.

— Аргументы? — быстро спросил я, стараясь беречь дыхание.

После пробежки лёгкие готовы были взорваться при каждом вдохе, и говорить было чертовски тяжело. Даже такими вот короткими фразами из одного слова.

— Нас загоняют, — ответил бывший ландскнехт. — Гонят туда, куда им надо, будто дичь.

— Мы — опасная дичь.

Гитана как обычно появилась, будто из ниоткуда. Вот умеет этот народ подобные трюки выделять, и очень это любит. Поэтому и получают из них лучшие воры.

Она подмигнула нам, поигрывая парой длинных ножей. Даже сейчас, когда смерть висела у нас на плечах, девушка не теряла присутствия духа. А это очень много значит в наше время.

— У нас острые клыки, — добавила она. — И длинные.

Гитана обожала изводить Баума шуточками про размер его меча. Они были любовниками, однако бывшая воровка старательно делала вид, что это не так. Хотя об их связи давно уже знала вся фактория.

— Чёрт, а ведь часы на башне всё ещё идут, — произнёс Абеле, указывая на громадную башню, украшенную вычурными часами. — Я видел, как двинулась одна из стрелок.

— Молод ты ещё, — бросил ему Чумной Доктор. — Часы в городах бьют один раз за сутки. Они всегда отбивают только один раз и один час.

— *Ultima forsan*, — сказал я. — И в этот час в городе лучше не оставаться.

— Ты то же самое говорил и про заход солнца, — заметил Абеле.

Я только плечами пожал. Была бы возможность, мы бы убрались из города задолго до того, как солнце скрылось за горизонтом. И Абеле это понимал ничуть не хуже меня.

— Ну вот мы и пришли, — произнёс Баум, когда мы вышли на большую площадь с фонтаном.

Какие фигуры украшали его неизвестно, вместо них на невысоком пьедестале примостилась сутулая тварь в серых обносках. Мерзость тут же обернулась в нашу сторону и дико завопила. И тут же из двух улиц, отходящих от площади, послышались ответные крики. А за ними шаркающие шаги десятков ног.

— Нас загнали, — констатировал очевидное Баум, беря наизготовку свой биденхандер.

— К дому! — скомандовал я.

Выбора у нас не было — только успеть заскочить в большой купеческий дом, стоящий на противоположном краю площади, и молиться, чтобы нас никто не ждал у него чёрного хода.

Рывок к дому был коротким. Мы неслись к его дверям со всех ног — главное успеть, захлопнуть за своими спинами массивные, окованные бронзой двери, оставляя по ту сторону толпу чумных мертвецов.

Тварь, сидевшая на фонтане, взвилась в воздух без лишних звуков. Оборванный плащ её распахнулся, подобно уродливым крыльям, и я увидел, что под ним скрыто серое, покрытое шерстью тело громадной крысы. Капюшон слетел с головы твари, и нашим взорам предстала вытянутая, перемотанная обрывками ткани крысиная морда. Длинные, кривые зубы тварь выставила напоказ в чудовищном оскале.

Я снова выхватил пару пистолетов, почти не целясь, выстрелил в тварь. Вращаясь в воздухе с какой-то недоступной человеку грацией, мерзость сумела увернуться от обеих пуль. Баум попытался отмахнуться от неё биденхандером, но громадная крыса ушла и от его клинка. А после обрушилась на самого ландскнехта. Они повалились на землю. Тварь замельтешила передними лапами — или это у неё были руки? — нанося Бауму стремительные удары. Уродец явно метил под мышки, в горло, в лицо, — туда, где старого вояку не прикрывали его выдавшие виды, но достаточно прочные доспехи.

Свистнул в воздухе крюк Абеле. Тварь вскочила на ноги, немыслимым образом балансируя на ворочающемся под ней Бауме, но увернуться уже не успела. Абеле всё же был чертовски быстр! Крюк глубоко впился в тело уродца, и наёмник рванул верёвку на себя и в сторону, сдёргивая крысу с Баума. Тварь проволочило по мостовой пару ярдов. Она пыталась встать, но безуспешно — Абеле отлично обращался со своим любимым оружием.

Гитана метнулась к твари, мигом оказавшись у неё за спиной, и вонзила оба своих длинных ножа в серое тело. Раз, другой, третий! Тварь истошно завопила, однако умирать не спешила. Гитана быстро склонилась над ней, преодолевая брезгливость, и стремительным движением перехватила крысе горло. Лишь после этого тварь утомилась.

Мы с Чумным Доктором помогли Бауму подняться на ноги. Из ран на теле ландскнехта обильно текла кровь. Её сдерживал стёганный боевой камзол, однако он успел ею хорошенько пропитаться. Так что стоял на ногах Баум исключительно из врождённого упрямства. Мы поволокли его на себе к дверям дома.

В это время Абеле с помощью Гитаны освободил свой крюк и быстро подтянул его обратно, закрепив на поясе. Они тут же поспешили вслед за нами.

Мы с Чумным Доктором ввалились в просторный холл дома. Я окинул его взглядом, прикидывая, где лучше устроить Баума. Дом явно был из богатых, но уже не раз подвергся

мародёрству со стороны рейдеров вроде нас, однако сохранил остатки бывшего величия. Широкая лестница вела на второй этаж, по которому шла галерея с резными перилами, её поддерживали прочные деревянные колонны с резными капителями.

Мы протащили едва волочащего ноги Баума к лестнице, устроив его на нижних ступеньках. Чумной Доктор тут же принялся умелыми движениями освободить бывшего ландскнехта от кирасы, чтобы заняться ранами. Я же вернулся к двери, помог захлопнуть её Абеле с Гитаной.

Внутри дома тут же воцарилась непроглядная темнота. Окна первого этажа были закрыты плотными ставнями.

Гитана быстро зажгла фонарь, и поставила рядом с Чумным Доктором и Баумом. Нашему врачу темень была как будто нипочём, он продолжал ловко орудовать ниткой и иглой, зашивая раны бывшего ландскнехта.

— Командир, можно тебя? — спросил Абеле, оставшийся стоять на самом краю круга света.

Я подошёл к нему, и он напрямик заявил:

— Зря мы сюда влезли.

— А у нас был выбор? — поинтересовался я.

— Ты в своё время заставил меня выучить все знаки, которые оставляют в городах рейдеры, — зачем-то сообщил то, что я и без него знал, Абеле, — отказывался брать с собой, пока тебе значения всех их не расскажу. Так вот, над дверью в этот дом был один знак...

— Нет, — перебил его я. — Нет-нет-нет, Абеле, только не говори мне, что это был тот самый чёртов знак!

— Именно он, командир, — покачал головой Абеле, — перечёркнутая дверь.

Ну вот и всё, понял я. Наш Ultima Forsan только что пробил.

Чумной Доктор отвлёкся на несколько секунд от обработки ран Баума, чтобы кинуть в фонарь щепоть какого-то порошка. Пламя тут же сменило цвет на ярко-белый, режущий глаза после ночной темени и полной тьмы в доме с закрытыми ставнями и дверьми. Теперь в холле брошенного особняка как будто даже теней не осталось — все их разогнало немыслимо яркое пламя.

Доктор снова склонился над Баумом, но тот отвёл его руку с кривой иглой.

— Не переводи на меня свою дратву, — прохрипел он. — Метки даже мне видны.

Я подошёл к ландскнехту с нашим врачом, присел рядом на корточки. По телу Баума вокруг ран змеились чёрные змеи отлично видимых под побледневшей кожей жил. Заражение распространялось стремительно. Кровь из ран сочилась уже пополам с проклятыми Господом чернилами^[2]. Баум больше не был человеком — на ступеньках лестницы лежал morituri^[3]. На бескровных губах бывшего ландскнехта играла сардоническая усмешка. Он откинулся на ступеньки и пару минут тупо глядел в потолок, не шевелясь. Только усмешка выдавала в нём ещё живого человека. А вот взгляд был абсолютно мёртвым, страшное сочетание, которое можно увидеть лишь на лице morituri.

— Помоги одеть кирасу, — попросил меня Баум. — Я прогуляюсь на улицу.

Гитана с Абеле старались теперь держаться от бывшего ландскнехта как можно дальше. Пускай бывшая воровка и была его любовницей, и явно испытывала к здоровяку весьма тёплые чувства, однако приближаться к заражённому чумой не спешила. Он уже не был человеком, он был morituri, считай, что труп, так ещё и опасный. Попади его смешанная с чернилами кровь на кожу и риск подцепить чуму будет крайне велик. А улыбаться

последней, сардонической, улыбкой никому не хотелось. Гитана попросается с Баумом в душе, может быть, даже помолится за него молча богам своего народа, или во что там верят её соплеменники, но ни на шаг не приблизится теперь к нему.

Я запахнул на груди Баума боевой камзол, затянул с помощью Чумного Доктора ремешки. А после помог бывшему ландскнехту облачиться в кирасу. Баум скрипел зубами от боли, однако нашёл в себе силы подняться на ноги. Он перекинул вперёд свою бандельеру^[4] с восемью пистолетами. Биденхандер же устроил пока за спиной.

— Помоги зарядить, — попросил он, вынимая пистолеты и протягивая их мне.

Я кинул пару Абеле и ещё пару Гитане. Мои спутники явно опасались брать в руки оружие *morituri*, однако всем известно, чума так не передаётся, что бы там ни говорили деревенские побасенки. Порох и пули имелись у каждого из нас — без огнестрельного оружия в города соваться не стоит. Не прошло и пяти минут, как в бандельере у него болтались восемь заряженных пистолетов.

Баум кивнул нам и сделал пару вполне уверенных шагов к двери. Никто и не заметил, что та содрогалась под ударами напавших на неё тел мертвецов. Нас успели взять в плотную осаду.

— Господа, я выхожу, — заявил подошедший к самой двери Баум, и изо всех сил врезал по ней ногой.

И без того едва державшаяся дверь распахнулась наружу, повалив нескольких замешкавшихся мертвецов. Баум шагнул навстречу орде трупов, напирающих друг на друга в жажде как можно скорее добраться до живой плоти и тёплой крови. Бывший ландскнехт рассмеялся весело и беззаботно, как смеются только *morituri*, и выхватил первую пару пистолетов.

— На лестницу! — скомандовал я, также выдёргивая из кобур свои пистолеты. — Бегом!

Мой крик разорвал торжественную тишину, повисшую после маленького парада Баума. А следом раздались сразу два выстрела. Бывший ландскнехт вступил в схватку с осаждавшей нас ордой мертвецов.

Первым на лестницу взбежал Чумной Доктор. Наш врач даже ярко светящий фонарь подхватить не забыл. От него не отстали и Гитана со мной. Абеле бежал последним, раскручивая на ходу зажатый в левой руке крюк.

И тут я понял, что весь особняк был одной большой ловушкой. Потому что двери, ведущие в комнаты на галерее, распахнулись, будто по мановению волшебной палочки, и оттуда на нас ринулись мертвецы.

Я оттолкнул Чумного Доктора, задвигая его себя за спину, разрядил свои пистолеты в первую же пару мертвецов, оказавшихся особенно прыткими. Оба повалились на пол с разнесёнными тяжёлыми пулями черепами. После такого даже самые крепкие не встают.

Я выхватил тяжёлый рейтарский палаш, отличное оружие, чтобы рубить покойников, и тут же обрушил его на первого врага. Пистолеты пришлось попросту швырнуть на пол, но теперь было не до бережливости. На тот свет ничего с собой не заберёшь.

— Абеле, ко мне! — выкрикнул я. — Гитана, прикрой нам спины! Прорываемся налево!

Куда прорываться было в общем-то всё равно — смерть ждала всюду, но и умирать, подобно агнцам на заклании, тупо подставив шею под нож, никто не собирался.

Абеле оставил крюк, выхватив из-за пояса пару топориков на коротких рукоятках, и заработал ими с такой скоростью, что во все стороны полетели ошмётки проклятой плоти

мертвецов и осколки их костей. Я старался не отставать от него, орудуя палашом.

Плечом к плечу мы прорубились к ближайшей двери, однако за ней теснили ещё мертвецы. Даже не представляю, как они набились в тесное помещение, как та кладовка. Их было там больше, чем сардин в бочке. Но это же мешало им выбраться через дверь. Они бестолково толкались плечами, пытаясь пролезть в неё все разом, и больше мешая друг другу, нежели продвигаясь вперёд.

— К чёрту двери! — крикнул я, снося одним ударом голову ближайшему мертвецу. — Дальше вверх! К лестнице!

Мы шагали плечом к плечу по неширокой галерее, прорубаясь через теснящуюся толпу покойников. Они тянули к нам руки со скрюченными пальцами, и мы отсекали их быстрыми ударами. Раскраивали головы с перекошенными в вечной муке лицами. Это не было сражением, не было настоящей схваткой. Это была работа. Тяжёлая и изматывающая, вроде рубки кустов или копания мёрзлой земли. От неё очень быстро устаёшь, теряешь концентрацию. И мертвецы очень быстро заставляют тебя платить за это.

Оказавшийся необычно прытким покойник едва не сомкнул челюсти на предплечье Абеле. Наёмник успел вовремя отдёрнуть руку, и кривые зубы мертвеца заскрипели по дереву рукояти одного из его топориков. Тут же сразу несколько других покойников ринулись на замешкавшегося Абеле. Я широким взмахом снёс голову одному, шагнув вперёд, отвесно рубанул второго, едва не располовинив его, третьего оттолкнул ногой. Абеле справился со своим врагом, разmozжив ему череп ударом топорика, и снова вскинул оружие.

И тут на меня сбоку навалился новый противник. Мертвец буквально рухнул мне на плечи, стараясь достать горло зубами. От него чудовищно несло трупной вонью, так что даже я, привычный за годы рейдерства ко многому, едва не задохнулся. Зубы твари заскребли по кожаному воротнику, защищающему мою шею, как раз на такой случай. Я выдернул левой рукой кинжал, вогнал его по самую рукоятку в живот мертвеца, стараясь не думать о хлещущем мне на руку ихоре пополам с чернилами. Используя кинжал как рычаг, я попытался спихнуть с себя тварь. Но было поздно. На меня со всех сторон навалились ещё несколько. Обломанные ногти скребли по плотной коже джеркина^[5], гнилые зубы впились в воротник. Обе руки мне прижали к телу, и я уже не мог толком сопротивляться. Не мешай покойники друг другу, со мной давно было бы покончено.

Такой вот несуразной кучей-малой мы и навалились на ветхие перила, проломив их, и рухнули с галереи вниз. Пол особняка оказался достаточно прочен, хотя доски его под весом рухнувших тел возмущённо заскрипели. От удара несколько покойников свалились с меня, дав мгновение свободы, и я воспользовался им в полной мере.

Мне удалось удержать в руках палаш и кинжал. Я нанёс несколько ударов, не целясь, по пытающимся подняться на ноги мертвецам вокруг себя. Встать на ноги самому удалось с трудом. Меня пошатывало после удара об пол, хотя его и сильно смягчили тела навалившихся покойников. Отступив к ближайшей стене, я поднял палаш с кинжалом, готовясь отразить атаку мертвецов. И те не заставили себя ждать.

Они уже заполонили весь первый этаж, и теперь толкались повсюду. Покойники толпой ринулись на меня, тянули скрюченные руки, скалили кривые, чёрные зубы. Я отмахивался от них широкими ударами палаша, бил по перекошенным лицам кинжалом. Однако отлично понимал, что мгновения мои сочтены. Твари не перестанут давить, скольких бы из них я не успокоил навсегда. Им не знакомы ни страх, ни боль. Их уже не остановить.

Теперь я такой же *morituri*, как и Баум, пускай в моих жилах ещё течёт кровь, а не

чернила. Я уже мёртв, но буду драться до конца. До самого Ultima Forsan!

Стена за моей спиной заходила ходуном. Неужели, и там мертвецы?! Оборачиваться времени не было, я отбивался от нападающих покойников. Отвлекусь хоть на мгновение, и мне конец!

Десятки мёртвых рук пробили дерево стены за моей спиной, схватили за плечи, за руки, вцепились в джеркин, в пояс, в штаны, в голенища сапог. Спереди навалились напавшие мертвецы. С жутким треском в стене образовался пролом, и меня утянули в него.

Тьма сомкнулась вокруг. А над городом, позабывшим своё имя, разнёсся единственный удар давно остановившихся башенных часов. Они пробили наш Ultima Forsan.

Это был конец.

Так я думал в тот миг, но я — ошибался.

Глава 1

Заразитель из Пассиньяно

Аббатство Святого Михаила Архангела было основано в незапамятные времена монахами-валлоброзинами. Оно было славно своими виноградниками и крепкими стенами, а также крайне суровым уставом. Ведь здесь до сих пор жили по заветам основателя ордена святого Иоанна Гуальберта. Более того, первым настоятелем аббатства, расположившегося в бывшем замке Пассиньяно, был юный монах по имени Пьетро, которого почитали святым при жизни, как и самого основателя ордена. Именно на него пал выбор Гуальберта, когда тот, борясь с епископом обвинённым в симонии^[6], искал кандидата для испытания огнём. И юный монах прошёл это испытание достойно, за что и удостоился чести возглавить собственное аббатство.

Не раз за время своего заключения в монастыре Пассиньяно, я глядел в глаза юноше, изображённому на фресках и витражах. Вокруг его серой рясы, подпоясанной простой верёвкой, плясали языки пламени. Я искал в них хоть каплю сочувствия к моей тяжкой судьбине, однако взгляд молодого монаха был суров. Он обвинял, но не прощал. И я переводил взгляд на распятие, но Спаситель всякий раз как будто отводил свой взор, не желая видеть нечистого, вроде меня. Верно, он же принял мученическую смерть на кресте за людей, а не таких, как я.

Не было для меня спасения от боли. Ни телесной, ни душевной. Монахи стояли в нескольких шагах от меня, а старый татуировщик наносил на моё тело новые и новые рисунки. Это были изображения креста и распятия, тексты молитв и катехизисов от зла, порчи и, конечно же, чумы. Как только старик с чёрными, сильно тронутыми сединой, но всё ещё чёрными волосами, считал, что на сегодня довольно, он убирал свои иглы в футляр и как можно скорее покидал просторную комнату, где его заставляли работать.

Я знаю, что он вовсе не хотел бы возиться со мной. Знаю, что он после работы часами молча сидит в странноприимном доме при аббатстве и пьёт без остановки, как будто желает извести все местные запасы граппы и орухи. Монахи глядят на него с укоризной, ведь им строгий устав не позволяет ничего спиртного, кроме глотка вина причастия. А старый цыган-татуировщик требует ещё и ещё. Он клянётся себе, что уйдёт сегодня же, что плевать он хотел на аббата, прелатов и самого авиньонского папу, и никакое золото, никакие обещанные кары земные и небесные не удержат его. Но всякий раз остаётся, и поздним утром — обычно ближе к полудню — приходит обратно, чтобы продолжить свою работу. Ради памяти дочери — бывшей воровки, что звала себя Гитаной. Сам татуировщик называет себя Романо. Цыгане удивительно скрытный народ и выведать их настоящие имена ещё сложнее, чем научиться их языку и заслужить уважение этого бродячего племени.

Романо из оседлых цыган, оставивших табор и кибитки. Он живёт в деревне недалеко от аббатства, и во время нападений бродячих мертвецов вместе с остальными жителями бежит сюда, чтобы укрыться за его стенами. Романо ненавидит меня, потому что знает правду о том, что случилось в городе. Он винит меня в произошедшем там кошмаре, и я с ним полностью согласен.

Гитана, Чумной Доктор, Абеле, Баум, — все они пошли за мной, все верили в меня, как в чертовски удачливого рейдера. И все они погибли из-за меня. Из-за моей самоуверенности. Из-за моей наглости. Из-за того, что решил, будто для меня Ultima Forsan не пробьёт

никогда. Он и не пробил — для меня. А вот для них...

Мысли путаются. Я смотрю на сурового монаха Пьетро, парящего в окружении языков пламени. Он отвечает мне прямым взглядом. Он — не прощает чужой вины. Он не Спаситель, что умер за всех людей. За людей, но не за нечистых.

Романо закончил своё дело и покинул монастырь. Говорят, он и из деревни ушёл. Сам по себе, не став дожидаться хоть какого-нибудь купеческого каравана. Навещавший меня монах, что сообщил мне об этом, долго качал головой, осуждая этот его поступок. Он считает его самоубийством, пускай и не прямым, однако волю свою старый цыган-татуировщик высказал этим поступком достаточно явно. Он желает себе смерти, а значит, совершил страшный грех.

— Он пребывал в унынии, — ответил я монаху, — а оно уже само по себе смертный грех, не так ли? Да чего бояться цыгану? — пожал я плечами. — Вы думаете, он всерьёз верит в Спасителя?

— Многие из его племени обратились в истинную веру, — ответил на это монах.

— Я не о том спрашивал, — покачал головой я. — Я хотел знать, веришь ли ты в искренность цыган? Романо ведь так и не назвал своего подлинного имени? Он оставил его в таборе. Ты видел его хоть на одной службе? А ведь он жил в странноприимном доме, в двух шагах от церкви. Или, может быть, он искал утешения в исповеди?

— Он предпочитал граппу, — слабо улыбнулся монах, но улыбка быстро погасла на его губах.

— Ты верно готовишься участвовать в диспутах, — бросил я. — Тренируешь умение вести разговор так, чтобы не отвечать не вопросы.

Монах снова улыбнулся в ответ, но говорить ничего стал. Он вышел из моей кельи, оставив на столе скудный завтрак и несколько книг.

Света от окна мне вполне хватало для чтения. А когда заходило солнце, я зажигал лампу. Аббатство Святого Михаила Архангела было очень богатым и вполне могло позволить себе иметь алхимические светильники в каждой келье. Даже у послушников или заключённых, вроде меня.

Я много читал все месяцы своего заключения. Библиотека в аббатстве была богатой, так что вряд ли за это время я осилил больше десятой части её. Кроме богословских трудов в ней было собрано множество книг по истории, и я часто погружался в прежние времена. Я любил читать о годах, предшествовавших чуме. Они вроде не так сильно отличались от нынешних, не было изобилия и всеобщего счастья, в которые верили глупцы. Однако по крайней мере одно существенное отличие всё же имелось. На выцветших от времени гравюрах я не раз встречал улыбающихся людей. Сейчас же страх вытравил из нас это умение. Улыбки были фальшивыми, будто дешёвые маски, или слабыми, как у навещавшего меня с едой, книгами и новостями монаха. Они тут же умирали на губах. Как только ребёнок понимал, в каком мире ему придётся прожить жизнь, как только он сталкивался с его ужасами и чудовищной несправедливостью, с той жестокой реальностью, что окружает нас от рождения и до самой смерти, он переставал улыбаться. Забывал как это делается, и вспоминал лишь в одном — самом страшном — случае, когда на губах его расцветала кошмарным цветком сардоническая усмешка.

Дважды в неделю меня отправляют мыться. Всегда так, чтобы мой визит в купальню не совпал, не приведи Господь, ещё с чьим-либо. Я удивляюсь, как монахи ещё не сжигают её всякий раз после того, как я там помоюсь, чтобы отстроить заново для чистых. Всякий раз во

время моего омовения в купальне пахнет ладаном, наверное, её тщательно окуривают, прежде чем пустить меня, да и после — тоже. И молитв читают столько, что на несколько служб хватит. Я не виню аббата в таких мерах предосторожности. Даже не знаю, как сам поступил бы, окажись на его месте.

Я гляжу на свои руки и грудь, когда моюсь. Они расписаны синими татуировками, так что кожи под узорами и молитвенными письменами почти не видно. Многие моряки позавидовали бы такому шикарному набору, пускай и весьма нестандартному. Смотреться в гладкую поверхность воды в тазу меня совсем не тянет. Без этого знаю, что Романо отлично сделал свою работу, и зло, живущее во мне, запечатано прочно.

Я знаю, что мог бы теперь покинуть монастырь, что я уже не опасен для обывателей. Да только кто же выпустит меня. Даже запертое зло остаётся злом, а всякий запор можно взломать. Снаружи или изнутри. Кто же поверит бывшему главарю рейдеров, что он не попытается воспользоваться заключённой в его теле силой? Рейдерам, иудеям и цыганам верить как-то не приятно.

Да и говоря по чести, я не хочу никуда уходить. Мне достаточно комфортно здесь, за стенами аббатства Святого Михаила Архангела. У меня есть всё, что нужно для жизни, и даже немного сверх того. Ведь я не монах и не послушник, а потому кое-какие маленькие радости мне всё же дозволены. Аббат закрывает на них глаза. Он человек сурового нрава, но достаточно умён, чтобы понимать — аскеза не для всех, и того, кто не принял её добровольно всею душой, принуждать не стоит.

Раз в месяц, примерно, он приглашает меня для беседы. Не вызывает к себе, а именно приглашает. Я знаю, что могу отказаться, но никогда не делаю этого. Наши беседы за игрой в шахматы хоть как-то разнообразят мою жизнь в монастыре. Я не жалею, нет, но от одиночества в компании одних только книг всё же устаёшь.

В тот день, ранней, но очень тёплой весной, меня пригласил к себе аббат. Монах, пришедший за мной, не принёс ни книг, ни еды, но я не обратил на это внимания. Меня куда больше интересовала предстоящая беседа и продолжение шахматной партии, начатой месяц назад. Она будет в каком-то смысле решающей для нашего с аббатом противостояния на клетчатой доске. У каждого в активе было равное количество побед и поражений. Хотя аббат и мог свести эту партию вничью, но я всеми силами старался не дать ему сделать этого. И свои шансы на победу я расценивал как весьма неплохие.

Однако войдя в кабинет аббата, я сразу понял, что нашей игре пришёл конец. Нам обоим поставили шах и мат. Хозяин кабинета стоял лицом к большому окну, разглядывая внутренний двор монастыря, как будто видел его впервые. Он обернулся ко мне и кивнул, приветствуя, но говорить ничего не стал. Говорить сегодня будет сидящий в деревянном кресле аббата за его столом инквизитор Тосканы прелат Лафрамбуаз.

Я знал его лично, и не могу назвать наше знакомство приятным. И, конечно же, не ждал от этой встречи ничего хорошего.

— Вы ничуть не изменились, Рейнар, — произнёс он. — Так и не стали походить на нечистого.

— Видимо, это святое место как-то влияет на мой облик, — пожал плечами я. — Здешние монахи весьма сведущи в искусстве врачевания ран, — позволил я себе довольно опасную реплику.

Особенно опасна она была в разговоре с таким человеком как Лафрамбуаз. Ведь этот человек одним мановением руки может отправить меня на костёр. Без суда и следствия.

Ведь я — нечистый, а потому виновен в глазах Господа, и должен умереть. Однако у инквизитора на меня свои планы. Недаром же меня, едва живого после допросов в заново отстроенном в Авиньоне замке Святого Ангела, привезли сюда, а не отправили на костёр. Поэтому до поры я могу даже дерзить инквизитору Тосканы, мне всё простится. И этим я был намерен воспользоваться в полной мере.

— Душу твою, Рейнар, даже тут исцелить не удалось, — покачал головой в явно притворной печали прелат. — Всё тех же бесов зрю я, что и прежде.

— Тьма и зло в моей души надёжно запечатаны, — ответил я, — а если вы о бесах дурного характера, то родители не зря выбрали мне такое имя^[7].

— Смирение, — не оборачиваясь, бросил через плечо аббат, — вот чему я старался научить тебя, вот к чему призывал в наших беседах. Однако тщетно. Ты всякий раз оставался глух.

Не припомню ничего похожего в наших беседах, но ясное дело аббат старается показать Лафрамбуазу, что и сам тоже пытался изменить меня к лучшему. Его можно понять, визит инквизитора никому не сулит ничего хорошего. Будь ты хоть нечистый, хоть аббат.

— Смирению учат не беседами, — также, не поворачивая головы в сторону того, к кому обращается, бросил прелат. — Однако в отношении тебя, Рейнар, уверен, даже наиболее действенные из методов не возымеют эффекта.

Я не горел желанием проверять его слова, а потому предпочёл промолчать.

— Именно потому, во многом, выбор мой пал на тебя, — продолжил Лафрамбуаз. — Мне известно, что тьма и зло заперты в твоей душе достаточно надёжно, а потому пришла пора тебе приниматься за то дело, что я приуготовил тебе.

Ну вот, пришло моё время. Так и знал, что долго сидеть в монастыре мне не дадут, однако не думал, что всё произойдёт настолько скоро. Ведь и полугода не прошло с тех пор, как меня доставили сюда.

— Аббат сообщил мне, что ты не бросаешь тренировок и поддерживаешь своё тело в достаточно хорошей форме. Меня радует, что ты делаешь это, потому что боевые навыки тебе очень пригодятся.

Конечно, не обратить внимания на то, чем я занимаюсь во время коротких прогулок, позволенных мне в середине дня, достаточно сложно. Вряд ли во внутреннем дворе, куда меня выводили под бдительным оком двух экзорцистов^[8], кто-либо ещё выдавал такие замысловатые коленца. Мне сложно было тренироваться без оружия, но так всё же лучше, чем совсем никак. Я отлично понимал, что когда-нибудь мне придётся покинуть пределы аббатства, и совсем терять навыки нельзя.

— Тебе предстоит отправиться в Шварцвальд, представляешь себе где это?

— Довольно условно, — честно ответил я. — Слышал в своё время, что это довольно дурное место со скверным народом, который плохо признаёт над собой чью-либо власть. Ещё вроде о нём упоминал кто-то из римских историков, он называл его Marciana Silva, пограничным лесом с какими-то германскими племенами.

— Второе не имеет значения, — отмахнулся Лафрамбуаз, — а вот насчёт первого очень верно подмечено. Это скверное место со скверным народом. Недавно там случилась новая вспышка чумы, однако мы не успели вовремя принять меры. Владелец Шварцвальда, вильдграф^[9] Гильдерик, слишком поздно сообщил в ближайшее командорство Братства бездушных^[10]. Хуже того, вспышка чумы привела к массовому восстанию черни, и теперь

восставшие контролируют большую часть этого региона. Братством бездушных установлен карантин вокруг всего Шварцвальда, однако на большее сил у него пока недостаёт.

— Что же мешает объявить ордалию и направить её против восставших? — поинтересовался я с самым невинным видом.

— Этим уже занимается курия инквизиции Рейнского епископата, — заверил меня Лафрамбуаз, — и рыцарей, равно как и простых солдат, готовых рискнуть жизнью во имя Господа, а также не боящихся чумы, по всей Европе находится более чем достаточно. Однако всякая ордалия дело небыстрое, и пока она собирается и готовится, ты должен будешь сделать своё дело.

Я приготовился внимательно слушать.

— Ты должен проникнуть в Шварцвальд — пропуск через кордоны бездушных у тебя будет — и узнать, кто стоит за восстанием черни. А главное, какие именно цели оно преследует на самом деле? Узнать судьбу вильдграфа и его сыновей, ибо такое владение не должно оставаться без хозяина.

— А что если чернь восстала сама? — предположил я. — К примеру, из-за того, что вильдграф был скверным хозяином этой земли. Он ведь не доложил вовремя о вспышке чумы, а это говорит о нём далеко не лучшим образом.

— Это может быть и так, — не стал спорить Лафрамбуаз, — но я уверен, что нерадивость ландграфа Гильдерика тут ни при чём. Возможно, он своими действиями ухудшил ситуацию, но корни её лежат глубже. И ты должен отыскать их, Рейнар.

— Откуда столько доверия? — задал я главный вопрос, который мучил меня с самого начала разговора. — Я ведь, как ни крути, бывший рейдер, нечистый, проклятый Господом, и, по всей видимости, даже мук чистилища недостойный. И всё же, я не умер в очистительном пламени, более того, мне поручают весьма важную миссию. Я хочу знать почему, прежде чем соглашусь.

— А ты думаешь, что можешь отказаться? — приподнял тонкую бровь инквизитор. — От очистительного пламени тебя отделяет весьма тонкая грань, поверь мне, Рейнар. Ты можешь сгореть сегодня же, в том самом дворе, на который столь внимательно смотрит аббат. Не желаешь и ты взглянуть?

Он сделал приглашающий жест, и я подошёл к окну. Аббат посторонился, давая мне подойти поближе, чтобы лучше увидеть внутренний двор монастыря.

А там люди инквизитора — их легко можно было узнать по серым камзолам и колетам — споро готовили всё для аутодафе. В центре двора уже поставили высокий столб с цепями, а под ним раскладывали вязанки дров. Старающиеся держаться от них подальше немногочисленные монахи, перебирали чётки и, склонив головы, молились.

— Дорогой нам попался заразитель, — пояснил Лафрамбуаз, — на него указали жители нескольких окрестных деревень. Всюду, где являлся он, начиналась чума. Так как эти земли принадлежат аббатству, то вспышку эпидемии удалось предупредить. Бездушные вовремя приходили в деревни вместе с врачами. Я не мог отказать в просьбе изловить тварь, и когда мне это удалось, привёз сюда, чтобы придать огню в сем святом месте.

Я отошёл от окна, снова встал напротив стола, за которым сидел Лафрамбуаз.

— Кстати, я хотел бы, чтобы ты, Рейнар, взглянул на заразителя. Хотелось бы избежать роковой ошибки.

— Так ли это важно? — пожал плечами я. — Даже если умрёт невинный, его душа немедленно отправится к Господу, кратчайшим путём.

— Верно, — согласился инквизитор, — но я не желаю отягощать свою душу смертью невинного, а что ещё важнее — не хочу впасть в грех самоуверенности. Ведь если схваченный моими людьми не заразитель, но настоящий сеятель чумы остаётся на свободе, и тогда я должен буду немедленно продолжить охоту на него.

— Конечно, я взгляну на заразителя, чтобы не подвергать вас такому испытанию, — кивнул я. — Но для чего было показывать мне место его будущего аутодафе?

— Дров в вязанках у меня с собой достаточно, чтобы сжечь не одного только заразителя.

— В случае моего отказа?

— В случае если ты, Рейнар, не пожелаешь доказать мне, что ты остался человеком, что и для тебя есть возможность спасения не только через очистительное пламя костра.

Я вспомнил суровый взгляд юного монаха Пьетро, глядящего на меня с фрески, и Спасителя, всякий раз как будто отводящего глаза. Есть ли и в самом деле спасение для меня? Или, может быть, костёр лучший выбор? Или может расплести верёвку, которой подпоясано моё санбенито^[11], и даровать самому себе лёгкую смерть раскаявшегося? А там пускай жгут уже мёртвое тело. Моей отравленной тьмой и порчей душе грех самоубийства не столь уж страшен — вечных мук ада мне не избежать.

— Что ж, идёмте, взглянем на пойманного вами заразителя, — сказал я, чтобы избавиться от глупых мыслей.

— Идём, — кивнул Лафрамбуаз, поднимаясь из-за стола.

Самое неприятное в заразителях то, что они ничем не отличаются от обычных людей. Даже на больных чумой не особенно похожи. Никаких чёрных губ и ногтей, ни кругов под глазами, ни паутины вен по всему телу, даже кожа их не отдаёт и каплей той мраморной белизны, что характерна для нечистых. Нет, без самой серьёзной проверки заразителя от обычного человека не отличить.

Самое же отвратительное, что они соглашались на эту работу сами — добровольно. За время заключения в монастыре Пассиньяно мне довелось увидеть не одного заразителя. Их приводили в аббатство для окончательной проверки, вроде той, что хочет учинить над подозреваемым прелат Лафрамбуаз. Я допрашивал всех, и никто не смел лгать мне, такова была природа моего проклятья, и ни один не ответил, что его принудили. Все, абсолютно все, сами согласились делать это чёрное дело — за деньги ли, на которые рассчитывали купить всё и всех, или просто из ненависти ко всем вокруг, начиная с собственных соседей.

Именно поэтому из всех тварей, порождённых чумой, я больше всего ненавидел именно заразителей.

Подозреваемый сидел в крытом возке без окон. Он ничего не мог видеть изнутри, однако догадывался о грядущей судьбе. Стук молотков и треск хвороста, стаскиваемого к основанию недавно установленного столба, были отлично слышны.

Меня сопровождал сам инквизитор с парой особо доверенных слуг. Вид они имели самый откровенно бандитский, и явно куда чаще брались за висящие на поясах grosmessеры^[12], нежели за крест или Библию.

Как только открыли дверцы возка, изнутри на меня пахнули отвратительным смрадом. Человека внутри продержали не один день, прикованным за руки и ноги к стенкам возка. Да и прежде он явно не отличался особой чистоплотностью, одежду его покрывали грязные пятна до такой степени, что определить цвет этих лохмотьев было уже невозможно.

Однако куда отвратительней для меня был вовсе не «аромат», исходящий от

подозреваемого. Одного взгляда на него мне было достаточно, чтобы понять — этот человек и в самом деле заразителен. Два намертво сплавленных в моей душе проклятия зашевелились клубком ледяных змей, заставив меня на мгновение скривиться. Однако я быстро взял себя в руки и шагнул внутрь возка, стараясь дышать ртом.

— Ты! — тут же взвыл заразителен и забился в цепях так, что звенья зазвенели. — Слуга Господина! Почему ты тут?! Почему с ними?! Почему предал?!!

— Это ты предатель, — ответил я, преодолевая отвращение и протягивая руку к лицу заразителен. — Ты предал всё, что было в тебе от человека. Продав душу дьяволу из Константинополя за тридцать сребреников.

— Плевать мне на серебро! — выпалил бьющийся в цепях заразителен. — И на золото плевать! Я хотел, чтобы меня боялись! Хотел всем показать! Они не ставили меня ни во что! Я унижался перед ними! А потом они начали умирать! И только я — я! — знал, отчего онидохнут! Я убивал их всех!

Выходит, этот был из породы ненавидящих. Хотя это было понятно с первого взгляда на плюгавого, грязного и почти лысого мужичонку, висящего на цепях слишком толстых и прочных для его тонких рук и ног. Такого презирали, наверное, с самого детства, вот и вырос не в человека, а в уроду с мелкой душой. Подобные ему на всё готовы лишь бы хоть чуточку возвыситься над соседями, которых ненавидят всеми фибрами своей крохотной, но очень злой души.

Я положил руку на скривившееся от боли лицо заразителен, и тот закричал. Так не кричат даже те, кого пытаются огнём. Видимо, боль, терзающая слуг константинопольского султана от одного моего прикосновения, просто запредельна. И её не в силах выдержать такие вот мелкие рабы, вроде этого заразителен. Кожа начала слезать с его лица, остатки волос выпадали целыми клоками. Заразителен стиснул кривые, редкие зубы, но они начали крошиться. Ещё немного и глаза вытекут мне прямо на ладонь.

Но я не стал доводить до того — отпустил заразителен раньше. Обессиленный, он повис на цепях. Из рта его тонкой струйкой стекала на подбородок кровь пополам с чернилами. Явный признак проклятого и нечистого. Вполне достаточный мотив, чтобы отправить его на костёр.

Я покинул возок, и слуга инквизитора тут же прикрыл дверь.

— Достаточно? — спросил я у Лафрамбуаза, как обычно, внимательно наблюдавшего за допросом. Хотя в этом случае и спрашивать не пришлось, заразителен всё сам выдал.

— Вполне, — кивнул прелат. — У меня было мало сомнений насчёт этого человека, однако вы рассеяли последние.

— Можно просьбу? — попросил я. Инквизитор кивнул, приглашая меня озвучить её. — Полейте дрова водой. Не хочется, чтобы эта тварь умерла лёгкой смертью.

Лафрамбуаз глянул на меня так, будто впервые увидел. На мгновение мне показалось, что он готов улыбнуться. Он снова кивнул и заметил:

— А из тебя вышел бы неплохой инквизитор.

— При других обстоятельствах, — ответил я.

Я не отказал себе в удовольствии полюбоваться на смерть заразителен в очищающем пламени костра. Слуги прелата знали своё дело, и горела тварь долго, не задохнувшись в дыму. Заразителен вопил от боли, бился в крепко держащих его цепях. Однако всякий раз, когда он видел среди наблюдающих за казнью меня, взгляд его, затуманенный болью, прояснялся. И наполнялся диким, животным, страхом. Ведь я мог прикончить его куда более

мучительно, и смерть в языках пламени была для него и в самом деле милосердной.

Наконец, огонь поглотил нечистую тварь. Какое-то время ещё слышны были его крики и звон цепей, но вскоре затихли и они. А после пламя спало, оставив лишь обгоревший труп, прикованный к столбу. Ещё один заразитель принял смерть в огне.

Слуги инквизитора аккуратно собрали его останки, чтобы зарыть в землю на особом кладбище, где до него не доберутся другие рабы константинопольского султана, а после перепахать её с солью, чтобы окончательно избавиться от заразы. Ведь ей-то пламя не столь уж страшно.

А уже на следующее утро я, уже переодевшись в мирское платье и повесив на пояс оружие, заглянул попрощаться к аббату.

Тот ждал меня в своём просторном кабинете. На столе стояла знакомая шахматная доска с ожидающими моего хода фигурами.

— Не убирайте их, — попросил я, после того как аббат благословил меня. — Я вернусь в обитель, и мы доиграем нашу партию.

Я припомнил, какой именно хотел сделать ход, и переставил королевскую пешку на одну клетку вперёд.

— У меня будет достаточно времени, чтобы обдумать партию, — заметил аббат. — В стенах обители Святого Михаила Архангела тебе всегда будут рады, Рейнар.

— Благословите меня на то дело, что поручил прелат, — попросил я, опускаясь на колени перед аббатом.

Тот возложил мне на голову обе руки и зашептал молитву. Я же повторял её вслед за ним одними губами:

— Sub tuum praesidium confugimus, sancta Dei Genetrix: nostras deprecationes ne despicias in necessitatibus: sed a periculis cunctis libera nos semper, Virgo gloriosa et benedicta. Domina nostra, mediatrix nostra, advocata nostra; tuo Filio nos reconcilia, tuo Filio nos commenda, tuo Filio nos repraesenta^[13].

После я поднялся на ноги, и аббат перекрестил меня, произнеся:

— In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen. Ступай с миром, сын мой.

Я поклонился ему на прощание, и вышел из кабинета. Не прошло и четверти часа, как я верхом покинул монастырь Пассиньяно, ставший мне домом на несколько так быстро пролетевших, месяцев.

До города Лукка — столицы Тосканы, где находилась резиденция прелата, я добрался легко и быстро. Даже не заметил особенно, как миновал почти треть отмеренного мне пути. Путешествовать в немногочисленной свите Лафрамбуаза было достаточно просто, что и не удивительно. Инквизитор выбирал для себя лучшие постоянные дворы, что могла предоставить ему Тоскана, и, конечно же, никто не смел ему отказать. Как ни странно, платил Лафрамбуаз, а точнее его доверенный слуга, распоряжавшийся деньгами, достаточно щедро. Хотя, как я знаю по личному опыту, многие клирики обычно пренебрегают такой мелочью, как оплата счетов. Даже самых разорительных. В лучшем случае оставляют расписки, с которыми хозяева постоянных дворов идут в местную церковь, где получают вовсе не золото, а индульгенции или бесплатную исповедь или просто молитву во здравие.

Меня сильно удивило, что столь могущественный человек, как Лафрамбуаз, оказался не из этой породы.

Ещё удивительней оказалась свита прелата. По большей части это были ребята вроде меня. Крепкие, не чуждые хорошей выпивке и хорошей драке. Все, как один, из бывших вояк, по тем или иным причинам отошедшие от ратных дел. Прежде все они служили разным господам, и вполне возможно сталкивались друг с другом на поле боя, теперь же служба прелату Тосканы объединила их.

Роднила их одна черта — все они были удивительно неразговорчивыми людьми, что меня вполне устраивало. Я и прежде не особо жаловал пустую болтовню, подбивая себе в команду тех, кто как и я предпочитает дело слову.

Немногочисленные клирики, сопровождавшие прелата, также не сильно отличались от слуг-мирян. В их осанке и манере держаться чувствовалось военное прошлое. У всех их руки были в крови. Уж у меня-то глаз на такое намётан за годы рейдерства в городах. В рейдерские фактории другие люди попросту не совались.

Всю дорогу я, как правило, шагал пешком, ведя выданного мне спокойного мерина в поводу. Кorteж инквизитора двигался не быстро, и я вполне мог позволить себе полюбоваться окрестностями.

Всегда любил осень. Особенно позднюю, как сейчас. Когда облетают последние листья октября, но ещё не пришли первые ноябрьские холода. С моря ещё дует тёплый ветер, и даже по ночам можно сидеть без костра — не замёрзнешь. Да и мертвецы в эту пору самые спокойные. Потому и удалось прелату так легко изловить заразителя. Те, кто умер от его прикосновения, ещё долго, до самой весны не поднимутся из могил, чтобы нести смерть. А вот начини он творить своё чёрное дело весной, или хуже того летом, уже через неделю в этом регионе начался бы настоящий хаос, и Братство бездушных оцепило бы его непроницаемым кольцом карантина.

Несколько раз за время поездки инквизитор приглашал меня в свою карету. Снаружи его экипаж совершенно не соответствовал высокому статусу сидящего внутри — никакой вычурности и украшений, лишь Спаситель на кресте и лилия, как знак принадлежности Авиньонской церкви. Внутри карета была достаточно комфортной, но это объяснялось скорее тем, что прелат много времени проводил в дороге, потому никакой скрытой от глаз роскоши за её деревянными стенками не было. Только самое необходимое для долгих

путешествий.

Лафрамбуаза всегда сопровождал его самый доверенный слуга. Человек, удивлявший меня больше всех остальных. Как минимум тем, что я был с ним неплохо знаком ещё с тех пор, как занимался рейдерством в покинутых городах. Иудей с немужским именем Гедалия имел самую типичную внешность представителя этого народа. Среднего роста, с короткой бородкой, длинными волосами. Он носил тёмную одежду, был опрятен и не скрывал жёлтой шестиконечной звезды, нашитой прямо на груди согласно закону. Он и в прежние времена носил её едва ли не с гордостью, хотя уже тогда вполне мог позволить себе платить за то, чтобы не украшать одежду этим символом. Закон ведь позволяет. Именно Гедалия всякий раз расплачивался по счетам прелата и вёл все переговоры с торговцами и хозяевами постоялых дворов.

— Так ты считаешь, что заразитель начал своё дело не вовремя? — поинтересовался у меня, выслушав выводы, Лафрамбуаз.

— Скорее, ему просто не повезло, — покачал головой я. — Он работал на будущее. Даже один такой заразитель способен отправить в могилу никак не меньше сотни человек в месяц. С учётом того, что разносчиками чумы станут и первые умершие от неё. Будет введён карантин, но заболевание вполне могут списать на обычную вспышку эпидемии, а не умышленные действия. Трупы свалят в общие могилы и засыплют известью, чтобы не допустить распространения заразы, и до весны они там пролежат вполне спокойно.

— А весной, — сделал вполне логичный вывод Лафрамбуаз, — в регионе начнётся крошечный ад.

Это ещё мягко сказано, но перечить инквизитору я не стал. Думаю, он и сам отлично понимает всю меру опасности, которую ему удалось предотвратить.

— Гедалия, оставь нас, — велел он иудею, и тот не сказав ни слова против, вышел из притормозившей кареты. — А ты, Рейнар, слушай меня очень внимательно. Повторять я не стану, и без того не знаю, стоит ли тебе доверять то, что я скажу, но выбора у меня нет. Не стану страшить тебя карами за длинный язык, ты и сам человек достаточно умный, и тайны хранить умеешь.

Мне чертовски не понравилось вступление Лафрамбуаза. Очень захотелось выскочить из кареты вслед за Гедалией.

— В конце лета этого года в Донаушгадте соберутся правители всех христианских королевств Европы, чтобы положить конец эпохе раздора и начать совместную борьбу как с мертвецами, так и с теми, кто стоит за ними. Сам понимаешь, что Гранаде и особенно Константинополю это будет совсем не на руку, и они пойдут на всё, лишь не допустить объединения христианских королевств.

— Даже станут действовать заодно? — скептически поинтересовался я.

— О них ничего достоверно неизвестно, — пожал плечами Лафрамбуаз, — и вполне возможно, что слухи о вражде между государствами сарацин всего лишь вымысел, чтобы успокоить нас.

— Между ними лежит ещё Египет, где сарацин видеть вовсе не рады, несмотря ни на что.

— Разбираться в политике представь тем, кто в ней понимает больше твоего, Рейнар, — резко оборвал меня инквизитор, показывая, что ни о каких доверительных отношениях между нами и речи идти не может. — Не исключено, что действия этого заразителя, равно как и внезапная вспышка чумы в Шварцвальде предназначены, чтобы отвлечь внимание от

чего-то действительно важного.

— Атаки на Донауштадт?

— Ничего исключать нельзя, — пожал плечами Лафрамбуаз. — И если в Шварцвальде окажется кто-либо, знающий больше того ничтожества, что сгорело в Пассиньяно, ты должен добыть из него информацию.

— Задачи вы ставить умеете, — признал я.

— Посмотрим, как ты умеешь с ними справляться, — жёстко ответил инквизитор.

И сказал этими словами куда больше, нежели прозвучало.

Я не стал даже заходить в Лукку. Не люблю большие города, а нынешняя столица Тосканы разрослась до вполне приличных размеров, во многом благодаря расположенной здесь цитадели инквизиции. Это в эпоху чумы, когда мертвецы не желали лежать в могилах и бродили по улицам, сбиваясь в серые орды, люди бросились прочь из городов, и не объединялись в сколь-нибудь крупные поселения. Ведь скученность увеличивала шанс заболевания чумой, а значит, резко уменьшала шансы на выживание.

Однако опасности, как новые, принесённые чумой, так и прежние, вполне знакомые, вроде разбойничьих шаек, заставили людей снова собираться вместе. Жаться друг к другу, отгораживаясь от всего мира высокими стенами. Вот только с гигиеной стало куда лучше — хоть какой-то урок из эпидемии чумы мертвецов люди сделали.

На месте прежних деревень, укреплений и маленьких городков вырастали новые полисы. А вскоре пришло время и для новых королевств, где порядки не так уж сильно отличались от прежних.

Оставив коня слугам инквизитора, я обогнул Лукку по большой дуге и вечером того же дня сел в дилижанс, едущий на север. Перед прощанием, которое оказалось предсказуемо коротким и холодным, Гедалия выдал мне довольно приличную сумму серебром, а также сообщил, что на моё имя открыт счёт в банке ломбардцев, которым я могу распоряжаться вольно, хотя и в разумных пределах, конечно же.

— За траты с этого счёта с тебя буду спрашивать лично я, — заверил меня иудей со всей серьёзностью, с какой этот народ относится к денежным делам.

— Как ты оказался в свите монсеньора Лафрамбуаза? — решил-таки перед прощанием спросить у него я.

— Ты верно не знаешь, что не только твоя команда погибла в ту проклятую ночь, — ответил он. — Вся фактория была уничтожена мертвецами и крысолюдами^[14]. Монсеньор спас в ту ночь не тебя одного, и я поклялся служить ему верой и правдой до конца дней моих.

За проезд в дилижансе пришлось как следует раскошелиться. Ведь ехать придётся через не самые спокойные земли. Конечно, те, кто ехал до Специи и Пармы платили не так уж много, а вот желающие катить дальше, уже должны были основательно подумать, надо ли оно им. Ведь единственный маршрут вёл мимо одного из старых городов, давно уже получивших название городов скорби, а до эпидемии называвшегося Милан.

Когда-то я начинал свою карьеру рейдера в фактории близ этого богатого города. Мы тащили оттуда всё, что плохо лежало, временами нагнали настолько, что отправлялись на промысел с телегами, чтобы сподручней было вывозить отлично сохранившуюся мебель из господских домов.

Теперь же хозяин дилижанса честно предупредил меня, что вполне возможно дальше

Пармы он не поедет, предпочтя повернуть обратно.

— Верный маршрут, скажу я тебе, — сообщил он мне, принимая плату. — Через кантоны в Германские княжества мало желающих кататься в последнее время. Чума в Шварцвальде отвадила последних.

— А где стоят карантинные команды бездушных? — поинтересовался я у него.

— Да почитай у спуска с гор и стоят, — пожал плечами владелец дилижанса, — потому никто особенно туда не стремится. В чумную землю лезть охотников нет теперь. Но и до кантонов ездят сейчас немногие, слишком уж дорого выходит мимо города скорби кататься. Сам знаешь, путник, там не золотом плату стребуют, а кровью и душой.

— Значит, хотя бы до Пармы прокачусь, — пожал плечами я, — а там видно будет.

Вопросов задавать хозяин дилижанса не стал, однако я уверен, он отправит мальчишку в резиденцию инквизитора с сообщением о странном человеке, желающем добраться до чумных земель.

Не прошло и часа, как я устроился на жёстком сидении дилижанса. Моими соседями были купец явно иудейской наружности, но без жёлтой звезды — то ли выкрест, то ли достаточно богат, чтобы платить подать, указанную в законе, его охранник, бряцающий впечатляющей коллекцией оружия, и шумное семейство, состоящее из отца с матерью и парочки непоседливых детишек лет семи, не старше. Похоже, скучать в дороге мне точно не придётся.

И мои опасения полностью подтвердились. Детишки болтали без умолку, так что вскоре у меня разболелась от них голова. Я слишком привык к тишине и покою монастыря, чтобы долго терпеть их визгливые голоса и тыкающие то и дело в окно пальцы. «А погляди, папа...», «А смотри, мама...», и всё в том же духе. Сидевший рядом со мной купец то и дело поглядывал на меня таким понимающим взглядом, мол, и сам мучаюсь, да что поделаешь с этими детьми. Отец семейства несколько раз грозно прикрикивал на свои чада, но хватало его окриков ненадолго. Слишком уж живым характером те обладали.

— Они у меня такие, — попытался извиниться за детей отец, однако в голосе его явно сквозила гордость, — и мертвеца доведут своим любопытством.

Я решил воспользоваться моментом и завёл с ним разговор. Обычно детишки имеют привычку прислушиваться к беседам взрослых, как будто это делает их самих чуточку взрослее. Не ошибся я и в этот раз. Стоило нам заговорить, как оба ребёнка тут же замолчали, уставившись на нас круглыми глазами.

Оказалось, отец семейства был родом из кантонов, и возвращался домой.

— Попытал счастья на чужбине, — охотно делился он, — да много добра не нажил. Немного везу я в родную деревню.

— Ах немного, — тут же грозно глянула на него супруга. — А кто мне клялся, что я — твоё самое большое сокровище?!

Кажется, это была какая-то игра, понятная только внутри семьи, и играли они её далеко не в первый раз.

— Конечно же, дороже тебя у меня ничего нет, — замахал руками отец семейства, — разве что наши дети. Разве они не настоящие сокровища, а?

— Ты стал настоящим весельчаком, как я погляжу, — неожиданно встрял охранявший купца наёмник. — Это женитьба на тебя так повлияла?

— Я был сержантом алебардщиков — самое большое моё достижение в военной службе, — кивнул отец семейства. — Стоял в первой шеренге баталии, когда войска герцога

Савойского отражали атаку серой орды. Дрался в Пьемонте за тамошнего графа, уже и не помню против кого из его соседей. Воевал и в этих землях, когда во время Ярмарки мертвецов в Лукке слуги константинопольских некромантов устроили побоище, протаскив в город несколько сотен своих солдат под видом карнавальных покойников. Это, наверное, было самое жаркое дело. Именно тогда я понял, что пора завязывать с жизнью наёмника, и твёрдо решил остепениться.

— И вспомнил-таки дорогу в мой дом, — упрекнула его супруга, но скорее по привычке.

— Я сундуков добра не нажил ещё и потому, — ничуть не стесняясь её присутствия, подмигнул нам отец семейства, за что тут же заработал тычок в бок от жены, — что отправлял большую часть заработка супруге.

— А оставшееся пропивал и проигрывал в кости!

— Я был наёмником, женщина, — притворно возмутился отец семейства. — Чем же ещё мне было заниматься в мирные дни? Но скажи, рейтар, откуда ты знаешь меня? Я твоего лица не припомню.

— Не рейтар, пистольер, — поправил его охранник. — Я служил в кавалерии графа Лигурийского во время его конфликта с Пьемонтом. Я отлично запомнил твоё лицо — ведь оно было последним, что я видел перед ударом алебарды.

— Не ударь я первым, — примирительно развёл руками отец семейства, — ты бы разрядил мне в лицо пистолет.

И двое остепенившихся наёмников принялись вспоминать минувшие дни, и битвы, где когда вместе, а когда порознь, а когда и на разных сторонах, рубились они. Всё лучше, чем детская трескотня.

— А вы, мессере, — обратился ко мне отец семейства, — у вас достаточно воинственный вид. Сразу заметно, что вы умеете обращаться с оружием. Вы тоже из наёмников?

— Я скорее просто путешественник, — покачал я головой. — У меня было много занятий, но наёмником не был ни разу.

О своём истинном роде занятий я предпочитал не распространяться. Рейдеров не любили в прежнее время, а сейчас меня запросто могли потащить на костёр за одно упоминание о том, что я бывал в покинутых из-за чумы городах.

— Вы не похожи на странствующего учёного, — пожал плечами отец семейства, кажется, я понимаю, в кого пошли характером детишки.

— Не люблю города, — ответил я, скрывая одну правду под другой. — Когда мне было не больше лет, чем вашим детям, в моём родном городе началась чума. Потом говорили о заразителе и кознях некромантов... Мы с семьёй бежали одними из первых, к каким-то родственникам в деревню. С тех пор я и не люблю города, слишком много людей для меня.

Супруга бывшего наёмника охнула и перекрестилась. Не знаю уж, чем так сильно напугала её моя самая обыкновенная история. Однако каким-то образом именно она положила конец пересудам, и до вечера, когда мы прибыли в Специю, в дилижансе царила тишина.

— В Парму отправляемся завтра утром, — сообщил хозяин дилижанса, когда все мы вышли из него. Вместе с нами он и кучер разминали затёкшие спины и ноги. — Эту ночь рекомендую провести в таверне «Тёплый бриз». Лично я там останавливаюсь всякий раз. В трактирии при ней отменно кормят, и обсчитывать гостей города не принято.

Он подмигнул нам, мол, вы понимаете, что в других местах вас как липку обдерут. Уверен, хозяин дилижанса имеет долю в этой таверне и трагтории, но меня не тянуло гулять по городу, и я воспользовался его рекомендацией. Благо, заведения располагались в двух шагах от конюшни, где остановился наш дилижанс.

Столики на открытой площадке с видом на море пустовали по причине довольно прохладной погоды. Однако их не убрали совсем, наверное, хозяин трагтории надеялся на хорошие деньки. Я сел именно там — в общей зале было слишком людно, да ещё и накурено, а я терпеть не могу табачного дыма ещё с рейдерских времён. Им окуривали помещения в факториях, считалось, что он спасает от чумы.

Я не стал особенно думать над заказом. С дороги очень хотелось есть, и я просто бросил на стол серебряный флорин, велел подавальнице принести горячего, обязательно с мясом, и побольше пива. Сдачи, конечно, не дождался, хотя уверен, на серебряный я мог бы купить гораздо больше еды. Скандальить тоже не стал — чужие деньги тратить всегда легко. Что же до обещанного суровым иудеем Гедалией отчёта за каждый потраченный медяк, то я ведь могу и не дожить до новой встречи с ним.

Сумерки только начали опускаться на Специю, и я глядел с открытой площадки на прибрежные улицы. Город выглядел удивительно мирно. Как будто за его пределами не бушевала чума, не вымирали деревни и даже города, вроде этого. Не слонялись по дорогам мертвецы, сбиваясь в серые орды. В маленькой Специи всё было мирно, спокойно и уютно. На рейде стояли корабли с гордо поднятыми знамёнами новых королевств. Священной Римской империи, Тевтонии, Кастильской короны, герцогства Альба. Даже из Андалусии корабль был — какой-то торговец рискнул заплыть в христианские воды. Несмотря на мир с султанатом, он подвергал себя очень большой опасности, ведь ограбить его мог любой, никакой кары перед законом не понёс бы. Здесь карали лишь пиратов, осмелившихся нападать на корабли христианских держав.

По улицам то и дело носились шумные ватаги детишек. Глядя на них, я прикидывал, сколько там бегают сыновей и дочерей местных ремесленников с лавочниками, а сколько — юных воришек, обчищающих карманы и кошельки ничего не подозревающих горожан. Одну такую ватагу мне даже довелось увидеть в деле. Тощий мальчонка подлетел к юной даме, каким-то чудом миновав грозного охранника, успевшего замахнуться на него дубинкой. Я не заметил движения маленького ножа, однако как и все, видел последствия удара. С дамы упали юбки, обнажив стройные ножки, и не только. Даже охранник так и замер с занесённой над головой дубинкой. А в этот момент соратники тощего мальчишки стремительными движениями избавляли засмотревшихся на внезапно открывшиеся прелести юной дамы зевак от кошельков. Потом были крики, топот ног стражников, пощечины охраннику, стоящему с глупым видом, оглушительные свистки. Но детишек уже и след простыл.

Однако общее мирное впечатление портили крысоловы, крепко державшие в руках поводки со злыми терьерами и цверкшнауцерами. Кое-кто из собак держал в зубах свои трофеи, у других из пасти торчали только хвосты. И, конечно же, никто не смел и близко подойти к докторам, также прогуливающимся по улицам, стуча своими длинными тростями. Маски почти у всех были опущены на шею, а кто-то и вовсе не носил их. Однако нельзя не узнать врачей по их длинным, чёрным плащам и круглым шляпам — отличительному признаку профессии. Они напоминали, что чума куда ближе, чем кажется, и забывать о ней — непростительная глупость.

Я впервые за долгое время ночевал в нормальной комнате, на кровати, застеленной приличным матрацем, пускай и полным клопов. Я завернулся в тёплое одеяло — ветер с моря после заката задувал уже довольно прохладный — и почти сразу уснул. Не помешала даже непривычная мягкость ложа и подушка, из которой лезли перья. Но всё же лучше такая, чем свой же кулак или предплечье, как это было в монастыре.

Дилижанс отправлялся прямо на рассвете. Хозяин явно планировал добраться до Пармы до захода солнца, либо в крайнем случае проделать как можно меньший отрезок пути в темноте. Предусмотрительные подавальщицы тут же предложили нам купить еды в дорогу. Мясо и сушёные фрукты были завернуты в промасленную бумагу. Мы взяли с собой по одному, а кто и по паре этих свёртков, и разбавленного пива, чтобы не жевать всухомятку.

Не прошло и десяти минут, как дилижанс покинул Специю, и покатил на северо-запад, к Парме. Старая римская дорога пускай и не поддерживалась в идеальном порядке, как во времена древней империи, однако позволяла дилижансу развивать довольно приличную скорость. Кучер то и дело погонял лошадей, чтобы поспеть в Парму до заката. Этот отрезок пути были наиболее опасным в путешествии из Лукки в Парму. Здесь не было ни деревень, ни даже ферм. Местность была безлюдная, а потому одинокая повозка вполне могла показаться отличной целью разбойникам. С другой стороны, в безлюдных землях чаще всего сбивались в серые орды бродячие мертвецы — жертвы тех же разбойников с большой дороги. Здесь не было бездушных, а охотящиеся на бандитов егеря предпочитали не связываться с покойниками. Конечно, одного-двух они отрядом и порубали бы без потерь, а вот если их будет больше, предпочтут ускакать, благо ни одному мертвецу не сравниться в резвости с лошастью. Однако в таких опустевших из-за чумы землях встречались твари куда страшнее просто бродячих мертвецов, и вот они-то как раз не прочь были закусить всадником вместе с конём. А когда и дилижансом вроде нашего. И спасало лишь одно — большинство из них предпочитали не выбираться из своих логовищ при свете дня. Их временем была ночь — вот почему кучер нещадно погонял лошадей, а хозяин дилижанса на коротких остановках, не торгуясь, платил за свежих. Такая скорость передвижения и расходы, связанные с ней, конечно же, входили в стоимость проезда.

Но как бы ни гнали коней, добраться до Пармы раньше заката не удалось. Солнце скрылось за горизонтом, последние лучи его погасли, а мы всё ехали по старой римской дороге. На одной из остановок хозяин дилижанса вытащил из дорожного сундука мушкет и бандельеру с пистолетами. Все разговоры стихли сами собой, дети жались к матери с отцом, и не глядели больше в окна. Хотя занавески на них были убраны как раз для лучшего обзора. В левое теперь смотрел я, в правое — охранник купца. Бывший пистольер накинуд на плечи кольчужную пелерину, а на голову нахлобучил выдавший виды морион [\[15\]](#). Меня всегда удивляла привычка бывших вояк цеплять на себя доспехи при любой опасности. В битве от этого есть толк, а вот при нападении на дилижанс они ведь будут только мешать. Однако давать советы охраннику я счёл лишним — он ведь профессионал и знает своё дело, так что мне лучше не лезть. Отец семейства вытащил из кофра, поместившегося под сидением, длинный grosмессер в потёртых ножнах и положил себе на колени.

Стук копыт донёсся до нас издалека. Стальные подковы стучали по камням древней римской дороги. Тут же мы втроём подобрались, готовясь к возможным неприятностям. Охранник вытащил из-за пояса два длинных пистолета, проверил порох на полке и аккуратно положил оба себе на колени. Я поступил также со своим единственным пистолетом, вручённым мне одним из слуг инквизитора вместе с остальным оружием. Отец

семейства с мрачным видом проверил, легко ли выходит из ножен grosмессер.

Когда наш дилижанс начал замедлять ход, а после и вовсе остановился, все были уже на взводе. Не прошло и минуты, как его окружили всадники, ехавшие нам навстречу. Через окошко было сложно разглядеть кто это и сколько их. Однако все понимали — встреча на ночной дороге сулит мало хорошего.

— Господа, — появилось в окне круглое лицо свесившегося с седла всадника, — и дама, — тут же поправился он, — я имею честь приветствовать вас от имени герцога Пармы. Я — капитан Джентили, командир егерского отряда дальнего патруля. Раз уж вы встретились нам на дороге, то мы проводим вас до нашего гостеприимного города. Тем более что с хозяином вашего дилижанса нас связывают добрые отношения.

Капитан выпрямился в седле и скомандовал своим людям окружить дилижанс. Мы покатали дальше по дороге к Парме. Все расслабились, хотя убирать оружие ни я, ни охранник, ни отец семейства не спешили. Мало ли как всё обернётся — отряд егерей ещё не гарантирует полной безопасности путешествия ночью.

Однако нам удалось без происшествий добраться до Пармы. Моё путешествие выдалось удивительно спокойным. По крайней мере, его начало. Но что-то мне подсказывало, это спокойствие мне ещё аукнется, да так, что и сам не рад буду. Отчего-то всегда так — чем проще начинается дело, тем хуже оно закончится. И меня такое лёгкое начало путешествия в Шварцвальд откровенно пугало.

Глава 3

Опасные твари

Парма не понравилась категорически. Город был точно таким же, как тот, где я родился и прожил первые годы, пока вспышка чумы не уничтожила его полностью. Бездушные сожгли мой родной городок — я даже названия его не помнил — и, я почти уверен, та же судьба рано или поздно ждёт Парму. Город был слишком скученным и тесным, он весь старался поместиться за высокой каменной стеной, опоясавшей его в незапамятные времена. Да, она спасала от серых орд бродячих мертвецов и тварей, куда более страшных, но она была и его проклятием. Город рос не вширь, он поглощал всё свободное пространство внутри себя самого.

Парма была чудовищно грязной — в монастыре и я как-то отвык от неё, но сейчас мне в нос ударила вонь такой силы, что мне едва дурно не стало. По узким улочкам шныряли бездомные кошки и собаки, они то и дело дрались за жалкие остатки еды, что выкидывали из таверн и постоялых дворов. А вот этих самых таверн с постоялыми дворами в Парме было более чем достаточно. По большей части таких же грязных и тесных, как и весь остальной город.

Я не собирался задерживаться тут. Чума может вспыхнуть в Парме в любой момент, и тогда уже никого не спасут ни многочисленные доктора, патрулирующие улицы — здесь они, кстати, не снимали масок с длинными клювами, — ни солдаты Братства бездушных. Последние разве что после окончания карантина сожгут город, как поступили с моим родным, которого и на карте больше не осталось. И вряд ли о нём кто-то помнит сейчас.

Переночевали все мы на том постоялом дворе, где хозяин дилижанса оставил в конюшне своих лошадей. Все были настолько вымотаны поездкой, что ни у кого не возникло даже идеи поискать заведение попроще, или хотя бы подешевле. Мы просто валились с ног от усталости и нервного напряжения, не отпускавшего нас все последние часы пути. Те, что пришлось проделать после заката. К тому же из-за отсутствия остановок на последнем отрезке пути, всем нам пришлось весьма туго, и мы едва не выскочили из дилижанса, чтобы как можно скорее опорожнить мочевые пузыри.

А вот на следующее утро нас ждал крайне неприятный сюрприз. Хозяин дилижанса отказался ехать дальше, заявив, что возвращается в Лукку.

— Как это понимать? — удивился отец семейства. — Мы оплатили проезд до кантонов, и у меня лично нет желания проделывать его по большей части пешком.

— Господин купец со своим охранником ехали до Пармы, — пожал плечами хозяин. — И больше никто здесь на их места садиться не хочет. Оплату за проезд до кантонов я вам верну, как договаривались.

— Мне не нужно моё серебро, чёрт побери! — вспыхнул отец семейства. — Мы должны ехать дальше — вот что мне нужно! Мне и моей семье.

Я пригляделся к хозяину дилижанса, и понял, что мне не нравилось в его облике с самого утра. Он был попросту пьян, явно пил в этой самой общей зале постоялого двора и уснул тут же, на лавке, или на полу. А когда проснулся, и его нашли мы с вопросом: когда отправляемся? — из него далеко не весь алкоголь выветрился. И соображал хозяин дилижанса по этой причине довольно туго, иначе точно не пообещал бы вернуть деньги.

— С неполным дилижансом не поеду, — отрезал он, треснув кулаком по столу. — Я

себе в убыток работать не стану.

— Я оплачу два места, — бросил я, — если это так важно.

Хозяин дилижанса смерил меня долгим, непонимающим взглядом. Он явно решал, что бы теперь сказать, как скрыть истинную причину того, что он не хочет ехать дальше.

— Мертвому мне серебро без надобности будет, — решил-таки сказать правду хозяин дилижанса. — Милан зашевелился снова. Так сказали патрульные, а они врать не станут. Герцог потому и рассылает всюду своих егерей, чтобы защитить путников — власть свою показывает. Он всегда делает так — выкидывает деньги и людские жизни на такую вот показуху.

— Возможно, его показуха спасла нам жизни этой ночью, — мрачно бросил я, поднимаясь на ноги.

Уже ясно, что никуда мы дальше на этом дилижансе не поедem. Если отцу семейства хочется спорить, то пускай, а я лучше позавтракаю тут — за счёт хозяина дилижанса, раз уж он решил вернуть деньги за проезд, и как можно скорее отправлюсь в дорогу. Пешком, так пешком, раз уж ничего не попишешь.

Кормили на этом постоялом дворе на удивление прилично. Вот только ждать заказанную еду пришлось довольно долго, однако подавальщица сразу сообщила мне об этом.

— Печь только растопили как следует, — сказала она, мило улыбнувшись, и я понял, что она тут не одни тарелки с кувшинами разносит, — и придётся подождать.

— Сколько? — уточнил я.

— Ну, — притворно задумалась девица, приложив пальчик к пухлым губкам, — около четверти часа точно.

Это было уже откровенное предложение, на которое откликнулась моя плоть. Месяцы в темнице и монастыре заставили меня очень сильно соскучиться по теплу женского тела. Да и подавальщица была хороша собой. Вот только Парма произвела на меня слишком скверное впечатление, и я предпочёл не понять более чем явных намёков.

— Тогда принеси горького пива и чего-нибудь из холодного, — сказал я. — Это поможет мне скоротать время до нормального завтрака.

Подавальщица глянула на меня с явным разочарованием — я перестал для неё существовать как мужчина — и ушла на кухню, чтобы через несколько минут вернуться с подносом, на котором стоял кувшин с пивом и тарелка с холодными мясными закусками и сыром. Меня это более чем устроило. Вскоре, куда быстрее четверти часа, о которых говорила подавальщица, принесли и горячее. Я заказал ещё кувшин пива, и вышел с постоялого двора вполне довольный жизнью.

Я был готов к дальнейшему путешествию. Да, оно будет совсем непростым, однако в конечном счёте я был рад, что покинул монастырь. За его стенами, конечно, было спокойно, но в любой момент мог заявиться кто-нибудь, вроде инквизитора Тосканы, и отправить меня на костёр. Без суда, следствия или даже каких-либо объяснений, просто потому, что имел на это полное право. И жизнь под таким дамокловым мечом вовсе не сахар.

Вот только стоило мне ступить за порог постоялого двора, как всё хорошее настроение моё мгновенно улетучилось. И виной тому была вовсе не вонь города, ударившая в нос с новой силой. К ней я успел как-то притерпеться. Нет, настроение мне испортила картина, представшая моему взгляду. Отец семейства отчаянно торговался с высоким, светловолосым парнем, явно выходцем из тевтонских земель, об охране на пути до кантонов. Парень ломил

просто несусветную цену, однако постепенно уступал. Он явно был командиром небольшой ватаги наёмников, что всегда отирались рядом с постоянными дворами в надежде на любой случайный заработок. И очень редко заработки эти бывали праведными.

Вот и сейчас отец семейства не дал себе труда разглядеть всех людей, что собирался нанять. Ведь командир отряда выглядел вполне презентабельно, равно как и стоявший рядом с ним скандинав, ничуть не уступающий в росте, да ещё и превосходящий телосложением. Он внушительно опирался на двуглавый топор с длинной ручкой. А вот ещё трое охранников никакого доверия не вызывали. Типичное отребье, пускай и отмывшееся да нацепившее на себя дорогие дублеты, за которыми они правда совсем не следили, отчего даже хорошего качества одежда вскоре грозила превратиться в обычные лохмотья непонятного цвета. Эти ребята нанимаются в охрану только с одной целью — ограбить нанимателя за первым же поворотом дороги, вышвырнув его тело в канаву. А после вернуться в город и ждать следующего простофилю, готового купиться на благородную внешность тевтона и украшенные татуировками литые мускулы скандинава.

Я подошёл к отцу семейства и обратился к нему, крайне невежливо перебив пытающегося совсем не уронить цену тевтона.

— Я бы на вашем месте не доверял этим типам, — сказал я. — Эта парочка ещё что-то из себя представляет, но вы бы повнимательней пригляделись к их спутникам. Нанимаете-то всех разом, и с ними вам придётся ночевать у одного костра не одну неделю.

Как я думал, старавшиеся не показываться до того остальные наёмники тут же зашевелились. Вперёд выбежал тощий тип с кривыми зубами и повадками городского вора.

— А ты чего встречаешь-то, мил-человек? — тут же загнул он мне прямо в лицо, дыша кислым перегаром.

Скандинав с тевтоном предпочли отойти, отдавая тощему преимущество. Так что сразу стало ясно, кто тут на самом деле главный. Подался назад и отец семейства, быстрым движением передвинув вперёд свой гросмессер, чтобы удобней было достать.

Тощий тип эффектно сплюнул прямо на носки моих ботинок. Наверное, не один день тренировался, оттачивая этот навык.

— Ты, сталбыть, крутой тут самый, да? — поинтересовался он, подходя ещё ближе. — А ты хоть близко к городу подходил, хоть раз? К мёртвому городу, я в виду имею. К городу скорби, а? А по тракту гулял ножками? Ты ж городской красавчик, пижон! Сразу видать!

— А ты, видимо, настоящий матёрый волк с большой дороги, — кивнул я в ответ. — Упыря за милую чуешь.

— Так и есть, пижон, за милую учую! И стрелу ему промеж глаз пушу! Вот прямо сюды! — И он ткнул меня грязным пальцем в лоб.

— Ты упыря почувешь только когда он тебе горло грызть начнёт, если, конечно, позарится на такого ублюдка, как ты.

— Да ты чо такое...

Но я ещё не закончил, и без церемоний перебил его.

— Ты ведь даже моего ножа у своего сердца почуять не смог вовремя.

Тощий скосил глаза на грудь, однако оружия там не обнаружил, и тут же взгляд его опустился ниже. Он носил узкие бриджи с набитым ватой гульфиком в виде большого красного сердца. Наверное, с какого-нибудь ландскнехта снял — они такие украшения очень любят. Я на пару пальцев погрузил в него нож, кольнув тощего через ткань и вату.

— Бей его! — заорал тот, и это было большой ошибкой.

Я вогнал нож ему в пах по самую рукоятку, и тут же выдернул из раны, нанося широкий удар. Особо не целился, но был почти уверен, что не промахнусь. Оставшиеся наёмники взяли меня в полукольцо, пока тощий отвлекал разговорами и тычками, и сейчас одновременно ринулись на меня. Клинок ножа рассёк лицо ближайшему наёмнику. Он дёрнулся, прижав грязные пальцы к ране. Я же быстро шагнул к нему, сокращая дистанцию, и вогнал клинок в горло бандиту. Он рухнул на мостовую, захлёбываясь кровью.

А вот к третьему я развернуться уже не успевал. Наёмник обошёл меня грамотно, зайдя с левой руки, лишая меня возможности укрыться за оседающим трупом только что убитого бандита. Он вполне профессионально взмахнул grosmesserом, но ударить не успел. Грянул выстрел — и висок наёмника смялся, будто в него кувалдой ударили. На плечи его полетели кровь, ошмётки мозга и осколки кости. Он постоял пару мгновений, как будто не понимая, что уже мёртв, и осел на мостовую рядом с убитыми мной товарищами.

Я оглянулся посмотреть, кто стрелял. Оказывается в паре шагов от нас стоял охранник купца с дымящимся пистолетом в руке.

— Решил немного помочь вам, раз уж рядом оказался, — пожал он плечами, опуская оружие.

И тут раздался пронзительный свисток — к нам, наконец, пожаловал патруль стражи. Как всегда вовремя.

Переговоры с ними взял на себя отец семейства, опередив остальных. Он шагнул навстречу стражникам, подняв руки в примирительном жесте. Grosmesser свой он успел заранее сунуть в руки жене, и вид имел теперь самый что ни на есть располагающий к себе.

— Наконец-то вы появились, мессере, — явно лстя стражникам, обратился к ним отец семейства. — Эти разбойники устроили тут побоище на ровном месте, напугали мою супругу и моих детей.

Стражи порядка уже начали брать нас в кольцо, угрожающе опустив алебарды. Однако отец семейства без опаски подошёл к командовавшему стражниками капралу, и отвёл его в сторону, чтобы их разговора не слышали остальные. Через пару минут капрал велел привести меня и пистольера, и мы, совершенно не сговариваясь, полностью подтвердили слова отца семейства. Что бы тот ни наговорил, вряд ли его целью было очернить нас.

В итоге сошлись на том, что разбойники перебили друг друга, устроив свару непонятно из-за чего. Эта версия была подкреплена доброй горстью серебра, перекочевавшей из рук отца семейства в кошелёк капрала.

За трупами прислали повозку, запряжённую грустным мулом. Его вёл под уздцы паренёк в чёрном плаще подмастерья докторского цеха. Стражники погрузили тела в повозку и все вместе удалились, оставив нас стоять перед постоянным двором.

— Думаю, надо поскорее покинуть Парму, — рассудительно заметил отец семейства. — Вот только без охраны идти мимо города скорби будет...

Он не нашёл нужного слова. Наверное, не хотел пугать детей, которым и для одного утра было более чем достаточно впечатлений.

— Я отправлюсь с вами, — сказал я. — Нам по пути до кантонов. А вы, мессере, — обратился я к, не пошевелившим и пальцем, чтобы помочь бандитам, тевтону со скандинавом, — не желаете всё же поработать нормальными охранниками? Только не за столь высокую цену, как запрашивали поначалу.

— Да нам тоже в Парме лучше не задерживаться, — закивал тевтон. — Нам убийство этих ублюдков не простят. Мы же чужаки.

— Я тоже с вами, — добавил пистольер, и все удивлённо воззрились на него. — Купец, которого я охранял, — объяснил он, — останется тут надолго. У него какие-то дела с герцогом. Платить мне в это время он не намерен. Так что перезимую в кантонах, а там может наймусь по весне в какую-нибудь роту. Посоветуешь верных людей, а? — полушутя-полусерьёзно спросил он у отца семейства.

— Меня ещё не забыли в родных горах, — кивнул в ответ тот, — так что весной я смогу устроить тебя в хорошую роту к верным людям.

— Раз уж решили покидать город вместе, — поторопил я остальных, — так давайте сделаем это как можно скорее. Не хотелось бы вляпаться в новые неприятности.

Никто спорить не стал. Все как-то сразу признали моё главенство. Видимо, сказался мой богатый опыт командования отрядом рейдеров. Как-то удавалось мне спланировать вокруг себя людей. Сам я на это даже внимания не всегда обращал, пока мне не стали говорить об этом в тех факториях, где я промышлял.

Не прошло и четверти часа как мы покинули Парму, и могу с чистым сердцем заверить, что я испытал облегчение, оказавшись за воротами города.

Мы шагали по римской дороге к Милану. Конечно, в скором времени придётся свернуть с неё на куда худший, более современный тракт, однако пока мы ещё могли позволить себе роскошь удобного передвижения. Отец семейства вполне разумно нагрузил всех. Сам нёс на спине большой кофр, куда меньший выделил супруге, и дети тоже красовались с удобными рюкзаками на спине. В них несли еду в дорогу, и потому детская ноша легчала с каждым часом.

Скандинав с тевтоном держались на некотором отдалении от остальных. Они отлично понимали, что так и останутся для нас не самыми приятными личностями. Однако вполне может статься, что через четверть часа нам вместе придётся кровь проливать. И я хотел знать, с кем вместе буду сражаться с разбойниками или бродячими мертвецами. А учитывая, что мы с каждым шагом всё ближе к городу скорби, то и кем-то похуже.

— Ты ведь не здешний, — уверенно заявил я, подходя поближе к тевтону. — Как тебя занесло так далеко на юг? Да ещё и в столь скверную компанию, вроде тех ублюдков, что мы перебили в городе?

— Я коренной мариенбуржец, — с гордостью, какую испытывают только жители столицы, поглядывающие сверху вниз на всех остальных, считая их безнадёжными провинциалами, ответил тевтон. — Не очень хочу распространяться, как оказался так далеко от дома, но тому были веские причины. А в банде я работал лицом, думаю, ты и сам понял это, Mein Herr. Никто бы в здравом уме не нанял охранниками тех, кто на самом деле заправлял там всеми делами.

Он ловко попытался отделаться очевидными вещами, но я не из тех, кого можно так запросто обвести вокруг пальца.

— Это понятно, — отмахнулся я. — Ты лучше скажи, как докатился до того, что оказался лицом в банде этих ублюдков? — щадить чувства молодого тевтона я не собирался.

— Карты, — коротко бросил он, как будто это должно было всё объяснить, но тут же продолжил: — Меня обчистили, раздели едва ли не догола. Я ещё и должен остался, вот и отработывал долг. Конечно, прикидывал как бы сбежать, ведь работать на таких ублюдков приходится всю жизнь. Они же как клещи, если раз вцепились, то после с мясом не оторвёшь.

— А скандинав отчего молчит всю дорогу? — спросил я. — Он что, немой что ли?

— Да считай что немой, — кивнул тевтон. — Он только на своём языке болтать горазд, а другие так и не удосужился выучить. Только я с ним общий язык найти сумел.

— Это как же? — почти непритворно удивился я.

— Я в Риге служил в морском патруле, — объяснил тевтон. — Там много служило скандинавов.

— Смотрю ты был неплохим подспорьем бандитам в Парме, — усмехнулся я.

Тевтон ожёг меня злым взглядом, однако ничего говорить не стал. Глупо было бы с его стороны спорить с очевидным. Я не боялся задевать больные струны в его душе, иногда это было даже полезно. Тевтон был не из тех людей, что способны на подлость. Он скорее прыщарски бросит мне в лицо перчатку, чем ударит ножом в спину, а потому его прямой как палка злости я не боялся. Если он глупее, нежели я думаю о нём, то ответит на мои подначки, и я окончательно утвержу власть над ним, да и скандинавом заодно. Если же будет умнее, то и без этого признает моё главенство в нашем маленьком отряде.

Оба мальчишки всю дорогу изводили расспросами пистольера. Отец их явно не баловал историями о своих военных приключениях, а вот пистольер наоборот оказался удивительно словоохотлив. Его совершенно не раздражали пристающие дети, он охотно отвечал на их многочисленные вопросы, рассказывал о том как воевал с людьми и разными тварями. Уверен, пистольер довольно сильно приукрашивал свои рассказы, а когда и вовсе переходил на какие-то байки. Но мальчишки от него были в полном восторге.

— Вот дослушаются наши мальчишки, — качала головой супруга бывшего сержанта алебардчиков, неодобрительно поглядывая то на мужа, то на пистольера.

— Судьба солдата — не худшая, — пожал плечами в ответ её муж. — И ты тому лучшее доказательство. И дети наши — тоже.

Шагавший, как и прежде, на некотором отдалении от них скандинав переложил свою двуглавую секиру с одного плеча на другое, и пробурчал что-то себе под нос.

— Что он сказал? — спросил я у тевтона.

— Говорит, что слишком тихо, — сказал тевтон, — не к добру.

Нас обгоняли повозки купцов или крестьян, едущих в Пьяченцу, несколько раз прогарцевали всадники герцогского патруля. Попадались навстречу и такие пешие путники вроде нас. Однако в общем дорога была довольно безлюдной, как всякая в такой близости от города скорби.

Первым дурным знаком стала перевёрнутая повозка, лежащая в придорожной канаве. Первым её заметил всё тот же скандинав. Он махнул рукой, указывая в кювет. Все остановились, пытаясь разглядеть, что же там валяется. Я оставил семейство под охраной пистольера, которому полностью доверял, а сам отправился посмотреть поближе вместе с тевтоном и скандинавом.

— Зоркий у твоего приятеля взгляд, — сказал я тевтону, когда мы присели на краю канавы.

В кювете лежала перевёрнутая повозка. Земля вокруг неё была просто пропитана кровью. Лошади так и остались запряжёнными, а вот тел людей нигде не видно.

— Лошадей скорее всего волки объели, — сказал тевтон, — уже после того, как на повозку напали.

— Это не обычные мертвецы, — кивнул я. — Тут поработала тварь посильнее.

Вернувшись к остальным, я заявил, что привалов мы делать не будем.

— Надо как можно скорее добраться до Пьяченцы, — заявил я, — там и отдохнём уже

под нормальной крышей.

— Я всё понимаю, — сказал мне отец семейства, подойдя поближе, чтобы не слышали остальные, — но дети долго не выдержат. Они и так вымотаны, а ещё немного и вовсе с ног валиться начнут.

— Надо хотя бы убратся отсюда как можно дальше, — ответил я. — Нельзя устраивать привал так близко от побоища. Те, кто устроил его, вполне могут вернуться.

И всё же отец семейства был прав — дети просто не выдержали темпа ходьбы. Не прошло и часа, как они начали отставать. Вместе с ними отстал и пистольер, чтобы присматривать за мальчишками.

— Ладно, — сдался я. — Привал на три часа.

Я глянул на небо. Пускай поздний осенний день и короток, но до заката мы должны успеть укрыться за стенами Пьяченцы.

Мы расселись у костра, давая отдых усталым ногам и грея руки в его пламени. Ели то, что взяли с собой из Пармы, запивая разбавленным пивом. Пить воду даже из ключа или родника никто не стал бы — риск слишком велик.

Наевшись, дети быстро уснули, уютно устроившись на коленях у матери. Трещал костёр. Я откинулся на спину, глядя в тускнеющее небо, и решая, когда скомандовать подъём. Слишком долго рассиживаться не стоит.

И тут скандинав снова пробурчал что-то себе под нос.

— Слишком тихо, — перевёл тевтон. — Звуки как будто пропали...

Я осознал это через пару мгновений, и тут же обругал себя последними словами за глупость. Непростительно расслабился!

— Подъём! — выкрикнул я, вскакивая с земли.

Тевтон, скандинав и пистольер уже были на ногах. Оружие все держали наготове.

Привал мы устроили на обочине дороги, и были как на ладони у нападающих. Ими оказались стригои — чертовски опасные твари, умеющие передвигаться очень тихо. Выдавало их как раз полное отсутствие звуков — самый явный признак появления этих монстров.

Они выбирались из придорожной канавы. Одетые в рваньё, у многих головы повёрнуты под неестественным углом, а шею перечёркивают чёрные борозды. Повешенные за преступления, они поднялись к новой, страшной жизни бродячих мертвецов. Однако стригои куда шустрее обычных покойников, и прикончить их намного сложнее. А уж хозяина стаи так и подавно. Но тот слишком хитрый хищник, чтобы первым кидаться на добычу, ведь та может оказаться весьма опасной.

Пистольер разрядил в выбирающихся из канавы тварей оба своих пистолета, снеся головы двум. Я последовал его примеру, и тут же выхватил палаш. Рядом обнажил широкий меч, какие предпочитают на его родине, тевтон. Скандинав же примерялся, как сподручней снести пару уродливых стригойских голов своей двуглавой секирой.

Мы встали плечом к плечу против напирających тварей. За нашими спинами оказался отец семейства вместе с женой и детьми.

— Не лезь вперёд, — бросил ему я. — Ты будешь последней линией обороны для своей семьи.

И он послушал меня, даже не став предпринимать попыток встать рядом с нами.

В следующий миг стригои навалились на нас. Первого я поймал на клинок, отвесно рубанув сверху-вниз. Секрет схватки с большинством восставших покойников в том, чтобы

рубить их. От чумы плоть гниёт, а кости истончаются и легко поддаются стали. Так что даже не самый сильный человек вполне может распластать мертвеца едва ли не напололам. Второму я отрубил тянущиеся ко мне руки и пинком отправил его прямо в толпу напирających сзади стригоев. Потом был третий, четвёртый, пятый... Потом я вообще сбился со счёта, просто рубил и рубил, будто дрова.

Стригои твари тупые и опасны лишь тем, что умеют подкрадываться, не производя шума. В бою же мало что из себя представляют. Отряду воинов они вообще мало что могут противопоставить, кроме массы и напора. Пускай они и быстрее обычных покойников, однако это ещё не делает их смертельно опасными, как те же фурии или одержимцы.

Нас теснили по дороге. Стая стригоев оказалась очень большой. Уверен, именно они напали на повозку, что мы видели в канаве. Правая рука наливалась болью, палаш становился всё тяжелей и тяжелей с каждым взмахом. Как бы то ни было, я потерял форму пока сидел в монастыре. Мои попытки тренироваться помогли сохранить навыки, но не более того. Стригои напирали и напирали, тесня нас. Челюсти одного сомкнулись на стальном наруче тевтона, тварь повисла на его руке, сковывая движения. Пожалуй, зубы это единственное, что было чертовски крепким в телах восставших покойников. Ещё один шустрый стригой прыгнул на меня через спины своих товарищей. Я едва успел поднять палаш для обороны. Клинок пробил тварь насквозь, но та оказалась очень живучей и попыталась добраться до меня, клацая челюстями. Ничтоже сумняшеся, я ухватил её за горло и сорвал с клинка, швырнув на землю, ударом ноги раздробил череп. Обернувшись к тевтону, понял, что и тот совладал с очередным врагом, лишь на наруче остались следы от зубов твари.

Вылетевший из-за спин изрядно поредевшей стаи череп ударил пистольера в грудь. Тот покачнулся, но устоял на ногах, спасла кольчужная пелерина, которую я посчитал бесполезной. За первым последовала ещё пара зловещих снарядов. Хозяин стаи стригоев решил-таки показаться.

Ростом почти восемь футов, с кривыми ногами и непомерно длинными руками. На вытянутой голове болтались длинные, редкие пряди сальных волос. Из пасти торчали острые зубы — ими тварь запросто может отхватить руку, ногу или голову в один присест. Шею хозяина стаи украшало ожерелье из человеческих черепов, пару их он сжимал в лапах, явно намереваясь использовать в качестве оружия.

С жутким воем, от которого кровь стыла в жилах, тварь прыгнула через головы стригоев, легко преодолев разделявшее нас расстояние. Своей жертвой он выбрал скандинава, ещё в коротком полёте нацелив тому в голову удар. Я отлично видел это — тварь и не думала скрывать своих намерений, она была слишком глупа для каких-либо финтов или уловок.

Я не видел скандинава в деле. Он дрался на некотором отдалении от нас — его оружию требовалось место для широких замахов, и он не хотел рисковать задеть кого-либо из нас. Наверное, именно поэтому хозяин стаи решил напасть именно на него. Обладая умом хищника, он посчитал скандинава кем-то вроде отбившегося от стада барана или бычка. Лёгкую добычу. И он жестоко просчитался.

Скандинав плавным движением ушёл с линии удара, провернулся на одной ноге, рискнув на мгновение подставить врагу спину. Но риск полностью оправдался. Усилив поворотом удар, скандинав рубанул снизу вверх, целя под мышку твари. Та летела прямо на широкое лезвие его двуглавой секиры. Мгновение — и уродливая конечность отделилась от

тела, шлёпнувшись на землю лишь секундной раньше, чем упал хозяин стаи. Тварь не ожидала такого, и потеряла равновесие, едва удержавшись на кривых ногах. Из-за этого второй удар скандинава пришёлся не в голову, как он целил, а в основание шеи. Двуглавый топор глубоко погрузился в тело твари, застряв в её гниющих внутренностях.

Хозяин стаи попытался дотянуться до скандинава второй рукой. Он выпустил череп, разлетевшийся под его ногами на сотню осколков, и теперь хозяин стаи тянул к горлу человека длинные кривые пальцы. Скандинав упёрся ногой в бедро твари и рывком освободил оружие, каким-то чудом успев уклониться от её ответного удара. Ещё секунда и отрубленная голова твари покатилась по камням старой римской дороги.

Что бы ни говорили легенды, но стригои не валятся на землю, будто марионетки с оборванными нитями, стоит только умереть хозяину стаи. Всё как раз наоборот. Теряя контроль, они становятся куда более агрессивными и кидаются на всё живое, разрывая плоть не для насыщения, а просто чтобы утолить свою невероятную жажду крови.

Мы были готовы к тому, что оставшиеся стригои ринутся на нас. Как только тело хозяина стаи рухнуло на дорогу рядом с головой, стригои взвыли в один голос. Этот крик был страшней воя их хозяина, как будто целая стая волков окружала нас. Вот только эти твари куда опасней.

Смерть хозяина стаи добавила стригоям прыти. Они больше не толпились бездумно, а кидались на нас, толкаясь и отпихивая друг друга. Прыгали через спины, лезли прямо на упавших. Как будто волна разлагающейся плоти попыталась захлестнуть нас.

— Все назад! — крикнул я, яростно работая палахом. Во все стороны летели отрубленные головы и конечности.

Скандинав широкими взмахами расшвыривал стригоев, оставляя широкие просеки в их рядах. Его вовсе не смущали их количество и прыть. Тевтон пробился ко мне, и мы плечом к плечу отражали атаку тварей. В какие-то мгновения вокруг нас образовывалось пространство, заполненное шевелящимися в отвратительной пародии на агонию останками стригоев. Однако по ним тут же лезли новые и новые твари.

Пистольер отстреливался, швыряя оружие прямо на дорогу. Уже не до того, чтобы беречь его — жизнь дороже. Вместе с отцом семейства они стали последней линией обороны на пути к женщине и двум мальчишкам.

А потом вдруг, как это обычно и бывает, всё кончилось. Последний стригой повалился на камни старой римской дороги. Мы же остались стоять, непонимающе глядя друг на друга. Ведь в душе все уже считали себя *morituri* — и вот на тебе, все живы. Не примчалась в последний миг кавалерия, чтобы спасти нас, не спустились с небес ангелы нам на помощь. Мы всё сделали сами, снова доказав, что человек сильнее всякой твари! Пускай даже та прежде и была человеком.

Отойдя на несколько сотен ярдов от места побоища, мы оставили отца семейства с детьми на дороге, сами же ушли в сторону. Там все разделись и осмотрели друг друга на предмет укусов или ран, нанесённых стригоями. Как и все твари, стригои несли в себе чуму и всякая рана, полученная в схватке с ними, грозила заражением. Конечно, нас тщательно осмотрят при входе в город, однако лучше сразу знать свою участь. Ведь если тебя укусили за руку или за ногу, от заражения ещё можно спастись. Ампутация часто бывает выходом из этой ситуации, хотя кое-кто предпочитает короткую жизнь *morituri* прозябанию жалким калекой.

К счастью, ни у кого из нас чёрных отметин чумы на теле не оказалось. После мы

осмотрели и отца семейства. Охранять его жену и детей остался пистольер.

Ну а потом мы поплелись к Пьяченце. Времени схватка отняла не так и много, а вот силы выпила почти все. Как будто и не отдыхали вовсе. Однако останавливаться никто и не думал. Мы шагали по дороге к городу, точнее уже тупо брели, сосредоточившись на одном: переставлять ноги. Они уже горели огнём, мышцы скручивало болью, хотелось разуться и идти босиком, чтобы хоть как-то унять её. Дети против моих ожиданий не ныли и шли наравне со взрослыми. Да, силёнок у них было куда меньше, и они начали отставать, но отец с матерью взяли их за руки, хоть как-то помогая идти. Все понимали, останавливаться нельзя. Напасть никогда не приходит одна, а будет ли помощь, неизвестно. И мы шли, шли, шли. Переставляли ноги.

Солнце скрылось за горизонтом. Миновали быстрые сумерки поздней осени. Мы всё же остановились ненадолго, чтобы накинуть на плечи тёплые плащи. Без них идти дальше было уже холодно. Краткий отдых сделал дальнейшее путешествие только тяжелей. Он не снял ни капли усталости, зато выбил из ритма движения. Но мы продолжали упрямо шагать к цели. Все понимали, останавливаться нельзя. Что в темноте мы точно погибнем. Ночевать в открытом поле рисковали только сильные отряды, где можно выделить не меньше пяти человек в караул. Для нас же и путь во тьме к городу уже смертельная опасность. Вот только выбора нет. Надо идти, шагать, переставлять ноги...

В ворота Пьяченцы мы едва носами не уткнулись, настолько были вымотаны дорогой. Нас остановил окрик стража.

— Стоять! — рявкнули со стены. — А ну стоять, кому говорят!

Нам очень повезло, что в ту ночь дежурили достаточно зоркие стражи. Ведь мы, наверное, очень напоминали бродячих мертвецов, какие, бывает, подходят к стенам городов. Их обычно расстреливают без лишних разговоров. Но в нас всё же опознали живых людей.

— Мы живые! — крикнул я, точнее хрипло прокаркал, будто я не человек вовсе, а ворон. — Мы — люди! — крикнул я громче.

— Видим мы, что люди, — был ответ. — Ждите карантинную команду.

После заката во многие города попасть вовсе невозможно — это попросту запрещено законом, и путникам, вроде нас, приходится коротать часы до рассвета перед воротами. Однако Пьяченца была счастливым исключением. Конечно, карантинную команду пришлось ждать не пять минут, и осмотр наш затянулся почти до утра. Проводили его в караульном помещении, куда отправляли по одному всех, и врач с подмастерьями внимательно оглядывали каждую пядь наших тел в поисках чумных меток.

Но всё это уже не имело особого значения — мы смогли добраться до города, укрылись за его прочными стенами от всех ужасов ночи. А самое главное, мы выжили. Пережили ещё один день и ещё одну ночь. Сегодня для нас не пробил Ultima Forsan.

В тот момент, когда мы покинули караульное помещение, и отправились на ближайший постоялый двор, чтобы, наконец, нормально отдохнуть, впервые за этот воистину безумный день, нам казалось, что все невзгоды позади, что мы получили передышку, и можем хоть немного расслабиться.

Но, конечно же, не тут то было...

Глава 4

Проклятые и нечистые

Все гарнизонные города похожи друг на друга, будто горошины из одного стручка. Высокие, крепкие стены, обязательный палисад перед ними, с непременными кольями. Пушки на башнях смотрят на врага чёрными чугунными жерлами. А внутри десятков казарм, конюшни, пара постоянных дворов, таверна для офицеров и благородных господ, несколько кабаков для солдат, и, конечно же, церквушка с больницей при ней. Вот весь город.

Пьяченца, конечно, была куда больше, однако в целом производила впечатление именно такого города. По мостовым его грохотали тяжёлыми ботинками патрули алебардистов с хмурыми лицами. Никому не улыбается мерить шагами квартал за кварталом вместо того, чтобы спать в тепле и уюте казармы.

Остаток ночи мы провели на первом же постоялом дворе, какой нашли. Точнее нас туда проводил патруль, оказавшийся вовремя рядом с воротами. Командовавший алебардистами длинноусый сержант разумно рассудил, что стоит проверить, как устроят гостей города на постоялом дворе, и снять пробу с пива, которое нам подадут. Ну и солдат, конечно, обидеть нельзя, а потому и им выставили по кружке пива. Однако задерживаться надолго сержант не стал: кружки быстро опустели и патрульные вернулись на улицу.

Мы же засели на постоялом дворе всерьёз и надолго. Супругу отца семейства вместе с обоими валившимися с ног мальчиками тут же отправили в комнату спать. Дети даже есть не стали, сидели за столом вместе с нами, ковыряясь в своих тарелках. Мать, глядя на это, постаралась как можно скорее доесть и отправилась с детьми наверх.

— Мальчики, — вспомнив о приличиях, обратилась она к детям, — пожелайте всем доброй ночи.

— А папа когда к нам придёт? — заканючил младший.

— Нескоро, — покачала головой мать. — Наверное, только утром.

— Доброй ночи, дети, — словно не услышав этого диалога, пожелал сыновьям отец семейства, и добавил всё же: — Я приду, обещаю. Но вы спите без меня крепко, хорошо?

— Обещаем, папа, — кивнули оба его сына, и мать увела их наверх.

Оставшиеся за столом понимали, что отец семейства сейчас безбожно лгал родным детям. Нам надо было хорошенько запить происшествие на дороге, и вряд ли для этого хватит остатка ночи.

— Неси ещё вина, пива, граппы, — велел я вернувшейся к нашему столу, чтобы убрать тарелки матери и детей, подавальщице. — И еды к этому. Мы будем пить до утра.

Все закивали, поддерживая меня.

— А денег вам на это хватит? — глянула на нас с подозрением она.

Девушка явно привыкла, что кое-кто желает напиться как следует, а утром предъявить только пустые карманы. Пускай такой негодяй и угодит тут же в долговую яму, но это никак не возместит понесённых убытков. Чтобы рассеять её сомнения на наш счёт, я кинул на стол золотой флорин.

— Это аванс, — бросил я. — Его хватит?

— Вполне, — кивнула подавальщица, стремительным движением руки убирая его куда-то в складки платья. — Всё будет через минуту.

Действительно, ждать долго не пришлось. Аванс в виде золотого обычно производит

самое благоприятное впечатление. На столе как по волшебству появлялись кувшины с вином и пивом, бутылки граппы и орухи. Печь, конечно, ради нас растапливать не стали, хотя, уверен, кинь я ещё золотой, сделали бы и это, но нам вполне хватило и холодного. Есть никому особо не хотелось. Мы пили, чтобы как можно скорее забыть тот ужас, что настиг нас на дороге. Толпу стригоев со свёрнутыми верёвкой шеями и громадного упыря — хозяина стаи с его жутким ожерельем из человеческих черепов.

Это была ночь, когда спиртное лилось рекой. Ночь пустых разговоров. Ночь фальшивого веселья.

- Ö! — хохоча, кричал скандинав, и все мы знали, что он требует пива. Других напитков он не признавал.

Мы же больше налегали на граппу и оруху, желая как можно скорее забыться в их быстром хмеле. Лишь тевтон то и дело опустошал бутылки с вином.

— Я ведь рыцарь Ордена Девы Марии, — вещал он, наполняя свой стакан, при этом несмотря на то, что руки его уже ощутимо подрагивали, ни капли не пролилось на стол, — не к лицу мне пить эти выжимки. Я предпочитаю чистую кровь виноградной лозы.

Но когда вина не оставалось, он соглашался и на то, что пили мы втроём. Скандинав же был более крепок в своей позиции. Даже если пива не было, он терпеливо ждал, когда принесут новый кувшин.

— Слушай, а почему такой воин, как этот скандинав прозябает здесь? — спросил я у тевтона, глядя как северянин опустошает только что принесённый кувшин, не удосужившись даже перелить пиво в кружку.

— Сам у него спрашивай, — ответил тевтон, — я даже переводить не стану. Ты мне лучше скажи, откуда у тебя такие татуировки по всему телу?

— А что в них такого, — пожал плечами я с самым безразличным видом, какой мог изобразить в пьяном состоянии, — татуировки как татуировки. Вон у твоего приятеля из Скандинавии их побольше будет.

— Не надо сравнивать, — помотал головой тевтон. Его прилизанная причёска почти не растрепалась, лишь несколько прядей торчали неаккуратно. — У него обычные для скандинавов татуировки. Они их с детства накалывают по любому поводу, а когда и от скуки. Он рассказывал мне, что каждая значит. А вот твои — другое дело. Я готов поручиться, что они не каторжные.

— Откуда такой вывод? Не думал, что ты такой знаток.

— Я слишком хорошо знаю высокую латынь, чтобы не понять, что написано у тебя на спине и на груди. Вряд ли каторжные мастера так хорошо знакомы с нею, чтобы писать целые отрывки из молитв и псалмов без единой ошибки.

Тут он меня поймал. Романо, чтобы не ошибиться ни в единой букве, постоянно держал перед глазами отрывки из святых текстов, записанных для него монахами. Не уверен, что цыган умел читать даже на низкой латыни, не говоря уж о языке священнослужителей и высшей аристократии.

— Защиты много не бывает, — развёл я руками, будто бы признавая своё поражение. — Мне очень недёшево обошлись эти татуировки, уж можешь мне поверить.

Я подмигнул тевтону с таким понимающим видом, и он кивнул в ответ, принимая мои слова. Вряд ли поверил, конечно, хотя ни словом не солгал ему.

Скандинав закончил с кувшином, и налил себе пива из второго в объёмистую кружку. Её он носил с собой в заплечном мешке и выставил на стол, как только мы усадились. Размер

кружки вызвал зависть у алебардистов — им-то достались куда как более скромные. Сделав внушительный глоток, скандинав хлопнул по плечу пистольера и принялся что-то рассказывать тому на своём языке. Тевтон, конечно же, не переводил, но к тому моменту все мы были пьяны настолько, что просто смеялись над чужими шутками, не очень понимая в чём их соль, а чаще и вовсе не слушая. Когда все засмеялись, тогда и ты смейся. Всё равно, веселье пьяное и фальшивое.

— Шёл бы ты к семье, сержант, — выбравшись из-под руки скандинава, глянул в лицо отцу семейства пистольер. — Это нам, пропойцам, можно и до утра сидеть, а тебя — ждут.

Тот попытался отнекиваться, но мы попросту выпроводили его из-за стола.

— Иди, — кивнул ему я. — Давши слово — держись!

— Верно! — хлопнул ладонью по столу тевтон. — Дети — это святое! Верно я говорю? — спросил он у скандинава, и тот в ответ энергично треснул по столешнице кулаком. Не знаю даже, каким чудом она выдержала.

Отец семейства нетвёрдой походкой убрался наверх. Надеюсь, он сразу найдёт нужную комнату, не хотелось бы скандалов. Мы же продолжили наше пьяное и насквозь фальшивое веселье. Хуже бывало только на факториях, когда очередная группа рейдеров не возвращалась вовсе, или же с такими потерями, что ясно становилось, больше им в рейд не идти вместе. Тогда устраивали подобные загулы, чтобы пригасить боль и уныние, неизбежно поселяющиеся в сердце. Потому что если так не снимать напряжение, то можно сразу в петлю лезть.

Мы хохотали над очередной шуткой, когда часы на башне пробили полночь.

— Ultima Forsan! — грянул первым тевтон, поднимая стакан полный вина.

Посетителей к тому времени в общей зале не осталось вовсе. Кто ушёл наверх, кто просто покинул его. И лишь незамеченный нами тощий тип в чёрном плаще с капюшоном, совершенно слившийся с тенью, неожиданно поднял оловянную кружку вместе с нами.

— Ultima Forsan! — поддержали мы тевтона, даже скандинав выкрикнул эти слова на латыни, их значение было известно всем.

Тощий тип с бледным лицом произнёс их вместе с нами, только гораздо тише, почти одними губами. Не знаю я точно, что именно он говорит, догадаться было бы трудно.

На востоке забрезжили первые лучи рассвета. Усталая подавальщица, наверное, уже трижды успела проклясть нас с нашим бесконечным загулом. Тощий тип тоже не уходил, однако после того как выпил с нами в полночь, не подавал признаков жизни. Может быть, уснул там в своём углу? Хотя на трактирного нищего, из тех, кто предпочитает спать за столиком, он похож не был.

Дверь постоянного двора отворилась. Мы все обернулись на раннего гостя. Он сделал пару неуверенных шагов, входя внутрь. И тут у всех нас хмель ночного загула как рукой сняло. Потому что человек, одетый в рваньё, кое-как прикрытое длинным плащом, прижал обе руки к голове, словно она сейчас должна взорваться.

Первым на него среагировал пистольер. Дважды грянули его пистолеты. Он выхватил ещё пару — и выстрелил снова. Затем ещё два — последние. Разрядил и их. Все пули попали в цель, но одна не задела голову вошедшего. Они пробili ему обе руки, которые он прижимал к капюшону плаща, будто стараясь сдержать то, что рвётся из него. Ещё пара угодила в тело, но вошедший на них вообще никак не отреагировал.

Я же несколько дольше возился со своим пистолетом, прицелился в голову, как смог. Оружие подрагивало в руке — пусть в голове и прояснилось от ужаса, однако количество

выпитого всё же сказывалось. Пуля пробила грудь человеку, но он не обратил внимания и на смертельное ранение.

Скандинав швырнул в него топорик — тот свистнул в воздухе, и должен был раскроить вошедшему череп. Но за мгновение до этого, человек оторвал руки от головы. Капюшон сполз на плечи, обнажая изуродованную чумой голову с искажённым мукой лицом, в немом крике раскрылся рот...

Топорик словно завис в воздухе, не долетев до головы одержимца считанных мил [\[16\]](#). А на нас обрушилась вся сила твари...

Безмолвный крик её мы слышали не ушами, но всем телом. Он впивался в мозг, в душу, вырывая самые чёрные слова, дела и события, что происходили с нами.

Меня хватают мёртвые руки и волокут во тьму. Это — конец!

Мы стоим на коленях. Все — живы. Я, Гитана, Абеле, Чумной Доктор. В спину каждому упираются наконечники копий. Баум отдельно от нас. Его поддерживают несколько мертвецов, а за спиной стоит крыса с чудовищным стрекалом — длинные шипы на обруче его впиваются в могучую шею ландскнехта. Баум ещё жив, но видно, что чума уже сделала своё дело. Это — не человек, это уже ухмыляющийся *morituri*.

Стучат копыта по разбитой мостовой. Скрипят колёса кареты.

Чёрные сапоги с серебряными пряжками — это всё, что я вижу. Копьё упирается в спину сильнее, заставляя глядеть в пол. Изгибать шею я не решаюсь.

Очередь доходит и до меня. Длинные, бледные пальцы с чёрными ногтями берут мой подбородок, приподнимают лицо...

Всё обрывается в этот момент. Топорик скандинава раскроил-таки одержимцу череп. Тот рухнул на доски пола, замолчав навсегда.

Мы же замерли будто пьяные, пытаюсь понять, на каком мы свете. Пистольер рухнул на колени, выронив оружие. Его начало рвать. Да и остальные чувствовали себя ничуть не лучше.

Потому не сразу сумели отреагировать на появление новых гостей. Они были одеты в чёрное, поверх кожаных курток — короткие плащи. В руках все сжимали мечи или длинные ножи, вроде гросмессеров или кацбальгеров [\[17\]](#). Кое-кто был вооружён пистолетами или короткими арбалетами. И настроены новые гости оказались весьма серьёзно.

Никакого «Убить их всех!» или прочих предупреждений не было. Ворвавшиеся люди в чёрном сразу принялись убивать. Первой их жертвой стала только начавшая подниматься с пола подавальщица. Тощий тип — а все ворвавшиеся не могли похвастать могучим телосложением — вонзил ей в спину кацбальгер, с отвратительным хрустом провернул его в ране и вырвал из тела умирающей женщины.

Именно эта демонстрация бессмысленной жестокости и выдернула нас из оцепенения. Скандинав швырнул в первого же нападающего второй топорик, и тощий не успел даже дёрнуться — рухнул трупом рядом с телом подавальщицы. Следом упали ещё двое — их сразил сидевший в углу человек в капюшоне. Сейчас в руках он держал сложный, блочный лук с парой тетив и кольцами на концах для более сильного натяжения. Стрелял из него человек в капюшоне с поистине невероятной быстротой. Один, второй, третий напавший упали на дощатый пол с длинными стрелами в горле. И я готов пари держать, они даже не поняли, что же их убило.

Однако враги прибывали куда скорее, чем человек в чёрном успевал справляться с ними. Один прыгнул в окно, находившееся в считанных футах от него, проломив всем телом прочные ставни. Этот тип был таким же тощим, как и остальные, однако отличался высоким ростом. Он замахнулся на человека в чёрном топором на коротком древке, но тот успел перекатиться через стол, разорвав дистанцию, и пустил ему стрелу прямо в сердце. Тощий покачнулся и рухнул ничком.

— Давай к нам! — крикнул человеку в чёрном я. — Пистольер, айда наверх! Поднимай там всех на ноги!

— Прорываться будем? — деловым тоном спросил у меня тевтон, вполне отошедший от краткой атаки одержимца.

— Как получится, — пожал плечами я, поднимая палаш для защиты. — А вообще, лучше всего в кордегардию рвануть.

Тут мимо нас мелькнул силуэт человека в чёрном. Почти цирковым движением он метнулся следом за пистольером, замерев на третьей сверху ступеньке лестницы. И снова принялся пускать стрелы в наступающих. Однако тощих типов это не смутило — потери их как будто не интересовали вовсе.

И вот уже первый кинулся на меня с кацбальгером наперевес. Бойцом он был крайне скверным. Мне ничего не стоило увернуться от его удара. Меня опередил тевтон, прикончив врага быстрым выпадом. Я парировал удар следующего, и он тут же повалился под ноги своим товарищам со стрелой в горле. Третьего я уже прикончил сам. Он прыгнул на меня, целя гросмессером в лицо. Я легко отвёл его клинок в сторону, и вонзил ему в живот свой кинжал, который уже держал в левой руке. Памятуя о жестокости нападающих, я рывком вспорол ему тощее чрево, почувствовав, как клинок заскрежетал о кости позвоночника. Враг буквально рухнул на меня, и только в этот миг я понял очевидное.

Видимо, сила одержимца слишком сильно ударила мне по мозгам, и я лишь сейчас понял, кто же нападает на нас. Нечистые. Те, кого не убила чума. Morituri, лишённые права на смерть. Бледная кожа, чёрные сосуды вокруг выцветших глаз, и чёрные же ногти. Из раны на животе прямо мне на руку хлещет вовсе не кровь, а чёрно-бурый иxor.

Проклятье! Этого ещё не хватало! Все признаки один к одному.

Я оттолкнул умирающего на остальных врагов, добавив каблуком в грудь, чтобы отлетел подальше. Изо всех сил рубанул по неосторожно подставленной руке очередного врага. Тевтон тут же воспользовался моментом, обрушив свой меч на рёбра врага, сокрушив их могучим ударом. Взмахнув кинжалом, перехватил горло неосторожному нечистому, и сразу же пнул его ногой, отталкивая подальше, как и того, которому вспорол живот.

Хлопали выстрелы пистолетов. Щёлкали тетивы арбалетов. Но стрелками нечистые оказались не лучшими, чем бойцами. Пули выбивали щепу из столов, перил лестницы, ступенек. Все отчего-то палили именно в человека в чёрном, легко увёртывающегося от самых опасных пуль и болтов. Но большую часть попросту игнорировал, продолжая пускать в нечистых одну смертоносную стрелу за другой.

На галерее, ведущей к комнатам, появился пистольер. За ним быстро шагал отец семейства в сопровождении жены и детей. Что ж, значит, пришло время прорываться. Ждать остальных постояльцев смысла нет.

— На улицу! — скомандовал я.

Переводить мои слова скандинаву не потребовалось. Он каким-то особым бойцовским чувством понял, что надо делать. До того могучий воин сражался почти в пол силы. Теперь

же он взревел как медведь, и ринулся на врагов, даже слегка опешивших от такого. Его секира на длинной рукоятке одинаково легко крушила нечистых, и каким-то чудом оставшиеся относительно целыми столы со стульями. Нам оставалось только следовать за ним.

Я подумал даже, что будь он со мной в последнем рейде, то всё могло бы обернуться иначе. Ведь сейчас, за считанные минуты, скандинав прикончил не меньше пяти нечистых, оставив их валяться на залитых кровью досках.

Мы вслед за могучим скандинавом вышли на улицу. Лишь человек в чёрном задержался на разгромленном постоялом дворе, чтобы собрать уцелевшие стрелы. Колчан его сильно опустел.

На улице же творилось нечто жуткое. Больше всего это напоминало финал штурма города, когда стены пали, ворота разбиты, и бои идут уже на улицах. Солдаты гарнизона отбивались от целых толп нападающих. Среди последних были не только нечистые, но бродячие мертвецы, которыми руководили люди, закутанные в чёрные плащи с головы до пят. Так одевались только не самые сильные некроманты, пытающиеся изо всех сил произвести на весь мир впечатление загадочности и скрытой силы.

Мы предусмотрительно нырнули обратно в разгромленный постоялый двор, пока на нас не обратила внимания ещё какая-нибудь группа врагов.

— И что теперь? — поинтересовался у меня тевтон, очищая клинок об оторванный от плаща мертвеца кусок ткани.

Хороший вопрос. Надо прорываться, но куда? В Пьяченце нет цитадели, ведь гарнизонный город должен по замыслу стать непреодолимой преградой на пути всего, что может вырваться из города скорби. Но теперь у солдат и горожан есть лишь два укрытия: церкви и кордегардии при казармах. Вот только там они окажутся в ловушке. Но есть ли выбор? На этот вопрос я и должен был, по большому счёту, ответить.

— Дождёмся первого патруля или просто команды солдат, — решил я, — и будем прорываться с ними.

— А дальше? — вполне рассудительно заметил отец семейства.

— Видно будет, — пожал плечами я. — Но здесь оставаться точно нельзя.

С этим были согласны все, включая других постояльцев. Они спускались со второго этажа, нагруженные поклажей. Многих сопровождали охранники с оружием в руках. Весьма серьёзное подспорье в будущем прорыве. Никто не думал об оставленных вещах или каретах или дорогих лошадях — о добре будут плакать после, если живы останутся. Сейчас же для всех в первую очередь стоял вопрос выживания, уж этот урок давно усвоили даже самые жадные.

К нам присоединился и хозяин постоялого двора — мрачный мужчина в возрасте с заслуживающим доверия кацбальгером в руках. Он явно умел управляться с этим оружием. За ним следовали пара женщин, что занимались стиркой и уборкой, а также здоровяк-повар с внушающим невольное уважение тесаком в руках. Этот парень явно приходился недалёким родичем хозяину постоялого двора, и видно было, что тесаком своим он не только курам ловко головы рубить умеет.

— А ежели не будет патруля или иных каких солдат? — спросил у меня хозяин постоялого двора.

— Тогда своими силами прорываться будем, — пожал плечами я. — Где тут ближайшая кордегардия, знаешь?

— Провожу, — кивнул тот.

— Значит, ждём пять минут, и если никого не увидим, то следуем за тобой.

Хозяин разгромленного постоянного двора снова кивнул.

Ждать патруль, однако, долго не пришлось. И пяти минут не прошло, как отступающие солдаты появились почти прямо перед дверьми постоянного двора. Пятеро алебардщиков, возглавляемые не сержантом, а офицером с окровавленной шпагой в руке. Они прикрывали двух мушкетёров с закопченными от порохового дыма лицами. Скорее всего, отряд был несколько больше, но поредел в схватках с многочисленными врагами.

К офицеру первыми подошли я и хозяин постоянного двора. Вываливать сразу всей толпой было попросту глупо, да и опасно к тому же. У кого-нибудь могли не выдержать нервы, и отряд вполне в первые секунды мог обратить своё оружие против нас. Кто ж будет в воцарившемся хаосе разбираться кто свой, а кто — враг. Особенно когда враг едва ли не всюду.

— Тененте!^[18] — выкрикнул хозяин постоянного двора, привлекая к нам внимание командира небольшого отряда. — Тененте, мы здесь!

Тот обернулся, нервно вскинув пистолет, однако увидев, что нас лишь двое, и, скорее всего, узнав хозяина постоянного двора, опустил оружие.

— В моём доме остались выжившие, тененте, — сказал хозяин постоянного двора. — Вы ведь в кордегардию, верно?

— Пытаемся прорваться, — кивнул тот, — но нам не дают. Как видишь, я бóльшую часть отряда уже потерял в таких вот попытках.

— Среди нас, — перехватил инициативу я, — есть достаточно бойцов. Купеческие охранники и просто наёмники. Думаю, мы можем послужить достаточным подспорьем.

— Да я же никого не гоню, — пожал плечами офицер. — Хотите с нами прорываться — ради Бога.

Я помахал руками, и из разгромленного постоянного двора вышли все, кто укрывался там. Первыми шагали тевтон со скандинавом, за их спинами маячил пистольер и всё семейство, с которым мы начали это путешествие ещё в Лукке.

— Женщины, дети, нонкомбатанты, в середину, — принялся отдавать приказы офицер, с его авторитетом я тягаться не стал бы ни за что, теперь он командовал. — Кто владеет огнестрельным оружием достаточно уверенно, подойдите к мушкетёрам. На построение даю пять минут, кто не успел, пусть догоняет.

К мушкетёрам не сговариваясь подошли мы с пистольером.

— Я корпорал и командую стрелками я, — объявил нам один из мушкетёров, одетый, как и его товарищ, в кожаный колет и морион с гребнем. — Вы выполняете мои приказы, и лучше всего молча. Всё ясно?

Мы с пистольером кивнули.

— Отлично.

Он сдёрнул со спины закреплённый там тяжёлый фитильный мушкет, протянул его мне. Второй сделал то же со своим запасным или прихваченным с тела убитого товарища. Следом нам передали всё необходимое для стрельбы. Фитили, пороховницы и натруски с затравочным порохом, увесистые мешочки с пулями.

— Справитесь? — скептически глянул на нас корпорал, и нам с пистольером осталось только плечами пожать. — Тогда, с Богом! Держите порох сухим и не забывайте дуть на фитили.

Мы подожгли свои фитили с помощью корпорала, и успели даже зарядить мушкеты, когда офицер скомандовал выступление. Наш отряд, сильно разросшийся за последние часы, двинулся к кордегардии.

По улицам мы не бежали, но шли достаточно быстро. Старались избегать схваток, однако это было куда как непросто. Отряд не прошёл и полквартала, как на нас обрушились первые враги. Мы лоб в лоб столкнулись с толпой мертвецов, ведомых закутанным в плащ некромантом.

— По трупарю, пли! — тут же скомандовал корпорал, и мы, не задумываясь, выстрелили залпом.

Некромант успел нырнуть под защиту ходячих покойников, и залп наш пропал втуне. Однако следом горло труповода — или трупаря, как называл его командир мушкетёров — пронзила знакомая мне длинная стрела. Человек в чёрном оказался быстрее.

— Руби их! — гаркнул тенент, и алебардщики принялись за работу.

Это была именно работа — тяжкий труд, вроде рубки дров. Они мерно поднимали и опускали тяжёлые алебарды, круша мёртвые тела, не желающие лежать в могиле или вырванные оттуда злой волей некроманта. Мы прорвались за считанные минуты — пятеро алебардщиков изрубили мертвецов, тупо лезущих прямо под тяжёлые лезвия их алебард. Прочные кирасы отлично защищали от тянущихся к живой плоти рук со скрюченными пальцами.

Мы перезарядили мушкеты, однако команды стрелять не было. Корпорал, видя, что отряду ничего не угрожает от лишённой руководства толпы покойников, решил побережь порох.

Однако в следующий раз нам уже так не повезло. Мы прошли почти половину пути до кордегардии, как сказал тенент, командующий нашим отрядом, когда пришлось укрываться в каком-то вонючем переулке, пропуская мимо толпу покойников и шагающих вместе с ними нечистых.

— Твари, — прошипел корпорал, — ведут себя как дома в нашем городе.

И верно, если некроманты вели своих мертвецов целенаправленно, либо прочёсывая окрестности в поисках отрядов, вроде нашего, либо направляясь куда-то ещё, то нечистые частенько отделялись от таких групп, чтобы пошарить в домах побогаче.

— Надо было слушать советника Гордона, — продолжил корпорал, и сжечь весь Подгород к чёртовой матери!

— После обсудим это, — отрезал тенент, прерывая злобные излияния корпорала. — Выходим, осторожно...

Договорить он не успел. Я заметил зелёную вспышку на втором этаже дома через улицу от нас, а вот отреагировать на неё уже нет. Пуля пробила грудь тененту навывлет. Он покачнулся, прижав руку к входному отверстию в кирасе, и следом рухнул ничком.

— Второй этаж! — крикнул я, ещё до того как тенент упал.

Мы вчетвером одновременно вскинули мушкеты, и дали залп в направлении окна, откуда по нам стреляли. Вряд ли даже напугали тех, кто засел там, но хотя бы опасность обнаружили. Не думаю, что многие в отряде поняли, откуда по нам выстрелили.

Новую вспышку увидели уже все — пуля угодила в лицо алебардщику, разворотив его. Человек в чёрном пустил в сторону окна, откуда по нам стреляли, несколько стрел подряд. Они все исчезли в тёмном проёме но, словно в насмешку, там снова сверкнул зелёный огонь. Пуля пробила взметнувшийся плащ человека в чёрном, вовремя успевшего припасть к

мостовой.

— На улицу! — выкрикнул я, понимая, что без команд отряд, лишившийся командира, так и будет топтаться в переулке, представляя собой отличную мишень для таинственных стрелков.

Все вместе мы выбежали из тесного переулка, и я понял, что наш отряд обречён. Из домов выбегали отвлёкшиеся от грабежа нечистые, привлечённые стрельбой. И некроманты, ведущие толпу покойников, повернули в нашу сторону.

Купеческие охранники принялись стрелять в нечистых из пистолетов, готовясь к рукопашной схватке. Алебардщики сбились в тесную группу, чтобы противостоять толпе шагающих мертвецов. Все собирались продать свои жизни подороже. Пусть мы и обречены, но складывать рук никто не собирается, и все мы прихватим на тот свет как можно больше врагов.

— Тевтон, скандинав, ко мне! — рявкнул я, кидая мушкетёру его громоздкое оружие.

Также быстро я избавился и от остального снаряжения, послужившего мне столь недолго. Сейчас оно будет мне только мешать.

— За мной! — скомандовал я подбежавшим воинам.

Времени на объяснения не было — надо как можно скорее покончить с проклятыми стрелками, засевшими на втором этаже. Иначе они перестреляют нас как куропаток. Мы ведь у них как на ладони, сбившиеся в тесную группу, чтобы отбить атаку напирającego со всех сторон врага. Идеальная мишень.

Я даже не оглянулся, чтобы убедиться, следуют ли за мной оба воина. Времени нет. Снова на втором этаже вспыхнул зелёный огонь — и один из купеческих охранников повалился ничком, пробитый пулей насквозь. Прочный, кожаный колет с кольчужными рукавами не спас его. На выходе пуля разворотила ему полспины и лопатку.

Дорогу к нужном дому перекрывали несколько нечистых. В руках они сжимали кацбальгеры или топоры на коротких рукоятках, вроде тех, что используют моряки при abordажах. Нечистые даже попытались встать в подобие строя, кажется тот, что с топором, некогда и в самом деле служил на флоте, и теперь старался зычным голосом навести хоть какой-то порядок. Получалось у него не очень, а уж когда мы втроём — тевтон со скандинавом, конечно же, не отстали от меня — врезались в их подобие строя, начался форменный хаос.

Ещё за пару шагов до врага, я выхватил пистолет и выстрелил в нечистого с топором. Тот покачнулся, получив пулю в грудь, поднёс пальцы к ране, откуда вытекал буро-чёрный ихор, и повалился на мостовую, как подкошенный.

Первого нечистого я проткнул палахом, глубоко погрузив его клинок в грудь врага. Второй кинулся на меня слева, думая, что мне нечего ему противопоставить. Я резко развернулся, заставляя ещё не умершего нечистого переступать, будто в замысловатом танце, и толкнул его ногой в живот. Прямо в объятия оказавшегося не слишком расторопным товарища. Тот не ожидал ничего подобного, как и прочие нечистые он явно не был бойцом. Просто человек с оружием, а одного меча в руке мало.

Замешкавшись, избавляясь от уже мёртвого товарища, нечистый пропустил мой удар. Я наотмашь рубанул его по шее, почти с палаческой точностью начисто срубив голову.

Тевтон со скандинавом с той же лёгкостью расправились с остальными нечистыми, преграждавшими нам дорогу к дому.

Вместе мы вышибли и без того болтавшуюся на одной петле дверь, и ворвались внутрь.

Простучав каблуками по ступенькам, поднялись на второй этаж.

Мало кто верит в крысолюдов. Тварей, что якобы развились из обычных крыс, поедавших чумные трупы. Иные утверждают, что города скорби полны ими, что именно крысолюды стали подлинными хозяевами больших городов, покинутых во время страшной эпидемии. И с последними я готов согласиться, слишком уж многому стал свидетелем во время последнего рейда нашей команды.

Сейчас же перед нами у окна сидели доказательства существования крысолюдов. Две твари управлялись с длинным фитильным мушкетом, ствол которого пестрел вкраплениями зелёного камня. Как раз когда мы поднялись на второй этаж, тварь, целившаяся из него, нажала на спуск. Щёлкнул замок, но вместо пороха сверкнула знакомая уже зелёная вспышка, вторая, куда более яркая, тут же блеснула на конце дульного среза, ярко осветив всё большое помещение.

Кроме крысолюда с мушкетом, здесь находился ещё один, державший небольшой щит, из которого торчала пара знакомых длинных стрел. Третий крысолюд валялся на дощатом полу с точно такой же стрелой, насквозь пробившей его тщедушное тело. То ли высунулся из-за щита, то ли человек в чёрном оказался куда более метким или просто удачливым, чем мне казалось прежде.

Обе твари повернулись в нашу сторону. Та, что держала щит, завопила, тонко, пронзительно и угрожающе. В лапах её сверкнула пара длинных, кривых ножей. Вторая аккуратно положила мушкет на пол и стремительным движением выхватила пару пистолетов, тоже украшенных зелёными камнями. Однако скандинав опередил её. Крысолюд не успел нажать на курки своих пистолетов. Метательный топорик, брошенный уверенной рукой, глубоко вошёл в крысиный череп твари.

Вторая тут же ринулась на меня, выписывая кинжалами замысловатые фигуры. Знакомая тактика. Запутать, заморочить голову, не дать противнику понять, откуда и как будет нанесён настоящий удар. Крысолюды явно были куда лучшими бойцами, нежели нечистые. Я отбил первые пару выпадов, и тут скандинав яростно взревел. Я не понял ни единого слова из его почти звериного рыка, но почуял, что надо делать тем самым воинским чутьём, что роднит всех профессионалов клинка, живущих своим оружием. Я прыгнул в сторону, давая скандинаву свободу действий. Тевтон тоже поспешил убраться подальше, чтобы ненароком не попасть под секиру.

Двуглавое лезвие жуткого оружия свистнуло столь стремительно, что и взглядом не уследить. Крысолюд и не пытался парировать слишком тяжёлое оружие, он прыгнул назад, но скандинав достал его вторым замахом, таким же быстрым, как и первый. Удар буквально развалил тварь напополам ещё до того, как она успела приземлиться на свои кривые крысиные лапы.

— Всегда считал их выдумкой, — заявил тевтон, переступая через убитого крысолюда, чтобы получше рассмотреть лежащий на полу мушкет. — И что за странным оружием они пользуются.

Он уже протягивал руку к длинноствольному мушкету, когда я сказал ему:

— Не стоит трогать его. Зелёные камни содержат в себе столько чумной заразы, что не поместится со всех нечистых на улицах города.

Тевтон тут же отдёргнул руку, и отступил на пару шагов от мушкета. Скандинав тем временем с отвратительным хрустом вырвал топорик из черепа крысолюда и попытался оттереть его о лохмотья, в которые была одета тварь.

— Здесь даже воздухом дышать опасно, — добавил я, — можно подхватить лёгочную заразу.

Тевтон шагнул к окну, выглянул в него, то ли чтобы оценить обстановку снаружи, то ли чтобы не дышать отравленным зелёными камнями воздухом. Я подошёл к нему, чтобы оценить сверху положение нашего отряда.

С этой точки оно оказалось просто плачевным. Окружённые со всех сторон люди отчаянно сражались за свои жизни. Со всех сторон на них напирали твари. Нечистые в чёрной одежде, ходячие мертвецы, ведомые некромантами в чёрных же плащах. Сверкали редкие вспышки выстрелов, в основном шла рукопашная схватка. То и дело кто-то из обороняющихся падал на мостовую. Не поднялся ни один из них.

— Они ведь обречены, — заметил тевтон.

Я глянул на него, и понял, что он хочет сказать. Люди внизу обречены, а у нас есть шанс спастись. Уйти переулками или даже по крышам. Всё же есть в нём гнильца, та самая, из-за которой он оказался так далеко от дома, и угодил в банду к ублюдкам из Пармы.

Я даже не знал, что сказать ему в ответ. Но всё разрешил скандинав. Он протиснулся между нами, и не став тратить время на спуск по лестнице, прыгнул вниз из окна. Прямо в толпу врагов. Тут же принялся крушить всё направо и налево. Его двуглавая секира собирала обильную дань со всех, кому не посчастливилось оказаться рядом.

— Не стоит торчать тут, — бросил я тевтону, и вернулся к лестнице, — помни о заразе, которой мы уже надышались. Надо поскорее очистить лёгкие.

И я быстрым шагом спустился на первый этаж. Ненавижу лестницы, и никогда не рискую бегать по ним. Ведь не знаешь, какая ступенька окажется коварней остальных, неудачно подвернувшись под ногу, сделав тебя калекой на всю оставшуюся жизнь.

Тевтон последовал за мной. Остаться одному в доме с трупами крысолюдов, где сам воздух пропитан чумной заразой, у него явно никакого желания не было.

Выскочив из дома, мы на пару секунд замерли на пороге, оценивая обстановку в непосредственной близости. Картина, надо сказать, была ещё более удручающая.

Я повернулся к тевтону. Я был на грани того, чтобы растянуть губы в сардонической усмешке. Ведь оба мы, как и весь наш отряд, гибнущий сейчас, уже были *morituri*. Да, усмешка была бы фальшивой насквозь, но чертовски хотелось улыбнуться. Давно не было такого желания.

— Ты веришь в кастильские байки, что каждый убитый нечистый снимает один грех с души? — вместо того, чтобы улыбаться, спросил у него я.

— Они не противоречат Кредо, — пожал плечами тевтон, — хотя и не одобряются в землях Ордена.

— Может, стоит и поверить, — бросил я, прежде чем сделать первый шаг навстречу многочисленным врагам, — тогда мы уйдём праведниками прямо в рай.

— Займи мне место подальше от лир, — неуклюже пошутил тевтон.

— Я туда сразу за тобой, — столь же неловко отшутился я.

Мы слишком давно забыли, что такое искренний смех, чтобы сохранить хотя бы подобие чувства юмора.

— Твари! — заорал я во всю силу лёгких. — Ко мне!

Несколько нечистых обернулись в нашу сторону. Отреагировал и некромант, сделав повелительный жест, направляя на нас мертвецов, которых держал под контролем.

— Что встали?! — рывкнул я, вскидывая палаш. — Испугались?! Давайте, смелее! Мы

вас не больно убьём!

На нечистых мои выкрики, может быть, и произвели впечатление, а вот ходячим покойникам уж точно было всё равно. Они шагали к нам, волоча ноги, однако медлительность эта ни меня, ни тевтона не обманула. Стоило некроманту снова махнуть рукой, как все мертвецы тут же бросились на нас, опережая нечистых.

Первого я встретил рубящим ударом, отделив голову от тела. Второму отрубил обе тянущиеся ко мне руки. Уклонился от неуклюжего выпада нечистого, рубанул его наотмашь, сокрушая рёбра широким клинком палаша. Быстро освободил оружие. Парировал удар другого нечистого, пытавшегося достать меня grosmesserом, подставил под его оружие кинжал, легко отведя длинный и тяжёлый клинок в сторону. Пнул врага в живот ногой, заставляя согнуться пополам. Его прикончил тевтон, почти отрубив голову одним могучим ударом. Нечистый повалился к его ногам, и тевтон обрушил на его лицо подкованную сталью подошву ботинка. Под его каблуком голова нечистого лопнула как гнилой фрукт.

Я прорубался к некроманту, выбрав его своей целью. Надо ж к чему-то стремиться даже на пороге смерти. Однако тот, конечно же, не желал встречи со мной, выставя на нашем с тевтоном пути всё новые и новые ряды мертвецов. Нечистые же не горели желанием умирать на закутанного в плащ колдуна, предпочитая нас с тевтоном более лёгкие цели.

Всё новые и новые покойники падали к нашим ногам, мы рвались к некроманту. Тевтон, видимо, решил, что эта цель не хуже другой и следовал за мной. Последний ряд мертвецов, разделявший нас, был прорван, и мы почти одновременно ринулись к некроманту. Тот успел только руки вскинуть, чтобы защититься от наших клинков. Противопоставить холодной стали ему явно было просто нечего.

Я огляделся снова и понял, что мы не так и далеко от сражающегося отряда. Говорить ничего тевтону не было надобности. Он всё видел ничуть не хуже меня. Мы снова плечом к плечу врубились в толпу потерявших направляющую их силу, но не ставших от этого менее опасных, покойников. Да и очень скоро контроль над ними перехватит другой колдун.

Довольно скоро мы прорвались к отряду, и теперь дрались рядом с парой купеческих охранников. Один из них был уже ранен, причём не единожды. Кожаный колет его, и разрезные рукава дублета покрывали пятна крови.

Теперь пошла совсем другая рубка. Почти никакой работы ног, лишь машешь палашом, отбивая не слишком ловкие удары нечистых кинжалом. И тут же бьёшь в ответ. Или просто бьёшь. Под тяжёлым клинком палаша лопаются уродливые черепа восставших из могил покойников. Падают на мостовую руки. Валятся тела с разрубленными грудными клетками.

Я уж и не помню, как потерял кинжал. Теперь в левой руке сжимал трофейный grosmesser. Тело наливалось усталостью и болью. Мелкие ранения досаждали всё сильнее. Пускай не было ни одного серьёзного, но крови я уже потерял немало, а значит очень скоро просто повалюсь без сил, сделавшись идеальной добычей для покойников. Но пока этого не случилось, я буду драться, и отправлять их обратно на тот свет.

Стук копыт я услышал не сразу. Даже не сразу понял, что что-то изменилось, пока мертвецы с нечистыми не начали валиться на мостовую, будто скошенные снопы. Всадников оказалось не так и много, однако их появление сыграло решающую роль. Нечистые предпочли убраться куда подальше, спасаясь от клинков кавалеристов. Покойники же не представляли для них особой опасности. Кони сбивали их наземь, топтали подкованными копытами. Всадники, кое-кто из них даже копыта сохранил, прокладывали в толпе мертвецов кровавые просеки, обтекая наш сбившийся в тесную группу отряд.

Нам же оставалось опустить оружие, иные устало опускались прямо на мостовую. Сил почти ни у кого не осталось.

Когда с последними мертвецами было покончено, командир всадников остановил коня. Он открыл забрало шлема, выполненное в виде посеребрённого черепа, под ним скрывалось усталое лицо с тонкими, чёрными усиками.

— Куда идёте? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— В кордегардию, — ответил я, — или в иное место, где можно укрыться от этого хаоса.

— К чёрту все кордегардии, — отмахнулся командир всадников, — они все уже пали. Укрыться можно лишь в соборе Сан-Антонио. Там собрались выжившие в этой бойне.

— А ратуша? — подал голос кто-то из стоявших за моей спиной.

У меня не было сил даже на то, чтобы обернуться и глянуть, кто это был. Да и какая, собственно говоря, разница?

— Не видели дыма над городом? — звякнул наплечниками командир всадников. — Нет больше ратуши. Сгорела вместе со всеми, кто укрывался в ней. Поспешите к Сан-Антонио, мы хорошо расчистили дорогу туда.

— А вы разве не сопроводите нас до собора? — спросил тот же человек, и много кто поддержал его невнятным ропотом.

— Нет, — отрезал кавалерист, — я здесь не для этого. Мы идём на прорыв, к городским воротам. Вырвемся из города и доложим в ближайшую крепость ордена Бездушных о том, что творится в Пьяченце. Молитесь, чтобы нам удалось это сделать.

И он закрыл забрало, обрывая разговор. Взмахнул рукой, давая своим людям понять, что передышка окончена.

— И что нам теперь делать? — спросил тот же голос, что вопрошал командира всадников, когда те умчались дальше по улице — к городским воротам.

— Последовать его совету, — ответил я, первым решительно направляясь в противоположную сторону.

Я не слишком хорошо ориентировался на улицах Пьяченцы, но сейчас это не было важно. Главное, показать своё намерение идти вперёд. Не сдаваться. Не поддаваться слабости. Идти вопреки всему — боли, усталости, кровопотере, страху.

Дорогу всадники и в самом деле расчистили, нам не попало по пути к собору Сан-Антонио ни одного покойника или нечистого. Если не считать тех, кто валялся порубленный и потоптанный конями на мостовой.

Нас заметили через бойницы, заменяющие окна собору. Время открытых в любое время дверей храма прошло — по этому поводу оба папы выпустили соответствующие энциклики. Равно как минуло время и роскошных витражных окон, которыми славились соборы до эпидемии чумы. Теперь они служили пристанищем для людей во время таких страшных событий, как нынешние, и превратились в настоящие крепости, какие сложно взять даже самой большой серой орде.

Нас впустили через небольшую калитку, не давая ввалиться всем сразу, и поместили в отдельное помещение. Нам предстоял осмотр, и куда более внимательный, нежели при входе в город. Конечно же, рядом с докторами и их ассистентами дежурила пара священников с канделябрами, в которых горели длинные чёрные свечи. Стоило мне оказаться рядом с ними, как огонь в них тут же сменился на мертвенно-бледный.

Оба священника безошибочно повернулись в мою сторону. Охранники, дежурившие у

Входа и выхода, обнажили мечи.

Глава 5

Ловушка надежды

Чёрные свечи — лучшее средство для определения нечистых. Как ни скрывайся, а стоит только приблизиться к одной из них на десяток шагов, и пламя её тут же изменит свой цвет, будто почуяв проклятье. Не знаю уж, что добавляют в их состав священники или алхимики, работающие на церковь, но обмануть их не удалось самым ловким из шпионов Чёрной порты.

И сейчас эти свечи обнаружили моё проклятье. А стражи у дверей приготовились к бою. Однако я повёл себя вовсе не так, как должен бы, окажись на моём месте разоблачённый шпион некромантов. Я поднял руки, демонстративно держа их как можно дальше от оружия, и произнёс:

— Господа, свечи не лгут, но дайте мне объясниться.

— Господу будешь объяснять, — отрезал командир стражей.

Нервы у всех были натянуты почище струн, и разбираться со мной явно ни у кого желания не было.

— Дайте мне три минуты, — сказал я. — Больше не понадобится.

— Ну давай, время пошло, — махнул рукой командир.

Я медленно и аккуратно расстегнул пуговицы джеркина и скинул его на пол, затем последовал черёд рубашки. Все, находившиеся в помещении, с интересом уставились на мои татуировки.

— Разрешите подойти ближе? — попросил у командира стражей один из священников, передавая свой подсвечник товарищу и, не дожидаясь разрешения, делая пару шагов в мою сторону. — Очень интересная работа. Я изучал труды по прикладному богословию и защите от тёмных сил... — Он провёл пальцами над моим плечом, там, где сходились строчки псалмов: «Марнафа, приди, Господь! Марнафа, Иисус!»^[19] и «Господь сокрушает кедры Ливанские»^[20], едва не коснувшись кожи. — Все эти знаки и цитаты из Святого писания, да ещё и оформленные столь красочно... Они сдерживают то, что внутри вас.

— Да, отче, — ответил я. — Они держат в узде моё проклятье.

— И где их нанесли вам?

— В аббатстве Пассиньяно.

Я намеренно назвал его не самым распространённым из именований. Конечно, все знали, что в монастыре Святого Михаила Архангела умеют управляться с самыми сложными проклятьями. А вот то, что знаменитый на всю Тоскану, да и за её пределами монастырь расположен в бывшем замке Пассиньяно, известно куда меньшему кругу лиц. И мне оставалось лишь молиться, чтобы священник, осматривающий меня, знал это название.

— Слава о нём идёт широко, — кивнул тот. — Нет нужды опасаться этого человека. Его проклятье заперто надёжно.

— Можешь одеваться, — велел мне командир стражей, — но знай, что я буду внимательно приглядывать за тобой.

— Постараюсь не злоупотреблять вашим гостеприимством, — бросил я в ответ.

Собрав вещи в охапку, я поспешил убратся из помещения через вторую дверь, ведущую в главный неф храма Сан-Антонио. Стражи проводили меня мрачными взглядами. Уверен, отдай их командир приказ и меня даже не отправили бы в боковые нефы, где собирали всех

заподозренных в заражении чумой. Прикончили бы без лишних слов, а труп вышвырнули прочь, чтобы не осквернял святого места. Но, по всей видимости, осматривавший меня священник имел здесь немалый вес, и идти против его слова командир стражей не рискнул.

Внутри меня встретил отец семейства вместе с женой и обоими сыновьями. Я не следил за ними с того момента, как мы покинули разгромленный постоялый двор и был рад видеть всех живыми. Как и они меня.

— Это добрый знак, — хлопнул меня по плечу отец семейства. — Мы все живы и здоровы, а значит нам сопутствует удача, не так ли?

Я не стал говорить, что запас удачи обычно заканчивается в самый неподходящий момент. Не стоит портить настроение хорошему человеку. Ведь и он и его супруга с детьми были в самом деле рады видеть меня живым, хотя мы знакомы были всего несколько дней. Правда, такие дни часто заменяют годы.

— А что теперь будет? — с обычной детской непосредственностью спросил у отца старший из сыновей.

Они с матерью сидели на длинной лавке и внимательно глядели на отца, ожидая ответа. Оба мальчика ещё не вышли из того возраста, когда кажется, что родители всех умнее, сильнее и точно знают всё на свете.

— Ты же видел кавальери, что спасли нас на улице, — ответил отец семейства, — они обязательно вырвутся из города и сюда придут Бездушные.

— И они убьют всех нечистых и некромантов? — с наивным простодушием поинтересовался младший из братьев.

— Дурак ты, — тут же бросил ему старший, — конечно, придут и всех их убьют. Они ж на то и Бездушные!

Мать строго глянула на неразумное дитя, и тот быстро отвёл глаза.

— Нельзя обзывать младшего брата, — с усталой строгостью пожурела она его.

— Ну а чего дурацкие вопросы задаёт?! — тут же вскинулся старший сын.

— А ничего не дурацкие.

— Не шумите, — осадила обоих мать. — Не забывайте, где мы все находимся.

Вряд ли ей удалось так уж пристыдить детей, но они прекратили препираться, и лишь поглядывали друг на друга волчатами. Ну да братья на то и братья, чтобы вечно ссориться между собой.

Я быстро надел рубашку и джеркин, чтобы не смущать собравшихся в центральном нефе голым торсом и татуировками. Хотя на меня особо никто не смотрел. Люди были погружены в своё горе, и редко кто глядел не в пол. Пусть Пьяченца и была гарнизонным городом, однако тут жили и обычные люди: лавочники, мастеровые, вместе с семьями и детьми. И сейчас они потеряли всё. В их домах хозяйничали мародёры, разоряя нажитое, сами же они были вынуждены скрываться в церкви, ожидая прибытия Бездушных. А ведь всем известно, что те не особо церемонятся, часто оставляя после себя сожжённые кварталы городов.

Тевтон со скандинавом, которых я потерял из виду по пути до церкви Сан-Антонио, вскоре также вошли в общий зал. Отец семейства приветствовал их столь же сердечно, как и меня.

— А с пистольером что? — вспомнил я о последнем нашем спутнике.

— Я же говорил, что все живы и здоровы, — напомнил мне отец семейства. — Он отправился к алтарю, чтобы помолиться, и пока ещё не возвращался.

— Наверное, стоит последовать его примеру, — кивнул я. — Ты со мной? — спросил я

у тевтона.

— Возблагодарить Деву Марию за наше спасение будет самым разумным поступком, — ответил тот.

— Скандинав пускай тоже идёт с нами, — сказал я.

— Он молится другим богам, — заметил тевтон.

— Ты ещё не обратил его в истинную веру? — притворно удивился я. — Значит, я сейчас попытаю счастья в этом деле.

— Безнадёжное дело, — заявил тевтон, однако скандинава позвал, и покрытый коркой подсыхающей крови здоровяк зашагал следом за нами.

Я взглядом выискивал человека в чёрном. Тот явно находился где-то здесь, в общем нефе. Он проскользнул сюда следом за мной, но я потерял его из виду, когда ко мне подошёл отец семейства. Сейчас же надо было найти его и как можно скорее.

— Ты алтарь потерял? — удивился тевтон, наблюдая за тем, как я внимательно оглядываю неф, полный людей.

Высмотреть человека в чёрном среди них было проблематично. В церковь набилось сотни людей. Они сидели на длинных скамьях, или без особой цели бродили по нефу. Священники беседовали с ними, оказывали помощь тем, кому она была необходима. Иных уводили на исповедь, давая очистить душу. Никто вроде громко не разговаривал, но в помещении царил негромкий гул, будто в улье, полном деловитых пчёл.

И всё же мне удалось заметить человека в чёрном. Он сидел, конечно же, в тёмном углу, расположившись прямо на полу, прислонившись спиной к колонне. Так сидели многие, кому не хватило места на скамье, а сил держаться на ногах уже не было. Лицо человека в чёрном закрывала повязка, так что видны были только глаза, на руках он носил кожаные перчатки. Ни на постоялом дворе, ни на улице он так не скрывался, и это ещё сильнее усилило мои подозрения относительно него.

— Пускай скандинав зайдёт сзади, — кивнул я в сторону сидящего на полу человека в чёрном, — и по моей команде крепко схватит этого типа.

— Так и знал, что мы не молиться идём, — ответил тевтон. — Надеюсь, ты расскажешь мне, во что нас втягиваешь.

— Думаю, сейчас всё встанет на свои места.

Тевтон бросил несколько отрывистых фраз скандинаву, и тот отделился от нас. Мы же вместе направились к сидящему на полу человеку в чёрном. Тот заметил нас с тевтоном, когда мы подошли почти вплотную. Скорее всего, сказались усталость и безумное напряжение первых часов этого дня. Он вскинулся было, но мы с тевтоном уселись на пол напротив него, откинувшись спинами на боковину ближайшей скамьи.

— Рад видеть тебя живым и здоровым, — бросил я человеку в чёрном. — Ты отлично стреляешь из лука. Хотел бы пожать тебе руку. Редко в наше время можно встретить такого человека.

Я протянул ему руку, и человек в чёрном, слегка замешкавшись, всё же протянул навстречу свою. Либо сильно устал, либо не ждал подвоха от того, с кем только что дрался плечом к плечу. Я поймал его запястье, сильно сдавив пальцами. Человек в чёрном попытался освободиться, но я держал крепко. Он левой рукой выхватил кинжал, но прежде я успел негромко крикнуть:

— Скандинав, давай!

И здоровяк, ловко примостившийся за колонной, тут же заключил человека в чёрном в

свои медвежьи объятия.

— Вы что творите? — прошипел попавшийся человек в чёрном. — Я же с вами вместе нечистых убивал. Ограбить меня хотите? Так у меня ничего ценного нет.

— Заткнись, — оборвал его я, и стянул с его длинных пальцев, подходящих вору или музыканту, перчатку.

Кожа человека в чёрном была молочно белой, а ногти на всех пальцах, чёрными, будто выкрашенными чернилами.

— Вот же... — сдавленно произнёс тевтон. — Да это же нечистый. Шпион их что ли?

— Хуже, — ответил я. — Подними его капюшон, и загляни в глаза.

Тевтон так и сделал. Правую сторону лица человека в чёрном уродовал ветвистый шрам, начинающийся над бровью и избороздивший всю щёку. Левый глаз его был ничем не примечателен, а вот правый отливал той же зеленью, что и полные заразы камни крысолюдов.

— Вот же... — снова подавился словами тевтон. — Зараза... И как его сюда пустили? Чёрные свечи должны были почуять его.

— Они и почуяли, но ему повезло оказаться в одном помещении со мной, — ответил я.

— Твои татуировки, — понял тевтон. — Они не дают вырваться скрытому в тебе проклятью или заразе или ещё один Господь знает чему.

— Ты ловок, парень, — бросил я человеку в чёрном, — сумел спрятаться за моей спиной и нырнул сюда, пока стражи отвлеклись на меня. Вот только одного ты не учёл, я слишком хорошо знаю то, что скрывается внутри меня.

Я отлично помнил, как священники в Пассиньяно зажигали чёрные свечи всякий раз, когда Романо принимался за работу. И последний его визит они горели совершенно обычным пламенем.

— И что нам с ним делать теперь? — спросил тевтон.

— Приведи священника рангом повыше, — сказал я в ответ, — пускай он и разбирается с этим типом.

Тевтон уже поднялся на ноги, когда человек в чёрном остановил его коротким, негромким окриком. Привлекать к себе внимания он по понятным причинам не хотел.

— Погодите! Дайте мне объясниться.

— Мы тебя очень внимательно слушаем, — кивнул я.

— Я — вор, — честно признался человек в чёрном, — и не раз бывал в городах скорби. Там ещё осталось немало ценного, особенно для кое-каких из правящих семей, или их конкурентов...

— Что за бред, — возмутился тевтон, — какие ещё ценности? Да оттуда рейдеры вытащили всё ещё в первые годы. В городах скорби сейчас только бродячие мертвецы и остались.

— Многие думают так, — кивнул вор, — но подумай сам, это же были города с многотысячным населением. Там стоят резиденции правителей целых стран, банкирские дома, особняки знаменитейших семейств. Да, рейдеры основательно почистили города, однако там осталось много такого, за что богачи готовы платить. И платить щедро.

— Например? — скептически воззрился на него тевтон.

— Да взять хотя бы документы, — ответил вор. — Купчие, закладные, завешания, бухгалтерские книги, векселя. Всё это имеет ценность до сих пор, и будет иметь через сотню лет.

— Правдоподобно, — кивнул я, — но какое это отношение имеет к твоим меткам?

— В городе скорби я эту заразу и подхватил, — признался вор. — Да, я нечистый как он есть, но я — не опасен.

— И чем ты можешь это доказать? — снова насел на него тевтон. — Одной твоей честности будет мало, сам понимаешь. Нам нужны доказательства повесомей.

— Ничуть не сомневался, — ответил вор. — Ты сам можешь вложить персты в раны мои. Расстегни куртку у меня на груди, напротив сердца, и ты всё увидишь своими глазами.

Тевтон откинул за спину плащ вора, под ним обнаружилась кожаная куртка, правда весьма своеобразная. Она представляла собой скорее некую сложную конструкцию с корсетом, закрывающим живот, оплечьями и парой пластин на груди, всё это было переплетено целой паутиной верёвок с петлями, в которых было закреплено снаряжение вора. Какие-то бутылки, свёртки и, кажется, наконечники для стрел.

Тевтон однако довольно легко разобрался в этом переплетении, и быстро сдвинул в сторону кожаную пластину, закрывающую левую сторону груди вора. На бледной коже вора красовалось распятие. Не вытатуированное, как у меня, а выжженное. И глубокий ожог сохранял свои первоначальные очертания, несмотря на то, что времени прошло довольно много, он давно уже зажил и зарубцевался.

— Я прошёл испытание огнём, — сказал вор, без особой нужды поясняя нам то, что мы видели своими глазами. — Я — чист перед Господом и миром. Настолько чист, насколько вообще может быть чист нечистый.

— И что нам с ним делать теперь? — поинтересовался у меня тевтон.

— Можно и святым отцам сообщить, конечно, — пожал плечами я. — Но это, всё равно, ничего не даст. Разве что приглядывать за ним будут лучше.

— Всё — хлеб, — пожал плечами тевтон.

— Да что я вам дурного сделал-то? — попытался возмутиться вор.

— Меня вполне могли прикончить на входе, — честно ответил я, — из-за того, что ты решил прикрыться мной, чтобы проскользнуть внутрь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну, прости уж, — попытался пожать плечами вор, но получилось не слишком хорошо, ведь скандинав продолжал крепко сжимать его в своих медвежьих объятьях. — Каждый пытается выжить, как может. Я вот увидел на тебе след проклятья, и понял, что свечи точно на него отреагируют.

— Как же ты проклятье углядел? — поинтересовался тевтон. — Зелёным глазом своим, что ли?

— Именно им, — кивнул вор. — Он у меня вообще много всего видит.

— Ну что, прикончим его? — ничуть не стесняясь присутствия вора, спросил у меня тевтон. — Может он и не опасен, но оставлять такого за спиной мне как-то не хочется.

В этот момент мне отчаянно захотелось вскрыть горло именно тевтону. Вроде бы нормальный человек, но как скажет что-нибудь, и понимаешь, насколько он прогнил внутри.

— Кхм, — кашлянул кто-то прямо над нами.

Мы все обернулись на голос, и увидели знакомого мне священника. Того самого, кто выступил в мою защиту на входе в собор.

— Простите, что прерываю вашу беседу, мессере, — произнёс он, — но мне надо поговорить с вами.

— С кем именно? — поинтересовался я, поднимаясь на ноги.

— Именно с вами, мессере, если ваши спутники не против.

Никто возражать, конечно, не стал. Мы со священником отошли на несколько шагов. Он сделал приглашающий жест, и я проследовал за ним в ближайший боковой неф. Там уже стояли несколько человек, а на входе дежурил мрачный страж в порубленной кирасе, устало опирающийся на длинный меч. Таким в тесноте нефа не особо помашешь, страж явно стоял просто для придания защищённости небольшого собрания.

В нефе, кроме нас со священником и стража, находились трое. Двое явно чиновники из местной ратуши, каким-то чудом пережившие пожар, о котором говорил командир спасшего нас отряда. Тот, что постарше, был местным — черноволосый, среднего роста, с аккуратно подстриженными усами и бородой. Одежда на нём была довольно богатой, хоть и носила следы не самого приятного путешествия к собору. Второй же был либо тевтоном, либо уроженцем Альбиона, если судить только по внешности. Грубоватые черты лица его были словно вырублены ударами плотницкого топора, светлые волосы растрёпаны, а пышные усы воинственно топорщились. Одет он был ничуть не хуже второго чиновника и куда аккуратней. Строгость одежды контрастировала со скверно причёсанными волосами. Вооружены оба чиновника были скорее символически. У обоих на поясах висели длинные кинжалы, малопригодные в настоящей схватке. Компанию двум чиновникам составлял внушительный священник в богатой рясе и с унизанными перстнями толстыми пальцами. Скорее всего, местный епископ, или кто был в Пьяченце главой церкви.

— Господа, — склонил голову в поклоне приведший меня клирик, — это тот самый человек.

Стоило нам войти, и все повернули головы в нашу сторону, изучающе оглядывая меня. Я тоже не торопился начинать разговор, несмотря на крайне интересное представление моего сопровождающего. Пока все инстинкты подсказывали мне, что надо выждать, пусть те, кому я понадобился, сами озвучат, что им от меня нужно.

— Вижу, он точно рассудительный человек, — произнёс прелат, первым нарушив повисшее в нефе молчание, — что не может не радовать. Скажите мне, сын мой, есть ли у вас какие-либо обязательства перед Святой церковью? Быть может, вы исполняете некие поручения иных прелатов, и для их исполнения вас снабдили необходимыми бумагами?

— Не иных, а определённого прелата, — ответил я, снимая с пояса сумку с бумагами, выданными Гедалией.

Я расстегнул её, и протянул верительную грамоту епископу. Он передал её сопровождавшему меня священнику, и тот принялся изучать написанное.

— Здесь говорится, что податель сего, находится на службе у инквизитора Тосканы прелата Лафрамбуаза, и ему должно оказывать всякую помощь и поддержку в исполняемой им миссии.

Скорее всего, что-то было зашифровано в тех цитатах из Святого Писания или символах Веры, покрывавших моё тело. Какой-то знак, вёдомый лишь занимавшимся тем самым прикладным богословием, труды по которому изучал спасший меня священник.

Мне вернули бумагу, и ко мне тут же обратился епископ, видимо посчитавший, что раз я служу церкви, то его авторитет будет самым высоким. Не скажу, чтобы он так уж сильно заблуждался в этом вопросе.

— Я понимаю, что вы передвигаетесь с некой крайне важной миссией, однако сейчас все мы в одной лодке.

— И лодка эта дала серьёзную течь, — не слишком вежливо перебил его советник-

альбионец. — Помочь всем нам спастись может лишь человек с вашими талантами и боевыми навыками.

— Если вам нужен ещё один человек, чтобы обороняться от осаждающих нас покойников и нечистых, то можете располагать мной, — пожал плечами я. — Ей-богу, не стоило из-за этого такой огород городить.

— Не стройте из себя глупца, — оборвал меня явно не отличавшийся ни мягким нравом, ни избытком вежливости альбионец. — У нас достаточно солдат, чтобы держать оборону собора. Нам нужны те, кто пройдёт за городские стены и сообщит ситуацию в городе Бездушным с ближайшей заставы.

— Погодите, — вскинул руки я, — но нас спасли кавальери, которые должны были сделать это. Им не удалось вырваться из города?

— Увы, да, — скорбно кивнул епископ, — весь отряд кавальери Аркури погиб.

— Им устроили засаду у городских ворот, — снова взял инициативу в свои руки альбионец. — Какая-то громадная тварь перебила всех до единого всадников за считанные мгновения.

— Вы были свидетелем? — удивился я.

— Увы, — подпустил в голос ещё больше скорби, и, похоже, совсем не поддельной, епископ, — все мы были свидетелями. Мы наблюдали за их гибелью с колокольни собора через подзорную трубу, и видели каждое краткое, но кровавое мгновение той схватки.

Я не стал даже спрашивать, что это была за тварь или как она выглядела. Зачем? Если она легко расправилась с отрядом кавальери, то уж мне к ней и приближаться не стоит.

— Если у ворот торчит такой монстр, что с ним не справился отряд кавальери, то что смогу сделать я?

— Разумно, — вступил в разговор второй чиновник, — но от вас и не требуется даже приближаться к воротам.

— Надо пройти катакомбами, — снова нетерпеливо влез альбионец. — Вам выдадут карту и все необходимые для этого припасы. Также вы вольны располагать любым количеством солдат, в разумных пределах, конечно.

— Я не хочу ослаблять оборону, — ответил я, — и возьму несколько человек, с которыми уже сражался вместе. Однако все они наёмники и для них критичен вопрос оплаты. Сколько вы готовы предложить, и, главное, каковы гарантии?

— Вы же понимаете, что сейчас мы обладаем весьма скромными запасами, — тут же принялся юлить советник-итальянец, — финансовое положение города оставляет желать много лучшего...

— Эти люди, — прямо заявил я, — пойдут ради всего города на смертельный риск, ради того, чтобы спасти и ваши шкуры в том числе. Так что уж извольте раскошелиться. Чем вы желаете платить, золотом или кровью?

— Но состояние казны...

— Мы выдадим вам долговую расписку в счёт городской казны, — заявил альбионец, — которую погасят Бездушные из собственных фондов. А с ними уже мы будем расплачиваться, ну и церковь поможет, не так ли?

Епископ, не меняя скорбного выражения на лице, пару раз коротко кивнул. И снова сомневаться в его искренности не приходилось.

— Пока я тут синдик,^[21] советник Гордон, — взбеленился итальянец, — и я распоряжаюсь городской казной!

— Чего синдик? — глянул на него альбионец по имени Гордон, кажется, о нём что-то говорил один из солдат. — Вы не прислушались ко мне, когда я говорил о странностях, творящихся в Подгороде. Вы урезали и урезали бюджет городской стражи, полностью полагаясь на гарнизон. Вы не стали принимать никаких мер к нечистым, несмотря ни на что. И не надо валить всё на город скорби, синдик! Без активной помощи нечистых у наших врагов ничего бы не вышло!

Советник-итальянец, оказавшийся городским синдиком, хотел было что-то возразить в ответ на агрессивную риторику Гордона, но тот не дал ему этого сделать.

— Мои люди спасли вас из горящей ратуши. Вы и живы-то лишь благодаря мне, а сюда приглашены по настоянию монсеньора епископа. Все достаточно претерпели от вашего управления городом, так что вам остаётся быть лишь немым свидетелем. Немым, вы достаточно хорошо поняли меня, мессере?

— Достаточно, — с невероятной злобой глянул на советника Гордона синдик. — Но знайте, что те, кто превыше нас, узнают о вашем самоуправстве!

— Если мне удастся спасти город, — отрезал Гордон, — то остальное уже не важно. После — хоть потоп, главное, что я сделал всё, что мог.

— Если вы закончили препираться, — заявил я, — готовы ли выслушать меня?

Гордон обернулся ко мне, уставившись взглядом выцветших, почти рыбьих, глаз, выдающих в нём уроженца Альбиона. Говорить ничего не стал, однако сам вид его был куда красноречивее любых слов.

— Нам нужно не менее восьми часов отдыха, — начал перечислять я. — Мы слишком устали, чтобы отправиться в катакомбы прямо сейчас. К исходу этого времени я составлю список необходимого снаряжения. Расписку к Бездушным вы оставите мне, и знать о ней должен я один. Надеюсь, вы отлично понимаете важность этого момента. Но прежде чем я дам согласие, — слегка покривив душой, потому что я сразу был согласен, как узнал о гибели отряда, — мне нужны ответы на вопросы.

— Желаете получить их сейчас, — в той же деловой манере произнёс Гордон, — или после отдыха?

— Сейчас, — кивнул я. — Вопрос у меня, собственно, всего один: почему именно я? Не проще ли отправить отряд солдат, которые знают катакомбы лучше меня и у кого куда больше шансов справиться с заданием.

— Нет таких солдат, — честно ответил Гордон. — Катакомбы не патрулируются больше десяти лет, с тех пор, как по договору с гильдией алхимиков были взорваны все проходы, связывавшие Пьяченцу с городом скорби. Или хотя бы могущие связывать. Так все думали тогда. С тех пор город полагался только на защиту стен, не думая о том, что находится прямо под нашими ногами. — Он перевёл дух и снова прямо глянул мне в глаза. Выдержать его взгляд было довольно сложно, но и не таких в гляделки переигрывал. — А почему именно вы? Очень просто. Я был уверен, что вы возьмёте с собой тех людей, с кем уже сражались. Если честно, я считал их вашим отрядом. — Гордон легко перешёл на это «я», как будто епископа с синдиком тут не было вовсе, и все решения принимал лишь он один. — Ваши татуировки, — добавил он. — По словам святого отца, бегло осмотревшего вас при входе, они очень сильны. Значит, проклятье в вас крайне могущественное. А заполучить такое можно лишь в городе скорби. И я сделал вполне логичный вывод, что у вас рейдерское прошлое.

Отрицать то, что он сказал, было глупо — всё слишком очевидно. Гордон разложил всё

по полочкам, не оставив места никакой недосказанности. Мне оставалось лишь пожать плечами.

— А теперь давайте говорить начистоту, — резко бросил я, — почему вы не желаете отправлять отряд проверенных солдат, а доверяете спасение всего города наёмникам, да ещё с самой сомнительной репутацией?

Какой же ещё могла быть репутация у человека, который даже не отрицает, что он грабил опустевшие после эпидемии города. Причём ровно до тех пор, когда это стало слишком опасно.

— Плакальщики, — мрачно бросил синдик. — Их очень много в катакомбах. Настоящая орда, если не больше. Они уже стучатся в решётки, пытаются выбраться наверх.

— Иными словами, — кивнул я, едва сдерживаясь от сардонической улыбки, — шансов выбраться живыми из катакомб у нас почти нет.

Никто не стал отвечать мне. Зачем же подтверждать очевидное...

Глава 6

Morituri

Нам выделили отдельный неф для отдыха. Мы пригласили к себе и отца семейства с женой и сыновьями. Хотя в нефе тут же сделалось тесно, но оставлять семью спать на скамьях в наоксе^[22] было слишком жестоко. Мы через многое прошли вместе, чтобы бросать их сейчас.

— За что нам такой почёт и уважение? — удивился тевтон, располагаясь на чистом полу нефа.

Нам выделили достаточно одеял, чтобы две скамьи в нефе достались женщине и обоим её сыновьям. Мы сдвинули их вместе, образовав некое подобие кровати. Не думаю, что очень удобное, но всё лучше, чем провести ночь на каменном полу.

— Я подрядил нас на задание, в котором выжить шансов почти нет, — честно ответил я.

— За пару одеял и отдельное место, — сказал тевтон, — я согласен и не на такое.

Конечно, покривил душой, не верил в то, что я был абсолютно серьёзен.

Физическое и нервное истощение сделали своё дело. Я уснул как младенец, несмотря ни на что. Ни твёрдый пол, ни всего пара одеял — одно внизу и вторым укрываешься, — ни гул, стоявший в храме, не помешали мне. Я спал как убитый, и вряд ли кто-то из моих невольных спутников страдал от бессонницы. Мы слишком много выпили прошлой ночью, слишком устали от перехода и сражения с нечистыми, крысолюдами и мертвецами.

Судя по тому, как затекло тело, всё время я проспал не меняя позы. Я с удовольствием потянулся под аккомпанемент хруста суставов, и резко сел, почувствовав, что надо мной кто-то стоит.

— Простите, — сказал знакомый священник, стоявший на входе в неф, — не хотел пугать вас своим появлением, но восемь часов, отпущенных на отдых, подходят к концу.

— Вы не напугали меня, отче, — ответил я, быстро вставая, чтобы поскорее разогнать кровь в жилах, — но не стоит делать подобного впредь. Я мог и убить вас, прежде чем пойму, что сделал.

— На всё воля Господа нашего, — развёл руками святой отец.

Никогда не понимал подобного фатализма.

— Уже уходишь? — сел на своей импровизированной постели тевтон.

Скандинав тоже проснулся, но садиться не спешил. Так и продолжал валяться на одеяле, закинув обе руки за голову. А вот отец семейства спал как убитый, даже сладко посапывал. Ну да ему сегодня из собора не уходить, пускай себе спит дальше.

— Идём со мной, — кивнул я тевтону, — и скандинава прихвати. Мы уходим вместе.

— Ты насчёт того дела, за которое нам уже авансом неплохо заплатили? — спросил тевтон, и я снова кивнул в ответ, ничего не говоря.

Тевтон поднялся на ноги и сделал знак скандинаву следовать за ним. Интересно всё же, что их связывает? Не только же из-за того, что не знает ни слова на других языках, здоровенный скандинав, да ещё и боец каких поискать, всюду таскается вслед за этим гниловатым тевтоном.

Мы последовали за священником, пройдя через притихший наокс. Большинство собравшихся в зале всё ещё спали, остальные вели себя как можно тише, инстинктивно стараясь никого не будить. Когда мы покидали давший нам приют неф, я обернулся и

увидел, что старший из мальчишек проснулся и глядит на нас большими спящими глазами.

— Спи, — одними губами произнёс я, и вышел в наокс.

Стараясь ступать как можно тише, мы добрались до трансепта. Но прежде чем священник постучал в дверь, ведущую, как я думал сначала, в придел, нас перехватил человек в чёрном.

Мы расстались с ним вчера, когда нам выделили отдельный неф, куда вора, конечно же, никто приглашать не стал.

— Погодите, — сказал он ещё более тихим, чем обычно голосом. — Вы уходите, верно? Я хочу пойти с вами.

Я глянул на него, прикидывая, стоит ли и в самом деле брать его с собой. Конечно, лишних людей, особенно в подземелье с плакальщиками и ещё один Господь знает кем, не бывает. Но можно ли доверять вору, да ещё и нечистому? Несмотря на метку и всё прочее. Он ведь вполне может всадить нам по стреле в спину, и поминай как звали. Хотя, зачем бы ему это надо? Но ведь чужая душа — потёмки...

Прикидывать можно до бесконечности, а решать что-то надо прямо сейчас.

Я снова оглядел вора с головы до ног, и кивнул ему.

— Этот теперь тоже с вами? — без особой нужды поинтересовался у меня священник.

— Лишним никто не будет в катакомбах, — ответил я.

— Значит, нам в катакомбы лезть, — кивнул больше себе тевтон. — Да уж, из огня да в полымя, ничего не скажешь.

— Кто-то должен идти туда, — отрезал я. — Выбор невелик. Или мы дерёмся здесь с нечистыми и ходячими покойниками, пока кто-то другой пытается прорваться через катакомбы, чтобы привести помощь, или берём свою судьбу в свои руки. Что выбираешь?

Тевтон только плечами пожал.

— Если мы определились, то давайте продолжим наш путь, — напомнил о себе священник.

Он подошёл к двери в притвор и быстро постучался. Открыли с такой скоростью, будто послушник по ту сторону только нас и ждал. За дверью оказался вовсе не притвор, а небольшое помещение с каменной лестницей вниз. Послушник пропустил нас и запер дверь. Мы же вслед за священником направились по каменным ступеням в подвал.

— Здесь находится малая оружейная, — дорóгой сообщил нам священник, — и всё необходимое вы можете взять там. Сверх того, что хранится в ней, мы ничем не располагаем. Ещё ниже расположены входы в катакомбы. Они надёжно закрыты решётками, а отряд солдат будет дежурить, пока мы откроем их, чтобы вы могли выйти.

— Лучше скажите, а что мы получим за спасение всех в этом храме? — спросил тевтон.

— Не только здесь нашли укрытие люди, — ответил священник, — и вы спасёте всех, кто прячется сейчас от бесчинств, творящихся на улицах города.

— Отличная риторика, — усмехнулся тевтон, — но вы не ответили на вопрос.

— Награда будет, — вместо священника ответил я. — Выберемся из катакомб, и всё узнаешь. Даю слово.

— Нам обещал награду отец семейства за охрану по дороге, — возмутился тевтон, — и где деньги? Разве мы не справились с задачей? Теперь приходится положиться лишь на твоё слово? Думаешь, мне этого достаточно? Или хватит отдельного нефа и пары одеял?

— Прежде ты говорил иначе.

— Я не был серьёзен и ты это отлично понимаешь!

— Откуда мне знать, когда ты был серьёзен, а когда — нет? Я тебя знаю всего пару дней. Впрочем, не хочешь — оставайся, тебе всего-то и надо, что подняться обратно наверх. Что-то мне подсказывает, что с вором у меня не меньше шансов выбраться из подземелья, нежели с тобой.

— Да он же тебе стрелу в спину пустит при первой возможности!

— Ничего, что я рядом с вами иду? — напомнил о себе вор, но его никто не стал слушать.

— Вор, по крайней мере, — прошипел я почти в самое ухо тевтону, — не предлагал бросить всех и прорываться прочь из города.

Тевтон замолчал, потупив взор. Видимо, он был из той породы людей, которым невыносимо стыдно за собственные подлости. Вот только это не мешает им совершать новые, которых они будут столь же страстно стыдиться.

— У тебя есть шанс, — продолжил я говорить так же тихо, — спасти весь город, и неплохо на этом заработать. Подумай, стоит ли упускать такой?

Почти во всех подлецах, к каким смело можно было отнести и тевтона, живёт кроме стыда ещё отчаянное желание показаться лучше, нежели ты есть на самом деле. И я дал ему дополнительный стимул идти с нами, потому что, что бы я ни говорил, а вдвоём с вором, которому я совсем не доверяю, шансов выбраться из катакомб у меня практически нет.

Священник проводил нас в оружейную, отворив тяжёлую дверь, запертую снаружи на массивный засов. Я мимоходом оценил его силу, ведь он легко справился с засовом и, не прибегая к чьей-либо помощи, открыл тяжёлую створку двери.

Мы вошли в оружейную — это была настоящая лавка сладостей для взрослых мужчин. Конечно, в арсеналах крепких гарнизонов, особенно столичных городов, можно встретить куда лучший выбор, нежели здесь, но нам с головой хватило и этого. Шпаги, сабли, палаши, тесаки, гросмессеры, длинные мечи, вплоть до биденхандеров, какими орудуют лучшие наёмники ландскнехтских рот. На манекенах висели доспехи, также самые разнообразные, и отдельные детали. Стояли даже несколько полных доспехов, около одного остановился тевтон, глядя на него, как заворожённый.

Я первым делом поддел под джеркин дублет из тонкой кожи и кольчужными рукавами, практически только этим и ограничившись. Ещё к трофейному, вполне приличному гросмессеру добавил пару кинжалов, да подобрал ему ножны, выбрав почти идеально подходящие. Повертев в руках несколько пистолетов, я понял, что они не отличаются качеством от моего, а потому менять их не стоило. Таскать же с собой сразу полдюжину по примеру пистольера, я не собирался. Хотя бы потому, что умею обращаться с ними так же ловко, как он. Здесь же я пополнил запасы пороха и пуль.

Примерно так же скоро, как и я, закончили скандинав с вором. Последний долго перебирал стрелы, ища подходящие к своему луку, а после копался в каких-то ящиках, не то с алхимическими зельями, не то с хитрыми наконечниками для стрел. Скандинав же вовсе остался равнодушен к здешнему изобилию. Он лишь заткнул за пояс несколько метательных топориков, да попробовал пальцем остроту двух или трёх кинжалов. Но ни один не взял себе, видимо, просто возился с ними от скуки.

А вот тевтон не только сменил свой изрядно порубленный меч на новый, простой в исполнении, но вполне достойный какого-нибудь знатного лорда, а то и короля из тех, кто попроще. К нему он добавил пару пистолетов в хитрой двойной кобуре, позволяющей быстро выхватить оба. Кольчугу он тоже сменил, но, даже натянув новую, продолжал глядеть на

один из доспехов.

Мы все уже закончили, а тевтон всё стоял и пялился на тяжёлый, полный доспех миланского образца. Покатые наплечники, обтекаемые формы, предельно затрудняющие нанесение удара, даже боевым топором или булавой сложно попасть так, чтобы остриё или било не соскользнуло по стали, оставив на ней лишь несколько уродливых царапин. На локтях и коленях доспеха красовались шестерёнки, выдавая в нём часовую броню. Под пластинами его скрывались сложные механизмы и переплетение тросов с ремнями — вся эта сложная машинерия позволяла как минимум удвоить силу человека, надевшего этот доспех. Самые же дорогие и сложные наделяли владельца едва ли не бычьей силой, как например, легендарные доспехи императора Максимилиана, названные в его честь.

— Бери их, — подбодрил я тевтона, — но учти, что на спину мы тебе повесим зарядный ящик, вон от той митральезы.^[23] — Я указал на малое орудие, скромно стоявшее в углу оружейной. — Ну а мы все вместе потащим её.

— Зачем? — не очень понял мою мысль тевтон.

— В этом доспехе ты при каждом шаге будет звенеть, скрипеть и щёлкать как механизм башенных часов, а потому прорываться нам придётся с боем всюду. Так что без митральезы в катакомбах нам точно не обойтись.

— Сам знаю, — окрысился на меня тевтон и принялся нарочито подтягивать ремешки на новой кольчуге, чтобы не звенела.

Я бы и сам при иных обстоятельствах не отказался от такого доспеха, вооружившись биденхандером или двуручной секирой, чтобы крушить врагов. Но не в катакомбах же, где и так не особо развернёшься, и не когда враг настолько превосходит тебя числом, что мимо большей части надо как можно скорее прокрасться так, чтобы тебя не заметили.

После оружейной мы набили дорожные сумки едой и разными полезными мелочами, постаравшись как можно равномерней распределить нагрузку. Так, чтобы потеря одного не стала бы причиной гибели остальных. Тут как раз пригодился мой опыт рейдерства, да и остальные были не промах.

И вот пришло время покинуть подземелье собора Сан-Антонио, и отправляться в катакомбы под ним.

— Кстати, — вспомнил вдруг тевтон, когда мы снова шагали вслед за священником по очередной лестнице вниз, — а что с отрядом кавальери? Они же прорывались из города, чтобы привести помощь.

— Они мертвы, — не оборачиваясь, бросил священник. — Мессере прав: вы сейчас — единственная надежда города. И всего его населения.

Тевтон слегка опешил от такого заявления. Видимо, мои слова он не до конца воспринимал всерьёз, а вот когда их подтвердил молчавший прежде священник, поверил окончательно и бесповоротно.

— А на меня обещанная награда распространяется? — спросил шагавший позади меня вор. — Мне-то до светлых идеалов добра и справедливости, да и до спасения города, дела особо нет.

— Ты ведь ни на что не рассчитывал, когда просил меня взять тебя с собой? — поинтересовался я в ответ.

— Ну, такой уж я человек, если почую выгоду, то мимо точно не пройду.

— Ты ведь мог остаться снаружи, — напрямик заявил я, — и тебя вряд ли обнаружили бы так легко, как здесь. Ты ведь едва не попался на входе в собор, в то время как за его

пределами был бы в куда большей безопасности.

Я намеренно говорил всё это при священнике, который слышал нас. Это была ещё одна проверка для вора, крайне жестокая и опасная для него, но я уверен, что моего авторитета вполне достанет, чтобы вор избежал огня и железа.

— Это не спонтанная вспышка насилия со стороны нечистых, — ответил вор. — Их вооружили, собрали в отряды. Ты же не думаешь, что появление орд мертвецов и некромантов было случайным? При такой организации есть и свои проверки, и я их точно не пройду. О последствиях мне как-то даже думать не хочется.

Вряд ли вор говорил мне чистую правду, однако допытываться сейчас смысла не было. Я удовлетворился этим объяснением, тем более что оно было достаточно правдоподобно. Шагавший первым священник делал вид, будто наш разговор его совершенно не интересует. Однако я уверен, он всё мотал на ус — навидался я на подобных ему в свите инквизитора Лафрамбуаза.

Наконец, наш спуск подошёл к концу. Священник постучал в могучую дверь, окованную сталью. Внутри стен и самой двери зажужжали и защёлкали механизмы, отворяя её. Никаких замков, запоров или засовов на ней не было, однако я уверен, что открыть эту дверь куда сложнее, нежели райские врата закоренелому грешнику.

На пороге нас ждал бравый сержант в мушкетёрском колете. Он кивнул священнику и посторонился, пропуская наш небольшой отряд.

— Значит, это и есть наши спасители? — поинтересовался сержант, ни к кому конкретно не обращаясь. — Всё же зря вы отвергли предложение капитана, надо было отправить настоящих солдат, а не этот сброд.

По всей видимости, такие слова как уважение или такт в его лексикон не входили.

— Не нам обсуждать решения синдика и епископа, — отрезал священник настолько менторским тоном, что спорить с ним у всякого бы пропало желание.

Дверь за нашими спинами закрылась сама собой, и теперь впереди шагал не только священник, но сержант мушкетёров.

Перед ещё более прочной дверью, на сей раз сложенной не из досок, а из целых брусьев, укрепленных сталью, мы остановились. Сержант мушкетёров прошёл несколько шагов и занялся какой-то машинерией, открывающей дверь, а священник обернулся ко мне и протянул кожаный планшет с медной застёжкой.

— Внутри все необходимые бумаги, — сказал он.

— И что же в них? — тут же сунулся тевтон.

— Карта катакомб, которыми мы пойдём, — ответил я.

— Но он же сказал бумаги, — обвиняющим тоном заявил тевтон. — Значит, не только она. Что ещё?

— Награда тоже здесь, — кивнул я. — Но где мы сможем получить её, знаю только я. Так что тебе стоит побережь мою голову, без неё тебе награды не видать.

Намёк был более чем прозрачен, и тевтон понял его верно. Он отступил на полшага, подняв руки вверх, признавая своё поражение. Я же закрепил планшет на поясе и поблагодарил священника.

— Насколько точны карты? — уточнил вор.

А ведь этот вопрос надо было задать мне. Как же быстро я позабыл о самых, казалось бы, базовых основах, которые рейдер познаёт в первые же месяцы занятия этой опасной профессией. Если же не познаёт, то очень скоро становится покойником.

— Этого не знает никто, — честно пожал плечами священник, — ведь даже око самого Господа нашего вряд ли презрит за этим местом.

— Выходит, они будут нас больше путать, нежели помогать, — заметил вор.

— Возможно, — кивнул я, — но всё лучше чем вовсе ничего. Совсем вслепую лезть в катакомбы — это верное самоубийство.

Вор только плечами в ответ пожал, но явно остался при своём мнении.

Тут отчаянно заскрипели двери, и одна створка начала медленно двигаться внутрь. Отворилась она ровно настолько, чтобы более-менее свободно мог пройти один человек, после чего снова встала намертво.

Сержант сделал нам приглашающий жест, и мы вслед за ним вошли в не слишком большое помещение. А там и кроме нас народу хватало. Десяток мушкетёров с оружием наготове, да в придачу к ним расчёт митральезы, оцетинившейся по меньшей мере тремя десятками стволов.

Весьма серьёзный пост, однако стоило только взглянуть дальше, как становилось понятно, зачем он нужен. Потому что в каком-то десятке шагов от них, отделённые прочной решёткой, бесновались плакальщики.

Плакальщики это особый вид мертвецов. По сути, это ещё живые люди, *morituri*, отвергнутые даже миром нечистых. Они были на крайней стадии заражения, когда из едва живых людей обращаются в ходячих покойников. Над ними вились рои мух, в волосах и одежде кишели чумные блохи, а по лицам струятся бурые потёки крови с чернилами, сочащиеся из носа, рта и глаз. Из-за них плакальщики и получили своё название.

И сейчас толпа этих бывших людей билась о прочные прутья стальной решётки, жаждая вырваться из катакомб. Никакой цели в их действиях уже не было, все мысли и весь разум тварей — уже больше не людей — был поглощён чумой.

— Сейчас мы поднимем решётку, — сообщил нам сержант мушкетёров, — чтобы плакальщики ворвались сюда. Мы прикончим бóльшую часть из нашей малышки, а остальных добьём из мушкетов. После вы войдёте внутрь и будете предоставлены самим себе целиком и полностью. Решётку мы опустим за вашими спинами, и обратно этой дорогой вы уже не вернётесь.

Ничего не став больше говорить нам, он подошёл к своим солдатам и принялся раздавать команды.

— Плутонг^[24], к стрельбе товсь!

И мушкетёры подбираются, вскидывая оружие к плечу, становятся плотным строем.

— Расчёт к митральезе!

И пара пушкарей рядом с нею берутся за шнуры запальных замков, готовясь рвануть их на себя по команде.

— Все готовы, парни? — Вопрос не нуждается в ответе. — Открываю!

Сержант дёргает рычаг, и решётка начинает удивительно медленно ползти вверх, уходя в пазы, прорезанные в потолке. Плакальщики бьются об неё всё иступлённей, бурая кровь из разбитых рук льётся на прутья. И вот первый прорывается, его буквально вталкивают внутрь напирающие сзади. За ним второй, третий, четвёртый. Плакальщики начинают медленно заполнять отделяющее их от митральезы пространство.

Я вижу, что у пушкарей нервы на пределе, ещё секунда, и они не выдержат — откроют огонь. Но сержант молчит, внимательно глядя на спотыкающихся, топчущих тех, кто оступился, плакальщиков. Их продвижение замедлилось, теперь они больше мешают друг

другу, давят, валят идущих впереди, шагают, едва волоча ноги от слабости. Жизнь в них теплится лишь благодаря чуме, она убивает их, и не даёт умереть.

Сержант становится в строй к своим солдатам, поднимает руку, продолжая вглядываться в приближающуюся толпу тварей. Я едва не пропустил взмах — так быстро опустил он руку. Если бы не крикнул: «Пли!»; наверное, и не заметил бы. Я ведь тоже куда больше внимания уделял напирającej толпе плакальчиков.

Пушкири одновременно дёрнули запальные шнуры — и митральеза разразилась целой симфонией смерти. Ведь не просто так это оружие называют ещё и органным, не только за схожесть из-за довольно большого числа стволов. Митральезы умели выдавать собственную музыку, музыку свинцовой и огненной смерти. Недаром же артиллерию уже давно прозвали богом войны. На полях сражений — между людьми ли, или против орд нежити, — она всё чаще правит бал.

Вот и сейчас десятки столпившихся в тесном помещении плакальчиков повалились на пол, буквально настигнутые свинцовыми пулями. Стволы митральезы плевались и плевались в них никак не меньше трёх минут. И за это время ей удалось очистить от тварей почти всё пространство — практически до самой решётки.

— Мушкетёры, — рывкнул сержант, — залп!

И тут же слитно рывкнули пять мушкетов стрелков первого ряда.

— Первый ряд, на колени! Второй ряд, залп!

Ещё пять мушкетов выплюнули огонь и смерть в изрядно поредевшую толпу плакальчиков.

— Первый ряд, залп!

Не знаю, как мушкетёры сумели так быстро перезарядить оружие, но по команде они поднялись с колен, и выстрелили по плакальщикам.

Снова сержант командует первому ряду опуститься на колени, а второму дать залп, и снова мушкетёры выполняют приказ.

Плакальчиков больше не остаётся. Лишь копошатся на полу в окровавленных ошмётках плоти и осколках костей те, в ком чума особенно сильна, не давая умереть даже с такими ранениями.

Только сейчас, когда отгремели все громы, я заметил, что сопровождавший нас священник опустился на колени позади всех и быстро, одними губами шепчет молитву, перебирая чётки. Он молился за умирающих плакальчиков. Какими бы ни были они тварями, отравленными чумой, но смерть без покаяния и отходной молитвы — слишком жестоко для них.

— Réquiem ætérnam dona eis Dómine, — шептал священник, et lux perpétua lúceat eis. Requiéscat in pace. Amen.^[25]

Священник поднялся на ноги, опустив чётки. Ему явно было неприятно глядеть на картину кошмарного побоища, учинённого мушкетёрами.

— Погодите, святой отец, — заявил с прежней нагловатостью сержант, — сейчас мы отправим их в Чистилище.

Он шагнул к стене, открыл на ней небольшую панель, ловко спрятанную за фальшивым камнем кладки, и дёрнул за скрытый в ней рычаг.

Все мы тут же инстинктивно отпрянули от волны жара. В стенах отворились ещё несколько подобных панелей, но за ними скрывались бронзовые драконьи головы. Через секунду они извергли пламя из пастей, да столь жаркое, что трупы плакальчиков в

считанные мгновения обгорали до костей, а кости рассыпались прахом.

Пламя было направлено от нас, так, чтобы сжигать всё дальше по коридору, но и нам досталась известная доля его обжигающего жара. Горело явно некое алхимическое вещество, ведь даже нефть не даёт столь жаркого огня, чтобы в считанные минуты практически уничтожить сотни человеческих тел.

— Вот теперь всем им *Réquiem ætérnam*, — удовлетворённо кивнул сержант, снова дёрнув на рычаг, минуты три или четыре спустя. Смертоносное пламя угасло, а головы скрылись обратно в стенах. — *Willkommen*,^[26] — сделал он почти шутовской пригласительный жест в сторону входа в катакомбы, — и советую поторопиться, мы тут наделали очень много шума.

Да уж, насчёт поторопиться, тут сержант прав на все сто. Однако прежде я всё же обернулся к священнику и испросил у него кратного благословения на грядущее дело.

— Не опускайтесь на колени, — ответил святой отец, осеняя нас крестным знаменем. — *Cum Deo*,^[27] — коротко напутствовал он всех нас.

Провожаемые взглядами мушкетёров и пушкарей мы покинули помещение. Под нашими башмаками трещали остатки костей плакальщиков, их прах прилипал к подошвам, поднимаясь крошечными облачками при каждом нашем шаге. Шагали как можно быстрее, чтобы поскорее покинуть место побоища. И не только потому, что идти по чужому праху и пеплу было неприятно, но и потому, что шума мушкетёры и пушкари со своей митральезой наделали столько, что привлекли к себе внимание, наверное, всех обитателей катакомб. А значит, нам надо убраться отсюда как можно скорее.

Лишь на секунду мы замерли, когда за нашими спинами с лязгом опустилась решётка, окончательно отрезая нам обратную дорогу. Мы переглянулись, но говорить ничего не стали — каждый и так знал, на что идёт, и ради чего.

— Вор, — велел я, — давай на разведку. Ты теперь шагаешь в десяти метрах впереди и ждёшь нас у каждой развилки. Возвращаешься только в самом крайнем случае.

Человек в чёрном кивнул и, не задавая лишних вопросов, трусцой убежал вперёд. Мы зажгли пару факелов, чтобы осветить хотя бы стены вокруг, и не пропустить развилку, и зашагали следом. Глаза быстро привыкли к темноте и неверному свету пляшущего пламени факелов. Однако масляные светильники, которые тоже у нас имелись, я решил пока побережь. Запаса горючего вещества в них хватает слишком уж ненадолго, да и повредить их слишком легко. Факелы всё же куда привычней.

Что бы там ни говорил вор, а от карты подземелий был толк. Нас окружали старинные стены, помнящие ещё римских строителей, складывавших их из прочных каменных блоков. Я и не знал, что в те времена Пьяченца была соединена общими катакомбами с будущим городом скорби, тогда носившим название Медиоланум. Так что карта, выданная нам священником, была в общем довольно точной.

Дважды мы встречали вора на развилках, где он терпеливо ждал нас, и тогда я, сверившись с картой, направлял его в тот или иной тоннель. Несколько раз нам попадались плакальщики, но было их очень мало. Три группы по двое-трое и пара одиночек одиночки, которых мы прикончили без проблем, расстреляв из пистолетов. Шума, конечно, наделали много, но подпускать к себе чумных тварей, было ещё более рискованно.

— Неужто все наверх подались, — произнёс на втором часу нашего пути по катакомбам тевтон, — а здесь только плакальщики и остались.

— Я стараюсь по самой широкой дуге обходить Подгород, — ответил я, — но через

полчаса мы вынуждены будем подойти к нему ближе. Иного пути просто нет.

— А если карта врёт?

— Можешь сам вести вместо неё, — пожал плечами я.

Тевтон снова замолчал, уставившись себе под ноги. Таких как он надо постоянно одёргивать, иначе просто житья от них не станет. Считают себя кладезями мудрости, говоря обыденные, в общем-то, вещи, да ещё таким тоном, будто это сентенции мировой мудрости, никак не меньше.

На очередной развилке вор предпочёл скрыться в тени. Он вышел в самый последний момент, заставив нас троих вздрогнуть и схватиться за оружие.

— Не стоит так делать впредь, — влез со своим мнением тевтон. — Мы ведь могли и пристрелить тебя ненароком.

— Я знаю, на какой риск стоит идти, — отмахнулся вор. — И не хотел подходить, пока не убедился, что это вы. Прислушайтесь, — велел он нам. — Слышите шаги? Похоже, здесь уже топают патрули нечистых или бог знает кого.

И в самом деле, достаточно было хорошенько напрячь слух и затаить дыхание, стараясь самому производить как можно меньше звуков, чтобы услышать отдающиеся в каменных катакомбах тяжёлые шаги. Шёл явно целый отряд, встретиться с которым в наши планы вовсе не входило.

— Там шагают, — кивнул вор в арку, уходящую прямо.

Я сверился с картой, но лишь для того, чтобы подтвердить свои самые худшие опасения. Именно туда нам и было надо, хуже того, второй коридор развилки заканчивался глухим тупиком. Некогда он вёл к кратчайшему пути в Медиоланум, и его взорвали одним из первых, завалив напрочь. Середину коридора на моей карте пятнал красный крест, ясно говорящий, что дальше дороги нет.

— Придётся рисковать, — сказал я. — Другой дороги у нас нет. Всем, оружие к бою. Вор, ты теперь идёшь в двух метрах перед нами, старайся не попадать в свет факела.

Мы оставили только один источник света, да и тот я бы затушил, если бы не слишком уж большой риск свернуть шею в полной темноте.

Стараясь идти как можно тише, мы держали наготове оружие. Тевтон взял в руки оба пистолета. Я сжимал в правой руке рукоять своего, в левой же — факел. Скандинав, глядя на нас, подобрался. Одной рукой он придерживал секиру на плече, другую же положил на оголовье метательного топорика.

Вор стремительной тенью ворвался в освещённое пространство. Он держал лук с наложенной на тетиву стрелой. И снова нам с тевтоном стоило известных усилий не выстрелить просто на движение. Однако выговаривать вору никто ничего не стал.

— Патруль впереди, — выдохнул он. — Двое нечистых ведут плакальщиков. Тех пятеро или больше, точнее не разглядел. Нечистые хорошо вооружены, не чета тем, кто наверху орудует. А над плакальщиками целые рои мух. Так гудят, что скоро и тут слышно будет.

Стоило ему закончить, как все мы услышали гудение мушиного роя. Патруль приближался.

— Ну, — выдохнул я, — с богом!

И швырнул факел вперёд, освещая кусок коридора.

Нас уже обнаружили по его свету, и пытаться скрыться или бежать было бы просто глупо. Так что оставалось одно — бить первым!

Оба нечистых, сопровождавших плакальщиков, инстинктивно попытались защитить

лица. Может быть, вооружены они были и лучше тех, что наверху, но вот бойцами оказались столь же скверными. Почти слитно грянули выстрелы наших с тевтоном пистолетов, и нечистые повалились на пол коридора.

Лишённые направляющего их контроля плакальщики привычной толпой ринулись в нашу сторону. Свистнул один метательный топор скандинава, за ним почти сразу второй. Вор не отстал от него, выпустив в плакальщиков три стрелы подряд. Все пятеро были мертвы через считанные мгновения. Вот только это вовсе не значило, что опасность для нас миновала.

— Бегом! — выкрикнул я, хотя надобности в этом не было.

Мы понеслись по коридору, будто оглашенные. Проскочив рой выющихся над упавшими телами плакальщиков мух. Закрывая лица руками, чтобы ни одна из них не села на кожу, и не впилась в неё своими острыми жвалами. *Musca mali* — чумные мухи, точно такие же разносчики болезни, как блохи или крысы. Страшная болезнь выбирает себе носителями самых отвратительных паразитов, каких только можно себе вообразить.

Мы бежали по коридору, прорвавшись через облако чумных мух, но останавливаться и не думали. Бежали наугад, не особо задумываясь над последствиями. Всем мерещились мухи, мельтешащие перед глазами, а в ушах раздавались отзвуки гула, заставляющие бежать, нестись сломя голову, не разбирая дороги, в полной темноте. Не думая о таких мелочах, как подвернувшийся под ногу камень или просто ниша в стене вместе поворота коридора. Даже о том, что можем запросто потерять друг друга, не думал никто.

Первым остановился скандинав, он громко хлопнул себя по шее, прибив муху, и с хрустом раздавил её крепкими пальцами. А после спросил что-то у тевтона.

— Говорит, что чувствовал укусы, — перевёл тот, — просит зажечь факел, чтобы осмотреть себя.

Я решил не ограничиваться факелом, и зажёл один из фонарей — и света куда больше, и руки не занимает. Я поставил его на пол, вместе с остальными обернулся к скандинаву. Открытые части тела его — предплечья, плечи, грудь — покрывали чёрные точки — следы укусов *musca mali*, от которых с невероятной быстротой разбегались мелкие ручейки чернил.

Все замолчали. Просто глядели на скандинава, и каждый в душе молился, что на его теле не было подобных отметин. Тевтон вполголоса выругался на родном языке, вынимая из плотных звеньев кольчуги мёртвых мух и для верности давя их пальцами в кожаных перчатках.

— *Morituri*? — хриплым голосом спросил, ни к кому не обращаясь, скандинав.

Это слово знали все, столкнувшиеся с чумой. Единственное слово на латыни, не нуждающееся в переводе на другие языки.

Скандинаву никто не ответил, а он внезапно упёр в бока свои пудовые кулаки и расхохотался. И от искреннего смеха его всех нас мороз продрал по коже.

Глава 7

Повелитель мух

Несмотря на безумный смех, прервавшись, скандинав дальше вёл себя как обычно. Он не проронил ни единого слова, и шагал со всеми наравне. Тевтон теперь сторонился бывшего товарища. Понимаю его, не слишком приятно идти рядом с ещё живым, но уже покойником. Ведь скандинав в этих катакомбах вполне может стать нечистым, а то вовсе скатиться до плакальщика. Но об этом я предпочитал не думать. Все мы вполне можем разделить его участь. Достаточно всего пары укусов *musca mali*, чтобы кровь начала медленно, но верно напитываться заразой, превращаясь в кишащие чумой чернила.

— Много было мух, — на ходу выдохнул вор.

Он теперь не ходил в разведку, держась рядом с нами.

— Плакальщиков ведь было сколько? — добавил он. — Пятеро, верно? А рой над ними висел, как над вскрытым чумным кладбищем. Ты видел, сколько мух покусало скандинава? Сколько тевтон из кольчуги достал?

— Я просто не хочу думать об этом, — честно ответил я. — Я понимаю, куда ты клонишь, но нам сейчас от этого никакого проку нет. Встретим повелителя, так тому и быть.

— Ты так просто говоришь об этом, — вспыхнул и так находившийся на грани тевтон.

Он, конечно же, слышал весь наш короткий диалог.

— Если здесь есть повелитель мух, то все мы уже покойники!

— Поменьше кричи для начала, — в который уже раз осадил я тевтона. — И подумай об одной очень простой вещи: у нас нет выбора. Мы либо выходим из катакомб, либо остаёмся тут. Даже если сумеем вернуться к решётке, обратно нас уже никто не пустит.

Тевтон как-то совсем сник, осознав окончательность своего выбора. Он, видимо, уже записал себя — да и всех нас, скорее всего, — в покойники, и теперь переставлял ноги, скорее по необходимости. Ложиться и помирать он пока не собирался.

Шум большого количества людей — или кто тут ещё может быть — мы слышали почти одновременно. Наверное, с нами сыграла шутку архитектура этого места, наполненного эхом и звуками, которые неясно где именно раздаются.

Я поднял руку, давая знак остальным остановиться, и кивнул вору, который и без моей команды уже направился дальше по коридору. Я же присел прямо на грязный пол, поставив перед собой фонарь — сейчас нужны были свободные руки, и занимать их факелами было попросту глупо.

Развернув карту, я в очередной раз попытался сориентироваться по ней, и снова у меня ничего не вышло. Я не мог и приблизительно понять, где мы сейчас находимся. В катакомбах главными ориентирами служили тупики и выходы наружу или в Подгород, но нам пока не попался ни один из них. Я скорее занимал себя бессмысленным занятием, чтобы убить время до возвращения вора.

Тевтон нервно вышагивал рядом, то и дело заглядывая мне через плечо. Скандинав же, как и прежде, замер молчаливой громадой. В свете фонаря были отлично видны расползающиеся не голому торсу и рукам его чёрные узоры отмеченных чернилами сосудов. Зараза распространялась очень быстро, что было ещё одним доказательством присутствия тут повелителя мух. Вдали от своих кошмарных творцов *musca mali* не могли разносить чуму столь эффективно.

Вор вернулся довольно скоро. По виду его было понятно, что он бежал, и очень быстро. Как бы ни был ловок человек в чёрном, а возвращение его, похоже, основательно потрепало.

— Большой отряд, — сообщил он. — Несколько сотен, никак не меньше. Это не патруль, больше похоже на облаву. Нечистые, плакальщики, а ведут их здоровяки размером со скандинава. В броне из костей и с коровьими черепами вместо голов. Я таких даже в городах скорби не встречал.

— А вооружены они секирами, — уточнил я, поднимаясь на ноги и цепляя к поясу фонарь, — тоже вполне подошедшими бы нашему скандинаву?

— Именно ими, — кивнул вор. — Тут не во всех коридорах такими секирами помашешь.

— Им всё равно, — сказал я. — Если так уж интересно, это големы, созданные иудейскими мудрецами, что перешли на службу к султану Чёрной порты. Силой не уступят скандинаву, это верно.

— Говорят ещё, что в каждого вложена душа военачальника порты, — добавил тевтон, — чем-то провинившегося перед султаном. И тот служит своему повелителю вечно, пока не будет освобождён от службы.

— Или пока голема не уничтожат, — кивнул я.

— Может, ещё скажете, как это сделать? — ехидно заметил вор.

— Это просто груда скреплённых вместе костей и жил, — пожал плечами я. — Её достаточно разбить на части, и голем перестанет существовать.

— Глядя на них, не сказал бы, что это сделать также просто, как сказать.

— А когда оно было так?

Я сложил карту и сунул её обратно в планшет.

— Раз ты так запыхался, то нам, думаю, стоит поспешить.

Вор только кивнул в ответ.

— Уходим в первое же ответвление от этого коридора, — сказал я, и мы продолжили путь прежним быстрым шагом.

Мы почти бегом миновали несколько коридоров, прежде чем буквально нос к носу столкнулись с очередным патрулём. На сей раз он состоял из одних только нечистых, и возглавлял небольшой отряд турецкой внешности человек в чёрном кафтане, того же цвета чалме, намотанной поверх стального шлема с личиной. Под кафтаном скрывалась вполне приличная кольчуга, а в руках турок держал пару кривых сабель. И отчего-то сразу становилось ясно, что он, как боец, нечета сопровождавшим его нечистым.

Турок выкрикнул команду, указывая в нашу сторону одним из ятаганов, и тут же получил стрелу в горло. Вор бил без промаха, и использовал всякую заминку противника. Турок покачнулся, будто не веря в то, что уже мёртв, и осел на камни коридора. Мы же бросились на не успевших прийти в себя после смерти командира нечистых.

Я лишь раз успел взмахнуть палашиом, отбивая в сторону выставленный в неумелой защите меч противника, его сразил тевтон, глубоко погрузив клинок в живот нечистого. Я пинком отправил умирающего врага подальше, отбил неуклюжий выпад другого, только хотел вскрыть ему горло кинжалом, но меня опередил скандинав, могучим ударом разваливший нечистого от плеча до паха. Ещё двое врагов упали, пронзённые стрелами вора. И на этом всё закончилось. Как всегда, резко и в одно мгновение. Враги просто закончились. Я опустил палаш, на клинке которого появилась лишь одна мелкая царапинка, и не следа крови.

Однако радоваться было рано — из двух коридоров отчётливо доносились тяжёлые шаги, и дополнял их топот множества ног. На разведку времени не было, и я просто махнул рукой в тот коридор, откуда вышли нечистые с турком во главе. Мы кинулись туда уже почти бегом. Нас явно настигали — звуки погони доносились почти из всех коридоров. Мы бежали, не разбирая дороги, лишь бы не столкнуться с врагом. Однажды бежавший первым вор повернул налево, и тут же выскочил из коридора, будто кипятком ошпаренный.

Он молча бросился в противоположный коридор, и мы вместе с ним. Однако я кинул взгляд через плечо, чтобы понять, что же так напугало нашего вора. Причина для страха у него была более чем достойная. Прежде чем повернуть за угол коридора, я успел разглядеть тех, с кем он столкнулся буквально нос к носу. Отряд не меньше чем в десяток нечистых вперемежку с плакальщиками, и вёл их тот самый голем — или подобный ему — почти двух метров ростом скелет с бычьим черепом на плечах, несущий в руках здоровенную секиру, чьи два лезвия были словно не выкованы из стали, а вырезаны из кости. Не хотел бы столкнуться с таким в бою. Вряд ли даже скандинав станет нечувствительному к боли и не ведающему страха голему достойным противником.

— Нас загоняют, — выдохнул на бегу вор, поравнявшись со мной. — Они давно могут поймать нас. Но гонят куда-то. Как загонщики, дичь.

У меня тоже возникло такое ощущение, но я старался подавить его, однако раз кто-то подтверждает его, скорее всего, чутьё меня не подводит. Не слишком приятно побывать в шкуре дичи, вот только выбор у нас невелик.

— Драться с ними мы не можем. — Я отвечал такими же отрывистыми фразами, стараясь беречь дыхание. — Поймём, куда гонят. Будем там решать.

Короткая передышка выпала нам почти через полчаса бега по коридорам катакомб, живо напомнившего мне последний рейд моей команды. Мы остановились на перекрёстке, звуки погони доносились из трёх его ответвлений, но вроде бы враг был ещё далеко, и мы могли хотя бы перевести дух. Я дрожащими от усталости и нервного напряжения руками вынул из планшета карту, едва не вытряхнув при этом из него остальные бумаги. Развернув карту, я попытался припомнить последние ориентиры, а в них за время нашего бега недостатка не было. Трижды, как минимум, мы едва успевали вырваться из сжимающегося кольца загонщиков, попав в тупиковое ответвление очередного коридора. А может быть, нас намерено отпускали, продолжая гнать туда, куда надо врагу.

Поставив на пол почти опустевший фонарь, уже начавший плеваться и сыпать искрами, я всмотрелся в карту. Если верить ориентирам, то нас гнали к большому залу, и, можно сказать, уже загнали туда. Куда бы мы ни свернули теперь, все дороги вели туда. Либо были перекрыты отрядами врага или завалами.

— Нас гонят сюда, — очертил я пальцем зал на карте. — Вор, быстро на разведку. У нас вряд ли есть больше пяти минут.

— Мне хватит, — заверил меня человек в чёрном, прежде чем выйти из круга неверного света от гаснущего фонаря.

— Думаешь, он там? — спросил у меня тевтон, зачем-то уточнив, хотя и так всё было предельно ясно. — Повелитель мух.

— Скорее всего, — кивнул я. — Живые и чистые для него лучшая пища, а эти, — я неопределённо махнул головой, — явно хотят его как следует подкормить. Тут, под Пьяченцей, заваривается очень серьёзная каша.

— И мы попали в самую середину котла с нею.

Я хотел было сказать что-нибудь, но меня опередил скандинав. Он выпрямился, перестав опираться на секиру, и сказал тевтону несколько слов. Потом помолчал, и добавил ещё пару фраз, кажется, в одной из них я уловил слово *morituri*.

— Говорит, чтобы мы шли дальше без него, — перевёл тевтон. — Говорит, что уже мёртв, и выиграет нам минут пять или даже больше.

Я сложил карту обратно в планшет и шагнул ближе к скандинаву. В неверном свете умирающего пламени сложно было понять, где кожу его покрывают татуировки, а где уродуют чёрные следы укусов чумных мух. Я положил руку на плечо скандинаву, и заглянул в глаза. Для этого, конечно, пришлось поднять голову, потому что он был прилично выше меня ростом.

— Иди, — сказал ему я. — Мы все благодарны тебе.

— Быть в мои края, — ответил он с кошмарным акцентом и коверкая слова, — сказать, что Бьёрн Стурла умереть, как воин. С секирой в руках. Он идти к предкам с поднятой головой!

— Мы слышали тебя, — кивнул я.

Зная по книгам, прочитанным в Пассиньяно, кое-что об обычаях скандинавов, я постарался ответить, как положено, некой ритуальной фразой или чем-то в этом роде. Скандинав по имени Бьёрн Стурла кивнул в ответ и, резко развернувшись, бросился обратно в коридор, откуда мы пришли.

Нам же осталось лишь последовать за вором, не дожидаясь, когда он вернётся из разведки.

Мы столкнулись с человеком в чёрном примерно на полпути. Он возвращался к нашему перекрёстку быстрым шагом, и как обычно неожиданно вышел в круг света от фонаря. По странной случайности, именно в этот момент где-то за нашими спинами прозвучал воинственный крик скандинава, и отчётливо послышались звуки сражения.

— Он обещал нам пять минут, — бросил я, не останавливаясь, — может, даже больше. Надо потратить их с толком. Что там впереди?

— Повелитель мух, конечно, — развёл руками вор, шагая рядом со мной. — Стоит посреди зала один. На полу там костей полно и тряпьё какое-то.

По всей видимости, это всё, что осталось от его предыдущих жертв.

— Молодая тварь, не заметил?

— Не разбираюсь, — пожал плечами вор.

— У тебя какие стрелы есть?

— Какие нужны? — вопросом на вопрос ответил вор.

— Огненные, такие чтобы пламя давали как можно жарче.

— Найдётся несколько, — кивнул вор. — В оружейной монастыря очень хорошие запасы.

— Отлично. Тогда мы с тевтоном вспарываем брюхо твари, а ты всаживаешь в него пару стрел. Главное, сделать всё как можно быстрее, иначе мы можем смело следовать за Бьёрном Стурлой.

— А кто такой этот Бьёрн Стурла? — не понял вор.

— Так скандинава звали, — объяснил ему тевтон.

На сей раз встречать со своими умными советами и замечаниями он не стал, и я был ему за это премного благодарен. Наверное, тевтон, несмотря на натуру свою, отлично понимал, время для препирательств прошло. Жертва скандинава показала это очень отчётливо.

Зал, где устроил себе логово повелитель мух, оказался ещё больше, нежели мне представлялось, когда я глядел на карту. Внутри него в факелах с фонарями надобности не было — зал был довольно хорошо освещён колониями какого-то фосфоресцирующего ни то мха, ни то грибка, покрывавшего все стены. Он светился ровным зеленоватым светом, неприятно напомнившим о полных заразы камнях крысолюдов.

Сама тварь, как и положено чумному отродью, выглядела невероятно отвратительно. Иные священники, сравнивавшие чуму с новой казнью египетской, обрушенной на наши грешные головы Господом, утверждали, что все её порождения есть отражения смертных или меньших грехов. Особенно популярна такая трактовка была в кастильской церкви, где безраздельно властвовал принцип уничижения плоти. Однако если глянуть на повелителя мух, то можно было вполне поверить этим утверждениям. Потому нельзя было придумать лучший пример для воплощения греха чревоугодия, нежели он. Тварь была ростом со среднего человека, абсолютно лишена волос, а кожа на широких боках записного обжоры свисала тяжёлыми складками. Живот повелителя мух выпирал далеко вперёд, и как раз на нём кожа была натянута словно на барабане. Шеи почти не было, лысая, как колено, голова торчала прямо из неопрятных складок кожи, покрывающих плечи повелителя мух. Глаза его были прикрыты тяжёлыми, набрякшими веками, над которыми нависали надбровных дуги, лишённые бровей.

— Спит? — тихонько произнёс тевтон, вглядываясь в замершую почти точно посреди зала тварь.

— Чёрт их разберёт, — честно ответил я. — Он же вроде мёртвый, а им сон не нужен.

Я внимательно глядел на его надутый живот, ведь именно там кроется наша гибель. Именно там сейчас спят сотни и тысячи *musca mali*, способных своими укусами превратить нас в ходячих покойников, *morituri*. И даже моё проклятье вряд ли спасёт меня от такого количества заразы, что они способны впустить в меня за считанные мгновения.

— Я слева, ты — справа, рубим крест-накрест, и сразу же прыгаем прочь, — быстро скомандовал я тевтону, поудобнее перехватывая рукоять палаша. — Вор, стрелы готовы.

Для верности я обернулся к нему, и человек в чёрном показал мне лук с наложенной на тетиву стрелой. Она была довольно необычной, с большим наконечником, отмеченным парой красных полосок. Вторую такую же вор уже держал в левой руке, чтобы отправить в короткий полёт без промедления.

— Ну, с богом, — кивнул я, и первым рванул в залу.

Тевтон не отстал от меня ни на секунду.

Мы бежали по хрустящим под ногами останкам жертв повелителя мух. Под нашими ботинками трещали старые кости и чавкали расползающиеся от старости и гнили лохмотья. Конечно же, эти звуки привлекли внимание твари. Она открыла глаза, вперившись в нас тупым взглядом, и тут всем телом откинулась назад, распахнув рот. Внутри неё начал нарастать знакомый гул мушиного роя. Вот только в этот раз он был более густым и басовитым, пускай и приглушённым чревом твари.

Несмотря на накопившуюся усталость, мы с тевтоном припустили так быстро, как только могли. Из-под наших ног летели останки людей и остатки их скарба, скопившиеся за многие годы в зале. Расстояние, отделявшее нас от повелителя мух, мы преодолели невероятно быстро, ведь от нашей прыти сейчас зависели наши жизни.

Я взмахнул палашом, глубоко погрузив его клинок в выпирающее брюхо твари. Прямо в источник жуткого гула. Рывком вспорол брюхо повелителя мух, оставив на чреве его

длинный разрез, из которого не пролилось ни капли крови. Тевтон почти одновременно со мной рубанул его отвесно сверху-вниз — клинок его меча почти до середины погрузился в отвратительное тело монстра.

Мы прыгнули в разные стороны прежде, чем за нашими спинами вор отправил в полёт пару огненных стрел.

Следующий момент я запомню, наверное, на всю жизнь. Раздутое чрево повелителя мух распалось, рассечённое нашими клинками, подобно чудовищному цветку. На лепестках его и внутри копошились полчища чумных мух. Кажется, я мог разглядеть каждую из них — все их лапки-усики-крылышки. Я отчётливо видел, как первая стрела, пущенная вором, угодила точно в центр жуткого Андреевского креста, что вырезали мы на брюхе повелителя мух, и взорвалась внутри него. Из чрева монстра и его клокочущей глотки вырвались языки пламени. Вторая стрела не отстала от первой — яростный взрыв её буквально разорвал повелителя мух напополам. Выгоревшие изнутри останки его рухнули на пол. Ни одна чумная муха не взлетела с них.

Вот только шума мы наделали столько, что теперь оставалось лишь одно — бежать. Да бежать так быстро, как только сможем. Вряд ли руководят загонщиками такие уж дураки, что не поймут — их затея с повелителем мух провалилась, и теперь у нас появился шанс на спасение.

Мы с тевтоном вскочили на ноги. Вор уже подбегал к нам, держа новую стрелу на тетиве. А из коридора, откуда все мы только что выбежали, донёсся яростный рёв.

Доставать карту и проверять дорогу не было времени, пришлось довериться памяти. Я махнул рукой в сторону коридора, вроде бы ведущего к выходу, и первым бросился туда со всех ног.

Рёв нарастал, прерываясь совсем ненадолго, как будто издающему его существу не надо было дышать, чтобы кричать. А может, так оно и было на самом деле. Однако на наше счастье, мы успели покинуть зал прежде, чем туда ворвались враги.

Мы бежали, и снова бег наш живо напоминал мой последний рейд. Ведь и сейчас мы спасали жизни, вырвавшись из смертельной ловушки. За нами по пятам следовали враги, связываясь с которыми — верное самоубийство. Могучий скандинав уже сложил голову в схватке с големом, а у остальных не было шансов в противостоянии с этим кошмарным порождением чёрной магии. Вряд ли наши с тевтоном мечи оставят даже зарубки на прочных костях, из которых собран этот монстр.

Мы были вымотаны до предела, и переставляли ноги всё медленней. Лишь вор оказался воистину двужилым. Он бежал с луком наперевес, готовый в любую секунду пустить стрелы в первого встречного. И неважно кто им будет — друзей у нас тут нет и быть не может, только враги. Мы же с тевтоном держались на голом упорстве и желании жить.

— Нагоняют, — выдохнул вор, у которого видимо в ушах кровь не стучала сотнями барабанов.

Я лишь кивнул в ответ, стараясь беречь дыхание.

Из коридора справа вдруг вынырнула тень в тёмной одежде. Нечистый взмахнул grosмессером, но вор опередил его. Стрела пробила горло, заставив врага завертеться на месте, будто детский волчок. Однако он был лишь первой ласточкой. Из следующего коридора выбежали сразу трое, а за их спинами мелькали ещё фигуры, над которыми зловеще возвышалась рогатая голова голема.

И в этот раз нас выручил вор. Он пустил стрелу в глубину коридора. Ни в кого

определённого не целился — стрела врезалась в пол под ногами нечистых, и взорвалась облаком удушающего газа. Из него вырвались лишь те трое, что бежали первыми, но их надолго не хватило. Мы с тевтоном прикончили их в считанные мгновения. В коридоре же образовалась невероятная давка. Задние напирали на передних, а те кашляли и плевались кровью — яд явно был подобран так, чтобы воздействовать на и без того отравленные чумой тела нечистых.

Вор пустил в боковой коридор ещё одну стрелу, и мы припустили дальше, поспешая из всех невеликих оставшихся сил. А сзади снова донёсся рёв голема. За ним последовали отвратительные чавкающие звуки и перекрывающие их крики боли и отчаяния. Не надо было видеть, что происходит, чтобы понимать — порождение чёрной магии колдунов Порты прокладывает себе путь через мешкающих из-за отравляющего газа нечистых. И делает это самым простым и эффективным способом.

Мы постарались, сколько оставалось сил, прибавить ходу, но получалось не очень хорошо. Ботинки наливались свинцом, поднять ногу всякий раз было уже практически подвигом. Лёгкие жгло огнём при каждом вдохе и выходе. Пот градом катился по лицу, пропитал, кажется, уже всю одежду.

За нашими спинами клацал тяжёлыми костями по полу голем. Это было слышно даже через барабнящую в ушах кровь. Он то и дело раздражался своим жутким воем, заставляющим кровь стынуть в жилах, и не дающим остановиться и рухнуть на пол. Воображение всякий раз живо рисовало картину короткой и жестокой расправы над нечистыми, мешавшими этому монстру добраться до нас.

Осыпь возникла перед нами внезапно, как будто ещё секунду назад её не было, и вот она. Ноги увязают в мягкой земле, очень быстро теряя опору в виде каменного пола коридора. Удача сопровождала нас — я правильно запомнил направление по карте, и вывел нас именно к тому выходу, что был нужен. Пускай не самому близкому, зато единственно верному в сложившихся обстоятельствах.

Тевтон, никого не спросив, полез первым, чуть меч по дороге не потерял, так спешил к заветному окошку солнечного света размером вряд ли больше чем метр на метр. Человек едва-едва пролезть сможет.

Я кивнул вору, чтобы следовал за ним, но тот отмахнулся. Мы оба обернулись, услышав очередной жуткий вой голема. Его громадная фигура уже маячила в конце коридора. Видимо, из-за размеров он не мог двигаться быстро, что нас и спасло.

— Я всажу в него пару огненных стрел, — сказал вор, накладывая на тетиву одну из таких, — это его задержит.

— Не трать их попусту, — отмахнулся я, — полезай наверх. Я — за тобой. Быстро!

Он глянул на меня, но ничего больше говорить не стал. Быстрым движением сложив лук, вор спрятал его под плащ, закрепив на поясе, и устремился следом за тевтоном.

Я же кинул последний взгляд на приближающегося монстра, и поспешил вслед за быстро карабкающимся по осыпи вором.

Голем за нашими спинами, понимая, что добыча уходит, взревел так, что, кажется, стены затряслись, и бросился к осыпи тяжёлыми прыжками, преодолевая не меньше пары метров за раз. И всё же не успел.

Я нырнул в пятно света, как раз когда монстр подобрался к низу осыпи и с рёвом кинулся вверх по ней. Вот только мягкая земля, проседавшая и под нашими ногами, отказался держать его тушу. Голем быстро завяз в ней, будто в болоте, каким-то

невероятным рывком сумел высвободиться, и снова рванул вверх, вытянув одну руку вперёд. Это был вовсе не жест отчаяния, монстр едва не сумел схватить меня за ногу.

Я прыгнул вперёд по осыпи, зацепился пальцами за обломок камня, дёрнул себя наверх, напрягая все силы, какие были. Голем в считанных дюймах от меня заревел. Земля посыпалась вниз, увлекая меня к нему. Я подтянулся ещё немного — из-под пальцев потекла кровь. Костяшки голема заскребли по подошве моего ботинка. Ещё мгновение и он сумеет ухватить меня.

И тут две пары рук сомкнулись на моих запястьях, вор и тевтон с силой потащили меня из катакомб. Они выдернули меня наружу, будто пробку из винной бутылки. Все вместе мы покатались по склону холма, в котором располагался этот выход. Из дыры высунулась костяная рука голема с растопыренными пальцами. Они сжались в кулак и рука исчезла внутри.

Только в этот момент, лёжа на покато́м склоне холма среди пожухлой травы и редких кустов, я понял — спасены. Несмотря ни на что, спасены. Да, прямо сейчас надо будет встать, и шагать дальше. Потому что есть ещё выходы из катакомб, и если нас ловят, то так вот за здорово живёшь в покое не оставят. Но сейчас, вот прямо сейчас, в эту минуту можно позволить себе краткую передышку. Просто лежать на холодной земле и глядеть в удивительно чистое для осени небо.

Ведь осознание того, что твой Ultima Forsan ещё не пробил, приходит не сразу. И этим моментом надо уметь насладиться в полной мере.

Глава 8

Город скорби

Бездушными командовал рыцарь, закованный в чёрные полудоспехи с шестерёнками на локтевых суставах. Он возвышался над своими подчинёнными почти на голову, хотя, конечно же, ни один из них карликом не был. Просто командира иначе как гигантом назвать язык бы не повернулся. На нагруднике лат сверкал белой эмалью крест святого Иоанна. Это сейчас даже в официальных бумагах чёрных рыцарей начали называть бездушными, и многие уже позабыли, что прежде они входили в Орден святого Иоанна Иерусалимского или же Орден госпитальеров. Как и в прежние времена, они помогали странникам и попавшим в беду путникам, но теперь не в Святой земле, где давно и прочно воцарился чёрный султан, начавший оттуда своё победоносное шествие на запад, но по всей Европе. Почти во всех государствах, находившихся под рукой Авиньонской церкви, располагались командорства и заставы ордена. В Кастильской короне примерно те же функции исполняли подчинённый тамошней инквизиции Ордена Калатравы, и Орден Сантьяго, который по могуществу, как говорят, вполне мог поспорить даже с инквизицией, ведь его командором был сам кардинал-король, стоявший лишь на одну ступеньку ниже в церковной иерархии самого тамошнего понтифика.

Командир бездушных, слегка поскрипывая отлично смазанными шарнирами часовых доспехов, снял шлем. Под ним скрывалось лицо, очень похожее чертами на тевтона. Он явно был уроженцем тех же мест, даже странно увидеть его столь далеко от родины, да ещё и в рядах иного духовно-рыцарского ордена.

— По какому делу вы желали видеть именно меня? — спросил он, ни к кому из нас конкретно не обращаясь, и оглядывая всех по очереди.

— Весьма важному, — ответил я, вынимая из планшета бумаги, вручённые мне священником в соборе Сан-Антонио.

Командир бездушных кивнул одному из сопровождавших его людей, и тот принял у меня бумаги, тут же углубившись в чтение. Я наблюдал за тем, как бледнеет его лицо от осознания прочитанного.

— В Пьяченце беда, — подняв глаза от бумаг, сказал он рыцарю. — Город взят изнутри, население заперлось в соборе Сан-Антонио и других церквях. Все входы и выходы перекрыты невероятными монстрами.

— То-то там так спокойно уже который день, — кивнул рыцарь, которого эти слова как будто совсем не задели. — За дело! — поднял он руку в латной перчатке.

И тут же все вокруг засуетились. Это напоминало суету муравьёв — вроде бы и хаос, но каждый знает своё дело, и всё происходит согласно некой неизвестной мне, но довольно эффективной системе.

Застава, находившаяся всего в нескольких лигах от Пьяченцы — со сторожевой башни её было отлично видно городские стены, — ожила в одно мгновение. Люди в тёмной одежде ходили туда-сюда быстрым шагом. Рыцари отдавали приказы оруженосцам и простым солдатам ордена. Открывались склады с оружием, провиантом и снаряжением. Из конюшен выводили лошадей. Загудело пламя в малых горнах, и застучали по наковальням молоты, спеша что-то исправить или подковать коней. Над голубятней забили крыльями десятки птиц, разносящие весть о беде, случившейся в Пьяченце, ближайшим заставам и

командорствам ордена Бездушных.

Лишь командир заставы оставался островом спокойствия в этом управляемом хаосе. Он остался стоять там, где беседовал с нами, лишь изредка отдавая приказы подбегавшим помощникам. Ну а мы, не зная, куда бы приткнуться, остались стоять подле него.

— Вы устали, — обернулся к нам командир заставы, — вам нужен отдых. Вы сделали невозможное, и награда ваша будет достойной, я даю слово рыцаря. Ступайте за консерватором, ^[28] он найдёт вам место для отдыха.

Его слова были равносильны приказу для того самого помощника, что читал наши бумаги. Тот ничего говорить не стал, а сделал нам короткий жест следовать за ним.

Патруль бездушных перехватил нас всего в получасе ходьбы от заставы. Ходьбы нормальным шагом, потому что плелись, едва передвигая ноги. Усталость навалилась нам на плечи, клоня к земле. На ноги как будто по чугунной гире подвесили. Но продолжали шагать в направлении заставы.

Всадники в лёгких доспехах и чёрных плащах с крестами святого Иоанна скакали лёгкой рысью, явно патрулируя окрестности. Они тут же обратили на нас внимание, и уже через минуту после их появления мы были окружены.

Говорить, конечно же, пришлось мне. Я предъявил их командиру часть бумаг, полученных от священника в Пьяченце, и сказал, что у нас срочное и не терпящее никаких отлагательств дело к командиру заставы. Так в плотном кольце всадников нас и доставили. Никто, конечно же, коня своего уступать не спешил, но хотя бы за стремя разрешили держаться всю дорогу. Наверное, только благодаря этому мы и сумели проделать весь оставшийся путь до заставы.

Окружённая высоким частоколом из крепких брёвен с каменной главной башней и десятком деревянных построек внутри него застава представляла собой весьма внушительное зрелище. Как, собственно, и все подобные ей. Особенно внушали уважение пять пушек, установленных у бойниц. Здесь мы, наконец, могли почувствовать себя в безопасности.

Нам не стали чинить дополнительных допросов. Консерватор заставы проводил нас в небольшую казарму, скорее всего, предназначенную для гонцов, где мы нашли всё необходимое для отдыха. Кровати, чистые одеяла и даже довольно толстые матрацы. После сомнительного отдыха на каменном полу собора Сан-Антонио и безумной гонки по катакомбам, это для всех нас были просто райские условия.

Кое-как сложив одежду рядом с кроватью, я растянулся на матраце, завернулся в одеяло и уснул, кажется, прежде чем понял, что засыпаю.

Проснулся я от голода. Впервые с того момента, как мы отправились в катакомбы, у меня появилась возможность нормально поесть. Я поднялся с кровати, быстро оделся и вышел из уже опустевшей казармы. Вор с тевтоном проснулись раньше меня и, наверное, тоже отправились на поиски еды.

На выходе из казармы меня перехватил тощий парнишка в чёрной рясе.

— Я младший консерватор заставы, — представился он, изо всех сил стараясь соответствовать званию, — и должен проводить вас в трапезную.

— Я как раз собирался туда, — кивнул я.

Идти было недалеко, но я бы ни за что не отличил трапезную от иных построек заставы. Она сейчас опустела — большая часть рыцарей и солдат отправились к Пьяченце, оставив здесь лишь самый минимальный гарнизон. Скучали у пушек артиллеристы да мерили

шагами площадки на вышках солдаты с мушкетами на плечах. Перед воротами дежурил усиленный караул, а сами ворота для надёжности были перекрыты рогаткой, которой вчера не было.

В трапезной вор с тевтоном уже всю набивали животы. Напротив них за длинным столом сидел знакомый уже человек — консерватор заставы. Он отправил парнишку, что привёл меня на кухню за ещё одной тарелкой и прибором, и, не дожидаясь пока я примусь за еду, завёл разговор.

— Ваши товарищи говорят, что среди бумаг, которые вы носите с собой, имеется ещё одна, — сказал он. — Та, в которой говорится о вознаграждении для вас.

— Есть у меня такая бумага, — кивнул я, вынимая из планшета последний из вручённых мне священником документов. — Здесь подписи синдика Пьяченцы и членов городского совета, а также подпись и печать епископа. Надеюсь, вы не сомневаетесь в их подлинности.

Консерватор принял у меня документ, внимательно изучив его.

— Здесь не проставлена цифра, — сказал он, констатируя вполне очевидный факт.

— Именно, — кивнул я. — Сколько денег имеется на заставе?

— Я понимаю, что город возместит нам все убытки на ваше вознаграждение, однако, всё равно, всех денег отдать не могу.

— Будет довольно и двух третей, — сказал я. — И прибавьте к этому ещё стоимость снаряжения и провианта для меня и моих товарищей.

— Мне ещё лошадь нужна будет, — оторвавшись от тарелки, бросил тевтон.

— А тебе? — уточнил я у вора, но тот лишь помотал головой в ответ.

— И одной лошади, — сказал я консерватору. — Сразу скажу, что мне денег не надо, достаточно будет только снаряжения.

— Мне — тоже, — добавил вор, запивая кашу парой глотков светлого пива. — Золото с собой в дорогу тащить смысла нет.

— Это что же, — удивился тевтон, даже о еде позабыв, — всё мне достанется?

— Выходит, что так, — кивнул я.

Опешивший от буквально с неба свалившегося на него богатства, тевтон зачем-то усталился в свою тарелку, как будто там мог найти ответы на все вопросы.

— Откуда такая щедрость? — поднял он на меня взгляд.

— Я уже на службе, — отмахнулся я. — И как верно сказал вор, в дороге от золота проку нет. Особенно там, куда я собираюсь.

— Значит, наши пути расходятся? — зачем-то уточнил тевтон.

— Именно, — кивнул я. — Дальше я предпочёл бы продолжить дорогу один, а тебе лучше переждать тревогу вокруг Пьяченцы и возвращаться на юг. В более спокойные места.

— Кстати, насчёт Пьяченцы, — сказал консерватор заставы. — Расскажите, как можно подробнее, что произошло в городе, и с чем вам пришлось столкнуться в катакомбах.

Он сам взялся записывать всё сказанное на листы толстой бумаги. Я предоставил возможность рассказывать всё вору с тевтоном, сам же полностью отдался принесённой еде, накинувшись на кашу с доброй толикой мяса и разбавленное светлое пиво, будто волк.

Мы расстались сразу за воротами заставы.

Тевтон вскочил на лошадь, в перемётных сумках у него было куда больше золота нежели хлеба и сушёного мяса.

— В первом же порту сяду на корабль и отправлюсь на родину Бьёрна Стурлы, — сказал

он уже с высоты седла. — Может, он и не был моим другом, но последний долг отдать надо.

— А после? — спросил у него я, хотя, говоря по чести, меня не особо волновали его планы на жизнь.

— Не знаю ещё, — пожал он плечами. — Из Скандинавии недалеко до Балтики и моих родных мест. Может вернусь туда... А, чёрт его подери, и в самом деле не знаю.

Он махнул нам с вором рукой на прощание и толкнул лошадь, направляя её на юг.

Не знаю, сдержит ли он слово, или же сгинет в первой таверне, где прознают о его богатстве. Ведь может же начать и золотом швыряться — с него станется. Но это уже совсем другая история — история тевтона, к которой я уже отношения не имею ни малейшего.

Вор же уходить не спешил.

— Нам с тобой пока по пути, — заявил он.

— А если мне не нужна компания вроде тебя? — уточнил я.

— Дорога одна, — пожал он плечами, — так или иначе, а топтать нам её вместе. Я иду на север, в германские земли Империи, уж до города скорби нам точно по пути.

— Раз так, идём, — кивнул я.

Крепкие башмаки, пара одеял потеплее да провиант — вот и всё, чем я разжился на заставе. Больше не надо было. Вор же присмотрел себе новый плащ, с помощью острого ножа и иголки с ниткой перешив его на первом же привале на свой лад. Прежний его плащ после Пьяченцы и катакомб превратился в лохмотья, какие и нищему надеть стыдно будет. Примерно та же участь постигла и мои башмаки, основательно размокшие из-за луж в катакомбах, по которым мы неслись не разбирая дороги.

На вечернем привале мы развели небольшой костёр, чтобы приготовить еду. Вор уселся прилаживать к стрелам новые наконечники. Он существенно пополнил на заставе запас древков и теперь занимался их снаряжением.

Всю дорогу мы провели в молчании, не обменявшись и пятью фразами, однако теперь вору отчего-то захотелось поболтать. Хотя я всегда считал, что занятия, вроде того, какому он предавался, требуют полного сосредоточения.

— Не опасаясь спать, когда я буду на часах? — спросил он, взясь с очередным наконечником, судя по красным меткам, это был огненный.

— Меня предупредили на твой счёт, — кивнул я. — Консерватор рассказал, что пока мы спали, нас проверили чёрными свечами. О результате проверки, думаю, ты догадываешься.

— Они ещё и клеймо моё осмотрели, — добавил вор, пряча одну стрелу в колчан и доставая новое древко. — У меня очень чуткий сон.

Меня тоже успели осмотреть, судя по тому, что консерватор был в курсе значения татуировок на моём теле. И в отличие от вора, я спал слишком крепко, чтобы почувствовать это.

— Раз уж ты решил составить мне компанию до города скорби, — сказал я, — то выкладывай, на кого работаешь.

— Жду от тебя ответной любезности, — заявил он. — Про себя могу сказать, что постоянного нанимателя у меня нет. Я для этого, наверное, слишком продажен. Хотя, конечно, по большей части я работаю на церковь, сам понимаешь, клирикам проще всего прижать меня.

— И на какую именно церковь ты чаще всего работаешь?

— Да на все, — махнул рукой с зажатым в пальцах наконечником, на сей раз с

отравляющим газом, вор. — И на кастильскую, и на авиньонскую, и на Деву Марию, так сказать, лично.

Я оценил его тонкий юмор и намёк на Тевтонский орден, который хотя формально и был католическим, но ни к одной из церквей не относился. Во время раскола их Великий магистр объявил, что станет служить лишь единственному Папе, и пока церковники не разберутся между собой, его орден никому подчиняться не станет.

— Разве что на рутенийских ортодоксов не работал, — добавил вор, — как-то не забирался в их земли. А насчёт некромантов можешь быть спокоен, на них я работать не стану ни при каких условиях.

— Откуда такие твёрдые принципы у человека твоей профессии?

— Не знаю, в чём твоё проклятье, а вот меня от полного подчинения первому же некроманту удерживает только клеймо. И я точно знаю, что сильный колдун вполне может сломать его, сделав меня своим послушным рабом. А оно мне надо?

Вор развёл руками и спрятал очередную стрелу в колчан.

— Ты давно был в окрестностях Милана? — спросил я, «позабыв» об ответной любезности. Откровенничать с вором меня не тянуло совсем.

— Не слишком, — мрачным тоном ответил он. — Но могу сказать точно, что на фактории Роццано ещё собираются самые отважные из рейдеров.

— Или самые глупые, раз лезут в город скорби.

— Или глупые, — согласился вор. — Хотя само по себе рейдерство в городах не слишком умное занятие.

Тут я не стал спорить с очевидным — история моей команды была отличным подтверждением слов вора.

Нельзя назвать нашу дорогу спокойной. Конечно, нам встречались бродячие мертвецы. Если их было немного, то мы легко расправлялись с ними, но куда чаще приходилось пережидать в придорожных кюветах или просто прятаться в кустах. Потому что редко можно встретить одного-двух тварей так близко к городу скорби. Их словно гнала оттуда прочь чья-то злая воля, заставляя бродить целыми ордами в окрестностях городов, однако и не давая им уйти совсем уж далеко в поисках добычи.

Не раз мне приходилось будить вора или наоборот подниматься от его короткого прикосновения к моему плечу. Мы тут же собирали наш лагерь и убегали куда подальше, чтобы не попасть на зуб очередной твари.

— Я вот думаю, — сказал как-то вор, когда мы валялись с ним в кустах, наблюдая, как по дороге топают толпа покойников размером с небольшую серую орду, — а странные были катакомбы, которыми мы вышли из Пьяченцы. Не находишь?

Я находил, что сейчас не лучшее время для разговора, однако понимал и желание вора отвлечься от дурных ощущений. Слишком уж велика была толпа мертвецов.

— Как-то не задумывался над этим, — ответил я. — И что в них показалось тебе странным?

— Пьяченца расположена не слишком близко к Милану, — начал перечислять вор, — лиг десять, а то и все двенадцать. Ты когда-нибудь слышал о катакомбах такой протяжённостью? Говорят, конечно, что в античные времена инженеры многое могли, но не настолько же, а?

— Так никто и не говорил, что катакомбы до самого Милана тянутся, — сказал я. — Есть отдельные тоннели, что связывали их подземелья, а вот эти тоннели вполне могли

прокопать и не в античные времена.

— Кто же такой специалист по копанию тоннелей? Гномы что ли?

— Гномов не существует, — бросил я, — а вот крысолюды, те могут. Они большие мастера рыть.

— Пффф, — фыркнул вор. — Крысолюды такая же байка, как и гномы.

— Отнюдь, — сказал я. — Помнишь, нас обстреляли прямо на выходе из трактира?

— Так и крысюки в Пьяченце отметиться успели, — мгновенно «уверовал» в существование крысолюдов вор.

— Вот именно, — кивнул я. — Пьяченца каким-то ноевым ковчегом стала для всех проклятых тварей. А что ещё не так с её катакомбами?

— Мы вышли на северном берегу По, — машинально сказал вор, мысли которого в этот момент явно были далеко отсюда, — и даже не заметили, как прошли под её дном. Очень глубокие и прочные катакомбы.

— Вот только не надо делать вид, будто не знаешь, что подобные Подгороду гетто строят под реками.

— Но ведь никто не успел затопить его.

— Нас бы не отправили на очевидное самоубийство, да и не пошли бы мы, синдик сотоварищи это отлично понимали. К тому же, и смысла особого уже не было в этом — большинство нечистых бродили наверху и грабили дома. Уверен, что тот же советник Гордон предлагал сделать это, но к нему не прислушались, пока не стало слишком поздно.

Толпа мертвецов всё брела и брела по дороге, через руины городка, имени которого даже не сохранилось, так давно он вымер из-за чумы. В первые годы эпидемии, когда люди ринулись прочь из больших городов, спасаясь от заразы, они невольно разносили её всё шире и шире. Пока за дело не взялись госпитальеры, тогда ещё не звавшиеся бездушными, но именно в те годы заслужившие это прозвание жестокими делами. Они окружали кольцом карантина подобные города, деревни или просто виллы зажиточных господ при малейшем подозрении и предавали всё огню, не разбираясь, кто заразился, а кто избежал этой участи. На тот свет отправлялись все.

Начал накрапывать мелкий и весьма противный дождик. Не прошло и пяти минут, как мы с вором промокли насквозь, а земля вокруг нас начала медленно, но верно превращаться в холодную грязь.

— Полежим тут ещё немного и сами околеем, — заявил вор, зубы его, как и мои, уже постукивали от холода.

— Пускай дорога ещё немного размокнет, — ответил я, — и тогда попробуем проскочить.

— Покойники, конечно, в грязи застрянут, а мы с тобой — нет?

— Придётся рискнуть, — сказал я. — Выбора-то у нас нет, разве что лежать тут и надеяться на чудо.

Однако чуда не произошло. Дождь лил всё сильнее, и я почувствовал, что у меня начинают форменным образом коченеть ноги. Я уже не слишком хорошо чувствовал пальцы, а значит, дальше лежать нельзя. Надо идти на риск.

— Давай, вор, — бросил я, подбирая под себя руки, чтобы рывком встать. — На счёт три. Раз, два... — Я помедлил секунду. — Три!

Мы вскочили на ноги, застоявшаяся от долгой неподвижности и холода кровь тут же быстрее побежала по жилам, согревая тело. Мертвецы обратили на нас внимание, и

ближайшие направились в нашу сторону, протягивая корявые руки, похожие на узловатые ветки больных деревьев. Мы помчались прямо на них. Я выхватил палаш, сжал в левой руке трофейный грессмессер. Вор же луку предпочёл нечто вроде короткой дубинки с несколькими небольшими крючьями.

Мы ворвались в толпу покойников, орудуя каждый своим оружием. Я рубил тянущиеся ко мне корявые руки, выпускал кишки, срубал головы. Вор ловко крушил черепа мертвецов своей дубинкой, выskalывал буквально из их пальцев, не давая схватить себя за одежду в последний миг, и обрушивал на локти и колени врагов било своей дубинки, с треском ломая кости суставов.

Вязнущие в топкой грязи мертвецы не поспевали за нами, и мы сумели вырваться из их толпы, проделав в ней внушительную просеку. И тут же кинулись со всех ног бежать дальше по дороге, разрывая расстояние между собой и топчущейся толпой ходячих покойников. На каждый башмак налипли тонны грязи, превращая их в неподъёмные ядра, вроде тех, что привязывают к ногам каторжан. С каждым шагом всё труднее было вырвать ногу из раскисшей земли, всё сложнее — не оступиться. Однако и мертвецы за нашими спинами едва волочились, часто падая, а шагающие следом топтали упавших, не давая шанса подняться.

После этой пробежки, когда нам удалось достаточно оторваться от толпы мертвецов, мы, не сговариваясь, решили дойти до фактории Роццано без привалов. Даже на то, чтобы привести одежду хотя бы в относительный порядок, решили не останавливаться.

Фактория располагалась среди руин городка Роццано, вымершего в первые годы чумы. Его не коснулся огонь бездушных, а потому большинство зданий уцелели, что и обусловило выбор. Первые рейдеры сделали работу госпитальеров, истребив немногих бродивших среди опустевших домов покойников и, вместе с теми, кто не желал подниматься, стащив в громадный ров и предав очистительному пламени. В скором времени эта фактория стала одной из самых процветающих, и была такой до самого конца. Теперь же, как и все прочие, пребывала в запустении, потому что отчаянных сорвиголов или просто глупцов, продолжавших заниматься рейдерством, было не столь уж много.

Вот только для полузаброшенной фактории, Роццано оказалась очень оживлённой.

Мы наблюдали за жизнью на фактории из разросшегося леса, окружавшего её. Благодаря тучам, всё ещё затягивающим небо, вокруг царила темнота, несмотря на не особо поздний час. На улицах горели большие костры, на них были установлены треноги. На одних жарилось мясо, на других булькали котелки. Запах стоял просто изумительный. Вокруг костров расселись несколько десятков человек, скорее всего, наёмники, судя по кожной броне и оружию, что держали под рукой.

— И кто же эти ребята? — поинтересовался я у вора. — Ты знаком с ними?

— Их не было тут в мой предыдущий визит, — покачал головой тот.

— Ни одного знакомого лица?

Тот лишь отрицательно мотнул головой.

Желания связываться с этими наёмниками, оккупировавшими факторию, у меня не было ни малейшего. Особенно в свете событий в Пьяченце.

— Дорогу они, скорее всего, патрулируют, — сказал вор, — и от них уже не удерём по раскисшей грязи, как от бродячих покойников.

Тут с ним было не поспорить. От пули или арбалетного болта в спину так просто не удерёшь.

— Единственное направление, которое они вряд ли перекроют...

Вор не стал договаривать — и так очевидно. Вот только выбор у нас был крайне скверный. Хуже просто не придумать.

— Лезть в город скорби ночью, — протянул я. — Может быть, там, — я кивнул в сторону фактории, — нас ждёт не столь страшная участь?

— Ты ведь был рейдером, — пожал плечами вор, — да и мне как-то пришлось задержаться в городе скорби почти до полуночи. Эти наёмники — зло нам неизвестное, в отличие от того, что обитает в Милане. Да и пройдем мы его лишь самым краем, только чтобы Роццано обойти по более широкой дуге.

— Ну что ж, — вздохнул я, преодолевая себя, — бывают и более изощрённые способы самоубийства, но я их не знаю.

Мы направились прочь от занятой наёмниками фактории Роццано, держа путь почти прямо на север. К городу скорби, что прежде звался Милан. Не прошло и пары часов — ночь ещё не успела толком вступить в свои права, когда мы пересекли его границу. И вошли в город скорби.

Глава 9

Кто живёт в мёртвом городе

Есть такая глупая детская загадка: кто в мёртвом городе живёт? И ответа на неё нет, потому что всякий, кто пересекает границу города скорби, остаётся там навсегда. Дело тут вовсе не в его зловещих обитателях — с ними вполне справлялись рейдерские команды вроде моей. Даже крысолюды не стали бы серьёзным препятствием, ведь они оказались удивительно трусливы, как и положено роду, давшему им жизнь, и насмерть дрались лишь будучи загнанными в угол. Сильнейшие особи этих тварей частенько предпочитали бежать, а не сражаться и гибнуть под клинками и пулями.

Вовсе не толпы ходящих покойников и крысолюды превратили бывшие мёртвые города, источник хоть и опасного, зато очень прибыльного дела, в города скорби, куда никто не осмеливается входить. Здесь творилась такая чертовщина, что рейдеры бежали с факторий, окружавших города. Их гнал безотчётный ужас, отвратительные порождения ночных кошмаров, которым и имени-то не подобрать, преследовали их не одни сутки. А самым страшным было то, что убивали они вполне по-настоящему. Тех, кто не успел бежать или предпочёл драться, находили разорванными на куски так, что одного тела от другого не отличить. Иные же лежали без единой раны, лишь лица их были искажены гримасами ужаса. Но были и третьи, о ком говорили, всегда понижая голос до шёпота. Те, кто уходил в города скорби по собственной воле, чтобы вернуться оттуда изменёнными. Мало кто видел этих изменённых. Одни утверждали, что все заразителы как раз из таких, но это было заблуждением: уж кому-кому, как не мне знать это доподлинно. Другие же говорили, что им довелось встретиться с людьми, изменёнными городами скорби, в чём именно заключалось это изменение, они не могли сказать точно, вот только от обычных людей те отличались разительно, как небо и земля. И всегда творили такое зло, что и описать невозможно.

— Что тебя подвигло поддаться на мои уговоры? — спросил у меня вор, пока мы шли к городу скорби. — Ты ведь раздумывал, а после тебя словно молнией ударило. Кого ты увидел, а?

— А твой правый глаз ничего в них не увидел? — не слишком вежливо отозвался я вопросом на вопрос.

— Метки, — кивнул вор. — Все наёмники были отмечены, но дело же не только в этом, верно? Я же видел их предводителя не хуже твоего. Вот же чучело несусветное.

Он весьма метко описал человека, который, скорее всего, был предводителем наёмников. Единственный в тяжёлой броне, да ещё и усиленной шестерёнками на локтях и коленях. Из-за плеча его торчала потёртая рукоять двуручного меча с оголовьем в виде черепа в терновом венце. Лицо скрывала маска в виде черепа, будто вплавленная в голову. Я очень хорошо помнил, как это произошло. Потому что командиром наёмников, сидевших на фактории, отмеченных знаком некромантов, был не кто иной, как Гербрахт Баумхауер, бывший доппельзольднер и рейдер моей команды. Человек, встрече с которым я готов был предпочесть почти самоубийственный риск пересекать границу города скорби, да ещё и ночью.

Колебаться на границе города мы не стали. Единственный шаг — и мы внутри. Всё сразу изменилось. Я словно вернулся на полтора года назад, в свой последний рейд. Пускай он и происходил в другом городе, куда сейчас не сунется никто даже под угрозой смерти, но

как будто сам воздух, которым мы дышали, изменился.

Теперь мы передвигались крадучись, словно оба были ворами, пробравшимися в чужой дом. Очень хорошо охраняемый дом. Мы медленно шагали по улицам с разбитой мостовой, давно уже не знавшей человеческих ног и лошадиных копыт. При малейшем признаке опасности тут же ныряли в подворотни или заскакивали в пустующие дома.

А город скорби вокруг вовсе не был мёртвым. Он жил своей чуждой, кошмарной жизнью. Топтались тут и там бродячие покойники, смерть уравнила их всех: богачей и нищих, простолюдинов и титулованных дворян. Они без цели бродили по улицам бок о бок, одетые в обноски, в которых не узнать прежних одежд. Скрыться от них не представляло труда, большая часть успела изрядно разложиться и лишиться глаз, они тупо следовали за другими покойникам или за поводырями. В последних же недостатка не было. Согбенные фигуры в выцветших, рваных рясах, похожие на пародии на святых старцев, были на самом деле крысолюдами. В лапах они сжимали шипастые кадила, источавшие жуткую вонь, которая перебивала даже ту, что исходила от толп полуразложившихся мертвецов. Именно эта вонь и шум, издаваемый большим скоплением людей, пускай даже давно покойных, помогали нам с вором обнаружить опасность и вовремя скрыться от неё.

Много шума издавали и закованные в сталь патрули здоровых крыс, вооружённых разной длины алебардами. Эти даже соблюдали дисциплину, ходили строем, подчиняясь приказам, что выкрикивали на неизвестном языке их командиры. От них скрыться было довольно просто — патрули предупреждали о своём появлении ничуть не хуже толп покойников во главе с кадильщиками. Они громко звенели доспехами и бряцали по мостовой древками алебард, будто на параде. Скрываться явно и не помышляли.

Мы прятались от одного такого патруля, браво шагавшего по мостовой. Крысы то и дело выкрикивали короткие фразы, нечто вроде «ать-два». Вот только этот патруль сопровождала крыса куда ниже остальных ростом, почти припадающая носом к земле.

— Нюхач, — едва слышно произнёс вор. — Плохи наши дела.

Мы сидели у окна первого этажа, кажется, раньше это была лавка, но чем тут торговали, понять было уже невозможно. Оконную раму и ту давно вынесли. Мы наблюдали за чеканящими шаг, словно на параде, крысолюдами. У входа в дом нюхач замер. Командовавший патрулём крысолюд в украшенном зелёными узорами доспехе вскинул лапу, приказывая остановиться. В дополнение он выкрикнул нечто на их проклятом наречии, и маршировавшие крысы замерли, оглядываясь по сторонам.

Похоже, мы и в самом деле крепко влипли. Шуметь нельзя: на выстрелы тут же сбежится полгорода — и поминай, как нас звали. Вор наложил на тетиву стрелу с отравляющим газом, но я лишь покачал головой. Драться тоже никак нельзя — это самоубийство. Я кивнул вверх, и вор тут же убрал стрелу обратно в колчан.

Мы, стараясь шуметь как можно меньше, двинулись через захламлённое помещение бывшей лавки. Вот только получалось не очень хорошо, слишком уж много мусора скопилось тут за прошедшие годы. Мы отступали к лестнице вверх, то и дело оборачиваясь, чтобы оценить обстановку. Нюхач тыкался носом в мостовую и порог дома, однако тревогу пока не поднимал. Командир патруля выжидающе глядел на него, при этом постукивая длинными пальцами по краю небольшого щита, закреплённого на левой лапе. Когти его неприятно скребли по окованному сталью дереву щита.

Когда вор аккуратно наступил на нижнюю ступеньку лестницы, разохшееся дерево издало тонкий, протяжный скрип. Нюхач замер, а командир крысиного патруля вскинул

лапу, указывая когтем внутрь дома, и выкрикнул приказ. Тотчас, оттеснив нюхача, в нашу сторону устремилась пара крысолюдов в доспехах. Вот уж кто и не думал об осторожности и соблюдении тишины. Они неслись через помещение, пинками отшвыривая с дороги попадавшийся под ноги мусор.

Это был наш с вором шанс. Мы бросились по лестнице наверх, всё равно в том шуме, что производили закованные в доспехи крысолюды, скрипа ступенек слышно точно не будет.

Второй этаж был меньше первого, да ещё и куда сильнее захламлён. Мы с вором вынуждены были почти пробираться среди разломанной мебели и кусков ткани. Из всего этого были собраны гнёзда и логова, где кто-то жил какое-то время назад. Под нашими башмаками трещали кости и осколки посуды, а один раз под ноги попался треснутый человеческий череп — судя по размеру, он принадлежал ребёнку или карлику. Мне совсем не хотелось задумываться над судьбой того, кому он принадлежал.

Приставная лестница на крышу не внушала никакого доверия. В ней порядком не хватало ступенек, а оставшиеся выглядели так, будто сломаются, стоит на них только наступить. Вот только грохот тяжёлых шагов и звон доспехов преследовавших нас крысолюдов не оставлял выбора.

— Ты первый, — кивнул мне вор. — Если развалишь лестницу, я уж как-нибудь и без неё обойдусь.

Я даже в Пассиньяно редко молился, если только не вместе с монахами, когда того требовали церковные каноны и устав монастыря, который меня отчасти касался. Но теперь я вознёс очень короткую молитву Господу, быстро перекрестившись. Пусть и потерял несколько драгоценных мгновений, но мне отчего-то показалось, что так будет лучше.

Крепко взявшись обеими руками за стойки лестницы, я почти прыгнул, проскочив сразу пару ступенек и наступив сразу на пятую или шестую. Рассохшееся дерево отчаянно затрещало, но выдержало мой вес. Я не стал задерживаться и оттолкнулся снова, как можно скорее схватившись за край отверстия, ведущего на крышу. Подтянувшись, я буквально втащил себя наверх и перевалился через край. Старая черепица закрипела под моим весом, и я покатился по скату крыши, однако легко прекратил это движение и сумел довольно уверенно встать на ноги.

Вор показался на крыше меньше чем через минуту. Он ловко выскочил из слухового отверстия, на ходу вынимая лук.

— Тебе не кажется, что мы загнали себя в ловушку? — спросил он.

— На доме был знак воздушной тропы, — ответил я. — Остаётся надеяться, что она не развалилась от времени.

Я указал на довольно широкую доску, закреплённую на крыше. Она тянулась через улицу к окнам соседнего дома. Тот был куда больше — пять этажей высотой, и, судя по количеству окон, это был доходный дом, где небольшие комнаты сдавались за скромные деньги. К одному из подоконников и крепилась доска. Правда, я отсюда видел, что гвозди, которыми она была прибита там, кое-где повылазили почти до середины.

— Идея, конечно, не из лучших, — вздохнул вор, вынимая из колчана стрелу и быстро крепя к ней длинную верёвку.

Он выстрелил в стену доходного дома, попав прямо в деревянную раму окна, верёвка размоталась и вор подхватил её, как следует навалившись всем весом, чтобы проверить, выдержит ли. Я же всё это время караулил у слухового окна с пистолетом наготове.

Со второго этажа раздался треск, грохот, звон доспехов и отчаянные крысиные вопли.

Похоже, один из наших преследователей оказался настолько глуп, что решил проверить лестницу на прочность. Однако не прошло и пары минут, как из слухового окна показалась длинная крысиная морда. Я, не задумываясь, вскинул пистолет и выстрелил в упор. Пуля разнесла половину головы крысолюда, и тот провалился обратно в дом.

— Готово! — крикнул вор из-за моей спины. — Давай ты снова первым.

— В этот раз ты, — оборачиваясь, сказал я. — Я прикрою отсюда, а потом ты с той стороны.

— Тогда держись, — сказал вор, и, судя по скрипу дерева, ступил на непрочную доску воздушной переправы.

Я постарался как можно скорее перезарядить пистолет, однако он мне не понадобился. Крысолюды больше не пытались забраться в узкое окно, куда вряд ли смог бы пролезть кто-либо из них, кроме нюхача. Несколько раз изнутри дома в окно ткнули алебардой, однако на этом и успокоились. То ли решили подождать, когда мы спустимся сами, то ли отправились на улицу, чтобы поглядеть на нас, сидящих на крыше.

Оказалось, что верно второе предположение. Вор крикнул мне из окна дома напротив, что можно идти. Я повернулся к воздушной переправе, взялся крепче за натянутую верёвку и шагнул на доску. Говорят, у пиратов есть такая казнь, когда заставляют пройти по доске, заканчивающейся недалеко от борта корабля. И, конечно же, море в этот момент кишит акулами. Вот примерно в такую ситуацию я и угодил. Я медленно шагал по узкой доске, скрипевшей под моими башмаками, держась за натянутую между домами верёвку. А на улице подо мной собрался весь крысиный патруль. Они тыкали пальцами вверх и кричали что-то на своём наречии.

Командир вытащил длинный пистолет, прицелился в меня, но его опередил вор. Быстрым движением он послал стрелу так, что она пробилла запястье крысолюда, сбивая прицел, и пришила его руку к горлу. Командир патруля покачнулся и осел на мостовую. На курок он нажать успел — и грянул выстрел с характерной зеленоватой вспышкой, но пуля ушла почти вертикально вверх.

Однако прекращать попытки достать меня крысолюды не собирались. Самый здоровый из них перехватил алебарду и швырнул её в мою сторону. Он попал в доску немного позади меня, и та затрещала. Отбросив осторожность, я со всех ног бросился к окну доходного дома. Но не успел: доска лопнула, расколовшись надвое. В последнюю секунду мне удалось схватиться обеими руками за верёвку, натянутую вором, и повиснуть над улицей.

Боль рванула суставы плеч и локтей, но я сумел удержаться и даже перехватил верёвку, продвинувшись немного вперёд. Ещё рывок — и я немного ближе к окну. Вор протянул мне руку, я перехватил верёвку в третий раз и сжал его запястье как можно крепче. Его длинные пальцы сомкнулись на моём предплечье, и вор дёрнул руку на себя изо всех сил. Я отпустил верёвку, полностью полагаясь на его силу. Повиснув над мостовой, я как можно скорее нашёл опору для ног, левой рукой ухватившись за подоконник.

И тут рядом со мной в стену дома ударилась ещё одна алебарда. Да с такой силой, что вошла в каменную кладку на полдвойма, не меньше. Чтобы метнуть отнюдь не лёгкое оружие на такую высоту, надо обладать воистину бычьей мощью. Не хотелось бы мне столкнуться с этими крысолюдами в рукопашной схватке.

С помощью вора я влез в окно, перевалившись через подоконник, рухнул на пол, тяжело дыша. Вор вынул стрелу из рамы, щёлкнув каким-то хитрым рычажком, чтобы сложились шипы, крепившие её к дереву. Он повернулся ко мне, сматывая верёвку.

— Разлѣживаться некогда, — бросил он, протягивая руку и помогая встать, — тут лестницы куда крепче, так что крысюки скоро будут здесь.

Всѣ это я и без него понимал, а потому ничего не ответил. Встав на ноги, даже не стал отряхивать с себя пыль и грязь, собранную по полу, сразу же поторопился прочь из комнатухи. Вор не отставал от меня, на ходу смотав верёвку и спрятав её куда-то под плащ.

Мы снова поднялись на верхний этаж дома, а оттуда выбрались на крышу. Вот только отсюда воздушной переправы не было. Мы разве что могли вернуться обратно. Здания вокруг нас были куда ниже, да и состояние их не вызывало никакого доверия. Они выглядели так, будто готовы развалиться от малейшего дуновения ветерка, не говоря уж о приземлении пары человек на их крышу.

— Верёвки хватит до часовой башни, — кивнул вор на отдельно стоявшее каменное здание с циферблатом без стрелок.

— Ты сумасшедший? — глянул я вору в глаза. — Лезть в часовую башню? А если пробьёт *Ultima forsan*?

— Здесь мы точно покойники, — тот с показным равнодушием пожал плечами. — Крысюки точно прикончат нас раньше этого часа.

Тут с ним было глупо спорить. Какая бы чертовщина не творилась в часовых башнях, особенно когда они сами по себе начинают бить, крысолюды прикончат нас куда вернее.

Мы пробежали по крыше до ближайшего к башне края. Там вор остановился и начал тщательно готовиться к выстрелу. Он проверил, хорошо ли выходят из пазов шипы на наконечнике стрелы, подтянул узлы на верёвке, привязанной к ней, тщательно отмерил длину, несколько раз прикинув на глаз расстояние до башни. Наложив стрелу на тетиву, он долго целился, а после быстро оттянул правую руку до самого уха и разжал пальцы. Я проследил за полѣтом стрелы, врезавшейся в деревянную балку часовой башни. Вор потянул верёвку на себя, навалившись на неё всем весом, но стрела выдержала.

Тут из люка показалась крысиная голова в шлеме. Увидев нас, тварь издала протяжный вопль, дав остальным знать, где мы. Я выстрелил, но было поздно — крысолюд подал сигнал, а значит, скоро сюда примчится весь патруль. И, скорее всего, не только он.

— Держи, — вор сунул мне в руку какой-то круглый предмет. — Знаешь, как пользоваться этой штукой?

Я глянул на пару дисков, скреплѣнных между собой на расстоянии в два пальца. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как ими пользоваться.

— Вполне, — кивнул я. — Давай, ты снова первый.

Вор спорить не стал. Разбежавшись, он прыгнул к верёвке, зацепившись за неё, и заскользил. Вместо устройства с парой дисков вор использовал свою дубинку на короткой рукоятке, выщелкнув из била её кривой шип.

Наше здание находилось на холме и было достаточно высоким, чтобы закрепить верёвку под нужным углом. Вор буквально пролетел разделявшие наш дом и часовую башню метры, ловко нырнув в окно прямо под балкой.

Пока он летел, я перезарядил пистолет и сунул его за пояс. Когда же направился к верёвке, из люка выбрался новый крысолюд. А за ним уже спешили ещё несколько. Тварь заорала и бросилась ко мне, вскинув алебарду для удара. Я боя не принял и прыгнул на верёвку, крепко вцепившись в короткие рукоятки, торчавшие из обоих дисков. Устройство издало механическое жужжание, и я заскользил по верёвке куда быстрее, чем должен был.

И всё равно чѣртов крысолюд добрался до края крыши раньше, чем я — до часовой

башни. Я краем глаза заметил, как блеснул лунный свет на широком лезвии его алебарды, когда он одним ударом перерезал верёвку, отправляя меня в короткий полёт.

Я отпустил устройство, крепко вцепившись в верёвку. Пролетел я всего ничего, метра два или три, вряд ли больше, однако полёт этот показался мне бесконечным. Ноги болтались на высоте над каким-то совсем ветхим зданием, приземлился я на его крышу — пробил бы насквозь, переломав все кости. Я с трудом оторвал взгляд от него и посмотрел вперёд. Мне чуть дурно не стало от увиденного — на меня летела стена часовой башни. Я разглядел каждую щербинку на каждом камне стены, пока она стремительно приближалась ко мне.

Внутренне сжавшись, я приготовился к удару, который точно выбьет из меня весь дух. Однако его не последовало, точнее, удар был, но не столь сокрушительный, как мне представлялось. Я ударился об окно, забитое досками, разнеся их в труху, и влетел в часовую башню. Прокатившись по лестнице, пересчитал рёбрами ступеньки всего пролёта и остановился, ударившись спиной о стену.

Не знаю, как я мог не заметить спасшего мне жизнь окна, за мгновение до удара мне казалось, что лечу напрямиком в камни стены.

Я не спешил подниматься, прислушиваясь к ощущениям — вдруг что сломано? Но боли не было, и я хотел было уже встать, как услышал на лестнице внизу тяжёлые шаги. Ступали как будто босыми ногами, шлёпая по каменным ступенькам. Я поспешил отползти в угол, вытащив из ножен трофейный grosmesser. В тесноте лестничного пролёта от палаша толку будет не слишком много.

Я глянул наверх, прикидывая, успею ли пробежать этот пролёт, чтобы скрыться за поворотом лестницы. Зря. Надо было без лишних раздумий бежать. Пока я судил да рядил, в пролёте показалась высокая фигура. Здоровяк с мощным костяком и плывущими мускулами евнуха медленно шагал по ступенькам. Одет он был в выцветшие шаровары с широким поясом. В правой руке он сжимал рукоять ятагана, а левой держал за волосы собственную голову. А может, не свою, а ещё чью-нибудь, однако на плечах у него головы не было — шея обрывалась чистым хирургическим срезом. Здоровяк поводил головой из стороны в сторону, как будто та желала осмотреться получше.

— Kim? — произнесла голова. — Kim ziyarete geldi?^[29]

Прежде, чем взгляд её мёртвых глаз остановился на мне, я ударил grosmesserом по запястью левой руки безголового здоровяка, отрубив кисть начисто. Голова заорала и, изрыгая непристойности на турецком, запрыгала по ступенькам вниз. Тело здоровяка неуклюже топталось на месте, а после затопало по лестнице, догоняя голову.

Я же поспешил наверх, чтобы как можно скорее найти вора.

Торопясь, как только мог, но при этом стараясь не производить лишнего шума, я довольно быстро преодолел несколько лестничных пролётов. Однако после кровь моя немного поостыла, и на плечи начала наваливаться усталость. Всё же больше суток на ногах, да ещё и в темпе скаковой лошади — то ещё испытание. А уж после того, что случилось в Пьяченце и под ней, так и подавно. Но всё же я старался как можно быстрее переставлять ноги, несмотря на нарастающую боль в икрах.

И, как вскоре выяснилось, торопился я не зря.

В самом сердце часовой башни, как и полагается, обитал демон. Тварь из самых глубин Преисподней свила себе гнездо среди замерших шестерёнок и балок. И вор потревожил её. Теперь поросший редкой, буроватого оттенка шерстью демон глядел на него в упор. Их разделяли считанные дюймы, длинный витой рог, торчавший из лба демона, едва не

задевал лицо вора. Демон упирался в подгнившие доски пола четырьмя копытами, между мощных ног его помещалось тело, отдалённо напоминавшее человеческое, на плечах сидел вытянутая голова с искажённым, но вполне человеческим лицом. Длинные бесцветные волосы свисали на плечи. В глазах горела чудовищная злоба. Отчего он ещё не набросился на замершего с дубинкой в руках вора и не растерзал его, я не понимал.

Демон издал рычащий звук и повёл головой, как хищник, демонстрирующий другому свои права на территорию. Я осторожно, стараясь не привлекать внимание, вытащил из-за пояса пистолет, который по счастью не потерял во всей этой кутерьме, и левой рукой медленно начал взводить курок. Он предательски щёлкнул — и демон тут же повернулся мордой ко мне. Я вскинул пистолет и, не медля ни секунды, выстрелил, не целясь. Пуля угодила именно туда, куда надо, расколов витой рог демона. Тот взвыл от боли, но ещё сильнее закричал, почти по-человечески, когда на повреждённый рог свою дубинку обрушил вор. Демон встал на дыбы и тут же снова обрушил тяжёлые копыта на жалобно затрепавшие доски пола. Он вопил и мотал головой — во все стороны летел красный иxor, так похожий на кровь.

И всё же умирать тварь, несмотря на разбитый рог, не спешила. Тогда я рискнул броситься прямо на неё, перехватив grosмессер. Демон во второй раз встал на дыбы, скакнул в мою сторону, пытаясь ударить передними ногами, будто норовистый жеребец. Но и не с такими справлялись. Я перекатился через плечо, уходя от удара копыт, и стоило только демону снова встать на все четыре ноги, как я тут же всадил ему grosмессер прямо в расколотый рог. Большую часть работы за меня сделала сила самого демона, насадившего себя на клинок grosмессера. Мне же оставалось лишь покрепче держать рукоять обеими руками.

Демон с торчащим изо лба grosмессером покачнулся и завалился на бок. Он подёргался ещё пару секунд, но это была уже агония.

— Ловко ты его, — выдохнул вор, который, наверное, забыл, как дышать, пока я дрался с демоном.

— Не ударь ты его дубинкой по рогу, мне вряд ли удалось бы его прикончить, — ответил я. — А теперь давай убираться отсюда поскорее. Часовая башня далеко не лучшее убежище в городе скорби.

Вор только плечами пожал. Не спорить же ему с очевидным фактом, высказанным мной лишь бы что-нибудь сказать.

Однако словно в подтверждение моих слов механизм часовой башни вдруг ожил. Завертелись шестерёнки, зажужжали неизвестные мне устройства, что приводят их в движение, змеями поползли толстые канаты, то натягиваясь, как гитарные струны, то внезапно проседая. Я не видел своими глазами, но точно знал, что в этот момент загорелся призрачным светом циферблат башни, а на фоне этого свечения контрастно выделялись цифры, скользили по полотну циферблата призрачные тени стрелок, чтобы замереть, слившись в одну. И тогда часы пробьют *Ultima forsan*.

Мы с вором поспешили к лестнице на крышу. Выглядела она ничуть не лучше той, что была в доме с лавкой. Я снова первым бросился по ней, сломав пару перекладин. Подтянувшись на руках, выбрался на крышу.

Демон на полу начал шевелиться, и это была вовсе не агония, очень скоро он снова встанет на копыта. По лестнице поднялся знакомый мне безголовый турок. Каким-то образом он вернул на место отрубленную кисть, и взгляд зажатой в пальцах головы

безошибочно нашёл вора, а следом устоялся на меня.

Вор, схватившись за стойки лестницы, ловким прыжком метнулся вверх. Теперь уже я поймал его и втянул. Я поднялся на ноги, с трудом утвердившись на крутом скате крыши, принялся сразу же перезаряжать пистолет. Вор же, не выпрямляясь, скользнул к краю и оседлал каменную горгулью, став похожим на громадную летучую мышь.

Зарядив пистолет, я сунул его за пояс и вынул из ножен палаш. Демона можно не бояться, он точно не сумеет забраться на крышу. А вот безголовый турок — другое дело. Он куда более опасный противник, и в том, что скоро придётся скрестить с ним клинки, я не сомневался.

Так оно и вышло. Пока вор снова прикидывал, как ему выстрелить, отсчитывал длину верёвки, проверял узлы и крючья на стреле, турок одним стремительным прыжком оказался на крыше. Глаза отрубленной головы уставились на меня, но лишь на миг. В следующее мгновение турок вскинул саблю для атаки, отведя левую руку за спину. Драться он явно умел и без глаз.

Он обрушил на меня град ударов, которые я с трудом успевал отбивать. Даже без головы турок был отменным бойцом, куда лучше меня. Я мог лишь парировать стремительные удары и выпады. Турок ловко держался на крыше, голые ступни его не скользили вовсе, мне же приходилось хуже — подошвы ботинок то и дело норовили съехать по черепице. Дважды это спасало мне жизнь — клинок сабли турка свистел у меня над головой. В первый раз он сбил с меня шляпу, во второй едва не снял голову с плеч. Лишь чудом, почти припав к черепице, я сумел увернуться от удара.

Турок отвесно рубанул меня сверху вниз, я рухнул ничком и перекатился в сторону. Клинок его сабли разбил пару черепиц — брызнули глиняные осколки и пыль. Не поднимаясь, я ударил турка по ногам, но он ловко подпрыгнул, и мой палаш свистнул ниже его голых пяток. Я бы такой трюк никогда не рискнул исполнять, особенно стоя на крутой крыше в чёрт его знает скольких метрах над землёй. Турок же приземлился обратно и тут же перешёл в контратаку.

Я скатился почти к самой горгулье, на которой сидел вор, но каким-то чудом сумел остановить падение, даже вскочил на ноги и отбил удар турка. Тот попытался обмануть меня ложным выпадом, однако я знал отличную контрмеру против таких финтов. Сделав вид, что попался на трюк, я куда сильнее, чем следовало бы, ударил палашом по клинку его сабли, отбивая её далеко в сторону. Турок удержал оружие в руках, а вот мой выпад парировать уже не сумел. Я всадил ему палаш под рёбра и, навалившись всем весом, вогнал клинок почти по самую рукоять.

Обычного человека это бы с гарантией отправило на тот свет, вот только враг мой был вовсе не обычным. Да и человеком его можно было назвать с большой натяжкой. Конечно же, почти полметра стали под рёбра не убили его, и я отлично понимал, что не сумею прикончить безголового турка так легко.

Используя клинок палаша как рычаг, я снова навалился всем весом на турка, одновременно ударив его сзади по лодыжке. Нелепо, будто клоун в цирке, взмахнув руками, турок покачнулся и упал с края крыши, отправившись в полёт к земле. Я попытался удержать палаш, но тот слишком прочно застрял в теле турка. Пальцы рванула боль, и я отпустил рукоять, пока меня не утянуло вслед за падающей тварью.

Так я остался почти безоружным, но задумываться над этим было некогда.

Вор привстал на одно колено, опираясь на горгулью, и оттянул тетиву почти до уха.

Подержав мгновение, прицеливаясь, он разжал пальцы, отправляя стрелу в полёт. Я проследил за ней, но быстро потерял из виду в ночной темноте. Не слышал я и удара, однако вор как-то понял, что выстрел достиг цели. Он потянул за верёвку, прикреплённую к стреле, изо всех сил упёрся ногами в горгулью. Не выдержи стрела или верёвка — и он бы точно сорвался, даже присущая вору ловкость не спасла бы его. Однако снаряжение прошло проверку, и вор сноровисто примотал конец верёвки к голове горгульи. Рога её как нельзя лучше подходили на роль креплений.

— Готово, — обернулся ко мне вор, кажется, он даже не заметил нашей дуэли с безголовым турком. — Ты — первый, я — за тобой.

Я ничего не имел против, вот только слабо представлял себе, как мне воспользоваться устроенной вором переправой. Его хитрую машинку-то я потерял, когда крысолюд перерезал верёвку за моей спиной.

— Ремень бери, — пожал плечами вор. — Выбора у тебя нет. Второй такой катушки нет у меня. Тебе вообще повезло, что я её не продал.

— Теперь уже и не продашь, — ответил я.

Быстро сняв ремень, я прикинул, как лучше всего зацепиться за верёвку. По всему выходило, что придётся прыгать. Риск велик, но выбора у меня нет. Я глубоко вдохнул и выдохнул, собираясь с силами. Скорее душевными, потому что физических для короткого прыжка много не надо было.

— Он, кстати, мне недёшево обошёлся, — заметил вор, но я проигнорировал его слова, полностью сосредоточившись на предстоящем прыжке.

Наконец, я набрал полные лёгкие воздуха, резко выдохнул — и прыгнул вперёд. Короткий полёт над настоящей бездной — в ночной темноте улиц внизу видно не было. Я схватился правой рукой за верёвку, повиснув над улицей, перекинул ремень, и вот тут мне предстояло самое страшное. Надо было отпустить верёвку и схватиться за ремень. Я отлично понимал, что в этот краткий миг буду в прямом смысле висеть между жизнью и смертью. Соскользни мои пальцы с ремня — и тело достанется местным падальщикам. И всё же я нашёл в себе силы сделать это. Хотя сердце и зашлось от пронзившего его страха.

Оттолкнуться ногами от той самой горгульи, на которой сидел вор, не составило уже никакого труда. Я быстро заскользил по верёвке над невидимой мостовой города скорби, над разрушенными домами, над толпами ходячих покойников с их жуткими проводниками, над патрулями крысолюдов и ещё одному Господу известно, над кем и чем. Я старался не думать о том, что скольжу, всё сильнее ускоряясь, что в нос всё настойчивей бьёт вонь горящей кожи, что сложенный вдвое толстый кожаный ремень вполне может и не выдержать, разорвавшись от трения. Я смотрел прямо перед собой, чтобы не пропустить ту крышу, куда вонзилась стрела. И всё же едва не проморгал её. Видимо, глаз, что называется, замылился от долгого вглядывания в ночную темень.

Я едва успел выставить ноги вперёд, смягчая удар о черепичную крышу, вовремя отпустил ремень и тут же как можно скорее перекатился через плечо. Поднявшись, я отлично разглядел вора на крыше часовой башни. Силуэт его подсвечивал здоровенный циферблат. Призрачные стрелки сошлись как раз в тот момент, когда вор без разбега прыгнул, зацепившись за верёвку одним из крючьев своей дубинки.

Казалось, весь мир вокруг нас содрогнулся, когда часы пробили *Ultima forsan*. Двенадцать ударов растянулись на целую вечность. Крыша ходила ходуном, и мне стоило известных усилий удержаться на ногах. Вор скользил по верёвке, но в какой-то миг я

потерял его из виду. Крышу часовой башни проломил демон, которого, как я считал, мы прикончили. Он вскинулся на задние ноги, круша черепицу, но ничего поделать уже не мог. Я видел его перекошенную морду, разинутую пасть, однако крика не слышал — в ушах отдавался бой часов, отбивающих двенадцать ударов последнего часа.

Вытянутое лицо. Очень бледное, как будто у вампира из историй и баллад, которыми потчуют дам сладкоречивые менестрели и барды. Оно очень сильно выделяется на фоне чёрного костюма. Тонкие, почти белые пальцы с длинными чёрными ногтями поднимают меня за подбородок.

Змеиные глаза без радужек глядят как будто в самую душу. Но увиденное заставляет некроманта отшатнуться. Он отпускает меня и долго трясёт рукой, словно держал нечто невыразимо грязное.

Вор приземлился на крышу рядом со мной, когда часы уже закончили бить *Ultima forsan*, но я так и стоял, пытаюсь прийти в себя. Ему пришлось отвесить мне пару хлёстких пощёчин, чтобы вернуть на этот свет из моих собственных воспоминаний.

Он ничего не стал говорить, лишь подтолкнул к ближайшей дыре в крыше, дав понять, что отсюда стоит убираться как можно скорее.

— Верёвкой придётся пожертвовать, — посетовал вор. — Одни убытки от этого приключения.

Он срезал верёвку у самой стрелы, а после, подумав, и вовсе обломал ей древко, сунув в колчан один наконечник.

Я не стал спешить спускаться, а почти бегом обошёл крышу, найдя довольно приличную воздушную переправу.

— Думаешь, выдержит? — скептически отозвался о ней вор.

— На улицу спускаться надо как можно позже, — заявил я. — Да и бежать тут всего ничего. И пятнадцати метров не будет.

И, подавая ему пример, я бросился по широкой доске на соседнюю крышу. Вору ничего не оставалось, как последовать за мной.

Ещё дважды нам удалось воспользоваться воздушными переправами, но на третий раз нас ждало разочарование. Вместо новой доски, ведущей на соседнюю крышу, мы обнаружили спуск вниз. Груда старого, слежавшегося от времени мусора оказалась отличной заменой лестнице, и прошедшее время на неё никак не повлияло.

Вот только спустились мы посреди широкого проспекта, тут же оказавшись на виду сразу у нескольких патрулей закованных в доспехи крысолюдов, да ещё в придачу у небольшой толпы покойников, ведомой сгорбленным кадильщиком.

— Да уж, — флегматично заявил вор, — попали так попали.

И мы рванули прочь от не ожидавших такой наглости со стороны незваных гостей вроде нас крысолюдов и прочих обитателей города скорби.

Глава 10

Сердце чумы

Вот теперь я точно будто в прошлое вернулся. Мы с вором со всех ног бежали по городу скорби, и все его обитатели разом ополчились на нас. Звенели доспехами патрули крысолюдов, оказавшихся воистину неутомимыми бегунами. Твари помельче так и норовили выскочить из переулков и подворотен, чтобы вцепиться нам в ноги, задержать хоть на мгновение. Ведь это мгновение делало наших преследователей ближе к их вожаемой добыче — к нам.

Дважды серые кадильщики выводили наперерез нам толпы ходячих покойников. Прорываться не было никакой возможности, и мы резко меняли маршрут бега. В первый раз ворвались в подворотню, полную мелких крысолюдов, чуть больше собаки размером. Они норовили укунить за ноги, кляца длинными зубами, размахивали короткими ножами из какого-то металлического мусора, часто цепляя своих же товарищей. Я пинками расшвыривал их, ломая тонкие косточки ударами тяжёлых башмаков, втоптывал тварей в землю. Мы проломились через них, как сквозь кусты, которые только и могут, что оставить обломки шипов и веток на одежде. Даже больно уколоть и то не в силах. Но оно и к лучшему, потому что неизвестно какую заразу разносят твари на своём оружии и уж тем более на зубах.

Во второй раз нас загоняли уже куда лучше. Сзади нас догоняли крысолюды-патрульные со своими алебардами наперевес. Парочка командиров уже вскидывали пистолеты и стреляли по нам, но не особо метко — пули уходили «в молоко». И тут сразу с двух сторон улицы на перекрёстке вывалили толпы мертвецов, ведомых окутанными дымом кадильщиками. Откуда-то донёсся призрачный звук бьющего колокола. От него мне стало даже страшнее, нежели от боя часов, отбивающих *Ultima forsan*.

— В дом! — крикнул вор, на бегу вскидывая лук.

То, что случилось дальше, у меня до сих пор в голове не укладывается. Никогда прежде мне не доводилось видеть настолько виртуозного обращения с луком.

Не снижая темпа бега, я прыгнул в окно ближайшего дома. Взгляд выхватил значок под его крышей — несколько распахнутых дверей. Дом с несколькими выходами. Я не выбирал именно его, просто повезло. И прежде чем я с грохотом приземлился на заваленный каким-то хламом пол, вор продемонстрировал, наверное, всё своё умение обращения с луком.

Он бежал на пару шагов сзади меня, а значит, ближе к нашим преследователям. И, верно, именно это ему и было нужно. Как и я, вор не замедлил бега, однако рванул он к противоположной стороне улицы. В коротком прыжке вор оттолкнулся ногой от стены дома и словно зависнув на мгновение в воздухе, вскинул лук и дважды выстрелил в бегущих крысолюдов. Длинные стрелы пробили горло двум закованным в доспехи тварям и те повалились ничком, мешая остальным. Приземлившись, вор припал на одно колено и пустил ещё пару стрел в образовавшийся затор. Стрелы его ударились о доспехи валяющихся на мостовой крысолюдов и взорвались облачками зеленоватого дыма. Если это был отравляющий газ, вроде того, что вор использовал в подземелье, то на улице от него толку не было. Однако это был вовсе не он. Вор выстрелил в третий раз — все стрелы он отправил в полёт в течение не больше чем десяти секунд — и на сей раз наконечник был огненный.

Взрыв разметал скопившихся у небольшого завала тварей. От первых не осталось и

мелких ошмётков — всё сгорело в яростном пламени. Остальным тоже досталось: не один десяток тварей, объятых пламенем, носился по улице, будто живые факелы, сея хаос и панику среди тех, кому посчастливилось уцелеть в устроенном воров светопреставлении.

В следующий миг вор рыбкой нырнул в то же окно, что и я. Я едва успел откатиться в сторону, чтобы он не приземлился прямо на меня.

— Вот уж пошумели, так пошумели, — сказал вор, накладывая на тетиву новую стрелу.

Поднявшись на ноги, я быстро огляделся в поисках других выходов. Лучшим показался тот, что вёл на другую улицу, а не в проулки той, по которой мы только что бежали.

Я махнул рукой вору, и мы бросились к этой двери. По счастью, мусора перед ней навалено не было, и она легко поддалась после первого же удара ногой. Мы выскочили на улицу и побежали дальше.

Переждать облаву у нас шансов не было никаких. Обитатели города скорби не успокоятся пока не найдут нас, а что хуже всего, мы скорее всего уже привлекли к себе внимание истинных хозяев Милана. Тех, кто занял замок Сфорца и теперь управляет оттуда городом скорби, разъезжая по его улицам в чёрных каретах, похожих на катафалки, запряжённых, конечно же, вороными конями. Новой встречи с одним из них мне уж точно не пережить.

Мы приблизились к цели — одному из выходов из города — лишь на полквартила, когда с крыши одного из домов на мостовую прямо перед нами прыгнула громадная тварь. Больше всего она напоминала помесь крысы с гориллой — видел я однажды её в зверинце, — вот только двигалась с неподходящей для таких размеров ловкостью. Монстр прыгнул на нас, заноса громадные кулаки, из разинутой пасти его раздался крысиный писк, никак не вяжущийся с размерами и грозным видом.

Мы с воров прыгнули в разные стороны. Чудовище замешкалось на мгновение, однако тут же обрушило кулак на стену дома в считанных дюймах над моей головой. От удара, казалось, вздрогнул весь дом, едва не рухнув, на голову мне посыпалась какая-то труха и каменная крошка.

Вор дважды выстрелил в монстра, но стрелы застряли в его толстой шкуре, не причинив особого вреда. Тот даже внимания на них обратил не больше, чем на комариные укусы. Обрушив кулаки на и без того разбитую мостовую, монстр прыгнул на меня. Отступить мне было некуда — за спиной стена дома. Прыгни я влево или вправо, тварь без труда достанет меня своими тяжёлыми кулаками. И тогда я рискнул и прыгнул ей навстречу — припав к самым камням мостовой, я перекатился под брюхом монстра, полоснув на удачу кинжалом. Но вряд ли даже сильно поцарапал — остро отточенное лезвие лишь скользнуло по толстой шкуре чудовища.

Монстр врезался в стену дома, и тот не выдержал-таки, обрушился прямо на него. Но даже это не убило чудовище, начавшее тут же ворочаться среди камней и обломков балок.

— У меня последняя взрывная стрела осталась, — сказал вор.

— Не трать, — отмахнулся я. — Пригодится ещё.

Мы поспешили прочь от начинающего выбираться из развалин дома монстра.

Я даже задумываться не хотел, что ещё подкинет нам город скорби, чтобы прикончить. Ведь усталость начала брать своё. Ноги наливались свинцом, к каждой будто гирию привязали. И если в катакомбах можно это как-то перетерпеть, зная, что выход уже близко, и надо только поднажать, то сейчас всё было совсем по-другому.

Очень похоже на мой последний рейд. Не хватает только дома с засадой и некроманта в

карете.

Но отдыха себе давать нельзя. Надо бежать. Враги снова начали нагонять нас. Теперь уже и с крыш прямо под ноги нам прыгали крысолюды. Часто вор опережал их, снимая быстрыми выстрелами, но бывало нам приходилось пускать в дело кинжал и дубинку. Каждое мгновение, что мы теряли, расправляясь с ними, приближало погоню.

Громадный монстр тоже встал на наш след, и нагнал куда скорее патрульных и медлительных мертвецов. Одним прыжком он обогнал всех преследователей, а вторым приземлился прямо перед нами, перекрывая дорогу.

— Влево! — крикнул я, первым прыгая в этом направлении, вор последовал за мной.

Мы ввалились в какую-то халупу с деревянными стенами, которая едва держалась и так. А стоило врезаться в неё несущемуся, не разбирая дороги, монстру, как она и вовсе развалилась. И первым не выдержал веса чудовища ветхий пол, все вместе мы отправились в короткий полёт.

Удар о какую-то твёрдую поверхность выбил из меня весь воздух. За ним последовал ещё один, потом ещё и ещё. Куда я качусь, что вообще происходит, я перестал понимать через считанные секунды, лишь старался хоть как-то смягчать то и дело сыплющиеся на меня со всех сторон удары. Получалось, правда, не слишком удачно. Потом был последний удар и всё вроде успокоилось.

Я лежал несколько секунд, приходя в себя. Всё тело представляло собой один сплошной ушиб. Как ни пошевелись, а тут же где-нибудь стрельнёт болью. Однако я заставил себя подняться на ноги, и проверил оружие. Кинжал я продолжал сжимать в правой руке, и с ним всё было в порядке, а вот пистолет пришлось перезарядить. Я вовсе не был уверен, что он нормально выстрелит после моего полёта.

— Вор! — громко произнёс я, но вышло больше похоже на какой-то невнятный стон. — Вор! — повторил я уже немного разборчивей.

— Здесь я. — Я почувствовал, что чьи-то пальцы сомкнулись на локте левой руки. — Похоже, мы снова в катакомбах.

— А монстр?

— О нём можно не беспокоиться, — ответил вор. — Ему повезло меньше, чем нам.

Я подумал тогда, что нельзя сказать, что нам вообще повезло. Однако последовав за вором, я увидел, как приземлился монстр, и изменил своё мнение. Чудовище подёргивалось в последних судорогах агонии, пробитое насквозь толстенной балкой. Окровавленный конец балки торчал из груди чудовища. В тусклом зеленоватом свете подземелья, где мы оказались, кровь его была какого-то неприятно-коричневого цвета.

— А что это светится вокруг? — спросил я, оглядываясь в поисках источника зеленоватого свечения.

— Ты головой сильно ударился, видимо, — сочувственно произнёс вор, — раз сразу не узнал. Это заразные камни крысолюдов.

Я тихо выругался сквозь зубы и сплюнул на сдыхающего монстра. Мы оказались в самом сердце города скорби — средоточии чумы.

— Даже не представляю, как теперь на нас станут реагировать чёрные свечи, — не слишком умно пошутил вор.

Мне тоже не очень хотелось думать на этот счёт. Теперь и нанесённые в Пассиньяно татуировки могут не спасти — сожгут от греха подальше, и разбираться никто не станет.

Я сплюнул, попав издыхающему монстру почти точно в глаз. Вор же терпеливо глядел

на меня, явно ожидая, что я скажу, что делать дальше. Привык уже до некоторой степени полагаться на меня. А зря, наверное.

Выбора у нас, впрочем, не было — только идти вперёд. Из небольшого зала, куда мы упали, коридор вёл лишь в одном направлении. Я кивнул вору, чтобы шагал первым, и тот направился вперёд, держа наготове лук. Я же последовал за ним.

Усталость наваливалась на плечи с новой силой, конечно, ноги я ещё не волочил, однако и это не за горами. Ещё десяток-другой шагов, ну, может быть, сотня, никак не больше, и я просто свалюсь. Наверное, прошло уже моё время — я очень быстро постарел в бесконечных рейдах, схватках с чудовищами из вымерших городов, а последний рейд так и вовсе подкосил меня. Но пока держался, на голой силе воли.

Мы брели по кажущимся бесконечными коридорам. Отовсюду лился зеленоватый цвет чумной заразы, от неё уже начало пощипывать кожу. Болезнь явно пыталась преодолеть защиту нанесённых мне в Пассиньяно татуировок, и мне оставалось лишь надеяться на мастерство старика Романо и мудрость монахов, дававших ему эскизы для них. Мне бы очень не хотелось снова испытывать те же ощущения, что во время последнего рейда, когда проявившееся во мне проклятье вступило в противоборство с чумой. Тогда это едва не стоило мне жизни, в этот раз вполне может прикончить.

Голос разносился в коридорах достаточно далеко, а потому мы с вором предпочитали не разговаривать, обмениваясь простыми, понятными обоим жестами. И поэтому услышали говорившего задолго до того, как подошли к его комнате. Хотя он и бормотал себе под нос не слишком громко, так обычно делают предельно сосредоточенные люди, привыкшие работать в одиночестве. А этот к тому же ещё и дверь в свою комнату закрыть не удосужился.

По дороге нам с вором попала не одна такая же прочная деревянная дверь. Кое-какие были заперты, в другие же мы сунули нос, но ничего интересного за ними найти не удалось. В основном они были пусты, а в одной или паре хозяевами подземелий был устроен склад зеленоватого камня, и оба мы поспешили выскочить оттуда, поплотнее закрыв за собой двери.

Я заметил, что вор всё чаще спонтанным движением прикасается к глазу — зелёному, поражённому чумной заразой. Видимо, и на него давило проклятое подземелье, отдаваясь болью в глазу или ещё чем похуже. Надо как можно скорее выбираться отсюда, пока оно не прикончило нас обоих вернее, нежели все обитатели надземной части города скорби.

Мы как можно тише подобрались к открытой двери, из-за которой доносился голос, и заглянули внутрь. За столом сидел сухопарый, немолодой уже человек в опрятной одежде, подходящей купцу средней руки или обедневшему дворянину, но явно не из тех, кто зарабатывает на жизнь мечом. Верхнюю часть лица его скрывали громоздкие очки со сложной системой разноцветных линз, надетых друг на друга.

Комната вокруг него была просто иллюстрацией из жизни книжника, изображающей его обиталище. Книги громоздились повсюду, занимая даже большую часть узкой койки. Кроме книг в довольно просторной комнате находилось несколько вычурных доспехов, чучела людей и животных, а также сложные устройства, принцип работы которых был выше моего понимания.

Хозяин комнаты внимательно вчитывался в раскрытый фолиант, подсвечивая себе страницы свечой. Расплавленный воск стекал ему на пальцы, а оттуда на столешницу, но человек не обращал на это никакого внимания — чтение поглотило его целиком. Он то и

дело бормотал себе что-то под нос на непонятном языке. Это был какой-то вариант *lingua franca*, но какой именно, я не представлял. В нём мешались латинские термины, итальянские и французские слова, то и дело учёный разбавлял их испанскими, а уж словесные конструкции были такими, что не желали складываться не то что в предложения, но просто в хоть сколько-нибудь осмысленные фразы.

— Долго будете пялиться на меня? — вдруг спросил он у нас с вором, поворачивая голову, и теперь говорил на вполне понятном нам обоим итальянском языке. Без малейшего акцента.

Я поднял пистолет, недвусмысленно нацелив его прямо в лицо хозяину комнаты, и шагнул внутрь. Вор держался в шаге за моей спиной, и не думая убирать стрелу с тетивы.

— Выход где? — спросил я у хозяина комнаты.

— Невежливо, молодой человек, крайне невежливо ведёте себя, — невпопад ответил тот. — Вломились в чужой дом, даже в чужой город, навели такого шума, что наверху все до сих пор на ушах стоят, а после прикончили одну из лучших боевых тварей, и свалились мне прямо на голову.

— Мы просто хотим выбраться отсюда, не более того, — с напором произнёс я.

— И для этого наставили мне в лицо пистолет?

— Думаю, так вы будете сговорчивей.

— Отнюдь, — бросил хозяин комнаты. — Я ведь не просто чудаковатый старик в смешных очках.

Стоило ему это сказать, как вор за моей спиной повалился на пол, прижимая обе руки к лицу. О луке он позабыл, и оружие со стуком ударилось о камни в считанных дюймах от него.

— Глупый мальчишка, — протянул некромант — а кто же это ещё мог быть? — покачивая головой, будто старый мудрый учитель, ставший свидетелем очередной глупости молодого поколения, — думал, что клеймо распятого бога защитит его? А ты? — глянул он на меня. — Вижу, ты защищён лучше, но и тебе очень и очень нехорошо сейчас, не так ли?

Тут с ним было не поспорить — я чувствовал каждую татуировку, как будто их вытравили щёлоком. Однако пистолет старался держать твёрдо, направляя его ствол в лицо некроманту. Вот только никаких опасений по этому поводу он явно не испытывал.

— Защита твоя хороша, — продолжал некромант, — но я ведь могу надавить и сильнее...

Он не сдвинулся ни на мил, не изменил ни позу, ни даже выражения скрытого под громоздкими очками лица. Но татуировки на моей коже теперь горели огнём. Не в силах стоять ровно, я сел на пол, пальцы безвольно разжались и я выпустил рукоятки пистолета и кинжала.

— Тебе больно, и твоему другу — тоже, — продолжил некромант. — Метка распятого бога уже горит на его теле.

И в самом деле, я ощутил неприятный запах горячей человеческой плоти. Вор подвывал от боли — от выжженного клейма на его груди поднимался тонкий дымок.

— Скоро и твоя защита сгорит так же, — сказал некромант, снимая очки и поднимаясь из-за стола.

Лицо его было ничем не примечательным лицом немолодого человека, редко выходящего на свежий воздух.

Некромант подошёл ко мне, носком башмака с презрением оттолкнув пистолет,

склонился надо мной.

— Хочу глянуть на твою защиту, прежде чем она сгорит, — сказал он. — Интересно, что же позволяет тебе так долго сопротивляться моей силе.

Он рывком развязал ворот джеркина, рванул его в сторону, открывая мою грудь и горящие огнём татуировки на ней.

— Умное решение, — произнёс некромант, — но недостаточное, чтобы защитить от моей силы. Глупо было лезть в мой город...

Я сосредоточился на единственном движении. Некромант был очень близко от меня — он совершил непростительную ошибку, посчитав, что нам с вором нечего противопоставить его силе. Правой рукой я схватил его за голову, прижимая ладонь к черепу, развернул лицо некроманта так, чтобы смотреть ему прямо в глаза — и дал волю своему проклятью.

Некромант был куда сильнее мелкого заразителя, которого сожгли в Пассиньяно, однако и ему пришлось очень скверно. Давление мгновенно пропало, и татуировки мои перестали обжигать кожу. Теперь вся сила некроманта уходила на то, чтобы бороться с моим проклятием.

— Ты... — прохрипел некромант, из носа его потекла кровь. — Ты... ты...

— Да, — ответил я, вдавливая руку в его череп, с которого начала уже слезать кожа и так и сыпались волосы. — Да, некромант, я — прокажённый. Моя болезнь страшней и сильнее чумы. Она — моё проклятье и убивает меня. Но вас она убивает куда эффективней.

Некромант сумел отшатнуться от меня. Сделал пару неверных шагов. С той части лица его, что я сумел коснуться, почти полностью слезла кожа. Он лишился большинства волос и, наверное, части зубов, раскрошившихся, когда он стискивал их от боли. Из носа его обильно текла кровь, пачкая опрятный воротник дублета.

Не поднимаясь, я дотянулся до пистолета и крепко схватил его правой рукой. Некромант сейчас был крайне уязвим — почти вся сила его ушла на борьбу с моим проклятием, и я имел шанс попросту пристрелить его. И я даже не думал упускать его.

Выстрел прозвучал оглушительно в установившейся тишине. Пуля пробила грудь некроманту. Тот покачнулся и рухнул навзничь прямо на заваленный книгами стол. Он опрокинул свечу — огонёк с неё тут же перескочил на страницы, стремительно разрастаясь. И уже спустя несколько секунд пламя охватило весь стол. Я ничуть не сомневался в том, что вскоре запылает вся захламлённая комната.

И нам надо убираться отсюда как можно скорее.

Я с трудом поднялся на ноги, сунул в ножны кинжал, а пистолет — за пояс, и подхватил под мышки вора. Тот едва шевелился, и мне пришлось тащить его на себе словно покойника.

— Мой... — прохрипел вор, — лук...

— Я вернусь за твоим оружием, — отмахнулся я, вытаскивая его в коридор и укладывая на пол.

После быстро заскочил обратно в комнату и подхватил с пола лук. Внутри уже разгорался настоящий пожар. Очень надеюсь, что никаких опасных реактивов или прочих подобных вещей некромант здесь не хранил, и комната не взлетит на воздух вместе с половиной подземелья, и нами с вором в придачу.

Как ни странно, вор нашёл в себе силы встать на ноги. Вот только держался он лишь на силе воли, опираясь на стену, и вряд ли без посторонней помощи сможет сделать хотя бы шаг.

Я подставил ему плечо и вместе мы поплелись дальше по коридору, стараясь в меру сил

уйти как можно дальше от злополучной двери. Оттуда уже веяло дымом, и не таким, когда горит лишь бумага, к этому запаху примешивалась вонь занявшейся человеческой плоти.

— Думаешь, это убьёт некроманта? — едва слышно спросил у меня вор.

— Он чертовски силён, — сказал в ответ я, — так что совсем не уверен в этом.

— А твоя сила, в чём она?

Даже на грани смерти вор оставался настоящим вором — старался не пройти мимо собственной выгоды. Всякую информацию можно использовать, и продать с толком, да ещё и не по одному разу. А уж информация о моём проклятье, и его влиянии на некроманта, стоит недёшево. Да только не видать вору от меня такого подарка. Пускай мы друг другу жизнь не раз уже спасали, и он мою чаще, нежели я — его, но всё-таки моё проклятье останется моей тайной. Чем меньше знают о нём, тем мне спокойней. Он и так увидел слишком много, и при иных обстоятельствах я бы его в живых не оставил.

— Лук, — прохрипел вор через несколько сотен шагов, сделав вид, будто то, что я не ответил ему, ничуть его не задело, — надо сложить и закрепить на поясе. Давай его мне.

Я отдал ему оружие, и вор довольно быстро, несмотря на скованность движений, сложил его и спрятал под изрядно порванный плащ. Только сейчас, взглянув ему в лицо, я понял, что вся правая сторона его лица залита кровью. Она прошла по линиям глубоких шрамов, исполосовавших щеку вора, и застыла некоей тёмно-багровой паутиной. В глазнице же крови скопилось столько, что вор явно не мог открыть глаз.

Ничего говорить я не стал, лишь снова подставил ему плечо, и мы зашагали дальше по пустым коридорам.

Хотя недолго они оставались пустыми. Очень скоро шаги застучали со всех сторон. Сзади нас нагоняли те, кто может передвигаться куда быстрее нашего. Да ещё и из нескольких ответвлений подземного коридора начали доноситься шаги. Нас медленно, но верно окружали. Брали в широкое кольцо, постепенно сужая его, чтобы нагрянуть сразу со всех сторон.

Мы ушли с главного коридора, нырнув в наиболее тёмное ответвление, однако помогло это плохо. Вскоре шаги слышались не только за нашими спинами, но и впереди. Новая схватка лишь дело времени, и победить в ней нам уже не суждено. Ситуация куда хуже, чем в катакомбах под Пьяченцей. На сей раз удача окончательно отвернулась от нас.

Новое небольшое ответвление коридора и вовсе оказалось тупиком. Мы как можно скорее вернулись обратно к перекрёстку, но лишь для того, чтобы нырнуть обратно. Загонщики появились с обеих сторон. Крысолюды в грязных лохмотьях, поверх которых кое-как были закреплены части разномастных доспехов, вооружённые столь же пёстро, в основном тесаками и щитами, сколоченными из досок. Иные несли импровизированные копья — те же тесаки или обломки мечей, примотанные к длинным древкам.

За спинами тех, кто шёл справа, возвышалась фигура в обгоревшей одежде, поверх которой был наброшен просторный балахон. Капюшон скрывал лицо некроманта, но я был уверен, что это тот самый, кого я застрелил и оставил лежать среди занимающегося в комнате пожара. Очистительная сила пламени не прикончила его.

Он вскинул руку, указывая на нас с вором длинным, почерневшим от огня пальцем, и сопровождавшие его крысолюды тут же с воплями перешли на бег. Увидев это, их товарищи, шедшие с другой стороны коридора, последовали их примеру.

Даже не задумываясь о бессмысленности своего поступка, я выстрелил в некроманта. Тот лёгким движением руки отбросил летящую в него пулю, а после сжал почерневшие,

почти лишённые плоти пальцы в кулак.

Превратившееся почти в лёгкую щекотку после первой встречи с ним неприятное ощущение вернулось сторицей. Теперь татуировки не огнём налились, меня словно жгла едкая кислота, с каждой секундой всё глубже проникая в кожу. Я отшатнулся обратно в коридор, и на сей раз почти обессиленный вор втащил меня обратно.

Видимо, удар силы некроманта был направлен только на меня, и спутника моего не зацепило даже краем. К тому же, чтобы давить во всю мощь, некроманту надо было видеть меня, и стоило мне скрыться от его взгляда, как татуировки перестали причинять мне боль.

Мы поспешили вглубь коридора, спотыкаясь обо все неровности пола и мелкие камни, что так и лезли под ноги. Мы помогали друг другу идти, но больше висли друг на друге. Добравшись до тупика, разом обернулись к началу короткого коридора. Здесь нам принимать последний бой.

Крысолюды толкались у самого входа — их подвела неорганизованность и природная кровожадность в сочетании с не самым далёким умом. Никто не желал уступить другому дорогу к вожаденной и столь уязвимой и слабой добыче, что тут же образовался затор. Задние напирали на передних, твари кусали друг друга, толкали локтями, злобно шипели. То и дело в ход шли короткие ножи — и пол уже успел окраситься кровью крысолюдов, прежде чем они добрались до нас. Некромант за их спинами пытался навести хоть какое-то подобие порядка, но его никто не слушал. Почуявшие кровь крысолюды превратились в неуправляемую орду, обуреваемую только одним желанием — убивать.

Вор вынул лук и наложил на тетиву стрелу с тяжёлым наконечником. Даже в полутьме на древке были видны три красных полосы.

— Одна такая у бездушных была, — сказал он, нацеливая её на толпу крысолюдов, — даже жаль эту мощь на мелких тварей тратить.

— А если не на них.

Мне в голову пришла идея, которую можно посчитать глупой, но с другой стороны — что мы теряем?

— Зачем тратить такую мощную стрелу на крысолюдов? Выстрели в стену за нашими спинами.

— Думаешь, одной стрелы хватит? — пожал плечами вор. — Взрывом нас может размазать по всему коридору.

— А что мы теряем? — пожал плечами я.

Крысолюды, наконец, сумели преодолеть созданный ими же затор, и первые твари устремились по коридору к нам, потрясая тесаками и импровизированными копьями. В самом деле, терять нам было уже нечего.

Мы с вором отошли от стены на несколько шагов. Он быстро развернулся, лишь до половины натянул тетиву и выстрелил, не целясь. Уж в стену-то не промахнётся.

Взрыв был такой силы, что нас швырнуло на пол. В ушах зазвонили церковные колокола. Коридор затянули клубы тёмно-серой пыли, через которые пробивались солнечные лучи. Оказывается, пока мы скитались по подземелью, наверху давно уже наступило утро, а может быть и день.

Я помог вору встать на ноги, и вместе мы заковыляли к устроенному нами обвалу. Вор на ходу обернулся, сильно навалившись мне на плечи, так что я едва сумел устоять на ногах. Он вынул из колчана несколько стрел и выпустил их одну за другой, не целясь во всё ещё затянутый пылью коридор.

— Давай быстрее выбираться, — буркнул он, натягивая на лицо полумаску, — это последние отравляющие были.

Изо всех оставшихся у нас сил мы поспешили к завалу, кое-как, обдирая локти и колени о камни, вскарабкались на него. И вылезли из проклятого, чумного тоннеля наружу. Не в силах подняться на ноги, поползли по земле прочь от проделанной нами дыры. Далеко не уползли, конечно, силы окончательно оставили нас обоих.

Я перевернулся на спину, и как смог огляделся вокруг, щурясь от яркого солнца. Судя по развалинам небольших домов — в один-два этажа высотой, — мы находились на самой окраине города скорби. Нам оставалось сделать какую-то сотню шагов, если не меньше, чтобы покинуть его, но сил на это уже не было.

Я услышал стук копыт, а вскоре увидел и лошадиные ноги. Нас с вором окружил небольшой отряд конников. И что-то мне подсказывало, что это вовсе не патруль бездушных.

Глава 11

Большие проблемы с маленькой ведьмой

Несколько следующих дней я помню урывками. Я не спал и не бодрствовал, постоянно проваливаясь в темноту тяжкого забытья. Приходил в себя, но лишь не больше чем на четверть часа, поэтому помню только отрывки, отдельные картинки, никак не складывающиеся в общую картину.

Скрипят колёса телеги. Колется солома, на которой я лежу. От меня пахнет, и сильно, даже я уже чувствую это. Подняться не в силах и всякий раз, когда надо выбраться, мне помогают. Здоровяк с широким, некрасивым лицом, тяжёлые надбровные дуги почти скрывают глаза. Он то и дело фальшиво улыбается, но что скрывается за его частыми улыбками? Приземистый крепыш с широкими плечами, лицо у него плоское с не раз перебитым в драках носом. Силой он почти не уступает здоровяку, легко поднимая меня, будто я ничего не вешу. Его зовут Скрипачом. Есть и ещё люди. Священник, который тщательно осмотрел меня, проверив все татуировки, прошёлся в считанных дюймах от кожи с чёрной свечой. К нему обращаются с видимым уважением, обращаются исключительно: «преподобный де Бельзак». Есть ещё командир отряда, я видел его лишь мельком, скорее всего, бывший капитан кондотьеров — загорелое лицо, широкие плечи под потрёпанным кафтаном хорошего сукна. В ножнах, прикрепленных к седлу, длинный меч. Есть некий рыцарь с глазами святого великомученика с иконы на ничем больше не примечательном лице. Он редко с кем-то разговаривает, кроме здоровяка с тяжёлым лицом. Несколько раз мелькал совсем ещё мальчишка с курчавыми волосами, и щеками, не знающими бритвы, но он редко ездит в седле, чаще я любовался на его спину, когда он правил лошадьми.

А вот вора я не видел ни разу — и это меня очень сильно настораживает.

Мне не оставили оружия, даже того, что я сумел вынести из города скорби. Несколько раз преподобный де Бельзак пытался допросить меня, но я отвечал на вопросы совсем невпопад, сознание то и дело покидало меня, поэтому он быстро отказывался от этой идеи.

Отряд остановился на берегу небольшой речушки, скорее даже сильно разлившегося из-за дождей поздней осени ручья. Здоровяк со Скрипачом отнесли меня к воде и помогли вымыться.

— Ну и несёт же от тебя, приятель, — фальшиво смеётся здоровяк, показывая в улыбке широкие, крепкие как у лошади, зубы. — Надо бы и одежду твою постирать, да дождь вот-вот польёт снова. Промокнешь ещё да помрёшь, прежде чем с тобой преподобный наш поговорит. То-то для него расстройство будет.

— А расстраивать преподобного де Бельзака не самая умная идея, — непонятно, пошутил ли или вполне серьёзно произнёс крепыш.

Дожди и в самом деле лили почти не переставая с самого нашего с воров спасения из города скорби.

— Наш новый приятель не помрёт от такой ерунды, как мокрая одежда, — решительно заявил здоровяк. — Мы ж его в развалинах Перо нашли, а от этой бывшей рейдерской фабрики рукой подать до самого Милана.

Крепыш по имени Скрипач тут же взял двумя толстыми как сосиски, но удивительно ловкими пальцами серебряный крестик, висящий на груди, и поцеловал его.

— Едва нас Господь уберёт, — сказал он, отпуская его.

— Мой... — нашёл в себе силы прохрипеть я, — спутник... Где?..

— Вот это да! — всплеснул руками здоровяк. — Да он заговорил! То-то радости будет преподобному де Бельзаку.

— Сдаётся мне, не так и много, — ответил Скрипач, — бредит ведь. Чушь какую-то городит.

— Со мной... — силы возвращались ко мне, и я решил настоять, — был человек... в чёрном... лицо кровью залито... глаза разного цвета...

О том, что он был ещё и нечистым я решил не распространяться лишний раз.

— Точно бредит, — кивнул помрачневший здоровяк. — Не было с тобой никого, приятель. Одного тебя нашли.

Я откинулся на спину, позволяя холодной воде свободно течь и по телу, смывая с меня накопившуюся грязь. Силы стремительно оставляли меня. Но куда же мог деться вор?

Не помню, как меня вернули обратно в телегу. В себя я пришёл уже под тёплым, колючим одеялом. Меня била дрожь, казалось, всё тело содрогается в судорогах. Мне было чертовски холодно, несмотря на солому и одеяло. Я был раздет донага, и очень остро ощущал каждую соломинку, когда ворочался с боку на бок. Даже не сразу заметил, что над телегой натянули тент и по нему размеренно барабанит дождь. Под его звук и скрип колёс я и уснул.

И на сей раз это был именно сон — целительный и спокойный, несмотря даже на то и дело дёргающий меня озноб. Да и тот быстро сошёл на нет.

Проснувшись, я поспешил покинуть телегу. Природа взывала, а гадить под себя очень не хотелось. И без того в телеге было не продохнуть. Я выбрался, запахнув одеяло, и тут же оказался в центре внимания. Весь небольшой отряд спасших меня людей сидел вокруг костра. Над огнём висел попыхивающий паром чайник, от которого доносился приятный запах. Однако о нём все тут же позабыли, увидев меня.

— Вот так-так, — произнёс первым здоровяк, широко и фальшиво улыбнувшись, снова обнажая крепкие, многим лошадям на зависть, зубы. — Да ты уже своими ногами ходишь, приятель. А я говорил, что он поправится скоро — вон как храпел весь день.

Стужались сумерки, и стоять в одном одеяле было довольно холодно. Да и босые ноги основательно утопли в грязи, что не прибавляло приятных ощущений.

— Куда вы тут оправляться ходите? — спросил я, опережая вопросы спасших меня людей.

В том, что они готовы обрушить на меня их целую лавину, я ничуть не сомневался.

— Агирре, проводи, — велел здоровяку рыцарь с печальными глазами святого.

Тот поднялся с расстеленного на земле одеяла, и махнул мне рукой.

— Идём, приятель, — бросил он.

Вместе мы отошли шагов на двадцать от лагеря, и я присел у ближайшего куста.

— Да потише ты, — хохотал здоровяк с баскским именем Агирре, — всех волков перепугаешь.

Наконец, я поднялся и снова поплотнее запахнулся в одеяло. Вечерний холод и сырость вцепились в меня с новой силой.

— А моя одежда где?

— Малец выстирал и вычистил её, — ответил Агирре, — хорошенько очистил, даже кольчужные рукава блестят теперь как новенькие.

— Мне её вернут?

— Отчего же не вернуть, не вечно ж тебе в одном одеяле щеголять, — рассмеялся Агирре, и мне снова стало интересно: что за страхи он скрывает за этим смехом?

И в самом деле, как только мы подошли к лагерю спасших меня, преподобный распорядился отдать мне одежду. Парнишка вынул её из сундука, лежавшего в телеге, и протягивал мне один предмет за другим, пока я одевался. Конечно, не у всех на виду, но под присмотром всё того же вечно скалящегося Агирре. Затруднение вызвало только обувание — натягивать чулки и башмаки на грязные по щиколотку ноги мне совсем не хотелось.

— Погодите, сейчас, — закивал мне парнишка, снова скрываясь в телеге. — У нас достаточно воды, чтобы вы смогли помыть ноги. Мы собираем дождевую почти каждый день.

Я уселся на передке телеги, и парень поливал мне ноги из объёмного кувшина, а после протянул кусок полотна, чтобы я смог насухо вытереть их.

— Хороший у нас малец, — похвалил его Агирре, — чертовски услужливый. Даже с этой шлюшкой в клетке.

Как ни странно, но только сейчас я обратил внимание на вторую повозку, стоявшую поодаль. Она была меньше телеги, в которой везли меня, и на ней стояла накрытая большим куском багровой ткани клетка. Ткань, наброшенную на неё, покрывал затейливый узор из лилий Авиньонской церкви и распятий. О том, кто сидит в клетке, гадать не приходилось. Мне повезло нарваться на отряд, сопровождающий схваченную ведьму.

Мы вернулись к костру. Сумерки уже перерастали в ночь, однако никто и не думал ложиться спать. Всем слишком интересно было, кто же я такой. И расспросы начал, естественно, священник.

— Я осмотрел вас, и знаю, что вы служите Авиньонской церкви, — сказал он, — что меня, несомненно, радует.

Я снова задался вопросом, что же за информацию хранят символы, вытатуированные на моём теле.

— Однако могли бы вы сказать, кому именно служите? — поинтересовался преподобный.

— Лафрамбуазу, инквизитору Тосканы, — честно ответил я, усаживаясь на брошенном прямо на землю одеяле, и предвосхищая следующие вопросы, добавил: — Он отправил меня в Шварцвальд, разобраться с тем, что происходит там.

— Далековато от Тосканы до Шварцвальда, — заметил преподобный рыцарь с печальными глазами, но тему развивать не стал.

Я заметил, что говорит он со слабым, но заметным кастильским акцентом. Похожий был и у улыбчивого здоровяка. Занимательная парочка. Оба были неким инородным телом в этом отряде, пускай вроде бы и скроенном на живую нитку из кого попало.

— Вы держите путь через Лесные кантоны, не так ли? — спросил де Бельзак, и дождавшись моего кивка, продолжил: — Тогда нам повезло, что наши пути пересеклись.

— Моё везение сложно переоценить, — сказал я. — Если бы не ваш отряд, мы с моим спутником были бы покойниками.

— Простите мой вопрос, мессере, — осторожно произнёс де Бельзак, — но как много времени вы провели на окраинах города скорби?

— Если вы думаете, что я помутился рассудком, то это не так, — отрезал я. — Мы с моим спутником прошли через город скорби. К тому вынудили нас обстоятельства. И я совершенно точно знаю, что весь этот путь проделал не один. Со мной был человек в

чёрном, представившийся вором. Все повадки, впрочем, у него были подходящими к этой профессии.

— И как же его звали?

— Вы и моего имени ещё не знаете, — сказал я. — И даже не поинтересовались им в начале беседы.

Де Бельзак кивнул, приняв мои слова к сведению, однако взгляд выдавал его с потрохами. Он явно считал, что я повредился рассудком в городе скорби, выдумав некоего человека в чёрном, которого никогда не было на самом деле.

— Я видел какую-то тень среди домов, — неожиданно произнёс Скрипач. — Там, в развалинах домов, в Перо. Думал, почудилось — слишком внимательно вглядывался. А может и был там на самом деле кто в чёрном.

— Бывшую факторию мы не осматривали — это точно, — подтвердил его слова здоровяк. — Забрали только нашего болезного, и сразу назад. Сами понимаете, преподобный, нам там торчать было не с руки.

— Был или нет, уже неважно теперь, — пожал плечами капитан кондотьеров. — Вряд ли он последовал за нами. А раз не искал встречи, то опасался чего. Было ему из-за чего опасаться нас, как думаешь?

— Он назвался вором, — ответил я, — а это само по себе большой повод для опасений.

— Кстати, незнакомец, — снова взял инициативу в беседе в свои руки де Бельзак, — представься нам, чтобы и мы могли отдать дань вежливости.

Это было серьёзное предложение. Почти требование, особенно потому что исходило от служителя церкви. Знакомство в наше время значит куда больше, нежели в прошлом. Даже в те времена, что я застал ребёнком, люди куда чаще называли друг другу свои имена. Я не знал, как зовут вора, тевтона, пистольера, отца семейства с его женой и двумя сыновьями. К чему называть кому-то своё имя, если уже завтра этот человек может отправиться на тот свет?

Предложение, да ещё и высказанное почти приказным тоном, однозначно говорило о том, что де Бельзак хочет включить меня в состав своего разношёрстного отряда. Оно и понятно, пускай и малость безумный, но опытный человек, вышедший из города скорби, будет неплохим подспорьем в перевозке ведьмы.

— Рейнар, — представился я, — как лис из сказки.

— А чего не рыжий, раз как лис? — тут же поинтересовался здоровяк Агирре.

— Чёрно-бурый был, — в тон ему ответил я, — да жизнь потрепала, вот окрас и поменял.

— Выщвел, стало быть, — кивнул Агирре. — А меня Агирре кличут, будем знакомы.

Он крепко пожал мне руку.

— Я — преподобный де Бельзак, — представился священник, — команду этим отрядом. Формально.

— Капитан Гальярди, — сообщил мне кондотьер, — бывший командир особого отряда на службе инквизиции. Именно мне было поручено конвоировать ведьму. А молодой солдат, что выстирал тебе одежду и даже ноги вымыл — Казарро Инкапаче^[30], полностью оправдывающий свои имя и фамилию. На моё горе именно он единственный остался в живых из всего моего отряда. Верно у Господа есть чувство юмора, и оно весьма жестоко к нам.

— Капитан, — решительно поджал губы де Бельзак, — я говорил вам, что у Господа

могут иметься планы именно на этого юношу, раз Его соизволением именно он остался в живых.

— А меня Скрипачом кличут, — крепко стиснул мою ладонь в своей крепьш.

— И на какой же скрипке ты играешь? — спросил у него я.

— Есть у меня одна, — кивнул он. — Старушка Виолина, та ещё ворчунья, да и поругаться не дура.

Благодаря Абеле я неплохо разбирался в жаргоне профессиональных наёмников, и знал, что скрипками называют арбалеты. Насчёт ворчания и ругани был уже не так уверен, однако кажется, это означало, что оружие Скрипача отлично стреляет и взрывными и огненными болтами.

— Бласко, — коротко бросил рыцарь с печальными глазами.

Он не попытался даже протянуть мне руку, равно как и называть остальные свои имена, а возможно и титулы. В том, что по ту сторону костра от меня сидит, по меньшей мере, идальго Кастильской короны, я ничуть не сомневался. Равно как и в том, что он состоит в каком-нибудь тамошнем ордене. Но что он делает здесь, на земле непримиримых соперников его Родины? И не связано ли это каким-то образом с тем, что сообщил мне инквизитор Лафрамбуаз. Со сбором христианских монархов в Донауштадте.

— Ну вот, все перезнакомились, а тут и чай поспел, — рассмеялся Агирре. — К беседе самое то, верно, преподобный?

Вместе со скрипачом, Агирре быстро разлили чай из чайника по деревянным кружкам. Я с удовольствием обхватил доставшуюся мне ладонями, грея их. Вечерний холод ещё не начал пробираться под одежду, но за пальцы уже начал покусывать.

— Миссия наша сложна, опасна, но очень важна, — сделав аккуратный глоток, произнёс де Бельзак. — Вы уже видели клетку с ведьмой. Мы везём её в монастырь Фраумюнстер, что недалеко от города скорби в кантоне Цюрих.

— И чего с этой девчонкой столько церемоний, никак уразуметь не могу, — заявил Агирре. — В костёр её — и вся недолга. Разве не так велит нам Господь поступать с ведьмами?

— Её заподозрили в использовании египетской магии, — скорее мне, нежели грубияну Агирре, ответил де Бельзак, — а значит огненная смерть не для неё. Бенедиктинская обитель Фраумюнстер славится своей богатой библиотекой, где собраны знания о борьбе с самыми разными формами колдовства. Не обладая достаточным их запасом, епископ д'Абруаз поручил её мне и отряду капитана Гальярди.

— Отряду? — удивился я. — Не думал, что он настолько особый.

— Твоё ехидство неуместно, — вмешался сам капитан Гальярди. — У меня было двадцать человек, когда мы покинули город. Двадцать отменных бойцов, лис-из-сказки, и один бесполезный малец. Все они погибли по дороге. Все до одного. И в этом виновата чёртова ведьма, которую мы везём в клетке.

— Вот тогда-то преподобный и нашёл нас, — добавил Агирре. — Нас с доном Бласко, я имею в виду.

— И где же он отыскал вас? — решил уточнить я.

— В яме, конечно! — рассмеялся тот, ничуть не смутившись. — Подестату^[31] Савоны мы показались слишком похожими на шпионов Кастильской короны, а ведь нас всего-то задержала городская стража ночью на пирсе, когда мы с доном Бласко спустились с борта корабля.

— Это был кастильский корабль, — заметил капитан Гальярди. — И вы должны благодарить Господа, и преподобного, что вас нашли в яме раньше, чем подеста отправил вас на виселицу.

— Дону Бласко отсекли бы голову! — тут же несерьёзно возмутился Агирре. — Он вполне может доказать своё благородное происхождение.

— Заткнись, Агирре, — тут же бросил рыцарь с печальными глазами, однако в этот момент в них промелькнул нешуточный гнев. — Если уж кого и стоит поблагодарить за наше спасение, так это ведьму, которую вы везёте. Не сумей она из клетки прикончить всех твоих людей, Гальярди, мы бы остались гнить в той яме в Савоне.

Между капитаном и рыцарем явно не просто чёрная кошка пробежала. Это был конфликт двух сильных лидеров, пресловутых двух медведей, которым нет места в одной берлоге. Сейчас преимущество было на стороне Бласко, потому что за ним стоял здоровяк Агирре, а с капитаном был только услужливый молодой парень, которого тот ни в грош не ставил. Скрипач же держался сам по себе, а преподобный оставался единственным непререкаемым авторитетом для всех. Однако с моим неожиданным появлением в отряде расклад сил вполне может измениться. На чью сторону я встану, если вообще буду играть в эти игры, решит многое. Установится пусть шаткое, но равновесие, примкни я к капитану Гальярди, либо он останется в абсолютном меньшинстве, реши я встать на сторону Бласко.

— Нам нужна всякая помощь в дороге до Фраумюнстера, — сказал де Бельзак, — ибо, как видите, отряд мал, и уже понёс большие потери.

— Не то чтобы мне было по дороге с вами, — пожал плечами я. — Да только выбора мне вы особенно не оставили, верно, преподобный? Вы ведь можете просто приказать мне ехать с вами. Уж на это ваших полномочий сопровождающего ведьму инквизитора хватит вполне.

— Я предпочитаю решать вопросы прежде словом и убеждением, — ответил де Бельзак, — не прибегая к крайним мерам, пока в этом нет нужды.

— И не будет, — кивнул я. — Только оружие мне верните.

— Казарро, верни мессере его оружие, — махнул рукой парню капитан Гальярди.

Тот сходил в повозку и вернулся с небольшим свёртком, протянул его мне. Внутри лежали мой пистолет и кинжал. Оружие было идеально вычищено и смазано. Отдельно парень передал мне пороховницу и натруску с затравочным порохом, и мешочек с пулями.

— Ты с одним кинжалом и пистолетом прошёл через город скорби? — удивился Агирре, глянув на меня с невольным уважением.

— Что бы вы ни думали обо мне, но я был не один, — ответил я, — вор следовал за мной от самой Пьяченцы. Так что он вовсе не плод моего вспалившегося в городе скорби воображения. Да и вооружён я был куда лучше, но палаш и гросмессер остались там.

— Чай подошёл к концу, господа хорошие, — поднялся на ноги капитан Гальярди, — так что пора спать. Завтра день будет не проще сегодняшнего. Первую вахту стоит Казарро вместе со мной.

— Я возьму на себя первую вахту, — перебил его де Бельзак, — и Рейнар постоит её вместе со мной. Вы ведь отлично выспались, не так ли?

— Более чем, — заверил его я, — могу хоть всю ночь у костра просидеть.

— Хорошо, — кивнул не слишком довольный Гальярди. — Мы сменим вас через три часа.

Не так далеко и разошлись все от костра. В телеге никто спать не захотел. То ли после

меня там всё ещё стоял тяжкий дух болезни, то ли не было желания оставаться в своего рода ловушке. Ведь опасности преследовали отряд едва ли не с первого дня пути.

Об этом рассказал мне преподобный де Бельзак. Он явно взял себе первую вахту вместе со мной, чтобы использовать это время для беседы.

— Девушку поймали близ Алассио, — сообщил он мне. — В окрестностях этого города произошла вспышка чумы. В считанные дни собралась громадная серая орда, и хуже того — вместе с жертвами эпидемии шагали поднятые проклятой египетской магией солдаты, что погибли в прежние времена. Им удалось полностью уничтожить несколько крупных сёл, однако бездушные сумели оборотить орду в сражении. Почти всех бродячих мертвецов удалось уничтожить в одной кровопролитной битве, но полководец этого воинства сумел скрыться.

— И вы подозреваете, что им была эта ведьма?

— Не она, конечно, — покачал головой де Бельзак. — Ведьма слишком юна для этого, однако немногие выжившие в эпидемии опознали её, когда она появилась в предместьях Алассио. Отряд капитана Гальярди схватил её и доставил на суд в Империю, где её осудил сам епископ д'Абруаз. Он же поручил нам доставить ведьму в монастырь Фраумюнстер, дабы тамошние бенедиктинки помогли свершить казнь.

— А разве огня и в самом деле недостаточно?

— Увы, не всегда, — покачал головой де Бельзак. — В большинстве случаев это так, однако здесь мы имеем дело с египетской магией, а первое чему учат колдунов в этой проклятой Господом стране — это умению возрождаться в пирамидах после сожжения. Говорят, некоторых, особенно преуспевших в этом деле, огонь даже делает сильнее. Без помощи монахинь из Фраумюнстера нам с этой ведьмой не справиться. Точнее, мы не сумеем уничтожить её так, чтобы наверняка знать — она не вернётся, чтобы отомстить.

— Думаю, дело не только в этом, преподобный, не так ли? — глянул я ему прямо в глаза.

— И в чём же ещё может быть дело? — сделал он самое невинное лицо, даже у вора такого не получалось.

— Вы хотите узнать у ведьмы, кто был предводителем серой орды, — сказал я, — а монахини Фраумюнстера, наверное, искушены в допросах ведьм, и вы считаете, что они сумеют добыть для вас сведения, которые получить не смогли.

— Даже если это и верно, — пожал плечами с самым равнодушным видом де Бельзак, — разве это скверное дело?

— Отнюдь, — покачал головой я, — просто мне не нравится, когда от меня скрывают истинные мотивы. Да ещё и не слишком умело.

— Я слуга церкви, а не шпион, — развёл руками де Бельзак, — и в искусстве обмана не силен.

— Вот и не стоит начинать. А что за напасти преследовали вас по дороге?

— Кто-то хочет освободить ведьму, очень сильно. Нас преследовала стая волков, именно они перебили большую часть отряда капитана Гальярди. Также мы встретили наёмников, которые сначала вели себя вполне дружелюбно, их командир даже хотел поговорить с капитаном о найме в наш отряд. Однако когда они отошли от лагеря, он вероломно напал на капитана, а его люди атаковали нас. Так мы и лишились оставшихся бойцов. Из-за этого были вынуждены вызволить из ямы в Савоне дона Бласко и его друга Агирре, которым никто не доверяет.

— Один из них кастильский идалго, никак не меньше, а другой, скорее всего, баск,

верно? Доверять им было бы глупостью.

— В ином деле возможно, но не в деле с ведьмой, — кивнул де Бельзак. — Вряд ли они шпионы кардинал-короля, скорее, дезертиры. Сейчас наши цели совпадают, они желают оказаться как можно дальше от Родины, потому и согласились примкнуть к отряду. После Фраумюнстера они вольны идти, куда им душа прикажет.

— А Скрипач кто таков? Он явно не из отряда Гальярди. Его что, тоже нашли в какой-то яме?

— Скрипач родом из Лесных кантонов, — ответил преподобный, — он наш проводник. Хотя, конечно, таковым станет лишь когда мы пересечём границу кантонов.

— А как вас угораздило оказаться так близко к городу скорби?

— Колдовской туман тому виной. Ведьма ли или ещё кто наколдовал его, но мы сбились с пути. Пройдя три дня по дороге, мы поняли, что совершенно потерялись, и отправили разведчиков. Они-то и нашли вас в развалинах бывшей фактории Перо.

— Столько неприятностей из-за одной ведьмы, — покачал головой я. — А вы ещё не проделали половины пути.

— Даже трети не будет, — подтвердил де Бельзак, — и это говорит о важности ведьмы для тех, кто стоит за дерзостной атакой серой орды и египетских колдунов.

Мы замолчали. Темы для разговора как-то сами собой исчерпались. Теперь каждый думал о чём-то своём, глядя в пламя костра, да подкидывая в него наломанный хворост из большой кучи, сваленной рядом. Однако время за этим нехитрым занятием прошло как-то незаметно, ведь мы к тому же ещё и проговорили большую часть нашей стражи.

Капитан Гальярди сам поднялся с земли, выбрался из спального мешка и грубым толчком разбудил спавшего рядом Казарро.

— Ложитесь, — бросил он нам. — Наша вахта пришла.

Однако поспать нам довелось недолго. Мне показалось, что я только улёгся в телеге, завернувшись в грязное, но тёплое одеяло, как вдруг раздался волчий вой. Как будто десятки серых хищников завyli в один голос.

Я выскочил из телеги с заряженным пистолетом и кинжалом в руках. У костра уж стояли капитан Гальярди и Казарро — у обоих в руках длинные мечи. Остальные тоже не отставали от них. С удивлением я обнаружил, что преподобный де Бельзак держит в руках простой меч с гардой в виде креста. Он прошептал короткую молитву и поцеловал крестовину.

— Казарро, быстро к лошадям, бесполезный ублюдок! — рявкнул Гальярди. — И оружие убери, пока не порезался! Тебе обе руки пригодятся, держать этих пугливых тварей.

По своему обыкновению ничего не сказав, парнишка спрятал меч в ножны и бросился к нервничающим лошадям. Животные чувствовали присутствие хищников и переступали с ноги на ногу, похрапывая и трясая головами. Ещё немного и даже стреноженные они попытаются вырваться и сбежать, не понимая, что для них это — верная смерть. Казарро подбежал к ним, схватил ближайших за поводья, начал нащёптывать что-то успокаивающее, гладить по широким шеям.

— Agirre, — ничуть не смутившись в такую минуту, бросил баску кастильский рыцарь на родном языке, — ir a los caballos.^[32]

Баск кивнул и последовал за Казарро, став рядом с лошадьми. В руках он держал длинный меч, выглядящий пускай и несколько архаично, но вполне смертоносно. По позе Агирре, манере держать оружие, было видно, что он отлично умеет владеть им.

— Рейнар, — обратился ко мне капитан Гальярди, — с пистолетом и кинжалом много не навоюешь против волков. Держи!

Он снял с пояса и кинул мне grosmesser в кожаных ножнах. Я дал оружию упасть рядом со мной на землю, сунув кинжал за пояс, и тут же подбросил мыском правой ноги. Ножны полетели в телегу или под неё — даже не приглядывался, а grosmesser я сжал в правой руке.

Волки, однако, нападать не спешили. Они кружили чёрными тенями на самом краю освещённого костром пространства, но пересекать эту границу не спешили. Их жёлтые глаза то и дело сверкали в пламени — кто-то подкинул в костёр ещё хвороста, и волки отступили. Но и уходить не торопились. Оскаленные клыки ясно говорили о том, что они готовы в любой миг накинуться на нас и порвать. Но что-то не давало им сделать этого — и это был вовсе не костёр.

Скрипач закончил возиться со своими громоздким арбалетом, и встал рядом с нами. Надо сказать, оружие у него было впечатляющее: массивное, явно тяжёлое, с парой перпендикулярных стальных плеч и натянутыми до звона двумя тетивами.

— Чем зарядил? — спросил у него капитан Гальярди.

— Обычные болты, — отрапортовал Скрипач, — их вполне хватит всякому зверю.

— Но не такому, — сказал я. — Волкам ещё рано сбиваться в стаи, их ведёт чья-то железная воля.

— Ты веришь в сказки про оборотней и сопровождающих их стаи волков? — удивился Гальярди.

— Я был в мёртвом городе во время нисхождения скорби, капитан, — раздражённо бросил в ответ я, тут же пожалев о сказанном, однако закончил фразу, — и видел слишком много, чтобы не верить в сказки.

В костре с громким треском лопнула какая-то особенно толстая ветка, швырнув в небо тучу искр, и это как будто стало сигналом к атаке для всей стаи. Жуткий вой разнёсся в ночи, ему вторили бегающие кругами на границе света от костра волки. И следом они бросились на нас.

Дважды басовой струной пропела Виолина в руках Скрипача — и первые два зверя покатались по грязи, пробитые толстыми болтами. Волки катались по земле, рычали, пытались перекусить древки, но всё без толку: жизнь уходила от них с каждой секундой. Третьему волку я выстрелил в голову — тяжёлая пуля пробила череп зверя, и он упал рядом с ещё мечущимися в агонии собратьями.

Но тут же из тьмы на нас прыгнуло сразу несколько волков. Одного я успел поймать на клинок grosmessера, вскрыв ему горло. Второй попытался вцепиться в Скрипача, но тот изо всех сил врезал ему по морде прикладом арбалета, заставив зверя взвизгнуть от боли. А следом я обрушил на загривок волка свой grosmesser — лезвие его оказалось настолько остро отточено, что я одним ударом почти отрубил голову волку. Кровь обильно хлынула на одежду Скрипача, и он принялся сыпать забористыми ругательствами.

— Ты лучше ругань позабористей в свою скрипку заряди, — посоветовал ему я. — Скоро появится хозяин этой стаи.

Не знаю уж, последовал он моему совету или нет. Нам быстро стало не до того. Почти с десяток волков кинулось на нас одновременно. Здоровенный матёрый зверь прыгнул на меня, целя клыками в горло. Я попытался рубануть его наотмашь grosmesserом, но волк оказался куда хитрей. В последний момент он припал к земле, уходя от моего удара, и лишь после того как клинок просвистел у него над головой, атаковал снова. Я едва успел закрыть

горло плечом левой руки — клыки закрипели по защищающим его кольчужным рукавам. Волк врезался в меня, и мы оба покатались по земле. Правой рукой я выхватил из-за пояса кинжал и сунул его меж зубов зверя, повернул клинок, разжимая ему челюсти. На руки мне полилась волчья кровь. Зверь взвизгнул от боли и отпустил меня. Однако соскакивать на землю он не торопился, и явно собирался снова вцепиться в меня клыками. Но я опередил его. Раз, другой, третий, — вонзил в него длинный кинжал. В горло, в грудь, в бок. Кровь ещё обильней полилась на меня. Волк спрыгнул с моей груди, но я не собирался отпускать его так просто. Не вставая, я левой рукой схватил обронённый grosмессер и почти уклюже ударил его по морде. Заточенный до бритвенной остроты клинок сделал большую часть работы — волк рухнул на землю, содрогаясь в агонии.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я только начал вставать, как мне на спину обрушилась тяжесть волчьего тела. Зверь принялся яростно рвать джеркин у меня на шее, пытаюсь добраться до тела. Я снова упал на спину, чтобы волк соскочил с меня, пока не поздно. Зверь отпрыгнул назад, и неудачно приземлился лапами прямо в костёр. Я услышал за спиной его визг, оборвавшийся после быстрого удара. Что бы я ни думал о Бласко, а боец он очень умелый, такому вполне можно доверить свою спину в бою.

Во второй раз поднимаясь на ноги, я заметил чёрную даже на фоне ночной темноты фигуру, прыгнувшую к лошадям с невероятной скоростью. Животные скорее почуяли её, нежели увидели, и забеспокоились ещё сильнее. Казарро держал теперь их всех под уздцы, стараясь притянуть лошадиные морды как можно ближе к себе. Агирре же явно заметил новую опасность, и наискось рубанул своим архаичным длинным мечом. Тень легко увернулась от его умелого выпада, прыгнула на спину одной из лошадей, однако учинять кровавую расправу над животными не стала. Следующим прыжком она оказалась на клетке с ведьмой.

— Стреляй в него, Скрипач! — закричал я, указывая в направлении тени кинжалом.

К чести арбалетчика надо сказать, нашёлся тот очень быстро. Он вскинул свою Виолину и отправил в полёт пару болтов. Он последовал моему совету, зарядив оружие болтами с мощной алхимической взрывчаткой — руганью. Оба болта попали в цель — здоровенного, по крайней мере вдвое больше обычных размеров, волка с чёрной, что твой уголь, шерстью. Взрывы и пламя сбросили его с клетки, но своё дело он сделал. Вцепившись зубами в покрывающую её ткань, он скатился на землю и, не издав ни звука, исчез в ночи.

Это стало сигналом для нападавшей на нас стаи — волки бросились врассыпную, прочь от костра и от нашего лагеря. Но я не смотрел уже в их сторону, взгляд мой был прикован к девочке, не старше двенадцати лет, сидевшей в клетке, обхватив загорелыми руками острые коленки. Смуглая кожа и чёрные как смоль, коротко стриженные волосы выдавали в ней уроженку Египта. Черты лица ещё носили следы детской округлости, что никак не сочеталось с взглядом. Потому что чёрными глазами юной египтянки на нас смотрела ведьма — смертельно опасная тварь.

И сейчас мы лишились своей главной защиты от её тёмных чар.

Глава 12

Сломленный

Утро не принесло нам особой радости. Поднявшееся над горизонтом солнце лишь ярче высветило картину ночного погрома, учинённого волками в лагере. Три лошади были тяжело ранены когтями твари, сорвавшей покров с ведьминой клетки, и теперь несчастные животные годились только в котёл. Конечно, в верховых лошадях отряд не испытывал нужды, однако теперь некому стало тащить телегу, где я провёл большую часть путешествия.

— Мы не можем бросить её, — прямо заявил капитан Гальярди. — Там оружие и доспехи всех убитых бойцов моего отряда.

— Я сразу говорил, что надо было их хоронить не раздевая, — бросил дон Бласко. — Мы и так тащим слишком много бесполезного хлама.

При этом он глянул на меня так выразительно, что не понять его «тонкого» намёка было просто невозможно. Как будто это не он стоял у меня за спиной в схватке, пропустив одного из волков.

— Преподобный, — обратился к де Бельзаку капитан, проигнорировав реплику дона Бласко, — я не могу просто взять и бросить оружие и доспехи специального отряда.

— Ваши люди мертвы, капитан, — покачал головой тот, — и в железе нет памяти о них.

— Вы просто не понимаете! — вспыхнул Гальярди. — Эти доспехи передаются от одного бойца к другому. Это ритуал, заведённый ещё до чумы. Я не могу отказаться от него.

— Придётся, — в голосе де Бельзака звякнул металл. — Во имя служения и высшей цели вы откажетесь от всего, кроме вашей чести и веры, капитан. Вы ведь не забыли клятвы, которые приносили?

Кажется, лишь напоминание о клятвах привело Гальярди в себя. Он махнул рукой Казарро, подзывая его к себе.

— Идём, никчёмный ублюдок, хотя бы уберём телегу с дороги, чтобы не сразу досталась мародёрам. — Он обернулся ко мне. — Идём с нами, я подберу тебе оружие и доспехи поприличней твоих.

Если доспехи мне были без надобности, то от меча или тяжёлой шпаги я бы точно не отказался. С одним гротеском много не навоюешь. А в то, что дальнейшее путешествие будет хотя бы не таким тяжёлым, мне как-то совсем не верилось.

Втроём мы не без труда откатали телегу подальше от места стоянки, пристроив в довольно глубоком кювете. Прежде чем забросать её ветками, которых достаточно наломал Казарро, капитан Гальярди забрался внутрь и с моей помощью вытащил оттуда вместительный сундук. В нём лежали аккуратно завернутые в промасленную бумагу детали доспехов и оружие.

Наручи и поножи, лёгкие бригантины, кольчужные и латные перчатки, несколько шлемов. На всех доспехах были видны следы серьёзных повреждений, но если приложить определённые усилия, то подобрать комплект на одного человека было вполне возможно. Вот только я сразу от них отказался.

— Я не солдат, и не умею в них сражаться, — покачал я головой, сразу погрузившись в нелёгкий выбор холодного оружия.

Пистолета мне и одного хватит, а вот над выбором холодного оружия пришлось задуматься как следует.

Я не солдат, а вот бойцы капитана Гальярди как раз именно солдатами и были, а потому вооружение у них было соответствующее. Тяжёлые мечи, пара топоров, гротессы, один биденхандер, вроде того, что был у Баума, несколько шестопёров, какими очень удобно раскраивать черепа ходячим мертвецам, да и живым людям вполне сподручно. Но ничего что подошло бы мне, просто не было.

— Извини, капитан, — сложив последний из мечей обратно в сундук, сказал я, — но всё это оружие для солдат, а я — авантюрист. Ничего тяжелее кавалерийского палаша в руках не держал.

— Чем богаты, — пожал плечами Гальярди, и мы вместе затолкали сундук обратно внутрь телеги.

Закидав её ветками, мы вернулись к лагерю. Его уже успели свернуть, и явно ждали только нас.

— Но я не понял, преподобный, — говорил де Бельзаку Агирре, — как же с ведьмой теперь быть? Она ведь запросто может заколдовать того, что на козлы сядет.

— У неё не достанет сил преодолеть благодать Господню, — отвечал тот. — Мой крест и моя вера послужат мне защитой от её дьявольских козней.

И словно издеваясь над ним, ведьма в клетке громко рассмеялась. Хотя, наверное, она именно издевалась, но не только над преподобным, а над всеми нами.

— Не проще ли выжечь ей глаза, — предложил я, — отрезать пальцы и вырвать язык? Тогда она уже точно никого заколдовать не сможет.

Говоря это, я глядел прямо на ведьму. Девчонка отвечала мне прямым взглядом. Я мог бы поклясться, что она понимала каждое сказанное мною слово, и перспектива мук её совсем не пугала.

— Не получится, — покачал головой преподобный. — Видите, на её теле нет следов пыток, они только делали её сильнее. Такие ведьмы не редкость в проклятом Египте.

Мне довелось прочесть про них в книгах из библиотеки Пассиньяно. Некоторые ведьмы умели черпать силу из собственных мучений. Чем страшнее те были, тем сильнее становилась ведьма. И страшным итогом для многих не успевших вовремя понять этого инквизиторов становилась смерть от рук казалось бы только что беспомощной ведьмы. А иногда за подобную неосмотрительность платили страшную цену монастыри или целые города. Перенесённые страдания и наполнившая их сила опьяняла ведьм, лишала их разума, и они творили разрушительную магию, уничтожая всё вокруг.

— Хорошо, что вы вовремя поняли, с кем имеете дело, — кивнул я.

— А нам теперь спать вполглаза, — сплунул на землю Агирре. — Она ж не днём, так ночью нас точно достанет. Эй, Скрипач, скажи-ка, долго нам до этого монастыря?

— Если завтра будем в Люцерне, — прикинул тот, — то к вечеру послезавтра должны быть во Фраумюнстере.

— Значит, ещё одна ночь точно, — кивнул Агирре. — А мы её переживём? Большой вопрос, верно?

— Basta ya!^[33] — оборвал его дон Бласко. — Ты слишком громко раскаркался, Агирре. Тебя вроде не Куэрво^[34] зовут.

— Я сяду на козлы вместе с преподобным, — предложил я. — Ведьма мне ничего не сделает.

— Это ещё почему? — удивился Агирре. — Ты что же, заговорённый от её чар? Или дело в татуировках?

— И в них тоже, — кивнул я.

— Обычно я на козлах сажусь, — сказал Скрипач. — Из моей Виолы с седла не очень постреляешь, да и нет у меня привычки верхом ездить.

— Я уступлю своё место Рейнару, — заявил де Бельзак. — Сила слов, начертанных на его теле, и в самом деле, защитит от ведьмовских чар.

— Мы обо всём договорились? — с нетерпением в голосе поинтересовался дон Бласко. — Пора бы и выдвигаться, пока солнце не село.

Все занялись своими лошадьми, накидывали седла, затягивали подпруги, поправляли потники и устраивали поудобнее сумки. Скрипач забрался на козлы и теперь явно боролся с искушением обернуться и глянуть, что делает ведьма за его спиной. Я же направился напрямик к клетке, но садиться рядом со Скрипачом не спешил.

— Пришёл, чтобы ещё немного пострадать меня? — первой заговорила ведьма. — Эта чёртова тряпка мешает мне, но скоро... Скоро я проберусь в ваши души. И вот тогда...

Увидев поближе её санбенито, я понял, почему она сразу же не принялась творить разрушительную магию, едва избавившись от закрывавшего клетку полога. Как и полог, одеяние ведьмы было расшито серебряной нитью, свивающейся в узоры. Они изображали распятия и лилии. Оно и в самом деле сильно мешает ей, да только стоит неосторожному хоть ненадолго пересечься с ней взглядом, и она сумеет найти лазейку в его душу. Большого ведьме не надо. А уж если заговорит или коснётся, то сразу пиши пропало — чары её уничтожат такого глупца или сделают её рабом в считанные мгновения.

Вот только из всех правил есть исключения.

— Ты не боишься огня и пыток, — сказал я, — и считаешь, что тебе нечего бояться вовсе? Зря. Ведь я не боюсь тебя, а как думаешь, почему?

Я подошёл вплотную к клетке и снова взглянул ведьме прямо в её тёмно-карие глаза. Отнюдь не у всех ведьм рыжие волосы и зелёные глаза — вряд ли таких женщин часто можно встретить в том же Египте.

На сей раз наши взгляды пересеклись почти на полминуты — и этого времени ведьме хватило, чтобы всё понять. Она отшатнулась от меня, прижалась спиной к противоположной стенке, обхватив руками острые коленки.

— Если ты не хочешь, чтобы я вошёл в твою клетку, — сказал я как можно более угрожающим тоном, — и коснулся тебя, то лучше тебе обойтись без чар. Мы друг друга поняли, ведьма?

— Поняли, — прошипела она с такой ненавистью, что у кого другого может быть и сердце не выдержало. Ведь к словам примешивалась изрядная толика ведьмовской силы, наверное, из-за страха прорвавшейся через узоры на санбенито.

Я отошёл от клетки, и хотел было уже забраться на козлы, но меня остановил преподобный де Бельзак.

— Рейнар, — сказал он мне, — на первом же привале нам надо будет серьёзно поговорить.

— Я никогда не откажусь от беседы, преподобный, — ответил я, забираясь-таки на козлы.

Скрипач пристроил на коленях свою Виолу, а значит править было мне. Я взялся за вожжи, руки сами вспомнили, как их правильно держать, хотя с тех пор, как я последний раз правил повозкой, прошло довольно много лет. Я глянул на капитана Гальярди. Тот махнул рукой, давая команду отправляться. Я щёлкнул вожжами, и послушные лошади медленно

затрусил по дороге.

— Слушай, Рейнар, — не удержался и тут же спросил у меня Скрипач, — а ты всё-таки кто такой будешь, а? У меня аж сердце в пятки ушло, когда ты с ведьмой болтать начал. Её ведь и вправду ничем не напугать прежде было — ехала себе, будто королева на бал, а не на казнь в монастырь.

— Знаешь ли, Скрипач, — пожал плечами я, — иных вещей лучше не знать. Ты с Книгой Экклезиаста знаком?

— Да вроде читали нам из неё на проповедях, — теперь уже он пожал плечами, не понимая, куда я клоню.

— Eo quod in multa sapientia multa sit indignatio et qui addit scientiam addat et laborem, — процитировал я.^[35]

— Болтаешь на латыни свободно, будто поляк, — бросил явно обиженный моим ответом Скрипач. — Мог бы и по-человечески ответить, мол, не твоё дело, солдат, не лезь, куда не просят.

— Мог бы, — кивнул я, — но не буду. Вот ты краем этого дела коснулся, а уже меня побаиваешься, а если больше узнаешь, то может быть и вовсе мне стрелу в спину пустишь.

— Умеешь ты успокоить человека, нечего сказать, — буркнул Скрипач.

— Ты мне лучше вот что скажи, — решил сменить тему я, — а отчего капитан так скверно обращается с единственным бойцом из своего отряда? Или он со всеми ними так приветлив был?

— Капитан Гальярди человек, конечно, суровый, — кивнул Скрипач, который тоже только рад был смене темы, — но парнишке просто не повезло. Он ведь рекрут в отряде был, не настоящий боец, посвящений всех не прошёл. Вот его конечно и гоняли в хвост и в гриву, как это положено. А не повезло парню ещё и родиться племянником капитана, поэтому Гальярди особенно старался, даже прозвище это дурацкое ему выдумал, чтобы никто не подумал — не дай Бог! — что он как-то по-особому к нему относится. Показывал всеми силами, что любимчиков у него в отряде нет.

— А теперь вышло так, что из всего отряда остался в живых только этот самый незадачливый племянник, — сделал вывод я, — и капитан срысывает на нём злость.

Скрипач лишь плечами пожал — в ответе мои вполне очевидные умозаключения не нуждались.

— Quid est quod fuit ipsum quod futurum est quid est quod factum est ipsum quod fiendum est,^[36] — неожиданно выдал Скрипач, поразив меня отличным знанием латинского.

Лошадки медленно трусили по разбитой, но вполне хорошо сохранившейся ещё с римских времён дороге. Править ими особой нужды не было — животные были послушные и спокойные, я то и дело отпускал вожжи, кутаясь в тёплый плащ. Погода давно уже стояла осенняя, с каждым часом как будто становилось лишь холоднее. И я рад был, что прихватил из запасов отряда капитана Гальярди тёплый плащ с капюшоном. Дождя пока не было, но с хмурого неба он мог пролиться в любой момент.

— А отчего вы так близко к городу скорби подобрались? — спросил у Скрипача. — Неужели ведьма так долго водила вас своим колдовским туманом?

Влиять на погоду ведьмы могли почти не используя магию. Ни расшитое серебром санбенито, ни покров на её клетке не могли помешать ведьме применять свои таланты для изменения погоды. И наколдовать туман или дождь или же, наоборот, солнце ведьма могла несмотря ни на какие препоны. Именно поэтому часть из них легко приживалась в городах и

сёлах, становясь вроде бы безобидными травницами, которые могут в нужное время помочь на полях, спасти урожай от града или засухи. Но на деле все ведьмы оставались порождением сил куда более древних и тайных, о которых даже самым мудрым известно крайне мало.

— Мы Милан должны были по дуге объехать, но у Пьяченцы такая заваруха началась, что просто жуть. Госпитальеры едва сумели людей из города вывести. Все ворота в город перекрыли какие-то монстры, их едва перебить сумели, а уж, говорят, они народу положили — страсть. А из города скорби уже шли подкрепления: и крысолюды, и мертвецы самые разные, ещё прочая погань. Так что пришлось сделать крюк пошире, нежели сначала думали. Ну а после уже и туман был, верно.

— Значит, что там с Пьяченцей неизвестно ещё? — спросил я.

— Война там самая настоящая, — ответил Скрипач. — Госпитальеры пока сдерживают то, что рвётся из Милана, и просто сбившихся в большие стаи мертвецов, но надолго этого заслона не хватит. Если из Тосканы подкрепление вовремя придёт, то может быть, смогут закрепиться на берегу По. Ну а если нет... — Он развёл руками. — Сам знаешь, большие орды могут и всю Тоскану разорить.

— Странные дела, — протянул я. — Как будто на зуб кто-то побережье пробует. То в одном месте, то в другом.

— Только скорлупа у ореха всё тоньше и тоньше, — поддержал моё сравнение Скрипач, — и дыр в ней всё больше.

Мрачный настрой нашей беседы положил ей конец. Новости обсуждать желания не было — все они оказывались как на подбор мрачными, и никакого лучика надежды. Да и портящаяся погода не способствовала разговору. Начал накрапывать мелкий дождик. Я всё плотнее кутался в плащ, постоянно казалось, что поселившаяся в теле после города скорби лихорадка вот-вот вернётся, и я свалюсь с ног. А везти-то меня теперь не на чем. И эти мысли не добавляли хорошего настроения.

Дневного привала решили не делать. Погода была слишком мерзкой, чтобы проводить лишнее время под открытым небом.

Мы обогнули город Комо, не заезжая туда, направившись напрямиком к Лугано. Дорога была пустынна. Ни всадников, ни карет, ни пешеходов, что и не удивительно в это время года. Осень полностью вступила в свои права, скоро к обычным опасностям, подстерегающим на дорогах, добавятся ещё и сбившиеся в стаи хищники, среди которых волки далеко не самые страшные. Порождённые чумой создания, что охотятся в пустошах, с наступлением холодов всё чаще начинают искать добычу вблизи людских поселений и на дорогах. Конечно, человек опасней оленя или кабана, особенно если хорошо вооружён, но против стаи ему не устоять.

Пару раз клетка застревала, и её приходилось вытаскивать всем миром. Агирре с доном Бласко наваливались на неё сзади, остальные тянули лошадей, помогая им. Скрипач в это время сидел на козлах, как самый лёгкий из нас, и понукал несчастных животных криками и ударами вожжей. Помогало это не слишком хорошо, уставшие лошади месили дорожную грязь вместе с нами, казалось, лишь сильнее зарывая повозку с клеткой в эту самую грязь.

И всё же каждый раз мы умудрялись вытащить повозку, и отдыхали после этого, хотя и не так долго как хотелось бы. Но всё равно, до заката в Лугано мы не успели. Уже виден был берег озера и форпост кантонской таможни на нашем конце моста. Однако солнце уже скрывалось за горизонтом, а это значит, что никто нас не пустит на форпост, придётся ждать

до утра под его стенами. Поэтому с молчаливого общего согласия мы остановились и начали ставить лагерь, пока ещё совсем не стемнело.

Ночевать в грязи желания не было, а потому капитан Гальярди первым делом отправил Казарро в ближайшую рощу наломать побольше веток для костра и походной постели. Вместе с парнем ушли Агирре и Скрипач. Мы же остались ставить палатку и готовить лагерь.

— Кто будет теперь кормить ведьму? — спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, дон Бласко.

— Я возьмусь, — бросил в ответ я. — Можете мне поверить, благородный дон, мне она ничего сделать не сможет.

— Нам остаётся лишь уповать на вашу уверенность в себе, мессере.

— Не считите за труд, дон Бласко, — обратился к нему преподобный, — займитесь костром, а мы с мессере Рейнаром закончим ставить палатку.

— Конечно-конечно, господа, — издевательски изыскано раскланялся с нами дон Бласко, — не смею вам мешать, — и отошёл на пару шагов, принявшись нарочито громко звенеть котелком и треногой.

— Кто вы такой? — задал прямо вопрос преподобный. — Мессере Рейнар, я отлично умею читать татуировки, но они явно не передают вашей истинной сути.

— Не я наносил их, — пожал плечами я, — и читать не умею. Но может быть, прежде никому не приходилось сталкиваться с кем-то вроде меня. Может быть, я уникален.

— Бросьте эти сардонические шуточки, мессере, — ледяным тоном заявил де Бельзак. — Я, в конце концов, опытный инквизитор, и мне со многим пришлось столкнуться. Если применять расхожую классификацию господина Боккаччо, то вы — тиран, не так ли? Но как случилось, что вы служите церкви и вас боится египетская ведьма?

Да уж, господин Боккаччо, решивший переплюнуть своего знаменитого предка, и написавший невероятно популярный труд «Чумной Декамерон» внёс известную определённости в нашу жизнь. Он систематизировал и дал в своих историях имена многим доселе безымянным тварям, порождённым чумой, поименовав новое зло и сделав его куда менее страшным, нежели оно было прежде, когда не имело имени и классификации.

И самым страшным из порождений чумы он называл тиранов. В своё время я считал, что он вообще выдумал их, слишком уж невероятным было описание. Нечистые, живущие среди людей, почти не отличающиеся от них, лишь свечи чёрного воска способны распознать тирана. Самой страшной способностью тиранов является умение управлять чумными тварями, всеми и всякими порождениями жуткой заразы. Даже некромантам не сравниться с ними в этом, и ни один из тёмных колдунов не может подчинить себе тирана.

— Я дважды проклят, преподобный, — честно ответил я, не знаю уж, как он распорядится этим знанием, но это уже его дело. — Меня и в самом деле пытались превратить в тирана, но оказалось, что в моём теле уже живёт другая болезнь, куда более страшная.

— Так вы, мессере Рейнар, и есть тот самый прокажённый, который умудрился заразиться чумой.

Глаза преподобного округлились. Он глядел на меня, наверное, с минуту, позабыв о том, что мы ставим палатку. И только налетевший порыв ветра, едва не поваливший всю пока ещё шаткую конструкцию, заставил его прийти в себя.

— Это невиданное диво перед вами, — изобразил я шутовской поклон, едва не уронив

палатку. Не стоит проделывать подобные кульбиты, когда ставишь её. — А теперь, пока нас ещё никто не слышит, расскажите, что на самом деле произошло?

— Что вы имеете в виду? — попытался изобразить незнание де Бельзак, и получилось у него достаточно достоверно. Вот только факты говорили мне об обратном.

— Я имею в виду, что на самом деле произошло с отрядом капитана Гальярди, — настаивал я. — Он имел неосторожность показать мне оружие и доспехи своих бойцов. Они перебили друг друга.

— С чего это вы сделали такой вывод? — теперь де Бельзак отменно изобразил равнодушие, но и этот приём меня не обманул.

— К примеру с того, что в сундуке не было ни одного трофея, — ответил я. — Он собрал оружие своих бойцов, кое-какое было пришедшим в негодность, и его только в переплавку пускать. Но не взял ни единого трофея у наёмников. Вы не находите, что это выглядит, по крайней мере, странно. Вам, наверное, неприятно говорить, но я должен знать правду. От этого зависит успех всей нашей экспедиции, поймите же это, наконец, преподобный.

— Я не хочу, чтобы это слышали дон Бласко и его спутник, — сказал де Бельзак. — Не то, чтобы я не доверял им, но всё же... В первую смену будем дежурить вместе, я всё вам расскажу. Хотя, уверен, сейчас это не имеет значения. Завтра мы будем в Лугано, а ещё через два дня — в Цюрихе, где ведьма понесёт заслуженное наказание.

Я пожал плечами — в конце концов, от нескольких часов ничего не зависит. Ведьма будет вести себя тихо, пока я рядом. Я был уверен в этом. Слишком много страха плескалось в её взгляде, когда она поняла, кто я такой на самом деле и что могу сделать с ней.

Вскоре вернулись наши дровосеки, волоча вполне достаточно веток разного размера, чтобы и костёр горел до утра, и на подложку в палатку осталось. Мы недолго провели у огня тем вечером. Путешествие по размокшей дороге вымотало всех, и капитан не стал спорить, когда мы с преподобным снова захотели стоять первую вахту.

— Дон Бласко и Агирре — ваш второй караул, — распорядился Гальярди, — мы с Казарро дежури́м последними. Скрипач, считай, что ты вытянул счастливый билет. Проспишь всю ночь.

— Если волки снова к нам не заявятся на огонёк, — хохотнул Агирре, но шутку его как обычно никто не поддержал.

Мы быстро допили чай, проглотив вечернюю порцию еды, и все, кроме нас с де Бельзаком, отправились в палатку. Однако начинать тяжёлый разговор преподобный не спешил, а я и не торопил его — пускай все улягутся и заснут покрепче, чтобы не слышать о чём мы с ним беседуем.

— Ведьма отравляла души бойцов отряда, — без вступлений начал рассказ де Бельзак, — по капле вливала в них свой яд. Никакая защита не может быть абсолютной, и ведьма пользовалась этим. Как ни пресекал капитан Гальярди разговоры с нею, а она умудрялась бросить слово там, вставить пару слов тут, пока его люди ехали рядом с её клеткой. В отряде начались конфликты, но авторитета капитана хватало, чтобы всё прекращать на месте. Но ведьма не столько говорила, сколько слушала. Она очень умна и коварна, ей хватало шуточек и оговорок, чтобы узнавать слабости бойцов и использовать их. Она растравливала старую вражду между ними, возникавшую давным-давно и вроде бы столь же прочно забытую. Не прошло и недели, а солдаты уже глядели друг на друга волками, и на привалах всё чаще вспыхивали конфликты. И всё чаще бойцы хватались за

ножи.

— И это особый отряд? — удивился я. — Никого получше не нашлось, чтобы конвоировать ведьму?

— Бойцы капитана Гальярди — охотники на нежить, — ответил де Бельзак, — и отлично послужили королеве Наварры в качестве matamueertos.^[37] Да и в недавнем сражении с серой ордой проявили исключительно с лучшей стороны. Мы считали, что души их достаточно закалены, чтобы противостоять чарам и искушениям ведьмы. Увы, и я, и епископ ошиблись в них.

— А двое кастильцев и уроженец кантонов оказались крепче, — пожал плечами я. — Удивительное дело, не находите?

— Вы отлично понимаете, что дон Бласко не так прост, как хочет показаться, а его приятель Агирре спрятался за своими шуточками и фальшивым смехом, как за стеной. Что ж до Скрипача, то он слишком неразговорчив, чтобы раскрыть хоть какие-то тайны. Он для всех закрытая книга, что его и уберегло, как и моя вера.

— Так что же было дальше? — спросил я, решив, что пора заканчивать лирическое отступление, как-то оно слишком уж затянулось.

— Нападение волков стало последней каплей, — вздохнул де Бельзак. — После него начался открытый конфликт. Часть солдат хотела прикончить ведьму, но прежде позабавиться с ней, другая же часть, возглавляемая Бланкой, заявляла, что ведьма и не ведьма вовсе, и её следует отпустить немедленно. Авторитета капитана Гальярди уже не хватило, чтобы не допустить кровопролития, и под дьявольский хохот ведьмы из клетки, бойцы отряда перебили друг друга.

— А на стороне капитана остался один лишь парнишка, которого он зовёт Казарро.

Я даже не стал спрашивать — это было попросту очевидно. И теперь ненависть капитана получила достаточно полное объяснение.

— Именно он убил Бланку, когда капитан не смог сделать этого, — добавил де Бельзак, — хотя прежде едва не преклонялся перед этой женщиной. Капитан этого ему никогда не простит.

— Скверное, — покачал головой я, — крайне скверное дело. Теперь у ведьмы куда больше возможности творить своё чёрное колдовство, а значит и к капитану, и к его последнему солдату надо присмотреться как можно внимательней.

— Я думаю, что раз они прошли через искушение, то не поддадутся ему снова, — возразил де Бельзак.

— Гальярди разъедает изнутри его собственный гнев и беспомощность. А для ведьмы нет лучшей пищи, не так ли?

— Я ведь кабинетный инквизитор, — неожиданно сменил тему преподобный де Бельзак. — Редко покидал родной город. Я многое знаю о ведьмах, о том, как с ними бороться, как распознать. Но на деле оказалось, что я попросту не умею применять имеющиеся у меня знания.

— Не впадайте в грех уныния, преподобный, — сказал ему я. — Ведь мысли ваши вполне могут быть навеяны ведьмой.

— Верно, — кивнул в ответ де Бельзак, но что-то мне подсказывало, мои слова не добрались до его души.

Вскоре нас сменили дон Бласко с зевающим так широко, будто проглотить кого-то собирався, Агирре. Они уселись на наши места у костра, тут же подкинув в него свежих

дров, а мы с преподобным отправились в палатку.

Я думал, что усталость заставит меня мгновенно уснуть, но это оказалось не так. Она придавила меня к земле, как будто сверху навалился тяжкий камень. Даже заворачиваться в одеяло было непросто. Шевелиться не хотелось совершенно, но сон не шёл. Я всё размышлял о бойцах капитана Гальярди, перебивших друг друга из-за ведьмы, о преподобном де Бельзаке, которого теперь терзали сомнения в самом себе, о двух авантюристах, остающихся «тёмными лошадками». Усилий одной ведьмы хватило, чтобы разрушить столько жизней, и всего за несколько дней.

С этой мрачной мыслью я и уснул, чтобы проснуться от потока отборной ругани.

Вслед за доном Бласко я выскочил из палатки с гротеском в руке. У погасшего костра стоял босой Скрипач и виртуозно ругался на трёх языках сразу. И было от чего разразиться таким потоком площадной брани. Одного взгляда в сторону клетки хватило, чтобы ругаться начал дон Бласко, и я присоединился к нему, спустя мгновение.

Клетка ведьмы была открыта, дверца её распахнута настежь. У колёс повозки, на которой она стояла, лежали капитан Гальярди с мечом в животе и Казарро Инкапаче. Грудь несчастного юнца была вскрыта, из жуткой раны торчали обломки рёбер. Одежду и доспехи его заливала кровь. И я был уверен — сердца в груди Казарро мы не найдём. Равно как и пропавшую ведьму.

Вслед за нами из палатки выбрался преподобный де Бельзак. Увидев, что случилось, он рухнул на колени, прямо в грязь, и принялся тихо молиться. А что ещё оставалось?

Глава 13

Осада изнутри

Извести в достаточном количестве у нас не было, а потому обоих покойников решили просто сжечь. Можно было бы верхом съездить на заставу у моста, но никому не хотелось делать этого. Мы со Скрипачом собрали достаточно дров для погребального костра, после уложили на них тела капитана Гальярди и его племянника. Дон Бласко уже держал в руке отчаянно чадающий факел. Агирре щедро полил дрова вонючей алхимической жидкостью — теперь пламя будет таким жарким, что в считанные минуты уничтожит тела, оставив лишь пепел от плоти и костей.

Капитану Гальярди мы вложили в руки его длинный меч, сложив ладони на гарде. Рядом уложили племянника, тоже с оружием в руках. Какими бы ни были между ними отношения при жизни, пускай в смерти они примирятся. Так решил преподобный де Бельзак, когда попросил нас сложить один костёр для обоих.

— Как бы то ни было, — сказал он, — а и капитан Гальярди, и его племянник были верными слугами церкви.

Де Бельзак прочёл над телами короткую молитву, после чего кивнул дону Бласко, и тот швырнул факел. Пламя мгновенно взметнулось к небесам. Жар заставил нас отступить на пару шагов, видимо, жидкость у Агирре была очень уж ядрёной, да и не пожалел он её для погребального костра. Пламя было сильным, и почти не давало дыма, а значит, на заставе нас вряд ли заметят. Нам это только на руку — объясняться с кантонскими стражами границы было бы неприятно и, хуже того, унизительно, особенно для преподобного де Бельзака, который руководил отрядом и ответственность лежала на нём.

Мы стояли у костра, пожирающего тела двух человек, и ни у кого не находилось сил, чтобы просто спросить: что же дальше?

Как ни странно, первым нарушил затянувшееся молчание дон Бласко.

— Что теперь, господа? — ни к кому не обращаясь, поинтересовался он. — Мы провалили порученную нам миссию, но сил у вас, преподобный, не достанет, чтобы водворить нас обратно в тюрьму.

При этом он как бы невзначай уронил правую ладонь на рукоять меча. Точно также поступил и Агирре. Взгляд баска мгновенно потерял всю насмешливость и стал ледяным — мы теперь вполне могли стать его врагами, а с врагами не то что не шутят, с ними не разговаривают.

— Вы вольны идти на все четыре стороны, — пожал плечами де Бельзак. — Не в моём праве задерживать вас и дальше. Коней и припасы можете взять, сколько вам нужно.

Дон Бласко удивлённо поглядел на него, но ничего говорить не стал. Он кивнул приятелю, и они вместе направились к лагерю, не дожидаясь, когда догорит погребальный костёр.

— А ты, Скрипач, куда теперь? — спросил де Бельзак. — Прости, но платы тебе уже не видать. Я вернусь к епископу, чтобы предстать перед его строгим судом, и тебе лучше со мной не идти.

— Это уж точно, — кивнул тот. — Но до моего родного Люцерна отсюда уже рукой подать, так что навещу своих, а там может и контракт какой-то подвернётся. Желаю тебе милости от епископа, — серьёзно произнёс он. — Ты хороший человек, и не твоя вина...

— Моя, — перебил его де Бельзак. — Mea maxima culpa.^[38] И никакая, даже самая строгая епитимья, что может назначить мне епископ, не сравнится с муками моей души. Ничем мне не искупить своей вины.

Я не стал ничего говорить ему — сейчас ни одно слово не доберётся до убитого горем и раскаянием разума преподобного де Бельзака. Лучше оставить его одного. Пускай возвращается, и если епископ д'Абруаз разумный человек, он назначит ему достаточно строгую епитимью, чтобы раскаяние совсем не сгубило несчастного де Бельзака. Сейчас, наверное, лишь вера не даёт ему покончить с собой.

— Ну а ты, Рейнар? — спросил у меня де Бельзак.

— Продолжу своё путешествие, — сказал я в ответ. — Нам по пути до Люцерна, Скрипач, ты не будешь против моей компании в дороге?

— Такой хорошо вооружённый спутник лишним не будет, — произнёс Скрипач, покосившись на рукоять шестопёра. Он явно сам нацеливался взять его после гибели капитана Гальярди, но я его опередил. — Но всё же, что стряслось ночью? Как случилось, что ведьма на свободе, а эти двое перебили друг друга.

— Парня прикончила ведьма, — покачал головой я. — И теперь она сильнее, чем прежде, раз съела его сердце.

— Святый Боже на небесах, — перекрестился Скрипач, — да что же это такое делается...

— А что тут непонятного, — хохотнул проходивший мимо костра с набитым под завязку тюком Агирре, — парень прикончил капитана и выпустил ведьму. Ну а та его в благодарность и приголубила.

— А до нас чего не добралась тогда? — удивился Скрипач.

— Да, видать, Рейнар и вправду её пугал слишком сильно, вот и решила убраться от него подальше подобру-поздорову.

Тут он скорее всего был прав — ведьма, даже с силой, полученной из только что съеденного сердца парнишки, вряд ли знала, что делать со мной, и как противостоять моим проклятьям.

— Но почему вы решили, что именно юноша выпустил ведьму? — спросил у него де Бельзак.

— Не так всё было, — прервал не успевшего начать говорить Агирре дон Бласко. — По следам в грязи всё отлично видно. К ведьме рвался именно капитан Гальярди, видимо, не выдержали нервы и он решил прикончить её. Они долго топтались на месте, после капитан отошёл на пару шагов и вынул меч. Парень не хотел сражаться, капитан теснил его, и он упёрся спиной в клетку. Ведьма воспользовалась шансом и коснулась юнца.

Что было дальше, понятно и без объяснений. Ведьма легко подчинила себе парнишку, дав ему всего на пару мгновений силу и ловкость, в несколько раз превосходящие человеческие. Он прикончил капитана, и открыл клетку, а после ведьма, по образному выражению Агирре, его приголубила.

— Есть ещё три лошади, — отходя от догорающего костра, сказал нам со Скрипачом де Бельзак. — Возьмёте их?

— Да мне как-то пешим привычней, — пожал плечами арбалетчик. — За животинной этой ещё ухаживать надо, кормить опять же. Ну его... Мороки больше, чем пользы от них.

Я тоже отказался от лошади. Не вести же её в поводу, раз мой новый спутник так негативно настроен по отношению к верховым животным.

— Отведите тогда коней на заставу, — сказал де Бельзак. — Мне одной лошади хватит вполне, а тащить с собой целый табун смысла нет. Да и волки могут их перегрызть, разве за всеми разом уследишь.

Кастилец с баском уехали не прощаясь, ни один не обернулся к нам.

С преподобным де Бельзаком мы рассталась после короткого и не самого простого прощания. Скрипач только пожал ему руку, ничего не став говорить, я же не удержался.

— Не вини себя, де Бельзак, — я намерено опустил официальное обращение. — Не ты первый, не ты последний, кто не справился с порученной задачей. Переступи через это и живи дальше.

Он кивнул, ничего не сказав в ответ, и я не уверен, услышал ли он меня по-настоящему, или для него существовал лишь голос его горя и разочарования в самом себе.

Преподобный подтянул подпругу и быстро вскочил на коня. Он тоже не стал оглядываться.

Мы со Скрипачом собрали оставшихся лошадей — и верховых, и упряжных — погрузили на спину одной из них собранную палатку и направились к заставе. Палатка такого размера нам была без надобности, поэтому не сговариваясь, мы решили оставить её на заставе вместе с лошадьми, и пускай стражники сами решают, что с ней делать. Всю нужную поклажу мы распределили по заплечным мешкам.

Оба мы были достаточно опытными путешественниками, чтобы сборы не заняли много времени. Так что не прошло и часа, как мы подошли к деревянному форту, защищающему мост через Люцернское озеро.^[39]

Нас встретили привычно настороженно, и даже довольно приличная взятка в виде подаренного де Бельзаком имущества и коней, не особо повлияла на отношение к нам. Мрачноватые уроженцы кантонов даже на своего сородича Скрипача поглядывали с подозрением, а уж мне-то с моими татуировками по всему телу и вовсе досталось крепко. Всё время за моей спиной крутился тип с взведённым арбалетом, из такого даже с подрастянутой тетивой можно прикончить. Особенно с небольшого расстояния. Я старался не обращать на него внимания, старательно делая вид, что его не существует вовсе.

Командовал фортом коренастый дядька почти до самых глаз заросший бородой, такого запросто можно принять за легендарного гнома. Тем более что и выражался он вполне соответствующе. Понять его речь, перемежающуюся с руганью на трёх языках, можно было только с большим трудом. То и дело Скрипач брал на себя обязанности переводчика, сообщая мне смысл самых забористых выражений командира.

— Драть его, не стоит и полкроны, а лезть туда — сухая погибель, — вещал командир форта. — Под им жеж, почитай, с полсотни бушелей чистого алхимического зелья принайтовлено. И не закурить рядом — рванёт так, что до рая господнего слетаешь, и обратно на задницу шлёпнешься, и всё от одной искры. А уж в избе рядом торчат на голову больные сапёры, что подновляют зелье, и алхимик с ними такой же. Сперименты свои проводит без конца — почернели уже все, а всё туда же!

— Командир имеет в виду Чёртов мост, — сообщил мне Скрипач, — что за перевалом Сен-Готард. Именно там удобней всего перебираться через горы в Шварцвальд. Он отлично заминирован и рядом с ним дежурит смена сапёров во главе с алхимиком. В общем, командир не советует тебе идти этим путём.

— Отчего же? — не понял я.

— Помнишь его пассаж про чёрных и жужжащих, так вот, это он имел в виду

бездушных, держащих карантин по ту сторону моста. Видимо, в Шварцвальде всё настолько неладно, что сапёры готовы взорвать мост и ждут только, когда командор ордена отзовет своих людей с той стороны.

Значит, мне надо торопиться. События в Шварцвальде набирают обороты, а я только и делаю, что теряю время. То в Пьяченце, то в городе скорби, то с этой ведьмой, будь она трижды неладна. Теперь бы поспеть до того, как сапёры взорвут мост, практически отрезав меня от цели долгого путешествия. Если это произойдет, то мне проще возвращаться в Лукку к Лафрамбуазу с докладом о полном провале первого же порученного мне дела. И в этом случае я вряд ли отделаюсь несколькими месяцами в закрытом монастыре.

— Так когда нам можно будет переправиться? — спросил я у командира.

Тот в который уже раз смерил нас обоим оценивающим взглядом, демонстративно сложил руки на груди и принялся притопывать носком сапога. При этом стоявший в паре шагов за моей спиной арбалетчик, как будто невзначай взял оружие наизготовку.

— Не нравитесь вы мне оба, драть вас, — честно заявил он. — Припёрли мне коней, что твои данайцы, а я гляжу на озеро да змей жду.

— Раз мы тебе так не нравимся, вот и дай нам убраться поскорее с твоей заставы, — пожал плечами я.

— Может оно бы и к лучшему было, на ночь я вас тут точно не оставлю. — Он резко топнул ногой. — Да только верней было б вас обоих в озеро сразу.

— Ты так со всеми путниками поступаешь, которые тебе не нравятся?

— Ага, вроде того, — честно кивнул командир заставы, — и серьёзные бумаги твои мне тоже до одного места. Ничего они не стоят, ежели я тебя, к примеру, под воду отправлю, а их в сортире употреблю.

Мне до смерти надоела эта затянувшаяся проверка на вшивость. Тем более что мы торчали под навесом, по которому барабанили крупные капли зарядившего минут двадцать назад дождя. От одной мысли, что придётся переправляться через озеро, мне становилось не по себе, но и задерживаться в компании мрачных стражников желания было ещё меньше.

— Если хочешь, то давай — не тяни, — бросил я в лицо командиру. — Вели своему человеку стрелять мне в спину. Он меня точно прикончит — тетива на арбалете крепкая, ей ни дождь, ни натяжение нипочём. Пробьёт меня насквозь. А после в озеро и вся недолга.

— Ну, наконец! — всплеснул руками командир. — А я уж думал, что ты шпиён какой. Торчишь тут с кислым видом, и отпора мне не даёшь. Ведь и вправду хотел велеть тебя на болт насадить.

Он обернулся к дежурившим у ворот на мост солдатам, и махнул им крепкой короткопалой рукой.

— Отворяйте им! Пушшай шагают!

Мы и пошагали к воротам. Ледяной дождь лил с такой силой, что не особо спасали плащи с капюшонами. Мы глядели только себе под ноги, опасаясь лишней раз поднять голову, чтобы холодные струйки не затекали за шиворот. Помогало не слишком хорошо, то и дело по спине или груди словно змейка проползала.

Сначала мы хлюпали ногами по грязи форта, потом стучали каблуками по дереву моста. Тот был очень длинным, пересекавшим пролив в Люцернском озере, однако закончился и он. Снова под ногами у нас была грязь долгой дороги к Люцерну. Хотя по такому месиву нам к вечеру хотя бы до Лугано добраться.

К счастью, до небольшого городка на берегу озера мы успели дойти засветло. Стража на

воротах встретила нас с привычной для кантонов неприветливостью, однако внутрь нас пропустили без проблем. Нам повезло — в этот вечер старшим смены арбалетчиков был знакомец Скрипача.

— Всё играешь на своей Виолине? — спросил он, хлопая моего спутника по плечам.

— Без единой фальшивой ноты, — кивнул тот, видно было, что и он рад видеть сослуживца. — Где у вас тут устроиться можно? Так, чтобы без шика, но и клопов не хватать.

— А давай ко мне, — предложил сослуживец. — Я ведь вдовец, дом почитай что пустой стоит. Вот сменюсь в полночь, и посидим, вспомним компании, а? И приятелю твоему я рад буду. По чести скажу, нет сил в пустом доме одному сидеть. Призраки мерещатся по углам уже. Вот и пью.

— Я пить не буду, — сразу сказал я. — Завтра с рассветом хочу покинуть Лугано.

— А я, пожалуй, тут задержусь, — заявил Скрипач.

— И то верно, — хлопнул его по плечу сержант арбалетчиков. — Может, вообще приживёшься, как я. А я тебя и в гарнизон пристроить смогу, первое время у меня поживёшь, там видно будет.

— Так далеко я не загадываю, — отмахнулся Скрипач. — Ты лучше скажи, где у тебя можно голову преклонить? Мы оба устали, как собаки, сил нет уже на ногах держаться.

— Это запросто, — кивнул нам сержант арбалетчиков.

Он проводил нас в караулку, безжалостно выпроводив оттуда нескольких своих стрелков, отправив их стену патрулировать. Сам же вынул из сундука немного вина, сыра и хлеба.

— Подкрепитесь с дороги и ложитесь прямо тут, — бросил он нам, — а я пройду с моими людьми по стенам. Не нравится мне эта ночь, — добавил он, уже выходя из караулки.

Скрипач проводил его тяжёлым взглядом и хмыкнул, когда за сержантом арбалетчиков закрылась дверь.

— А ведь его предчувствия никогда не подводили, — сказал он.

Но всё же еда и вино победили дурное настроение, и через четверть часа мы оба улеглись на топчанах в отлично протопленной караулке.

Я уснул мгновенно... чтобы проснуться, как мне показалось, в то же мгновение.

Над городом нёсся перезвон колоколов, бьющих набат.

Мы со Скрипачом едва не столкнулись в узких дверях караулки. Оказавшийся более шустрым стрелок первым выскочил из неё с арбалетом наперевес. Я поспешил за ним, держа в правой руке шестопёр, а в левой оружейный пояс с гросмессером.

Против ожидания, никакой суеты, вроде той, что царила в Пьяченце, тут не было. Наоборот, город был затянут густым туманом — протяни руки и пальцев не разглядишь, в котором тонуло всё. Даже звуки бьющих набат колоколов постепенно стихали, как будто отдаляясь.

— Колдовской туман-то, — протянул Скрипач, оглядываясь по сторонам. — Такой же ведьма наводила...

Солдат в гремящей на каждом шагу кольчуге едва не налетел на нас. Он бежал сломя голову, не разбирая дороги. В глазах его стоял первобытный ужас. Скрипач навёл на него арбалет, но скорее рефлекторно — опытный боец привык реагировать на всё, как на опасность. Особенно в такой ситуации, как сейчас. Я же перехватил солдата за рукав

форменного дублета здешнего гарнизона.

— Стой! — рявкнул на него я. — Опомнись! Что происходит?!

— Город закрыть надо! — выпалил он. — К воротам бегу... Да пустите же! Успеть надо! Они на хвосте.

— Кто? — не отпуская рукава, допытывался я. — Кто — они?

— Покойники, — вместо него ответил Скрипач. — И сейчас нам с ними придётся познакомиться поближе.

Я услышал, как выстрелил его арбалет, и глянул в ту же сторону, куда смотрел Скрипач. Из тумана уже выступали тощие фигуры, которые живыми людьми не могли быть никоим образом. Я отпустил рукав и солдат поспешил дальше, не оглядываясь, спустя пару минут он скрылся в тумане, даже стук башмаков стих, как отрезало. Зато его место заняли иные звуки — крайне неприятные. Такие издаёт толпа ходящих покойников, и не обычных, вроде тех, что бродят по дорогам, а тех, кого умеют поднимать из могил искусные некроманты Египта или Чёрной порты. Погибшие много лет назад воины снова вставали, чтобы лить чужую кровь. А уж в этой земле таких лежит предостаточно.

Я быстро нацепил оружейный пояс и перехватил поудобней рукоять шестопёра. Оставалось только порадоваться, что я прихватил его перед тем, как мы сожгли тело капитана Гальярди.

На нас наступали покойники, преследовавшие солдата. Хотя насчёт преследования, я, наверное, погорячился — слишком уж медленно шли они. Одетые в проржавевшие доспехи, со старинными мечами и щитами из полусгнившего дерева. В их глазах горело белёсое пламя, как будто под костями черепа постоянно клубился туман. Без управляющего ими некроманта мертвецы каким-то образом умудрялись даже держать некое подобие строя. Первыми, как и положено, шли щитonosцы, за ними шагали копейщики. Воины с ржавыми двуручными мечами держались на флангах. Даже после смерти и не одного десятка лет в земле, они ещё помнили, как надо воевать.

— Уходим, Скрипач, — махнул ему рукой я. — С ними нам никак не справиться.

Тот упрямо выстрелил в наступающих покойников. Тяжёлый болт пробил остатки щита одного из них и глубоко засел в истлевшем теле. Вот только на движениях мертвеца это никак не сказалось.

Перезаряжать оружие Скрипач не стал. Мы вместе поспешили туда, где находился пост солдат во главе со знакомым сержантом. Покойники шагали хоть и уверенно, но не слишком быстро, и мы легко оторвались от них. На посту обнаружился и тот самый солдат, которого мы встретили на выходе из караулки.

— Ворота надо закрывать, — повторял он. — Скоро они будут здесь. Господин Габелер велел. Чтобы они за стены не вышли.

— Да кто такие эти твои они? — задавал вопрос, явно не понимая о чём тот говорит, командир стражей ворот.

— Покойники внутри города, — ответил вместо солдата я. — Надо закрыть ворота, чтобы они не смогли покинуть его. И будем здесь принимать бой.

— А ты вообще кто такой, что так распоряжаешься? — окрысился на меня стражник.

— Тот, с кем тебе через пять минут плечом к плечу драться, — ответил я и указал себе за спину.

Шаркающие звуки приближающихся мертвецов были уже отлично слышны, вскоре из тумана появятся и сами их тощие фигуры.

— Покойники, — побледнел командир стражей, — но как в городе? Почему? Стены... Ворота...

— Магия, и очень сильная, — сказал я. — Как думаешь, из-за чего бьют колокола без остановки?

— Закрывай ворота! — обернувшись к своим людям, прокричал командир. — Второй засов ставь! Решётку опускай! — И несколько тише добавил. — И про раствор не забудьте.

Он решил закрыть город намертво. В лунки решётки перед тем, как в них войдут прутья, стражники залили особый раствор, который не позволит больше поднять её. Теперь, чтобы выйти из города, решётку придётся разламывать тараном или взрывать какой-нибудь мощной алхимической дрянью.

Фигуры мертвецов прорисовывались в тумане всё чётче. Стражи ворот готовились к неизбежной схватке. Командир быстро выстроил их и десяток солдат в кожаных кирасах и стальных шлемах ошетили лезвиями алебард. Мы со Скрипачом встали позади них — в этом слаженном строю нам места нет.

И одна мысль билась в голове, пока я глядел на наступающих мертвецов: я теряю время! Я снова застрял неизвестно где, неизвестно насколько, неизвестно даже, переживу ли эту ночь. Меня как будто злой рок преследует, не давая добраться до Шварцвальда, а ведь начиналось путешествие так легко...

В первой схватке с ходячими мертвецами нам со Скрипачом даже не пришлось принять участия. Небольшой отряд их стражи порубили в считанные минуты. Тяжёлые лезвия алебард крушили ржавую броню и истлевшие тела — покойники даже подобраться к стражам не смогли, не говоря уж о том, чтобы хоть кого-то ранить.

— Может и зря такую панику подняли, — пожал плечами ещё разгорячённый после боя командир стражей. — Ежели они все такие, то их без труда перебить можно.

— Били бы во все колокола, если бы всё так просто было, — покачал головой я. — Эти, скорее всего, за солдатом погнались.

Увы, я оказался прав. Туман сгустился всё сильнее, теперь нам приходилось держаться близко друг к другу — отойди на пять шагов, и потеряешься. Хуже того, он скрадывал звуки, не давая перекликаться. И вскоре из тумана на нас напали куда более опасные твари.

Вспышка красного света выдала нападающих. Они выглядели такими же тощими и истлевшими, как и те, с кем сражались стражи, но двигались куда проворней, и явно сохранили намного больше бойцовских качеств. Монстров было всего-то десяток, но в первые же мгновения они легко прикончили нескольких стражей, и останавливаться на этом не спешили.

Я отбил удар короткого меча, нацеленный мне в горло. Присев, уклонился от второго, и обрушил шестопёр на прикрытый ржавым шлемом череп противника. Тот от удара лопнул — во все стороны полетели сероватые обломки кости. Огонь, горевший внутри, погас.

— К чёрту алебарды! — кричал командир стражей. — К чёрту строй! Бьёмся каждый...

Договорить он не успел. Обломок меча, зажатый в мёртвой руке, погрузился ему в спину. Тварь выдернула оружие, но умирать просто так командир не пожелал. Он обернулся и врезал монстру изо всех оставшихся сил коротким мечом по голове, разнеся череп на мелкие осколки. И лишь после этого командир стражей осел на залитую его кровью мостовую.

Я отмахнулся от нового врага grosmesserом, зажатый в левой руке, попытался достать монстра шестопёром, но тот удивительно легко уклонился. И тут же последовал ответный

удар. Ржавая булава свистнула перед моим лицом. Я отскочил на полшага, ткнул врага grosmesserом в живот. Широкий клинок рассёк иссохшую мёртвую плоть и скрежетнул по костям позвоночника. Противник попытался достать меня булавой, но я снова разорвал дистанцию.

Тяжёлая стрела разбила плечо наседавшего на меня мертвеца, заставив его выронить оружие. Даже не глянув, кто же помог мне, я всадил grosmesser в грудную клетку врага, чтобы не дёргался, и наотмашь ударил его шестопёром. Голова в старинном коническом шлеме запрыгала по камням мостовой.

— Давайте к нам, наверх! — услышал я окрик, и поднял голову.

С трудом удалось разглядеть на стене стрелков, что помогли нам.

— Лестница справа! — кричали они, не разобрать даже кто именно. — Поднимайтесь — прикроете нас!

Вместе с оставшимися стражами ворот мы со Скрипачом поспешили последовать приглашению. Забравшись по лестнице на стену, мы обнаружили, что командует арбалетчиками тот самый знакомец Скрипача, что звал нас после смены к себе.

— Вот такие у нас дела творятся, — сказал он. — Мертвецы внутри городских стен — чертовщина какая-то.

— Ещё какая, — кивнул я. — Если это магия, то должна развеяться к утру.

— Уверен? — спросил у меня сержант арбалетчиков.

— Я не знаток, — пожал плечами я, — но лучше надеяться на это, верно?

— Главное, с восходом солнца в надеждах не обмануться.

Но пессимизм командира арбалетчиков оказался не оправдан. Туман начал рассеиваться, как положено, с первыми лучами солнца. Вот только прежде нам на стене пришлось выдержать настоящую осаду. Сменяя друг друга на узкой каменной лестнице, мы дрались с наседающими мертвецами.

И пускай те просто пёрли на нас, без каких-либо изысков осадного искусства, сдерживать их напор было очень сложно. Тем более что в отличие от покойников, нам была знакома усталость. Оружие наливалось свинцом с каждым взмахом, уклоняться от вражеских ударов становилось всё сложнее. Однако и нежить начала слабеть, когда туман проредили первые солнечные лучи.

А после, прямо как в сказке, по городу начали кричать петухи. Они орали так, будто их режут, надрывали глотки в крике, не думая прерываться. И это стало последней каплей — туман отступил, начал рассеиваться. Его пробивали копья солнечных лучей. Вместе с туманом пропали и нападавшие на нас мертвецы.

— И что это было? — устало спросил у меня сержант арбалетчиков. Руки его дрожали от напряжения, мне даже представить страшно было, сколько раз за эту ночь он натягивал тетиву арбалета.

— Магия, — ответил я. — Очень сильная магия.

— Такая, что следующую ночь нам точно не пережить, — вздохнул присевший рядом Скрипач.

— За помощью посылать надо, — высказался сержант арбалетчиков. — Никак нам с этакой напастью самим не справиться.

— Не выйдет, — покачал головой я. — Командир стражей велел решётку намертво замуровать. И на других воротах, скорее всего, поступили также.

— И как нам теперь быть? — задал вполне логичный вопрос сержант арбалетчиков. —

Мы ж, и в самом деле, следующей ночи не переживём.

Во всём он был прав, да только что толку у меня спрашивать? У меня точно ответа на этот вопрос нет.

Глава 14

Смерть в голове

Ничего лучше, как отправиться к правителю города, я не нашёл. Только он мог решить проблему с выездом из города. Возможно, придётся самому предложить ему свои услуги, как это было в Пьяченце, хотя что-то мне подсказывало: дважды этот номер не пройдёт. Там всё же меня просили помочь, а сейчас в роли просителя оказываюсь уже я, и роль эта не самая завидная.

Как ни пытался нас уговорить выспаться у него хотя бы несколько часов знакомый Скрипача сержант арбалетчиков, ни я, ни мой невольный спутник его предложения не приняли.

— А отчего ты решил идти к подесте вместе со мной? — спросил я у Скрипача, когда мы шагали по притихшим улочкам Лугано.

Город только-только приходил в себя. Далеко не все осознали ещё, что пережили эту страшную ночь с её бьющими набат колоколами и мертвецами, разгуливающими в тумане. И мало кто спешил открывать надёжно закрытые и подпёртые для верности мебелью двери, чтобы глянуть — что там на улице творится. Тут и там нам попадались следы отчаянных схваток. Тела стражников из ночного патруля и простых обывателей, застигнутых ночным кошмаром вдали от стен дома, или нищих, у кого крыши над головой нет, равно как и самой мелкой монетки, чтобы оплатить угол в ночлежке. Их убирали работники в кожаных фартуках и перчатках до локтя, складывая в телеги, запряжённые ломовыми лошадьми. Каждую сопровождал писарь и пара стражников, но последние скорее для порядка — вряд ли уборщикам трупов могла грозить малейшая опасность.

Самым же жутким было то, что ни одного разбитого костяка, никаких останков бродивших ночью по улицам мертвецов не было. Они исчезли вместе с утренним туманом. И от этого становилось страшно вдвойне.

— В городе главный не подеста, а штадтфогт, [\[40\]](#) — просветил меня Скрипач. — А спать меня не тянет совершенно. Не на стене же торчать, в конце концов.

— Мог бы отдохнуть у бывшего сослуживца, — пожал плечами я.

— А тебя одного бросить? — глянул на меня Скрипач. — Нет уж, ты же пропадёшь без меня. Ни разу ведь раньше в кантонах бывать не приходилось, верно? — Я кивнул, признавая его очевидную правоту. — Вот, — протянул Скрипач, — а у нас дела делаются совсем не так, как за горами. И не важно, по какую их сторону смотреть.

Я не очень понял, с чего это Скрипач решил взять на себя ответственность за мою скромную персону, но спорить не стал. Сейчас никакая помощь лишней уж точно не будет.

Штадтфогт занимал крепкий особняк местной ратуши. У ворот дежурили стражники в тяжёлых кирасах и с алебардами. Они злобно глядели на всех из-под козырьков шлемов, а их командир придиричиво допрашивал каждого, желающего попасть к фогту.

— По какому делу? — спросил он у нас со Скрипачом, видно было, что этот вопрос он задаёт сегодня далеко не впервые.

— Разрешение покинуть город нужно, — честно ответил я.

— Двое крепких мужчин, — придиричиво оглядел нас со Скрипачом командир стражей, — вполне способных сражаться. И не стыдно вам бежать в такой тяжёлый момент?

— Я не собираюсь покидать город, — заявил Скрипач, — а мой товарищ очень спешит,

ему никак нельзя задерживаться.

— По какому такому делу он спешит? — продолжал допытываться командир стражей.

— Я — человек инквизитора Тосканы Лафрамбуаза, — заявил я, — у меня имеются бумаги, подтверждающие мои полномочия.

— Так здесь не Тоскана, — пожал плечами командир стражей, — и до Тосканы твоей так же далеко, как до Наварры.

— А при чём здесь Наварра? — удивился я.

— Да приходили тут до тебя двое, — ответил командир стражей, — тоже бумагами трясли. С королевской печатью Наварры. А толку-то? Господин шпадтфогт не велел никого к себе допускать, кроме господина начальника гарнизона и трёх старших чиновников магистрата. А больше никого, будь у него бумаги хоть от самого Святого престола, что Авиньонского, что Кастильского.

— Эти двое, что приходили до нас, — решил уточнить я, конечно, вряд ли из этого можно выудить хоть какую-то информацию, но всё же, — смотрю, они запомнились вам, не так ли?

Скрипач удивлённо глянул на меня, но промолчал, а командир стражей и рад был поболтать. Пост его был хоть и крайне важный, да только к фогту вряд ли рвалось так уж много народу, а болтать с собственными солдатами попросту не о чем. Да и на дисциплине сказывается не лучшим образом.

— Да уж, примечательные личности, — кивнул командир стражей. — Один здоровый, что твой тролль, и рожа у него соответствующая, как из камня вытесана. И ржёт, как конь, по поводу и без, раздражает это просто жуть. А второй заносчивый такой, сразу видно — знать, имён у него не счесть, и все кастильским отдают. Благородный дон, идальго, виконт... А глаза, ну чистый святой с иконы, даже не верится, что человек с такими глазами может наглецом быть.

Мы со Скрипачом переглянулись, и кивнули друг другу. Выходит, дон Бласко и Агирре тоже застряли в Лугано. В том, что описанные двое это именно кастилец с баском, ни у меня, ни у Скрипача сомнений не было. Вот только откуда у них бумаги с наваррскими печатями?

Тут явно что-то нечисто, а следующие слова командира стражей ещё подлили масла в огонь моих сомнений.

— Им ещё и для третьего требовалось разрешение, — продолжил он. — Мол, у них в гостинице лежит девица ни жива ни мертва, даже на то, чтобы её лекарь осмотрел, согласились.

— А что за гостиница? — тут же спросил я.

Не почувствовавший подвоха командир стражей тут же сообщил название.

— Что? — спросил он. — Никак знакомцы ваши?

— Очень даже может быть, — кивнул я.

— Так ведь и их к господину фогту не пустили.

— Всегда приятно встретить знакомых, не так ли, — бросил я, прежде чем кивком попрощаться с командиром стражей.

Та самая гостиница, где по словам командира стражей нашли приют дон Бласко и Агирре, наверное, была самой приличной в городе. Добротное двухэтажное здание, с островерхой крышей, крытой красной черепицей и скрипучим флюгером в виде пухлого амурчика. Картину несколько портили глубокие царапины, оставленные на двери и косяке

когтями разгуливавших ночью мертвецов и их ржавым оружием.

В главной зале за столами сидели не только постояльцы. Жители окрестных домов решили заглянуть в гостиницу, чтобы хорошенько промочить горло после кошмарной ночи. Зал, впрочем, был не слишком заполнен, где-то слышался даже стук костей — жизнь продолжалась, и одной ночи, вроде минувшей, явно недостаточно, чтобы заставить местный люд позабыть обо всём.

Дона Бласко и Агирре я заметил сразу. Они сидели за отдельным столиком, перед ними стояли несколько бутылок вина и стаканы. Видимо, мрачное настроение вполне оправдывало пьянство с самого утра. Тем более без закуски.

— Господа, — приветствовал их я, без особых церемоний садясь за их стол. Для этого пришлось подтащить стул от соседнего, но меня это ничуть не смутило, — не ожидал, что наши пути снова пересекутся. Какими судьбами?

— Хотел бы задать тот же вопрос вам, — взгляд дона Бласко потемнел от гнева.

— Мой путь лежит на север, — честно сказал я, — через перевалы в Шварцвальд.

— Лугано ближайший город, — пожал плечами дон Бласко, — как видите, его сложно миновать. Вина?

— Воздержусь, — покачал головой я, — трудная ночка выдалась. Пришлось её провести на улице.

— Да уж, не свезло, так не свезло, — фальши в улыбке Агирре, как будто только прибавилось. — Как же так вышло-то?

— В город я пришёл уже под вечер, и мне предложили в караулке заночевать, чтобы до гостиницы не тащиться в темноте. Вот и оказался в эту ночь без защиты.

— А сюда, значит, заглянул на огонёк, — сделал вывод Агирре, и хохотнул снова, обнажив крепкие зубы.

— Не совсем так, — покачал головой я, и добавил, немного понизив голос. — Девушка с вами?

— Ты это о чём? — округлил глаза Агирре, а дон Бласко под столом сжал пальцы на рукояти кинжала.

— Сам знаешь, о чём и о ком, — ответил я, не глядя на баска, взгляд мой был прикован к глазам дона Бласко — я видел, что он готов нанести удар в любой момент. — Ты же понимаешь, что вся эта чертовщина её рук дело?

— С чего бы? — приподнял бровь дон Бласко. — Врач осмотрел её и никаких симптомов чумы не обнаружил.

— Её колдовство иного происхождения, — сказал я, — никакого отношения к чуме не имеет. Она ведь лежит сейчас без сознания, скорее всего, в бреду, верно? Она переполнена силой, и сила эта рвётся наружу — каждую ночь будет приходить туман и мертвецы.

— Откуда такие глубокие познания? — спросил Агирре. — Может, ты и сам чернокнижник или некромант? Она ведь боится тебя, не раз повторяла твоё имя в бреду, и ещё что-то про господина какого-то...

Дону Бласко хватило одного быстрого и убийственного, будто удар кинжалом, взгляда, чтобы баск мгновенно заткнулся. Но он и так сболтнул лишнего — мне многое стало ясно из его слов.

— Не стоит бросаться такими словами здесь, — покачал головой я, — даже шёпотом.

— Чего тебе от нас надо? — напрямик спросил дон Бласко.

— Увидеть её, — ответил я. — Вполне возможно, я могу ей помочь.

— Нож в сердце воткнуть, — сказал, будто сплюнул кастилец, — знаем мы такую помощь.

— В глаза заглянуть, — возразил я, — помочь справиться с её силой. Со своей-то я как-то сладил, хотя это было очень непросто.

— Да что вообще с нею такое случилось? — теперь за словами дон Бласко стояла очевидная беспомощность. Он привык быть хозяином положения — тем, от чьих решений зависит не только его судьба, но и участь всех его спутников. Теперь же он лишился этого, и, оказавшись в непривычной для себя роли, растерялся, опустил руки. Хотя и продолжал показывать всем и каждому, что он и только он принимает решения.

— Девица ведь съела сердце того парнишки, — заявил я без малейших вопросительных интонаций в голосе, — и получила огромную силу. Она сейчас словно мех, в который налили слишком много вина, и оно хлещет изо всех дыр, даже самых мелких. Более того, давление разрывает её изнутри, расширяя дыры с каждой секундой.

— И что же такое этот мех?

— Всё, — коротко ответил я. — Её тело, душа, разум. Они могут не выдержать, потому что с каждым убитым ночью человеком сила её только растёт.

— И что будет, если она не выдержит?

— Не если, благородный дон, а когда, — безжалостно уточнил я. — Мертвецы не просто так встали ночью, чтобы убивать. Это гекатомба, знакомое слово? Маргарита Наваррская ведь привечает самых разносторонних личностей, не так ли? При её дворе это слово вполне можно услышать.

— Знакомо, — ещё сильнее помрачнел дон Бласко. — И что же будет, когда гекатомба свершится?

— Девица переродится и станет такой тварью, что господину Боккаччо и в кошмарном сне не приснится. Дикой, необузданной, и полностью безмозглой.

— Радужная картина, нечего сказать, — рискнул снова встрять неугомонный Агирре, но дон Бласко и в этот раз ожёг его красноречивым взглядом, и баск уткнулся в свой стакан с вином.

— А чем ты сможешь ей помочь?

— Усвоить эту силу, не дать ей разрушить разум девицы, выкинуть излишки так, чтобы мёртвые снова не встали из могил столетней давности.

— Откуда такие познания? — засомневался дон Бласко. — Де Бельзак видел в тебе больше, чем простого искателя приключений. Кто ты такой на самом деле, Рейнар?

— Тот, — ответил я, — кому нужно покинуть этот город и как можно скорее оказаться в Шварцвальде. И тот, кто по счастливой случайности, может помочь тебе, хотя при иных обстоятельствах ни за что не стал бы этого делать.

— Не думай, что я поверил тебе, — поднялся из-за стола дон Бласко, — но, похоже, выбора у меня нет. Но знай, мы с Агирре будем следить за каждым твоим жестом, и прикончим при первом же подозрении.

— Как будто без предупреждения не понятно было, — бросил в ответ я, поднимаясь вслед за ним.

В комнате ведьма была одна. Она лежала на кровати, заботливо укутанная в тёплое одеяло. На лоб ей для чего-то пристроили компресс. Наверное, сочли, что лишним не будет. Девица явно находилась далеко отсюда: она не металась в бреду, но по лицу её струился пот, а потом сами собой сжимались в кулаки, чтобы тут же снова безвольно разжаться, по телу то

и дело пробежали короткие судороги. Губы шептали слова на неизвестном мне языке, глаза были закрыты, но видно, что под веками они не знают покоя.

— Если хочешь подойти к ней, — предупредил дон Бласко, — то прежде сними оружейный пояс, и джеркин с жилетом — тоже.

Я подчинился — драться с этими двумя наваррскими головорезами у меня никакого желания не было. Они уже сумели по-тихому расправиться с капитаном Гальярди и его единственным солдатом, а это говорит о многом. В рассказанную доном Бласко байку о том, что последние бойцы особого отряда перебили друг друга под влиянием ведьмы, я не поверил. К тому же, зачем бы кастильцу — или наваррцу, кто ж его разберёт теперь — понадобилось три коня? Да, по всему выходило, что эта парочка — сообщники ведьмы, но у меня не было времени заниматься ещё и этим делом. А говорить с убитым и думающим только о покаянии де Бельзаком смысла не было — преподобный слишком ушёл в себя.

Оставшись в одной рубашке, я дождался разрешающего кивка дона Бласко и подошёл к кровати.

— Крест тоже лучше снять, — в спину бросил мне Агирре, но я не последовал его совету, лишь спрятал серебряное распятие под рубашку, хотя металл и начал ощутимо нагреваться.

Я склонился над ведьмой. Черты лица её заострились ещё сильнее, как бывает при долгой и мучительной болезни, загар почти выцвел, сменившись почти восковой бледностью. Скулы так заострились, что под ними уже проступали кости. Побелевшие губы шевелились без остановки, шепча слова на неизвестном языке.

Растянуть веки оказалось не таким простым делом — ведьма изо всех сил зажмурилась, как только мои пальцы коснулись её щёк. Но я приложил силу и открыл ей глаза, чтобы тут же заглянуть в них, и натуральным образом провалиться. Прямо как в глупых песенках не слишком одарённых бардов.

А вот по ту сторону ведьминых глаз царил настоящий ад. Окажись тут знаменитый флорентийский поэт, наверное, он совсем иначе описал бы преисподнюю в своей «Комедии». Багровое небо переливалось всеми оттенками этого цвета, причём исключительно неприятного свойства. Земля под ногами была высохшей и малейшие бугорки крошились под каблуками сапог. Вокруг, насколько хватало взгляда, тянулась ровная как стол равнина, а на одном из горизонтов возвышалась конструкция, напоминающая исполинских размеров трон, да ещё и вознесённый на десятки метров.

В своём воображении я снова был облачён в привычный джеркин, причём тот, в котором я рейдерствовал, и к которому привык, будто к собственной коже. Оружейный пояс оттягивали знакомый палаш с широким клинком и корзинчатой гардой и сумка с пулями. Конечно же, имелась и пороховница, и сам пистолет. Однако всё это оружие было лишь плодом моего воображения, что я отлично осознавал.

Точно так же воображаемым было и расстояние, отделяющее меня от монументальной конструкции. Оно показывало моё собственное нежелание приближаться к душе и разуму ведьмы, куда я столь опрометчиво нырнул. Но уж снявши голову, по волосам не плачут, и я сделал первый шаг. За ним последовали ровно два — и вот я уже у подножия величественной пирамиды. Говорят, такие стоят в Египте, и обитают в них истинные правители этой страны — не желающие расставаться с властью даже после смерти фараоны древности.

Ещё два шага понадобилось мне, чтобы подняться на вершину пирамиды, где на каменном троне уютно устроилась знакомая ведьма. Да, теперь она выглядела куда

эффектней: и загар вернулся во всей красе, и волосы черны, как ночь, и аккуратно уложены, и глаза и брови подведены чёрным, видимо, по египетской моде, и одеяние. Весьма легкомысленное, конечно, оставляющее очень много пространства для фантазии, но и не открывающее больше того, что позволяют нормы приличия. Конечно, не где-нибудь в империи, или Тевтонии, где шлюху могут камнями забить за открытое плечо или лодыжку, а для куда более вольной Италии — в самый раз.

— Не ожидала, что ты последуешь за мной, проклятый, — приятный голос ведьмы был полон такого величия, что хотелось пасть перед ней на колени, а ещё лучше ниц, распростёршись у её ног. — Думаешь, сумеешь справиться со мной? Здесь? Где я — царица? Где движения моих бровей будет достаточно, чтобы сокрушить тебя? Ты верно совсем глуп, проклятый. Или это проказа выела тебе последние мозги?

Сопротивляться её силе и в самом деле было удивительно тяжело. Она почти физически давила на плечи, прижимала к земле. Не распыляй ведьма большую часть её без толку, давно бы не оставила от моей воли и ошмётков, превратив меня в своего верного раба, готового в огонь шагнуть по одному движению брови.

— Я пришёл, чтобы образумить тебя, — ответил я. — Та сила, которой ты упиваешься, убивает тебя. Она разрушает твой разум и твою душу...

— Хватит! — повелительным жестом оборвала меня ведьма. — Не читай мне нотаций, проклятый. Я сама отлично знаю, что делать с обрётённой силой. Такая не снилась этим лысым скопцам, узурпировавшим власть над моей страной.

— Подумай сама, — вспыхнул я, — ты всего лишь съела сердце молодого парня, а получила столько силы! Думаешь, никто не делал этого прежде?

— Только не надо мне этих историй, проклятый! Ты ведь и сам играл с огнём, раз заполучил своё проклятье, а? Ты едва держишься на ногах, а ещё смеешь грозить мне, глупец. Да ты здесь стоишь только потому, что мне интересно поглядеть на тебя поближе. Погляди, сколько слуг готовы встать на мою защиту!

Она повела рукой, указывая вниз. Я глянул туда. Теперь всё пространство равнины до горизонтов занимали отлично знакомые мне по предыдущей ночи высохшие костяки воинов в ржавых доспехах. Среди них мелькали твари и поопасней, скребущие длинными когтями рассыпающуюся землю. Выйди такие будущей ночью в город — и гекатомба точно закончится. Вряд ли кто-нибудь переживёт её даже в каменных домах с крепкими дверьми и ставнями на окнах. С таким упырём отряд опытных *matamuerτος* не всегда может справиться, и никогда не обходится без потерь.

— И это слабейшие из моих слуг, — продолжила ведьма, — расходный материал. А как тебе такие?

Новый взмах руки и по обе стороны трона появились два крылатых демона, словно собранных из костей. Причём не только человеческих. Вместо перепонки в крыльях клубилась сероватая мгла, а глаза были чернее ночи, без единого проблеска разума. Идеальные убийцы. Я встречал упоминание подобных в книгах, читанных в Пассиньяно, появление их сопровождалось невероятными жертвами, а о том, как монстров удалось уничтожить, говорилось как-то подозрительно туманно.

— Всего лишь сердце одного бесполезного юнца, — рассмеялась ведьма, — лишь одно сердце дало мне такую невероятную силу! А свершив гекатомбу в этом жалком городишке, я...

У неё не нашлось слов, чтобы выразить охватившие её эмоции. Девушка рассмеялась, и

смех этот был вовсе не весёлым и беззаботным. Он буквально швырнул меня на колени, пригнул голову.

— Приведите его ко мне, — велела ведьма двум демонам. — Я выпью его до дна, раз уж он имел глупость явиться.

Я ощутил костяные пальцы на своих плечах. Демоны подняли меня, словно безвольную куклу, и подтащили ближе к трону ведьмы. Девица склонилась надо мной, длинным пальцем с остро отточенным ногтем приподняла мой подбородок. На лице её застыло брезгливое выражение, видно было, что прикосновение ко мне вызывало в ней отвращение.

Наши взгляды встретились во второй раз — и ведьма принялась тянуть из меня силу. Ту, что вложил проклятый слуга ещё более проклятого господина. Тогда, в мой последний рейд. Она чёрным потоком истекала из меня, из глаз, изо рта потянулись чёрные нити, быстро переплетающиеся между собой, становясь толще. Вот они уже стали похожи на змей, свивающихся в толстые косы, теряющиеся где-то в волосах ведьмы. Она не замечала в них мелких искорок гнилостно-жёлтого цвета. Это и было моё проклятье. Главное оружие, на которое я полагался в схватке с ведьмой.

Она долго не чувствовала его разрушительного действия, слишком уж слабым и незначительным оно казалось ведьме. Пока не стало слишком поздно. Она закричала от боли. Не знаю уж, что чувствовала ведьма, но её выгнуло дугой, а после та же сила швырнула её словно безвольную куклу на колени прямо передо мной. Костлявые пальцы демонов, сжимавшие мои плечи, отпустили меня. Я не стал оглядываться, но был уверен — исчезли и сами демоны. Весь мир вокруг нас стремительно выцветал, терял краски, становился всё менее и менее реальным. Ведьму колотили судороги, но я знал — сейчас разрывать контакта нельзя. Мы должны продолжать глядеть друг другу в глаза, покуда моё проклятье окончательно не уничтожит всю силу ведьмы, не выжжет её досуха, не оставив ни капли.

Очередной толчок швырнул ведьму прочь от меня, но я успел поймать её затылок, крепко сдавив голову девицы пальцами. Она дёргалась, будто в пляске святого Витта, ^[41] лицо её стремительно меняло выражения, голова тряслась, но я держал крепко. Ведь отлично понимал — сейчас только от этого зависит моя жизнь.

Пропала равнина под кроваво-красными небесами, исчезла пирамида вместе с величественным тронem. Теперь мы с ведьмой стояли на коленях посреди великого ничто. Разум девицы, развёрнутый полученной силой, умирал, лишившись её. Вот ведьма дёрнулась в последний раз и начала безвольно заваливаться вбок. У неё не было больше ни глаз, ни век — лишь два бездонных чёрных отверстия, откуда на меня смотрела пустота.

Я поспешил отпустить её, давая выжженному изнутри телу упасть, и закрыл глаза...

...чтобы тут же открыть их снова.

Я без сил повалился на дощатый пол комнаты, где на кровати лежало тело ведьмы. Разум её умер, и тело незамедлительно последовало за ним. Но и у меня сил не было ни на что. Теперь жизнь моя зависела лишь от того, как быстро поймут, что я натворил, дон Бласко и Агирре. Ну и, конечно же, от расторопности Скрипача сотоварищи.

Дон Бласко первым шагнул к постели ведьмы. Та лежала такая спокойная, с таким умиротворённым выражением на лице, что и не понять сразу — спит ли или всё же мертва. А кастильцу хотелось верить в лучшее. Он поднёс к её губам клинок кинжала, как раз когда я нашёл в себе силы, чтобы начать подниматься.

Я не успел даже за кровать взяться, как дон Бласко быстрым ударом ноги отправил меня обратно на пол. По лицу моему потекла кровь.

— Cabron! — крикнул он, обрушивая сапог на мои рёбра. — Ni jo de puta!^[42]

Он занёс ногу для нового удара. Я вскинул руки, чтобы закрыть лицо, на большее меня в этот момент не хватило бы точно. Но тут дверь распахнулась, запиравший её засов со стуком упал на пол. В комнату ворвались несколько дюжих парней в форменных накидках городской стражи. Вели их Скрипач и его приятель — сержант арбалетчиков.

В комнате как-то сразу стало очень тесно.

— Стоять! — громогласно рявкнул Скрипач. — Никому не шевелиться! Стрелу пущу!

И для пущего эффекта повёл из стороны в сторону взведённым арбалетом. И дон Бласко, и Агирре отлично знали, на что способна его Виолина. Геройствовать не стал ни один из них. Дон Бласко кинул себе под ноги кинжал, а следом они с баском избавились и от оружейных поясов.

— Вот так-то лучше, — одобрительно произнёс сержант арбалетчиков. — Бойцы, вяжите этих двоих.

Стражи тут же взялись за дело, да так ретиво, что едва не наступили на меня. Благо растолкавший всех Скрипач помог мне встать. На ногах я держался ещё не слишком уверенно, и идти мог лишь с помощью Скрипача и его знакомого сержанта арбалетчиков.

— Ты уж извини, — сказал мне тот, — но тебя тоже велено под замок посадить. До выяснения.

— Это ничего, — покачал головой я. — Хотя бы выплюсь у вас в каталажке.

Я был уверен, что следующая ночь в Лугано будет абсолютно спокойной.

Глава 15

Чокнутые с Сен-Готарда

— А и силён же ты спать, приятель, — сунулся ко мне один из Чокнутых. — Ни разу не видал, чтобы человек столько проспать сумел.

— Поспишь с тобой, — лениво ругнулся на него я, и хотел было перевернуться на другой бок, чтобы солнечный лучик, пробившийся через дырку в тележном пологе, не светил в глаза. Однако Чокнутый явно не собирался так вот просто отставать от меня.

— Эй-эй, — принялся он тормозить меня, — хватит спать — всю жизнь проспишь же!

— Ну чего ты так расшумелся, а?

Я понял, что в покое меня точно не оставят, и сел. Потянулся, хрустнув суставами. За время путешествия до Сен-Готарда я редко покидал телегу Чокнутых, проводя во сне большую часть дней и ночей. Хотя тех дней с ночами было всего ничего.

В первый раз мы заночевали на перевале Сен-Готард, в том самом форте Чокнутых, о котором так красочно рассказывал командир охранявшей переправу заставы. Там по случаю прибытия смены закатали настоящую пирушку и гуляли до самого утра. Я же не стал задерживаться. Не то, чтобы не хотелось выпить в не самой дурной компании, но время поджимало всё сильнее. Даже сюда успели просочиться кое-какие новости из Шварцвальда. И были эти новости крайне неприятными для меня.

— Бесчинствует там какая-то банда не то ландскнехтов, не то рейтар, не то просто разбойников, — рассказывал замогильным голосом основательно подпивший командир форта, единственный, кто, кроме здешнего алхимика, никогда не покидал перевала. — Их командира мало кто видел, но знакомые знакомых, как обычно, рассказывают про него жуткие вещи. Мол, своего лица у него нет, а вместо него — маска, да не простая, а сшитая из человеческой кожи. И меняет он её регулярно, за что его и прозвали Кожаным лицом.

— Не знаю, какое там у кого лицо, — отмахнулся один из самых молодых среди Чокнутых, — а видал я командира тех наёмников, что вильдграфу служат. Помнишь, ты, командир, наш разъезд в дикие земли отправлял, дорогу до Базеля разведать? Так мы ж тогда малость дальше сунулись, вот и видали его.

— И каков же он из себя? — спросил я, подставляя и так не слишком опустевшую кружку под винную струю. Раз уж обходит нас мальчишка, из тех, что отираются в форте, зарабатывая мелкими услугами, вроде вина налить, так отчего же мне выделяться. Парнишка сунул нос в мою кружку, увидел, что вина в ней ещё полно и лишь плеснул туда для вида, тут же отправившись к другим, более страждущим хмельного.

— Да сын это вильдграфа, вот что, — хлопнул своей кружкой об стол Чокнутый. — Он с шгадтафогтом Базельским и с епископом, конешное дело, встречался, подтверждал, что его люди за Рейн ни ногой, что, мол, старинные договорённости между вильдграфом и городом остаются в силе.

— А сам-то ты его видал? — поинтересовался у него командир.

— Я ж говорил, — обиделся парень, — они целую церемонию из этого устроили. На площади перед новенькой ратушей. Бумаги подписывали, печатями там скрепляли — всё как положено.

— И бездушные были? — уточнил я.

— Так с ними мы почитай бок о бок возвращались! — сделав хороший глоток из

кружки, воскликнул разгорячившийся Чокнутый. — Они ж после этого из-под Базеля ушли, всё чин по чину, и вернулись к Сен-Готарду, Люцерн стеречь.

— Что верно, то верно, — подтвердил его слова командир форта, — народу на заставе бездушных крепко прибавилось.

Вторую ночь провели в окрестностях Люцерна. Обезлюдивший во время чумы город не стал городом скорби, однако и возвращать его себе никто из владык пока не собирался. Ни у одного из кантонов не было сил и средств, чтобы сделать это в одиночку, а когда, по словам командира Чокнутых, пару раз освободить Люцерн от бродящих по нему мертвецов собирались сразу несколько владык, то всё заканчивалось переговорами о статусе города. Ни у кого не было желания класть своих людей за чужие интересы.

Фактории рядом с Люцерном не было никогда — город хоть и богатый, но вывезли из него всё достаточно быстро, а потому рейдеры потеряли к нему интерес почти сразу. Ни один мертвец не выбрался из города, да и просто у дорог никто из опасных тварей не попадался — Чокнутые, патрулировавшие вместе с бездушными, истребляли их споро и безжалостно.

Я лишь с довольно большого расстояния поглядел на цель путешествия отряда преподобного де Бельзака. Внушительная крепость монастыря Фраумюнстер, стоявшего на окраине мёртвого города, темнела на фоне затянутого снежными тучами неба. Суровые обитатели обители не пожелали покидать её даже когда город опустел из-за чумы и над ними нависла тень голода. Каким-то чудом они сумели выжить в самые суровые годы, а после провиант начали возить в монастырь из нескольких кантонских городов. Легенды о стойкости и почти святости монашек Фраумюнстера давно уже разошлись по всей округе.

Пустую повозку, которую на обратном пути загрузят продовольствием для Чокнутых с Сен-Готарда, охранял внушительный эскорт из десятка всадников, вооружённых кроме палашей ещё и лёгкими, но удобными арбалетами. Кроме того, не раз пути отряда пересекались с разъездами рыцарей Ордена Бездушных. Чёрные всадники с белыми крестами на доспехах вежливо здоровались с Чокнутыми, перебрасывались последними новостями, интересовались здоровьем общих знакомых и родственников. Ведь многие бездушные были родом из этих мест, а кое-кто прежде чем уйти в орден и вовсе охранял перевал.

Бездушным я без повода на глаза старался не попадаться. Не хотелось вызывать лишних подозрений с их стороны. И так на заставе по ту сторону Сен-Готарда меня едва не задержали. Мои бумаги с подписью Лафрамбуаза на командуящего заставой седовласого рыцаря не произвели никакого впечатления.

— Тоскана далеко, — пожал плечами он, видимо, здесь обо всех местах, находящихся за линией горизонта принято так говорить, — а с тобой мне тут разбираться.

Помогло вмешательство командира Чокнутых. Тот сообщил, что у меня самые лучшие рекомендации от штадтфогта Лугано.

— Это за какие такие заслуги ты их получил? — глянул мне в глаза рыцарь, и я понял, что отвечать надо прямо и ни в коем случае не юлить. Прикончат на месте, несмотря ни на какие бумаги и рекомендации.

Выспаться в каталажке мне не дали. Кажется, едва я устроился на жёстких досках нар, как в двери заскрипели ключи и меня подняли на ноги. Обращались, правда, не как с заключённым, но и без особых церемоний. Спрашивать, куда меня ведут, я не стал — ни на

что это не повлияет, а нарваться на грубую шутку со стороны конвоиров желания не было.

Привели меня в допросную камеру, где и без того яблоку негде упасть было. За складным столиком в углу примостился писарь, скрипевший пером. Дон Бласко сидел на стуле у стены, а рядом был растянут на дыбе Агирре. Понятно, никто титулованного дворянина, да ещё и подданного другого королевства пытаться не станет — кантонам не с руки наживать себе врагов в Наварре, а вот баску повезло куда меньше. Судя по отметинам, его уже основательно обработали плетьюми, а сейчас палач только ждал команды, чтобы повернуть ворот дыбы. Команду ему должен был отдать кто-то из важных господ, расположившихся в противоположном углу, ближе к двери. Первый был, скорее всего, командиром гарнизона Лугано, тем самым Габелером, об этом говорило хотя бы его полувоенного покроя дворянское платье и длинный меч на поясе. Второй же, наверное, никто иной как здешний правитель — штаттфогт, чьего имени я не знал. Полный, краснолицый дядька с довольно приятными чертами лица и мягким голосом. Как раз, когда я вошёл, он велел палачу продолжать.

Тот незамедлительно прокрутил ворот своего жуткого устройства. Заскрипели канаты, валы провернулись, казалось бы, всего ничего, но растянутый на дыбе Агирре закричал. Страшно закричал — это был не человеческий крик, такие издают животные, когда им чудовищно больно. Никакого разума — одна только боль.

— Крепкий орешек ваш приятель, благородный дон, — произнёс Габелер, — однако вы отлично понимаете, что он скоро заговорит. И не такие орешки мы тут раскалывали.

— Погодите, — поднял унизанную перстнями руку фогт, — к нам, наконец, привели третьего.

— Тем лучше, — кивнул, оборачиваясь ко мне, Габелер, — вы готовы свидетельствовать?

По всей видимости, ему надоело наблюдать за пытками, и он решил сразу взять быка за рога.

— Я покину вас, господа, — поднялся со своего стула штаттфогт, — слишком много дел в городе, чтобы тратить время на этих преступников. Известь, знаете ли, на исходе, и это далеко не самая большая проблема.

Он вежливо попрощался с командиром гарнизона и вышел из камеры.

— Мог бы и вовсе не приходить, если так занят, — пожал плечами Габелер, и снова обернулся ко мне. Повторять вопроса не стал, просто ждал моего ответа.

— Готов, — кивнул я, и чинивший перо писец тут же склонился над бумагами.

Габелер махнул мне рукой, давая понять, что я могу начинать рассказывать.

— Эти два человека были в составе отряда, конвоировавшего пленённую ведьму во Фраумюнстер...

Я быстро и максимально сжато пересказал историю с ведьмой, умолчав, правда, о том, как именно сам я присоединился к отряду. Судя по мрачной усмешке, появившейся на лице внимательно слушавшего меня дона Бласко, ему теперь было что добавить к сказанному мной. Вот только слово против слова — это всё, что у него остаётся, а кто поверит ему теперь. Тело ведьмы ведь совершенно точно осмотрели местные священники, и следов колдовской силы в ней было хоть отбавляй, так что обвинения в ереси и пособничестве колдовству дону Бласко не избежать. А тогда от дыбы и огня его уже не спасут ни титул, ни положение подданного другого государства. Ересь — всегда ересь, за неё горят на кострах.

Именно для этого и нужно моё свидетельство, раз Агирре оказался столь крепким

орешком, что быстро разгрызть его местным палачам не удалось.

— ...Тогда я договорился со Скрипачом, что он отправится к своему знакомому из городской стражи, и как только в комнате, куда меня отведут эти двое, начнётся шум, они ворвутся туда вместе с солдатами этого самого знакомого.

— Сержант арбалетчиков оказался несколько предусмотрительней, — зачем-то пустился в объяснения, наверное, чтобы ещё немного на дона Бласко надавить, Габелер. — Он первым делом отправился к капитану, а тот — ко мне. Это я распорядился выделить пятерых бойцов для задержания.

— Я одного только понять не могу, — добавил он секунду спустя, — как тебе удалось одолеть ведьму, которая весь город ночью чуть на тот свет не отправила?

Хороший вопрос — командир гарнизона явно очень хотел знать ответ на него, и от этого ответа зависит моя жизнь. Я запросто могу оказаться на соседнем столбе с доном Бласко и Агирре. Ответ у меня был готов, вот только он придётся совсем не по душе Габелеру.

— Меня осматривали священники, — сказал я. — Вы вместе с ними видели мои татуировки и мои бумаги.

— Да плевать на бумаги, — отрезал командир гарнизона. — Я должен знать, что за сила в тебе.

— Это не мой секрет и не мне его раскрывать, — покачал головой я, зная, что слова мои лишь сильнее разозлят Габелера. — Я лишь могу посоветовать вам отправить запрос прелату Лафрамбуазу в Лукку, если он сочтёт приемлемым, то сам расскажет обо всём.

— Ишь ты, смиренный какой, ну чисто бенедиктинец, — вспыхнул командир гарнизона, однако быстро унял свой гнев.

Он глянул на дона Бласко, но тот старался сохранить невозмутимое выражение на лице. На несколько секунд в допросной воцарилась почти тишина, которую нарушал лишь скрип писарского пера да зубов растянутого на дыбе Агирре.

— А чего это баск замолчал? — с притворным удивлением обернулся к палачу Габелер. — Проверни-ка ворот.

— Суставы могут не выдержать, — предупредил палач, но командир гарнизона отмахнулся от его слов.

— У такого-то быка? Да у него жилы толще канатов на твоей дыбе. А ну-ка давай сразу на два зубца.

Агирре взвыл, проклиная, наверное, про себя длинный язык палача.

— Вам стоит начать говорить, благородный дон, — обратил свой гнев на кастильца Габелер. — Слов этого человека вполне хватит, чтобы вы заняли место своего приятеля на дыбе!

Всё же, командир гарнизона был тот ещё ловкач. Он пытал Агирре намеренно, ему вовсе не нужно было признание баска. Так он давил на дона Бласко, давая тому почувствовать чужие страдания, чтобы он как можно лучше понял, что его ждёт.

Да только не на того напал. Дон Бласко был не по зубам ему, равно как Агирре оказался не по зубам палачу.

— Меня обвинят в ереси на основании слов этого человека? — быстро спросил кастилец, и Габелер кивнул в ответ, загоня самого себя в ловушку, а что ещё хуже, загоня в неё и меня. — Тогда я требую суда Божьего!

Мне неудержимо захотелось рассмеяться. Габелер оказался крупным идиотом, дав дону

Бласко так вот запросто манипулировать собой. А ведь ещё минуту назад он чувствовал себя хозяином положения.

— Но он же низкого происхождения, — попытался уцепиться за соломинку Габелер, чем окончательно утопил меня.

— И потому не имеет права отказаться от поединка, — срезал его дон Бласко.

— Похоже, — глянул на меня каким-то почти беспомощным взглядом Габелер, — у нас нет выбора.

И тут растянутый на дыбе Агирре расхохотался. Да так, что у меня кровь в жилах застыла.

Островерхие крыши Базеля снег скрыл плотно, хотя по моим прикидкам зима вроде ещё не наступила. Но снегу на это было наплевать — он пошёл и укрыл землю белой пеленой. За Чёртовым мостом колёса телеги сменили санными полозьями, и мы куда быстрее заскользили по дороге.

Стража у городских ворот Базеля явно отлично знала Чокнутых, приехавших за провиантом, а потому проверяли одного меня. Снова, как обычно, наплевав на все бумаги, меня мытарили, пока не вступился командир отряда.

— Хватит уже! — вспылil он. — Или ты считаешь, капрал, что с нами мог несколько дней заразитель ехать? Или ещё какая погань? Тогда уж и нас проверяй по полной, да священника из самого Святого Петра, и никак иначе! А ещё лучше из Базельмюнстера![\[43\]](#)

— Да ну не горячись ты так, — хлопнул ладонью по столу капрал. — Положено ведь, вот и проверяем.

— Вам тут на воротах делать нечего, вот что я тебе скажу, — отрезал командир Чокнутых. — Мааетесь со скуки, да честным людям мешааете, вместо того, чтобы дело делать.

— А вот это ты зря, — протянул капрал, — зря, говорю, напраслину на нас возводишь. Мы может и за стены не лазим, что верно, то верно, да только и по эту сторону дел неупорот. Знаешь, сколько всякой швали прёт из Шварцвальда. Там же такие порядки сейчас, что многие хотят ноги унести, и среди этих беженцев попадаются очень даже неприятные типы.

— Ворюга, поди, карманник, — попытался отшутиться командир Чокнутых, — ну, ладно-ладно, домушник, верно? С клеймом и всем чем положено. А вы, стало быть, бдительность проявили и в город его не пустили.

— Не вор, — мрачно ответил капрал, — а самый натуральный осквернитель. Не на моих воротах то было, врать не стану, но взяли осквернителя. Ты понимаешь, что началось бы, попади он в город?

— И чего это стоило страже? — уточнил растерявший всю дурную весёлость Чокнутый.

— Да почти всех на тех воротах, — ответил капрал, — но они задержали тварь достаточно надолго. Против десятка мушкетёров и пятерых алебардчиков он уже не сдюжил, да и у ворот его изрядно потрепали.

Осквернитель был одним из самых неприятных видов чумных тварей. Если заразителil получались из людей никчемных, завидующих всем вокруг, мечтающих отомстить миру за все обиды, нанесённые им, как реальные, так, по большей части, мнимые, то осквернители были совсем из другой породы. Говорили, что это высшая форма нечистых, вроде тиранов, те, кто запросто мог стать некромантом, но вместо этого впустил себе в жилы чернила добровольно, чтобы нести чуму по миру, увеличивая собственные силы. А уж сил этих

осквернителям было не занимать. Они куда сильнее и быстрее обычных людей, и прикончить осквернителя в схватке один на один сможет разве что очень опытный боец. Так что разбираться с ними предпочитали отрядами, причём желательно, чтобы солдаты были вооружены огнестрельным оружием, чтобы не подпускать осквернителя слишком близко. И тяжёлые алебарды лишними не будут, чтобы превратить тело твари в отдельные куски исходящего кровью и чернилами мяса.

— Дела, — протянул командир Чокнутых. — И что же такое в Шварцвальде творится, а?

— Главное, что они к нам не суются больше, — отмахнулся капрал, — а то ведь с месяц по казармам жили, жёнок с детьми только на праздники в церкви и видали. Покуда не заявила к нам делегация от вильдграфа во главе с сынком его. И после этого всё как рукой сняло — тишь да гладь по всей границе. Если и лезут его люди в кантоны, то далеко отсюда.

Я хотел было расспросить капрала о церемонии и делегации из Шварцвальда, раз уж представилась такая возможность, но тому надоело рассказывать, и он решил сам позадавать вопросы.

— Говорят, в Лугано чертовщина какая-то была, — заявил он, — а после неё суд Божий. Ты ж с той стороны едешь, может, знаешь чего?

— Да ты же чуть не сгноил у себя участника этого самого суда, — воскликнул Чокнутый. — Ты думаешь, как он вообще к нам попал-то.

Капрал так внимательно уставился на меня, что не нужно было никаких слов. Он желал услышать всю историю из первых уст. Ну, и его солдаты тоже.

Снег сыпал с самого утра, а потому суд всё не начинался. На улице сильно похолодало, зима вступала в свои права, стремительно тесня позднюю осень и не желая мириться с числами и даже месяцем на календаре. Я кутался в тёплый плащ с меховым воротником, стараясь запасти как можно больше тепла. Ведь драться придётся в рубашке и рейтузах, никакого доспеха и ничего, что мешает и сковывает движения. Таковы правила суда Божьего. Те, кто решил рискнуть, может положиться только на своё умение и холодную сталь, ну и конечно, на Господа. Ведь он решает, кто прав.

Наконец, снег перестал, и слуги как можно скорее утоптали для нас площадку. Надо будет пройти по ней перед началом схватки. Думаю, и дон Бласко поступит также. Никому не хочется погибнуть из-за камушка или неровности, нечаянно попавшейся под ногу в самый ответственный момент.

Не было ни труб, ни герольдов, нас с доном Бласко просто пригласили пройти на площадку. Каждого из нас сопровождали двое солдат, скорее, для проформы, потому что такова традиция. Однако за доном Бласко на всякий случай приглядывали и те, кто несли наше оружие, держались от него подальше.

Суд Божий проходил во внутреннем дворе гарнизона. Собственно, тюрьма Лугано, где мы сидели, и где пытали Агирре, находилась тут же. Нас просто вывели из подземелья, где мы коротали время до поединка в камерах. О том, чтобы отпустить меня, у Габелера, по всей видимости, и мысли не возникло.

Кроме штадтфогта и командира гарнизона тут же присутствовали и несколько священников не последнего сана. Конечно же, кому же свидетельствовать суд Божий, как не его первым слугам.

Мы с доном Бласко разошлись в разные стороны невеликой площадки, и солдаты

протянули нам оружие. Кастилец выбрал себе длинный, тяжёлый меч — оружие пары ударов, он явно рассчитывал покончить со мной очень быстро. Я же взял из оружейной привычный мне палаш, правда, этот оказался отменного качества — лёгкий, удобный, с ажурной, но отлично защищающей ладонь гардой. Очень надеюсь, что мне оставят его после суда. Если, конечно, я его переживу.

— В сей день и час, — пробасил священник, — благородный идалго, дон Бласко Манрике де Лара, виконт Паредес, вызывает на суд Божий обвинившего в богохульстве и потворстве наичернейшему колдовству Рейнара — человека низкого происхождения, честного слугу Авиньонской церкви.

Не самое худшее представление, какое мне приходилось слышать в свой адрес. А ведь насчёт дона Бласко я не ошибся. Он был куда титулованней, нежели хотел показаться. Спесь ведь просто так и под дерюгой не скроешь, а актёрским талантом его Господь явно обделил.

— Начинайте! — махнул нам Габелер.

Однако мы не спешили кидаться друг на друга. Для начала мы начали кружить по площадке, проверяя её ногами. Мороз уже начал ощутимо кусать меня за кожу, тепла много накопить под плащом не удалось, но я старался не обращать на него внимания. Сейчас мой взгляд был прикован к глазам усталого святого, которыми смотрел на мир дон Бласко.

Он атаковал первым. Быстрый взмах тяжёлого меча — клинок сверкнул на ярком солнце будто молния. Будь у меня хоть немного хуже оружие, быть мне покойником. Но я успел принять удар на сильную часть клинка. Боль отдалась в предплечье, стрельнула в плечо, так силён был выпад, но я не обратил на неё внимания. Я тут же контратаковал. Дон Бласко вынужден был отскочить на полшага, разрывая дистанцию, лёгкий клинок палаша лишь на волос разминулся с его лицом. Он не остался в долгу, рубанув от души, с плеча, как будто верхом сражался. Парировать столь мощный удар тяжёлого меча было попросту глупо, и я отпрыгнул вправо, чтобы помешать противнику сразу нанести новый удар.

Однако дон Бласко был куда лучшим фехтовальщиком, нежели я думал о нём. Оголовок рукоятки врезалось мне в зубы — рот мгновенно наполнился кровью. Зубы затрещали от удара, очень надеюсь, что он не все их мне выбил. Я не успел ни парировать, ни уклониться от следующего выпада. Спасло лишь небольшое расстояние между нами. Дон Бласко не смог как следует размахнуться и резанул меня по плечу. Я упал на колени, чувствуя, как по груди обильно стекает кровь. Дон Бласко совершенно не рыцарским пинком в лицо отправил меня на снег. Я растянулся во весь рост, закашлялся от наполнившей рот крови.

Крутанув меч, чтобы уж точно прикончить меня, дон Бласко рубанул меня сверху вниз. В последний момент я успел перекатиться — клинок его меча на полпяди ушёл в плотно утрамбованный снег, и звякнул о камни внутреннего двора гарнизона, скрывавшиеся под ним. Я же, не вставая, полоснул его коротким, но заточенным до бритвенной остроты ножом по ноге. Метил в ахиллесово сухожилие, но попал выше, почти по всей длине располозовав ему икру.

Дон Бласко закричал, а после принялся ругаться, да так, как совсем уж не пристало благородному идалго, и виконту в придачу. Я же, как можно скорее вскочил на ноги, оказавшись у него за спиной и коротко рубанул его палашом. Как оказалось, недостаточно быстро. Молниеносным движением дон Бласко сумел забросить меч за спину клинком вниз, парировав мой удар, и тут же хитро провернулся, попытавшись нанизать меня на его остриё. Вот только из-за раны, ноги его двигались не так стремительно, как ему бы хотелось. Я сумел уклониться и снова полоснул его ножом, на сей раз по лицу.

Длинная алая полоса перечертила правую щёку дона Бласко, бровь и дошла до середины лба. Он прижал к лицу левую руку, однако не забылся от боли и попытался отмахнуться от меня, перекрестив воздух перед собой клинком меча. Я легко отбил оба этих удара и сделал просто классический, как в фехтовальной школе учат, выпад. Дон Бласко не увидел, но скорее чутьём, присущим всякому хорошему бойцу, ощутил моё движение, вот только среагировать уже не успел. Клинок палаша на треть вошёл ему в грудь. Я с хрустом провернул оружие в ране и выдернул.

Дон Бласко покачнулся, руки его опустились, меч выпал из обессиленных пальцев. Он постоял пару мгновений, ещё пытаясь бороться за жизнь, но проиграл, и рухнул на стремительно краснеющий снег.

— Суд Божий свершился, — торжественно произнёс священник, — дон Бласко Манрике де Лара, виконт Паредес, признан виновным перед лицом Господа.

Мост через Рейн был можно сказать величественным сооружением. Конечно, на первый взгляд — ничего особенного он из себя не представлял, но стоило сопровождавшему меня командиру Чокнутых поведать его историю, как я изменил своё мнение.

— Это тебе не Чёртов мост, под который взрывчатки напихал побольше, да следи, чтобы не отсырела, — сообщил он мне. — Здесь конструкция! Видишь быки какой формы? — Он указал мне на поддерживающие мост столбы, которые на мой взгляд ничем не отличались от других, но я, конечно же, кивнул, как будто понял, что он имеет в виду. — Там установлены машины, которые мост поднять могут на высоту примерно полсотни футов — никакая, даже самая шустрая тварь так высоко не запрыгнет.

— Разве только для этого предусмотрен этот механизм? — удивился я.

— Нет, конечно, — кивнул командир Чокнутых, — ещё и для того, чтобы речные суда пропускать. За хорошую плату, разумеется. Куда надёжней всех этих примитивных цепей и прочих штук в том же духе, верно?

Я согласился — к чему спорить с очевидным.

— Но и это ещё не всё, — с энтузиазмом продолжал Чокнутый. — Шварцвальдский мост — просто произведение инженерного искусства, иначе не скажешь, ей-богу. Мост не только поднимается, его самый сложный механизм, разработанный едва ли не самим Леонардо да Винчи, слышал о таком?

— Доводилось, — кивнул я, кто же не слышал о гениальном учёном на службе семейства Медичи, что владеют Флоренцией и окружающими город землями.

— Так вот, мостовой механизм позволяет не только поднимать среднюю секцию, но и разводить мост, отгораживая этот берег от противоположного.

— Зачем такие сложности? — удивился я. — Не достаточно только поднимать?

— Угол подъёма секций оказался слишком острым, и суда не могут проходить под мостом, поэтому инженерам, работавшим по проекту да Винчи, пришлось прямо при строительстве совершенствовать его конструкцию. Говорят, что сам Леонардо был на открытии моста, и когда показывали обе функции, был впечатлён тем, что кто-то превзошёл его.

— А кто был этот инженер, который сумел внести изменения в чертежи да Винчи?

— Чёрт его знает, — пожал плечами Чокнутый. — Никогда не задумывался над этим.

— Я понимаю, ты долго ещё можешь про этот мост рассказывать, — сказал я ему, — но времени у меня не слишком много. Ещё на той стороне душу мотать начнут, а мне до вечера

надо до первых постоянных дворов в Шварцвальде добраться. Так что будь здоров, спасибо за компанию.

Я поправил заплечный мешок, подтянул оружейный пояс, который оттягивали взятый для суда Божьего в Лугано палаш и шестопёр, прежде принадлежавший капитану Гальярди, и обернулся к командиру Чокнутых.

Тот протянул мне руку, и я крепко пожал её.

— А ведь ты мне совсем не понравился на первый взгляд, — сообщил он мне на прощание.

Высокий, отчаянно рыжий парень в разномастной одежде кричащих цветов, под которой позвякивала кольчуга, глядел на меня, конечно, не с открытой неприязнью, скорее оценивающе. И тот, кого он видел, ему совсем не нравился.

— Навязали, значит, тебя на нашу голову, — без обиняков заявил он. — Оружия у тебя порядком, а владеть всем умеешь?

Мне вручили и палаш, которым я дрался на суде Божьем вместе с кинжалом, вернули шестопёр, а к ним добавили тяжёлый меч покойного дона Бласко. Не думал, что на ордалии распространяется право трофея. Да и оружие-то мы выбирали в гарнизоне, а значит принадлежит оно городу. Однако отдавший мне его молодой солдатик сослался на приказ Габелера и явно обратно в оружейную ничего тащить не собирался. Я закрепил длинный и непривычно тяжёлый меч за спиной, так что хоть нести будет немного сподручней.

— Вроде того, — пожал плечами я. — Мечом махать не раз приходилось.

— Так то махать, — ответил рыжий, — а мне надо, чтобы владеть.

— И владеть — тоже, — кивнул я.

— Что — тоже?

— Приходилось.

— Да иди ты к чёрту, — сплюнул раздосадованный парень и махнул мне. — Давай за мной.

Вышло несколько двусмысленно, но я не стал указывать ему на это.

— Мы — Чокнутые, — по дороге к небольшому обозу из пары телег сообщил мне рыжий. — Нас так зовут потому, что никто в здравом уме раньше не стал бы ездить между городами кантонов. Да только как ни крути, а надо было делать это.

— А я думал, это как-то связано с постом у Чёртова моста на Сен-Готарде, — заявил я.

— Смотрю, ты много о нас знаешь, — глянул на меня через плечо рыжий. — Да и с этим тоже. Думаешь, нормальные согласятся сидеть почитай что на бочке с порохом, да ещё и с зажжённым фитилём в руках?

— Лихо у вас всё устроено, — уважительно кивнул я.

— Да уж как есть, — кивнул рыжий. — Так и живём.

Отряд, сопровождавший телеги, был одет примерно так же кричаще, отчего бойцы его смахивали на банду ландскнехтов перед битвой. Да и вели себя Чокнутые соответственно.

— Ты глянь, кого нам навязали, — толкнул один другого локтем.

— Да ладно тебе, это ж воин — сразу видать, — ответил тот, кого ткнули, — сколько оружия на себя нацепил.

Вид у меня, наверное, и в самом деле был несколько комичный. Обычно так представляют себе людей, ничего не смыслящих в настоящем деле, а потому считающих, что чем больше у тебя оружия — тем лучше. А это верно далеко не всегда.

— Вы что же, не узнали его или ослепли, — встрял третий. Обсуждали меня совершенно спокойно, как будто и не стоял я прямо перед Чокнутыми. — Это ж победитель ордалии. Я сам видел, как он того кастильца прикончил!

— А что, и правда он? — спросил первый, глянув на приятеля, которого только что локтем в бок толкал. Тот в ответ лишь пожал плечами.

— Я ж там не был, — сказал он. — Только командира нашего во внутренний двор пустили. Мы в это время в гарнизоне торчали, а из окна не больно-то насмотришься. Ничего толком не разобрать.

— Ладно, — махнул всем рукой рыжий. — Хватит трепаться, в дорогу пора.

— Где мне вещи кинуть? — спросил у него я.

— А вон телега, — указал он. — Там и ящики удобные и солома мягкая, да и ход у неё поплавнее будет.

Я не почувствовал подвоха, и устроился в указанной телеге. Только на вечернем привале мне объяснили, что в ней везут какую-то новую взрывчатку для алхимика на Чёртовом мосту. Потому и соломы там больше и телега с более плавным ходом. Но мне было откровенно всё равно, что в ящиках, на которых я сплю. И если суждено мне погибнуть, то смерть от взрыва ничем не хуже и не лучше другой. Мой фатализм Чокнутым понравился, и меня с первого же вечера приняли в свою компанию.

А вот теперь пришла пора расставаться. Меня до моста провожал всё тот же рыжий Чокнутый, остальные готовили обоз в обратный путь или же просто разбрелись по местным кабакам, чтобы отвести душу за несколько дней опасного путешествия. И вот что интересно, я ведь провёл с ними в дороге эти несколько дней, нам не выпало даже сражаться вместе, а на душе было тяжело. Как будто от старых друзей ухожу. Ни уход тевтона, ни исчезновение вора не вызвали и тени похожих эмоций, а ведь с ними я, как ни крути, а не один пуд соли съел. Воистину, чужая душа — потёмки, раз уж в собственной порой разобраться не получается толком.

— Ну, бывай, — сказал мне рыжий Чокнутый. — Не знаю, что тебе нужно в Шварцвальде, но желаю удачи. И все наши желают.

Он на прощание ещё раз крепко стиснул мои пальцы, я ответил ему тем же.

— И вам удачи, Чокнутые, — ответил я.

— Да ты теперь такой же, как мы.

Я только кивнул в ответ — зачем спорить с очевидным — и решительно развернувшись, зашагал по мосту через Рейн. Впереди отчётливо виднелись стены небольшого деревянного форта на той стороне реки, а за ним лежала цель моего, в общем-то недолгого, но оказавшегося весьма трудным, путешествия. Шварцвальд.

Однако я отчего-то был уверен, что самое сложное у меня впереди — и всё ещё только начинается.

Глава 16

По ту сторону Рубикона

Кроме духовных книг в Пассиньяно я читал и вполне светскую литературу, благо библиотека в обители обширнейшая, а запасы свободного времени у меня в пору моего заключения в монастыре были просто неисчерпаемы. Тогда-то я прочёл и пару томов из «Комментариев к Галльской войне» Цезаря, и труды Плутарха со Светонием о самом великом полководце античности. Моим Рубиконом стал величественный Рейн, который я перешёл по Шварцвальдскому мосту.

Противоположную сторону его охранял небольшой деревянный форт, вроде того, что встретил нас со Скрипачом на берегу Люцернского озера. Не ожидая подвоха, я вошёл в него, и тут же оказался в окружении далеко не самых приятных личностей. Все они явно были наёмниками не самого лучшего пошиба. Одежда хотя и была некогда вполне приличной, но сильно истрепалась, доспехи, в которых щеголяла пара офицеров, тоже пребывали не в лучшем состоянии, равно как и оружие. Но хуже всего были их откровенно алчные взгляды, которыми они окидывали меня. Словно оценивали, как бы получше разделаться со мной и поделить принадлежавшее мне добро.

— Смотрю, ты грозный воин, — обратился ко мне один из офицеров, — сколько оружия на себя нацепил.

— Погодите, минуту, — осадил его второй офицер, выглядевший несколько приличней. — У вас, дорогой гость, за спиной приторочен кампеадорский меч, не так ли? Разрешите на него взглянуть.

— Только без резких движений, — добавил первый, — у нас тут люди нервные на заставе. В Шварцвальде одному дьяволу известно что творится, так что если будете дёргаться, в вас могут и пулю пустить.

Он как бы невзначай махнул рукой, указывая наверх, где на единственной невысокой башенке форта пристроился стрелок с дымящейся фитилём аркебузой. Серьёзный аргумент, чтобы не творить глупостей, но я и так не собирался — мне вполне хватало десятка ландскнехтов, окруживших меня не слишком тесным кольцом.

Я снял со спины ножны с трофейным мечом, отданным мне после ордалии с доном Бласко, для этого пришлось поставить вещевой мешок под ноги, но так удобней будет драться в случае чего. Офицер кивнул одному из ландскнехтов и тот взял у меня оружие.

— Так и есть, — кивнул офицер, вынув меч из ножен всего-то на ладонь, — клеймо наваррское. Вы тот самый кампеадор, который должен был приехать с ведьмой?

В голосе его сквозило откровенное сомнение, и попытайся я солгать, точно получил бы пулю или полфута холодной стали в спину. Меньше всего я походил на одного из наваррских кампеадоров — любимых рыцарей королевы Марго. Конечно, среди них попадаются и уроженцы других земель, а не только невеликого приморского королевства, однако отчего-то мне казалось, что дона Бласко тут знали едва ли не в лицо. И играть с людьми на заставе бесполезно.

— Ведьма мертва, как и сопровождавший её кампеадор, — ответил я. — Он не прошёл ордалии в Базеле, и из-за этого ведьму отправили во Фраумюнстер. Думаю, тамошние суровые монашки быстро найдут на неё управу.

— Похоже на правду, — покивал офицер, — очень похоже, но откуда у тебя тогда меч

кампеадора?

— Его похоронили по рыцарскому обычаю, с оружием, — на ходу принялся сочинять я. — Всё же он был благородный и титулованный человек. Я же служил ему верой и правдой. После гибели господина я забрал его меч, чтобы продолжить его дело, как он завещал мне перед ордалией. Меч должен послужить доказательством на той стороне Рейна, так сказал он мне.

Я лгал вдохновенно, на меня накатило, как бывало ещё в детстве, когда я пытался выкручиваться после особенно наглых каверз, поплатиться за которые мог очень и очень дорого. И, похоже, как и в детстве, у меня получилось. Да, неверие офицеров победить мне не удалось, а уж простым ландскнехтам и вовсе плевать было на мои слова — они лишь как псы ждали команды: рвать, чтобы накинуться на меня. Однако в целом мне показалось, что пока этот приказ отдавать им не собираются. Мне удалось заинтересовать офицеров, по крайней мере, того, кто держал меч дона Бласко, и не думая о том, чтобы вернуть его мне.

— Снег может пойти в любой момент, — заявил вдруг первый офицер, — хватит уже тут торчать без толку. В казарму, парни, пускай господин Ханнсегюнтер сам с этим пришлым болтает.

Он махнул рукой ландскнехтам и те, недовольно ворча, отчего снова напомнили мне свору собак, убрались следом за ним в длинный, деревянный барак. Лишь караульный на башне остался присматривать за нами.

— И в самом деле, нечего торчать тут на холоде, — кивнул мне офицер, которого представили как Ханнсегюнтера, — идёте со мной. В тепле и за стаканом вина говорить куда приятней.

— Откуда столько доброты к первому встречному? — поинтересовался я, нарочито долго возясь с лямками вещевого мешка.

Их и в самом деле надо было перетянуть, чтобы он нормально сел на спину после того как я отдал меч дона Бласко.

— Я ждал здесь только кампеадора и ведьму, которую он должен был привести с собой, — ответил Ханнсегюнтер. — И теперь хотел бы узнать все подробности путешествия из первых рук. Вы ведь были с кампеадором с самого начала?

— Не совсем, — покачал головой я. — Я сменил его прежнего слугу-баска, который погиб в окрестностях города скорби, прежде называвшегося Милан.

— И кто же ты тогда? — глянул на меня с новым подозрением Ханнсегюнтер.

Я снова принялся откровенно, но вдохновенно лгать. А что мне ещё оставалось?

— Я был бойцом особого отряда капитана Гальярди, однако судьба вечного охотника на нежить мне не по душе. Вот только выбора мне никто не оставил, как и всем в отряде *matamtuertos*. А кампеадор предложил мне лучшую судьбу — вот я и принял его щедрое предложение.

Мы вошли в небольшой, сложенный из тех же брёвен, что и форт с казармами, домик. Внутри оказалось хорошо натоплено, в печке потрескивали дрова, а на столе уже стояла еда. В углу замер высокий, немолодой человек, скорее всего, слуга Ханнсегюнтера, и пускай никакого оружия он на виду не держал, однако я был уверен, что этот седоволосый явно в недавнем прошлом тянул солдатскую лямку. Да не просто тянул, а был на очень хорошем счету. Таких людей сразу видно, в какую бы одежду их ни обрядили.

Слуга быстро оценил обстановку и принялся вынимать из сундука второй столовый прибор — для меня. При этом он ничего не уточнил у Ханнсегюнтера, как будто понимал

того без слов.

Мы уселись за стол, и слуга тут же налил нам обоим вина, лишь сделав пару глотков, Ханнсегюнтер кивнул мне и бросил:

— Продолжай.

— Нас накрыли в Лугано, — решил я щедро разбавить полуправдой свою ложь, — там ведьма вышла из-под контроля. В городе начало твориться чёрт знает что, и следы привели к нам. Унести вовремя ноги мы не успели. Баска прикончили, ведьму с кампеадором схватили, а меня выкинули в окно во время схватки, так чудом жив остался. За ночь сугроб под стеной намело, вот в него и упал, ну и удрал как можно скорее, пока не разобрались. Ведьму с сильным отрядом отправили во Фраумюнстер, а кампеадор решил вызвать за неё на ордалию воина церкви. Да только тот оказался лучше него, и отправил кампеадора на тот свет. Ну, а дальше вы уже слышали всё.

Закончив говорить, я принялся за еду. Не то чтобы был так уж голоден, но когда ещё доведётся поесть приличной еды. С самого Чёртова моста питались походной кашей, которую варил кашевар Чокнутых, в ней полоски вяленого мяса встречались не особенно часто.

— Поедешь со мной во Фрейбург, — сообщил мне Ханнсегюнтер, — расскажешь там всё вильдграфу.

— С какой ещё стати? — удивился я, отрываясь от еды.

— Ну, для начала, потому что я так сказал, — бросил тот. — Меня вильдграф отправил сюда, чтобы проводить ведьму и кампеадора к нему в замок. Вот ты ему и расскажешь свою историю, а он уже решит твою судьбу.

— Отлично, — отложил я вилку. — Я, значит, пришёл сам, рассказал всё, а теперь ещё и мою судьбу решать будут. Просто слов нет, как замечательно!

Я заметил, как неувовимо напрягся слуга Ханнсегюнтера, готовый ответить на любую агрессию с моей стороны. Да и сам офицер наёмников был готов ко всему. Именно поэтому я ограничился лишь словами.

— А ты думал, что сам будешь решать свою судьбу? — снисходительно бросил мне Ханнсегюнтер, — это всегда делали за тебя, пора бы уже и привыкнуть. Через час мы выезжаем.

— Один раз, — как бы сам себе вполголоса сказал я, чтобы поддержать свою ложь, — сделал выбор. И, похоже, он оказался неверным.

— А вот это, — поднялся из-за стола офицер ландскнехтов, — не тебе решать теперь.

Час ушёл у слуги на то, чтобы быстро собрать вещи Ханнсегюнтера в тот самый большой сундук, откуда он прежде вынимал для меня столовые приборы. Слуга был удивительно проворен для своих отнюдь не юных лет, и управлялся с немногочисленным гардеробом и личными вещами Ханнсегюнтера довольно быстро. Пока он заполнял сундук, мы закончили трапезу и теперь сидели у огня, будто добрые друзья, нечаянно встретившиеся в этом богом забытом форте.

Крайне обманчивое впечатление. Мы не разговаривали, лишь потягивали вино из стаканов, да то и дело обменивались откровенно оценивающими взглядами. Я пытался составить мнение о Ханнсегюнтере, и пришёл к выводу, что первое впечатление о нём было всё же неверным. Он не был военным, не был наёмником, скорее, вельможей, в силу обстоятельств одевшим доспехи. Такие не бывают выслужившимися из ландскнехтов или обычных рыцарей, все его манеры — речь, поведение, жесты — говорили о том, что передо

мною титулованный дворянин. Может быть и небогатый, зато компенсирующий недостаток золота в карманах избытком спеси.

И тот факт, что ландскнехты слушались его, пускай и с неохотой, говорил о многом. Та братия, что окружила меня, стоило мне только шагнуть к ним в форт, понимала лишь один язык — язык силы, а значит, за Ханнсегюнтером стоит немалая сила.

— Прикидываешь, кто перед тобой, — произнёс Ханнсегюнтер, — пытаешься оценить меня, верно? Взвесить, счесть, измерить. Хочешь понять, как вести себя со мной?

Слуга вышел из домика, чтобы вымыть посуду или найти того, кто сделает это, что скорее, и мы остались одни у потрескивающей печки.

— Не без того, — кивнул я, наливая и себе и ему ещё вина. — Это ведь никогда не рано начинать делать.

— И каковы выводы? — поинтересовался он, делая глоток вина.

— Их ещё слишком рано делать, — покачал головой я.

Тут вернулся слуга, и принялся складывать в сундук последние столовые приборы. Пара глиняных стаканов его не заинтересовали, скорее всего, они попросту не были собственностью его господина.

— Что с каретой? — спросил у него Ханнсегюнтер.

— Готова, — ответил слуга. — Эскорт ждёт.

— Тогда чего же мы ждём? — обратился ко мне с риторическим вопросом Ханнсегюнтер. — Идёмте.

Мы вышли из домика, а слуга с помощью пары ландскнехтов поздравнее выволок следом сундук и принялся грузить его на задок крепкой дорожной кареты, запряжённой парой вороных. Вокруг неё и в самом деле уже выстроился эскорт Ханнсегюнтера, одного взгляда на этих всадников было достаточно, чтобы понять: за ним стоит очень большая сила.

Мне всадники эскорта не понравились совершенно. Все они были нечистыми, и не скрывали этого. Бледные лица и обведённые чёрными кругами выцветшие глаза выдавали их с головой, но никто не обращал на это ни малейшего внимания. Они носили длинные зачернённые кольчуги с рукавами, тяжёлые мечи и кинжалы оттягивали их наборные пояса. Вся одежда и доспехи их были чёрными, а потому серебряная фибула в виде пронзённого кинжалом черепа особенно ярко выделялась. Эмблема чёрных полков короля Венгрии — не знаю уж, были это гусары или драгуны, я в них не разбираюсь, но в том, что никто в своём уме не станет надевать на себя мундиры и эмблемы венгерской гвардии, я уверен на все сто.

— Теперь ты можешь быть уверен, что до Фрейбурга мы доберёмся без проблем, — кивнул мне Ханнсегюнтер. — Со мной тут предпочитают не связываться.

— От тебя вообще лучше подальше держаться, господин Ханнсегюнтер, — бросил подошедший командир ландскнехтов. — Ты, наконец, решил покинуть мой форт? Надеюсь, теперь надолго.

— Слухи о старике не подтвердились, — пожал плечами тот. — Не буду же я торчать тут и ждать школяра до второго пришествия.

Они слишком свободно разговаривали в моём присутствии — и это многое сказало мне. Я уже не жилец. Что бы ни говорил сейчас Ханнсегюнтер, моя судьба уже решена. Живым мне из замка вильдграфа Гильдерика уже не выйти. Ну да, я не особенно и рассчитывал на иной исход. Вряд ли у нынешних хозяев Шварцвальда могли быть иные планы на человека вроде меня, что бы я ни наговорил. Вся моя вдохновенная ложь помогла пережить лишь первую встречу. Я сумел заинтересовать этого вот загадочного господина Ханнсегюнтера —

и то хорошо. Дальше как обычно буду действовать по обстоятельствам.

Не став утруждаться прощанием, Ханнсегюнтер забрался в карету и махнул мне рукой, чтобы следовал за ним. Я не стал задерживаться. Первым делом кинул под ноги вещевой мешок, а после уселся напротив Ханнсегюнтера. Тот стукнул по крыше кареты костяшками пальцев, и спустя несколько секунд экипаж двинулся с места.

Я глядел в окошко на плавно проплывающий мимо форт, на открывшиеся со скрипом ворота, на частокол, прикрывающий деревянные стены. Дорожная карета Ханнсегюнтера оказалась удивительно хорошим экипажем — ухабы и выбоины на дороге, которых, уверен, хватало — почти не чувствовались, настолько мягкими были рессоры. Лошади шли размеренной рысью, рядом скакали всадники эскорта, позвякивая в такт конскому шагу доспехами. Всё было удивительно спокойно и размеренно, как будто я не угодил в самое натуральное осиное гнездо.

Пока это скорее напоминало око бури — невероятно спокойное место посреди кошмарного урагана. Сделай шаг в сторону, и тебя закрутит, завертит, разорвёт на куски, так что и памяти не останется.

— А я ведь знаю, кто ты такой, Рейнар, — обратился ко мне Ханнсегюнтер. — Потому и не попросил тебя представиться в ответ, хотя ты и знал моё имя.

— Думал, тебе просто наплевать кто я такой, — пожал плечами я.

— Не будь на тебе печати Господина, так оно и было бы, — согласился Ханнсегюнтер. — Кому интересен очередной бродяга, которому просто не повезло угодить в Шварцвальд? Не окажись меня в форте, ландскнехты прикончили бы тебя за крепкие башмаки и хорошую одежду. Я не говорю уже о твоём оружии.

— Выходит, мне повезло, — не слишком весело пошутил я. — Что ж, я признателен, что ты оказался в столь нужном для меня месте, господин Ханнсегюнтер.

— Не паясничай, Рейнар, тебе не идёт, — отмахнулся тот.

Я лишь плечами пожал в ответ. Ханнсегюнтер хотел было сказать что-то ещё, но тут карета вдруг начала замедлять ход, откуда-то спереди раздались громкие голоса. Понять, что именно говорят, было невозможно, но препирательство шло на повышенных тонах.

Это быстро надоело Ханнсегюнтеру, и он высунулся из кареты, чтобы своими глазами увидеть, что происходит.

— Господин! — тут же донёсся до нас голос. — Господин, это всего лишь я, ваш верный слуга — школяр! Велите этому чёрному невеже убрать плеть, покуда он не натворил глупостей!

— Пусть подойдёт, — бросил своим людям Ханнсегюнтер, — но если у тебя нет нужных мне сведений, школяр, то я велю крепко отделать тебя плетью, чтобы ты не беспокоил меня без надобности.

— Нет-нет, — подбежал к карете невысокий человек в невообразимой хламиде и легкомысленной школярской шапочке с выцветшей кисточкой. — Господин, вести у меня самые приятные вашему слуху. Вы велите не батогами гнать верного вашего школяра. Нет-нет, вы скажете — отсыпать ему золотых флоринов за его вести. Никак не меньше двух десятков.

— Ты утомляешь меня, школяр, — оборвал его излишняя Ханнсегюнтер. — Давай уже к делу. Тем более что ты опоздал, а болтать с тобой среди дороги у меня нет ни малейшего желания.

— Прощу заметить, не я опоздал, но вы покинули условленное место на день раньше...

— Мне надоело.

Этих двух слов школяру вполне хватило, чтобы вмиг позабыть о словоблудии.

— Старик в деревне, что в двух днях пути отсюда, и я могу гарантию дать, что он — тот, кто вам нужен.

— Гарантию? — приподнял бровь Ханнсегюнтер. — Ты хоть знаешь, что означает это слово?

— Обижаете, господин, — похоже, долго говорить нормально школяр просто не умел, — меня же не зря прозвали школяром. Я получил образование...

— Мне плевать на твоё образование, — оборвал его Ханнсегюнтер. — Ты начинаешь меня утомлять.

— Но это точно тот, кто вам нужен, господин, — зачастил школяр. — Он подходит по возрасту, явно не привык к простой одежде, а главное, говорит очень уж грамотно. Не жуёт слова, как принято у крестьян, да и у городских — тоже. Тем и привлёк к себе внимание.

— Выдай этому пройдохе пять флоринов, Альфред, — велел сидевшему на козлах слуге Ханнсегюнтер.

— Но эта информация стоит намного больше! — возопил школяр.

— Ещё пять получишь, когда проводишь троих гусар в деревню, чтобы они забрали оттуда старика.

— Но он мог и уйти оттуда, — попытался приводить доводы школяр.

— Значит, ты лишишься и этих пяти, — вернулся в карету Ханнсегюнтер и захлопнул дверцу, обрывая разговор.

Не прошло и пары минут, как карета покатила дальше.

— Потеряли кого-то очень важного? — поинтересовался я.

— Возможно, сегодня мне дважды улыбнулась удача, — загадочно ответил он.

Мы без происшествий добрались до постоянного двора. Тот сильно напоминал форт деревянными стенами с частоколом и крепкими воротами. Только башни с аркебузиром не хватало. Но оно и понятно — в таких местах, как Шварцвальд, без надёжной обороны никуда. Места тут дикие и надо быть совершенно отчаянным человеком, чтобы держать здесь постоянный двор.

По дороге Ханнсегюнтер не пытался вести разговоры о своём Господине, да и о чём бы то ни было вообще. Мы провели остаток времени в пути в полном молчании, и я даже задремал ненадолго, хотя спать сидя в карете — то ещё удовольствие.

На постоялом дворе почти никого не было. Лишь коротали время до утра пара путешественников, чьи лошади стояли на конюшне. Они проводили нашу пёструю и довольно многочисленную компанию равнодушными взглядами и вернулись к своим оловянным кружкам с подогретым вином.

— Альфред, — велел Ханнсегюнтер слуге, — узнай у хозяина этого постоянного двора, умеет ли он правильно готовить глинтвейн и сам продегустирую первую порцию. Если она окажется достаточно хороша для меня, вели сварить побольше. Мы задержимся тут до утра. Также распорядись насчёт лучшей комнаты для меня, и о моих гусарах не забудь. Еда, вино, глинтвейн для господина Рейнара и ещё для одного гостя, которого мы ждём.

— Всё будет исполнено, — кивнул Альфред и направился к стойке, где его уже ждал хозяин постоянного двора.

Мы заняли стол у окна, поближе к жарко горящему камину. Рядом расположились гусары. Ханнсегюнтер, прежде чем сесть на стул, придирчиво оглядел его, будто решая,

достойн ли тот принять его благородный зад. Однако видимо пришёл к вполне логичному выводу, что выбора всё равно нет и сел-таки.

— И кого же мы ждём ещё? — спросил я, присаживаясь без каких-либо церемоний и не слишком вежливо пристраивая локти перед собой.

— Думаю, ты заметил, что гусар в моём эскорте несколько поубавилось, — сказал Ханнсегюнтер. — Скоро они вернутся с человеком, о котором говорил школяр, и всё встанет на свои места. А пока у нас есть время перекусить с дороги, прежде чем вести важные разговоры.

— И вы станете вести их прямо здесь? — притворно удивился я.

— Нет, конечно, — отмахнулся Ханнсегюнтер. — В общей зале, конечно же, ни о каких серьёзных разговорах речи идти не может. Но, думаю, ждать моих гусар недолго.

Так оно и оказалось. Не успели мы как следует причаститься отменным глинтвейном, который замечательно согревал, и жарким с овощами, как двери постоянного двора распахнулись и внутрь вошли трое гусар, сопровождающих высокого старика. Он и в самом деле привлекал к себе внимание. Крестьянская одежда сидела на нём как на корове седло, а точнее, как тягловая упряжь на боевом мерине. Он не привык гнуть прямую спину, не привык опускать взгляда, не привык быть униженным. Его лицо было слишком чистым и не загорелым для человека, который по идее много времени проводит под открытым небом. Отросшие волосы и борода его всё ещё носили следы недавнего ухода, и прежде их подравнивали явно не ножом или ножницами для стрижки овец.

— Пускай еды и глинтвейн принесут в мою комнату, — велел Ханнсегюнтер, тут же поднимаясь из-за стола. — Проводите туда же этого человека, — бросил он гусарам.

Я последовал за ним наверх. Слуга Альфред шагал перед нами, показывая дорогу к уже, без сомнения, подготовленной для Ханнсегюнтера лучшей комнате этого постоянного двора. Позади нас топали сапогами гусары, сопровождающие высокого старика. У меня были определённые подозрения насчёт него, однако я был уверен, что предстоящая беседа расставит все точки над i.

Так оно и вышло. Мы расселись в просторной комнате, где ещё пятерым, кроме нас, не тесно было бы. Гусары поспешили покинуть её, чтобы присоединиться к шумной компании своих товарищей. Альфред же удалился проследить за подавальщицами и проконтролировать лично качество еды и вина для нас. Конечно же, те порции, что остались на столах, будут им с гневом отвергнуты.

— Ну что ж, — первым нарушил повисшее в комнате на несколько секунд молчание Ханнсегюнтер, — ваше сиятельство, позвольте представить вам Рейнара. Он человек низкого происхождения, но, безусловно, будет полезен нам.

— С каких пор наши интересы вдруг стали совпадать? — ожёг его гневным взглядом вильдграф Гильдерик фон Шварцвальд.

Его портрет показывал мне Лафрамбуаз, но и без этого легко было догадаться, кто этот человек, который так заинтересовал Ханнсегюнтера. Да и не только его, если судить по словам офицера ландскнехтов на заставе у моста через Рейн.

— С тех самых, когда вы покинули родной замок и Фрейбург, и отправились по феоду в крестьянском платье. Вы ведь искали поддержки у простых рыцарей и дворян, которым не по душе то, что творится в Шварцвальде. Точнее то, что творит здесь ваш сын со своей бандой ландскнехтов.

— Это никоим образом не делает меня союзником Венгрии, граф, — отмахнулся

Гильдерик фон Шварцвальд. — Я не принял вашего предложения прежде, откажусь и нынче.

— Даже если я пообещаю вам вернуть феода под вашу власть? — приподнял бровь Ханнсегюнтер, оказавшийся, как я и думал, титулованной особой.

— Чтобы стать слугой Владислава Кана, короля Венгрии, Сербии, Трансильвании, Далмации et cetera, et cetera? Увольте, граф, я не желаю служить чужим монархам. Я давал присягу, как вильдграф Священной Римской империи, и изменять его величеству Константину Второму не намерен. Люди моего рода дают присягу лишь раз в жизни и никогда не отрекаются от неё!

— Меньше пафоса, ваше сиятельство, — поморщился граф Ханнсегюнтер. — Я полностью уверен в вашей верности авиньонскому престолу. Но ведь мой король не враг вашему императору, несмотря ни на что. Примите моё предложение, и это вовсе не будет изменой.

— Может быть, для вас — нет, но в моих глазах, а значит, и в глазах Господа нашего, это будет именно изменой!

— Ну что же, — пожал плечами венгерский граф, — в таком случае, мне придётся поступить дурно с вами, ваше сиятельство. И обратиться за помощью к этому человеку низкого происхождения.

Вот интересно, всех благородных господ так и тянет макнуть меня мордой в грязь, при любом удобном случае указывая на моё происхождение? Или это свойственно лишь особенно заносчивым? А может, я на них так дурно влияю одним своим присутствием в их кругу, что им хочется тыкать мне в нос моим происхождением, чтобы самоутвердиться в глазах друг у друга?

— И каким же образом я могу помочь сиятельным господам? — поинтересовался я, стараясь говорить как можно нейтральнее. Однако, похоже, Ханнсегюнтер уловил тень издёвки в моём голосе, да только виду не подал.

— Тем, кто сейчас правит во Фрейбурге от имени графа Гильдерика, — ничуть не смущаясь присутствия самого графа, заявил Ханнсегюнтер, — нужен он сам. Они ведь не могут всё время ссылаться на его болезнь. По Шварцвальду уже и без того ползут дурные слухи, которые, конечно же, играют совсем не на руку сидящим во Фрейбурге господам, не так ли, ваше сиятельство? Они ведь даже не могут вас мёртвым объявить, чтобы посадить на ваше место вашего сына.

Конечно, Гильдерик ведь вильдграф, а это не наследный титул. Чтобы подтвердить его, сыну Гильдерика придётся ехать в Авиньон и представлять перед самым теократом, а делать этого тем, кто реально правит сейчас Шварцвальдом, вовсе не хотелось. Видимо, в этом и заключалась моя миссия — если в Авиньоне в ближайшее время объявится наследник вильдграфа, церковь должна быть в курсе того, что происходит в его лене, и стоит ли вручать этому самому наследнику бразды правления, подтверждая титул. Вроде не самое сложное задание, однако кроется за ним некое двойное дно. Не зря же тут объявился этот венгерский граф со свитой из чёрных гусар.

— А мне, стало быть, придётся стать вашим глашатаем, — кивнул я. — Не самая завидная роль. Одного цыгана, помнится, сначала собаками затравили, а после без особых церемоний на дереве вздёгнули, а ведь он тоже был всего лишь глашатаем.

— Так ведь у тебя особого выбора нет, — покачал головой Ханнсегюнтер. — Ты в моих руках, и в моей воле, не забывай об этом. Ты можешь быть страшен слугам Господина, но не мне и не моим гусарам. Каким бы ты ни был бойцом, а они сумеют пустить тебя на колбасу,

как говорят у меня на родине.

— Смешно, — неожиданно вмешался вильдграф. — Я так стремился к этому титулу, столько глоток пришлось порвать за него, а что теперь? Мою судьбу решают вшивый венгр и какой-то авантюрист без роду и племени.

— Надо было лучше воспитывать сына, ваше сиятельство, — резко бросил ему Ханнсегюнтер, явно задетый словами про вшивого венгра. Теперь он хотя бы отчасти должен понять, каково мне, когда всюду тычут в нос низким происхождением.

— Не могу с вами не согласиться, — пожал плечами старый вильдграф, — и сейчас очень дорого плачу за свои ошибки. Я отправил его воевать, думал, проветрит голову, образумится, а то ведь только и знал, что во Фрейбурге девок портить. Я был не лучше в его годы, что уж говорить, но война поставила мне голову на место.

— А вашему сыну повезло меньше, — ехидно добавил Ханнсегюнтер, явно желавший отыграться за «вшивого венгра».

— Меньше, — снова не стал спорить Гильдерик фон Шварцвальд. — Если я вернулся с войны жестоким человеком, то он там превратился в настоящее чудовище. Я несколько не преувеличиваю, поверьте мне, даже вы, граф, не знаете моего сына. Он куролесил по моему феоде со своими приятелями по банде ландскнехтов и довёл селян до того, что они его чуть не прикончили. Говорили потом, что он вломился на свадьбу со своими людьми и потребовал *primaе postis*.^[44] Ему не посмели отказать, но он такое натворил, что утром его вместе с людьми попросту подпалили в том же доме, где они спать завалились. Конечно же, пьяные вдрабадан.

— Это что же такое надо было учудить, чтобы крестьяне после спалить решили, — развёл руками слегка ошеломлённый исповедью вильдграфа Ханнсегюнтер.

— Здесь Шварцвальд, граф, — почти с презрением бросил в ответ Гильдерик, — и люди тут такие, что радуются трём вещам: когда есть что пожрать, когда их никто не трогает и когда беда у соседа. Я не хочу пересказывать вам всех слухов и сплетен о том, что же натворил мой сын на той свадьбе, но могу сказать — он мог сделать всё, что приписывают ему.

— Но он пережил поджог, — произнёс я, подталкивая замолчавшего вильдграфа, — не так ли?

— Его страшно изуродовало пламенем, но да, он остался жив, — кивнул тот. — Мой сын отличался воистину бычьим здоровьем. Я был убит горем. Каким бы чудовищем он ни был, но это был мой сын.

— И тогда вы совершили ещё одну ошибку, — с презрением бросил Ханнсегюнтер. — Самую большую глупость в своей жизни, не так ли?

— Возможно, — плечи вильдграфа лишь слегка дёрнулись, исповедь оставила его совершенно без сил, — но если у вас есть дети, то вы должны меня понять. Я отец, и я любил своего сына, каким бы он ни был. И да, я совершил ошибку, но ведь она сама нашла меня.

— Кто? — не удержался я от вопроса.

Оба графа глянули на меня, но совершенно по-разному. Взгляд Ханнсегюнтера был полон презрения, но на дне глаз его плескалась осторожность. Да, меня уже списали со всех счетов, но делать меня обладателем слишком уж ценной, по мнению венгерского графа, информации, он вовсе не горел желанием. Гильдерик же посмотрел на меня с усталым и тупым равнодушием полного бессилия. Такой взгляд я видел как-то раз у рудничной лошади на каторге. День за днём она таскала вагонетки с углём — туда-сюда, туда-сюда — и даже у

каторжан во взгляде было больше жизни, чем у несчастной животины.

— Она, как и все женщины этого народа, назвалась Гитана, а при ней был здоровяк в роскошных доспехах и шлеме с глухим забралом. Он не произнёс ни единого слова. Девушка же звала его Баум. Она предложила мне помощь, сказала, что мой сын может быть и не станет прежним, но будет жить. И я согласился, конечно же, согласился. А как бы поступил на моём месте любой отец? Третий пришёл позднее. Первые двое ушли из моего замка, когда пришёл он. Чумной Доктор. Он и вправду вернул моего сына к жизни, заменил изуродованное в пламени лицо новым, из человеческой кожи, и велел ему менять его раз в несколько дней, а ещё умащивать жиром и кровью.

— Если прежде ваш сын был чудовищем, то кем же стал после? — снова решил подлить масло в огонь Ханнсегюнтер.

— Нет, наверное, ни в одном языке слова, чтобы описать то, кем он стал. Он клеймит избранных ублюдков, отбирая их в свою гвардию не по смелости, а по жестокости. Он разъезжает по городам и весям, и уже никто не смеет даже головы поднять при его появлении. Но самое страшное, он перестал слушать меня. Сила теперь на его стороне, а точнее на стороне Чумного Доктора, так и оставшегося жить в моём замке.

— А как же человек, который приезжал от вашего имени в Базель? — спросил я.

Его встречали там не только фогт, но епископ, а уж они-то не стали бы иметь никаких дел с человеком, чьё лицо закрывает маска из человеческой кожи.

— Это наёмник по кличке Деточка — один из последних, кто приехал с моим сыном. Обходительный и вежливый, явно из дворян, может быть даже титулованных. Но жестокости в нём хватит на десяток человек.

— Довольно уже воспоминаний, — хлопнул себя по коленям Ханнсегюнтер. Да уж, вильдграф сейчас выложил буквально всё, что мне было нужно. Имей я сейчас возможность, со всех ног рванул бы обратно в Луку с докладом Лафрамбуазу. Вот только что-то мне подсказывало, сделать это я сумею очень нескоро. Если мне вообще представится такая возможность. — Рейнар, ты переночуешь с моими гусарами, а вас, граф, я прошу разделить со мной эту комнату. Всё, что может понадобиться, вам обеспечит Альфред, если, конечно, это будет в его силах.

Как бы ни хотелось ещё поговорить с вильдграфом, но Ханнсегюнтер уже опомнился и больше не позволит нам разговаривать. Я поднялся на ноги и, не дожидаясь пока меня пошлют к чёрту, вышел из комнаты.

Спустившись по лестнице в общий зал постоялого двора, я отправился к сдвинувшим столы гусарам. Те сидели отдельной компанией, и принимать меня к себе не спешили. Общий зал к тому времени опустел — немногочисленные постояльцы решили, что группа солдат в незнакомых мундирах не лучшая компания, и поспешили отправиться в снятые комнаты. Если бы вместе со мной не спустился слуга графа, Альфред, командир гусар, уверен, и близко не подпустил бы меня к своему столу. Однако распоряжения Ханнсегюнтера были в отряде законом, и им пришлось взять меня в свою тесную компанию. Конечно, без особой приязни.

— Ты кто таков будешь? — первым делом поинтересовался у меня командир чёрных гусар. *Lingua franca* его был просто чудовищем, он страшно коверкал слова незнакомым акцентом. Не имей я опыта общения на факториях с самыми разными людьми, возможно, не понял бы и столь простую фразу.

— Спутник вашего хозяина, — ответил я, намерено употребив это слово, чтобы немного

позлить командира.

Однако тот и не подумал развивать конфликт, он просто кивнул в ответ и, ни слова не говоря, приложился к здоровенной кружке, осушив её парой глотков.

— Ешь-пей с нами, — махнул он мне рукой. — Граф за всё платит. Заночуешь тоже с нами. Комната одна на всех, так что спишь на полу. Вместе со всеми.

Вещи мои и даже оружие остались при мне, так что перспектива ночёвки на полу ничуть не смущала.

— Но ты — не один из нас, — веско добавил командир гусар. — Помни это.

Я кивнул, принимая к сведению сказанное им, и махнул подавальщице, чтобы шагала к сдвинутым вместе столам. Сейчас у меня было желание как следует растряссти мощну графа Ханнсеюнтера, и я не мог перед ним устоять. Гусары не приняли меня в свой круг, о чём прямо заявил их командир — случись что, помогать мне никто из них не станет. Даже спину в бою не прикроет, несмотря на то, что мы сейчас едим вместе и будем вместе спать. По всем солдатским законам — писанным и неписанным — после этого я должен был стать своим для гусар. Но этого не будет. Собственно, ни на что иное я и не рассчитывал.

Сильно разорить графа мне не удалось. Гусары засиживаться допоздна явно не собирались. Я едва успел нормально поесть и выпить некрепкого пива — иных спиртных напитков командир за столом не потерпел бы, о чём он поспешил заявить, когда я попытался заказать у подавальщицы вина.

— Мы пьём только пиво, и ты его пей, — мрачно бросил он. — Считай, что на войне сейчас.

Я лишь плечами передёрнул и кивнул подавальщице, чтобы несла пиво.

Стоило командиру хлопнуть себя по коленям и подняться на ноги, как все гусары последовали за ним.

— А кто за вас платить будет? — тут же подскочил к столам хозяин постоянного двора, однако гусар лишь отмахнулся от него.

— Альфреду скажи.

И топоча тяжёлыми сапогами, он первым направился вверх — в снятую для всех нас комнату. Гусары не отставали от него, и я тоже, хотя и вынужденно плёлся в хвосте. Меня как-то незаметно выдавили из плотной группы шагавших почти плечо к плечу гусар.

Мы поднялись на второй этаж, и командир распахнул дверь здоровенной комнаты, из тех, что обычно и снимают для охранников богатые купцы или состоятельные господа. Из тех, кто может себе позволить поселить своих людей в постоялом дворе, а не оставлять их коротать ночь с лошадьми или на сеновале.

Я отошёл в дальний угол комнаты, расстелив на полу одеяло, и, разувшись, улёгся на него. Рядом устраивались на ночлег гусары, перебрасываясь, как и за столом, короткими репликами на родном языке. Я не понимал ни слова, однако, несмотря на это, говорить гусары старались не очень громко и то и дело кидали в мою сторону настороженные взгляды. Присутствие чужака их нервировало, спать в одной комнате с незнакомцем не самое приятное дело. Хотя мне-то как раз было куда хуже — я ночевал в комнате, полной нечистых, да ещё и из воинского формирования с не самой лучшей репутацией. Однако ни у меня, ни у гусар выбора не было, а потому вскоре все улеглись, и в комнате воцарилась тишина. Относительная, конечно, ведь её то и дело нарушали шорохи и звуки ворочающихся, пытаюсь устроиться поудобнее, гусар.

И всё же я быстро провалился в сон — ничто не могло мне помешать. Слишком

длинным и насыщенным событиями оказался мой первый день по ту сторону Рубикона.

Глава 17

Побег на рывок

Проснулся я оттого, что кто-то положил мне руку на лицо, зажав рот. Я лишь слегка дёрнулся и открыл глаза. Надо мной нависало знакомое бледное лицо с ветвистым шрамом под правым глазом. Вор, которого, как я думал, потерял, когда мы выбрались из города скорби, прежде звавшегося Милан, теперь сменил чёрную одежду на гусарский мундир тех же тонов, однако от привычки скрывать лицо под капюшоном не избавился. Вчера я обратил внимание на молчаливого солдата, даже в помещении не снявшего с головы капюшона плаща. Однако не придал, честно говоря, этому никакого значения. Мало ли какие причуды у людей, особенно когда они так далеко от родных Пенат.

Поняв, что я проснулся и не собираюсь дёргаться, вор мотнул головой назад — в сторону двери. Я медленно кивнул в ответ. Мы поднялись на ноги и, стараясь никого не задеть, в несколько шагов преодолели расстояние до двери.

В общем зале постоянного двора было уже темно и безлюдно. Мы, как были босиком, спустились по лестнице и присели за дальний стол в углу. Теперь нас было сложно углядеть в той темени, что царила в общем зале.

— И каким ветром тебя сюда занесло? — первым спросил я, явно опередив вора, желавшего задать мне тот же вопрос.

— Надо повидаться со старым вильдграфом, — ответил вор. — Есть у меня к нему одно дельце. Да и во Фрейбург попасть было бы неплохо. А ты всё время тоже сюда шёл?

— Верно, — кивнул я. — И у меня тоже дела во Фрейбурге. Но разве место в отряде гусар Ханнсегюнтера — это прямая дорога туда? И как ты вообще попал в чёрные гусары?

— Думаешь, у него одни лишь венгры в отряде, — отмахнулся вор. — Он давно уже колесит по Европе, так что от тех, кто отправился с ним, остались только капитан Тенкеш да ещё пара человек. Остальных он набирал где придётся, лишь бы были нечистыми да умели хорошо обращаться с оружием.

Насчёт того, как он собирается попасть во Фрейбург, вор ловко умолчал, а я не стал допытываться. Ведь и сам предпочитал отвечать на его вопросы так, чтобы не выдавать лишней информации. Начни я сейчас давить на него, он вполне возможно решит плюнуть на эту игру в одни ворота и попросту перестанет отвечать. А то хуже того, примется от меня ответов добиваться.

— Я бы тоже наведася к вильдграфу, — сказал я, — он, думаю, много интересного рассказать может. Но с ним в комнате Ханнсегюнтер и его слуга, и что-то мне подсказывает, они могут стать серьёзным препятствием.

— Правильно подсказывает, — кивнул вор. — Я видел не раз, как Альфред фехтует с капитаном Тенкешем. Оба они прирождённые убийцы. Без обид, но ты до них не дотягиваешь. Тебя-то в деле мне тоже повидать пришлось, так что знаю, о чём говорю.

— Да какие тут обиды, — пожал плечами я. — Какое у тебя к вильдграфу дело?

— Я должен выкрасть его и вернуть во Фрейбург, — глянул мне прямо в глаза вор.

— Выходит, ты работаешь на его настоящих хозяев, — сделал я вполне логичный, но в общем-то бесполезный вывод.

— Сейчас — да, — кивнул вор. — Вот только сейчас вильдграф для меня — что твой локоть: как ни тянись, а не укусишь.

— Я могу помочь тебе выкрасть вильдграфа, — сказал я.

— Хорошее предложение, — пожал плечами вор с отменным равнодушием, — но чего ты попросишь взамен? Не по доброте же душевной ты такие предложения делаешь.

— Мне всего лишь надо будет присутствовать на твоей встрече с заказчиками, — со стольким же показным равнодушием ответил я. — Хочу лично урвать свой кусок пирога.

— Не доверяешь? — прищурил разноцветные глаза вор.

— А с чего должен?

— И то верно, — не стал спорить он. — Но в чём будет заключаться твоя помощь?

— Для начала, я вхож к графу, как ты заметил, — заявил я. — Так что могу хоть сейчас постучаться в его комнату. — Мои слова были пустой бравадой, но, надеюсь, вора мне удалось если не обмануть, то хотя бы немного смутить. — Однако лучше действовать тебе.

— И что же ты хочешь, чтобы я сделал?

— Надо добыть два гусарских мундира для меня и вильдграфа, — начал перечислять я. — Вернуть моё оружие, оставшееся в комнате. После жди нас с парой осёдланных коней под окнами комнаты, снимаемой Ханнсегюнтером. И будь готов сразу скакать прочь отсюда.

— В ночь? — приподнял тонкие брови вор. — Это смахивает на самоубийство.

— После того, как мы полезли ночью в город скорби, — отмахнулся я. — Не смей меня.

— А ты тогда что будешь делать?

— Как что? — удивился я, едва удержавшись от ухмылки, которая вышла бы на редкость сардонической. — Импровизировать, конечно.

И я встал из-за стола.

— Да, — обернулся я к вору, — про обувь не забудь. Лучше всего, возьми мои башмаки. Я их только разносил по ноге.

Вор на это ничего отвечать не стал, просто поднялся следом за мной.

Мы вместе поднялись по лестнице на второй этаж, стараясь не шуметь. Ступеньки тихо скрипнули под нашими босыми ногами пару раз, но, надеюсь, за крепкими стенами и дверьми этих звуков слышно не было.

Кивнув вору, направившемуся обратно к той комнате, где ночевали гусары, я шагнул в противоположном направлении. Я отлично запомнил нужную мне дверь и вскоре остановился перед нею.

Простоял, наверное, никак не меньше нескольких минут — голые пятки начали замерзать на холодном полу. Пора было начинать импровизацию. Я поднял сжатую в кулак ладонь и несколько раз сильно ударил в дверь.

Почти сразу в комнате началось какое-то движение, и вскоре я услышал звук отодвигаемого засова. Дверь отворилась — на пороге появился слуга графа в слегка помятой сорочке и свободных штанах. Недолго думая, я приложил его дверью по лицу, резко толкнув её. Альфред и в самом деле оказался отменным бойцом. Не ожидая нападения, он успел закрыться локтем и отступил на полшага назад. Так что удар вышел смазанным и особого ущерба ему не нанёс. Однако я не собирался останавливаться на достигнутом. Пока слуга графа не пришёл в себя, я ухватил его за поднятую руку и ворот рубахи, и с силой швырнул через перила вниз — в общий зал. Кто другой, наверное, шею бы себе свернул при таком падении, но я уверен, не пройдет и пары минут, как Альфред будет тут. И мне лучше не попадаться ему на пути.

Я быстро заскочил в комнату графа и захлопнул за собой дверь, задвинув на место прочный брус засова.

— Ваши сиятельства, — самым наглым образом заявил я, — простите, что беспокою в столь неурочный час.

— Какого чёрта тебе понадобилось, Рейнар?

Ханнсегюнтер был уже на ногах, более того, он сжимал в руках кривую саблю — любимое оружие венгерской аристократии.

— Я пришёл за вильдграфом, — честно ответил я. — Собирайтесь, ваше сиятельство, — бросил я Гильдерику.

— Ты слишком много себе позволяешь, — рявкнул на меня Ханнсегюнтер. — Думаешь, если при мне всегда верный слуга, сам я ничего не умею!

Он ловко взмахнул саблей, целясь мне в лоб. Я едва успел уклониться. Граф оказался достаточно приличным бойцом. Оружия у меня при себе не было никакого, и чтобы отбить новый выпад Ханнсегюнтера, я схватил случившийся рядом стул. Мебель на постоялом дворе отличалась основательностью, и тяжёлый клинок сабли глубоко вошёл в дерево, застряв в нём намертво. Я тут же отпустил стул, Ханнсегюнтер был вынужден отбросить оружие — освободить клинок слишком долго и неудобно. Тем более что в его распоряжении был длинный кинжал и несколько ножей, лежавшие на столе рядом с кроватью. Весьма предусмотрительно.

— Скорее же, ваше сиятельство! — крикнул я вильдграфу. — Нам придётся прыгать в окно.

Ханнсегюнтер тем временем успел схватить со стола длинный кинжал, но с ним он обращался куда хуже, нежели с саблей. В движениях не было прежней уверенности, да и приближаться ко мне он не спешил.

— Я не пойду с вами никуда, — заявил вильдграф Гильдерик. — Мне не нужна судьба, которую прочите мне вы.

— Что вы несёте, ваше сиятельство?! — вспыхнул я, отбиваясь от новых выпадов Ханнсегюнтера. Пока я и не думал о контратаках, всё моё внимание было поглощено тем, чтобы не дать венгерскому графу распластать меня своим длинным кинжалом. — Какая ещё к чёрту судьба?!

— Сами вы ступайте к дьяволу! — отрезал Гильдерик. — А я отсюда ни ногой!

Тут на дверь за моей спиной обрушились удары — прочная дверь держалась, но били с такой силой, что сразу становилось понятно: долго ей не простоять. Одновременно Ханнсегюнтер пошёл в новую атаку. Несколько стремительных выпадов кинжалом, и он вдруг стремительно сократил дистанцию, желая загнать меня к самой двери, лишить пространства для манёвра.

— Ваше сият... — закончить я не успел.

Удар Ханнсегюнтера должен был прикончить меня. Он явно рассчитывал именно на это, но я не стал отступать, чтобы упереться спиной в стену или содрогающуюся от ударов дверь. Я ринулся на венгерского графа, поднырнув под его рукой, и, не останавливаясь, рванул к окну. Не ожидавший такого поворота Ханнсегюнтер не успел ничего поделать — его спиной я выбил крепкие ставни, высадил оконную раму и мы вместе с ним отправились в короткий полёт к земле.

Удар выбил из меня дух, хоть я и был сверху. В момент нашего с венгерским графом приземления я услышал мерзкий хруст — и мне оставалось молиться, что трещат сейчас не

мои кости. Я вскочил на ноги, огляделся. Вор как раз поворачивал из-за угла массивного здания постоянного двора, ведя в поводу вороных гусарский коней. Через плечо у него была перекинута моя сумка и связанные длинным шнурком мои же башмаки.

— В седло — и ходу отсюда! — крикнул я, кидаясь к нему.

— А граф? — удивился вор.

— Помогай, — велел я, и без лишних церемоний подхватил Ханнсегюнтера.

Вор помог мне и вместе мы перекинули тело венгерского графа через седло ближайшего коня. Тот и не думал сопротивляться, мне вообще казалось, что он не пережил падения из окна.

Тут наверху показался вильдграф Гильдерик. Он сильно высунулся из окна и крикнул нам.

— Сделайте так, чтобы я перестал быть нужным тут! Уничтожьте это осиное гнездо ко всем чертям!

Дверь всё же капитулировала под ударами гусар как раз в этот момент. Не прошло и пары секунд, как вильдграфа втащили обратно в комнату, а из окна уже торчало перекошенное гневом лицо Альфреда.

— Ходу! — крикнул я вору. — Ходу же!

Мы одновременно вскочили в сёдла. Вор кинул мне мою сумку и связанные вместе башмаки. Я пока пристроил всё своё невеликое имущество на лошадиной спине впереди седла, и толкнул коня пятками, даже не вставив босые ноги в стремяна.

Мы рванули к воротам постоянного двора. Двое заспанных слуг открыли их перед нами, стараясь двигаться как можно проворней, хотя получалось у них не очень. И как только вор успел ещё и с ними договориться? Ума не приложу. Но думать сейчас об этом не было времени.

Мы вылетели с постоянного двора и помчались по дороге прочь, даже не думая, куда именно скачем. Главное для нас как можно дальше ускакать отсюда, а уж куда именно — совершенно не важно. Да и чем непредсказуемей будет наш маршрут, тем лучше, нас точно не найдут гусары. А уж в том, что Альфред всех поднимет на поиски Ханнсегюнтера, я ничуть не сомневался.

Вот только в этой скачке мы как-то позабыли, что не только гусары были опасностью в Шварцвальде.

Всадники окружили нас ближе к рассвету, когда наши кони уже подустали и не в силах были больше бежать. Мы с вором отпустили поводья, позволяя бедным животным, выложившимся полностью, просто переставлять ноги, унося нас подальше от злосчастного постоянного двора и погони. Вор придерживал уздечку коня, через седло которого был перекинут труп графа Ханнсегюнтера.

Усталость брала своё, и наша внимательность сильно притупилась. Иначе объяснить то, что нас взяли, можно сказать тёпленькими, было нельзя.

Всадники называли себя рейтарами, однако выглядели таким же сбором, как и ландскнехты, дежурившие на заставе у моста. Грязная и основательно поношенная одежда. Разномастные доспехи со следами скверного обращения, да и те не на всех. Оружие тоже не лучше. Лишь командовавший ими офицер хоть немного отличался в лучшую сторону. Доспехи его представляли собой удачную комбинацию из кожаных и стальных частей, были достаточно лёгкими и удобными, хотя за это и приходилось платить прочностью защиты. На поясе у него висел длинный палаш, вроде моего, а в ольстрах^[45] покоились два пистолета.

Внушительно, нечего сказать, да и командой рейтар он управлял лихо, видно было, что офицера этот сбор слушает и подчиняется ему беспрекословно. Шлема он не носил, и я увидел у него на шее отметину, вроде старого ожога или татуировки странной формы.

— Интересный улов, — произнёс офицер, объезжая вокруг нас, как будто оценивал добычу после удачной охоты. — Весьма интересный. Венгерский чёрный гусар, босой не пойми кто, да ещё и труп через седло. И что же вы скажете по этому поводу, господа?

Десяток рейтар кружил вокруг нас вслед за командиром. Они сейчас напомнили мне акул, описывающих круги вокруг выпавшего за борт человека, и ждущих только удобного момента, чтобы наброситься на него. Рейтары же ждали команды офицера.

— Это граф Ханнсегюнтер, — заявил я, поворачивая своего усталого скакуна следом за офицером, чтобы смотреть ему в глаза.

— Мне плевать, кто этот покойник, — отмахнулся рейтарский офицер. — Живые сейчас меня интересуют куда больше.

— Ты знаешь меня, — откинул с лица капюшон вор. — Проводи меня к сыну вильдграфа.

— Да, я знаю тебя, — кивнул офицер, — но тебя отправили за сбежавшим вильдграфом, а ты притащил труп вшивого венгра и какого-то бродягу, да ещё и босого.

— Я знаю, где искать вильдграфа, — заявил я. — Но скажу это только его сыну, и никому иному.

— Рассчитываешь на куш, бродяга? — глянул мне в глаза остановивший коня офицер.

— Конечно, — ответил я. — Не всю же жизнь босым ходить.

— И то верно, — кивнул офицер. — Кони у вас хорошие, но заморены сильно. За нами не поспеете. Так что, парни, — обернулся он к своим людям, — поедem небыстро.

Но прежде чем отправиться в дорогу, офицер подъехал к перекинутому через седло трупy графа Ханнсегюнтера, и поднял за волосы его безвольно болтающуюся голову.

— И в самом деле он, — кивнул офицер. — Не думал, что так скоро увижу этого ублюдка мёртвым.

Мы и в самом деле поехали размеренным шагом. С наших коней клочьями падала пена, и я вовсе не был уверен, что мы не запалили их во время бешеной скачки. Однако пока животные не спотыкались и меня это, откровенно говоря, радовало. Поспевать за рейтарами пешком у меня не было никакого желания.

Ехать на наше счастье оказалось недалеко. Сын вильдграфа, как оказалось, в очередной раз покинул Фрейбург, чтобы поразвлечься, и теперь торчал в какой-то деревенской корчме, да ещё и не первый день. Вместе со всем отрядом он пил-гулял, конечно же, и не думая ни за что платить, разоряя стремительно сокращающиеся запасы съестного и спиртного, имеющиеся у корчмаря.

Отряд спешилcя во дворе корчмы. Офицер велел паре рейтар помоложе обиходить коней, не доверяя местным, сам же вместе с нами направился внутрь. Один из рейтар — здоровенный громила шести с половиной футов росту, никак не меньше — взвалил на плечо труп Ханнсегюнтера. Так мы и вошли в корчму.

Фальшивого сына вильдграфа Гильдерика я узнал сразу, хотя прежде его ни разу видеть мне не приходилось. Он был одет роскошно, но дублет тонкой шерсти и батистовую рубашку покрывали пятна вина и жира не первой свежести. Длинные волосы болтались лоснящимися лохмами, а ухоженная борода и усики смотрелись почти чужеродно на опухшем от многодневного пьянства лице. Деточка — кажется, так вильдграф назвал мелкого

дворянина, который играл роль его сына, — сидел, откинувшись на спинку стула, с отливающим бронзой бокалом в левой руке. Длинными пальцами правой он перебирал звенья массивной золотой цепи.

— Эй-эй-эй! — первым закричал он, увидев нас. — Зачем сюда эту дохлятину притащили?!

Рейтарский офицер кивнул здоровяку и тот, сделав несколько шумных шагов, подошёл к столу Деточки и швырнул труп венгерского графа прямо поверх тарелок, мисок и кувшинов, стоявших на нём. Фальшивый сын вильдграфа тут же вскочил на ноги. Он отшвырнул прочь бокал и схватился за рукоять висящего на поясе кинжала. Вот только доставать его из ножен не спешил.

Силы были слишком неравны. При Деточке находились лишь трое прихлебателей — никакой охраны он с собой не взял, видимо, решив, что присвоенный титул защитит его лучше любого отряда. И оказался неправ, потому что рейтарский офицер явно не намеревался с ним цацкаться. Между этими двумя явно пробежала чёрная кошка и сейчас командир перехватившего нас отряда сводил некие старые счёты.

— Это, ваша милость, не просто дохлятина, а господин венгерский граф Валерий Ханнсегюнтер, — заявил рейтарский офицер. — Тот самый, кто вёл себя так нагло во время встречи во Фрейбурге.

— Хочешь сказать, это ты его прикончил?

Деточка поднял голову Ханнсегюнтера за волосы и глянул ему в лицо.

— Не стану приписывать себе чужих заслуг, — покачал головой офицер. — Это сделали вот эти двое господ, хотя один из них и одет в форму чёрных гусар, а второй был бос, когда мы встретились.

Рейтарский офицер явно издевался над Деточкой, однако тому ничего не оставалось кроме как глотать эти слова, лишь крепче сжимая пальцы на рукояти кинжала.

Я успел обуться на первой же короткой остановке, устроенной рейтарами в основном для наших сильно уставших коней.

— Нечистого я знаю, — бросил Деточка. — Его отправили за моим дражайшим родителем, а он притащил сюда эту дохлятину. Ты издеваешься надо мной, вор?

— Я нашёл информацию о местонахождении вашего отца, — ответил вор, — но она теперь стоит денег. — Он быстро взмахнул рукой, прерывая вскинувшегося Деточку. — Нет, мне дополнительная плата не нужна, я честно исполняю условия. Но мой спутник никаких договоров с вами не имеет, и он хочет получить плату за свои сведения.

— У нас нет с ним договоров, верно, — кивнул Деточка. — Курцбах, взять его! Сейчас мы славно повеселимся, а заодно узнаем, где находится мой дражайший батюшка.

Я даже дёргаться не стал — понимал, бесполезно. В корчме сейчас десяток наёмников, якобы служащих вильдграфу, а на деле тем, кто реально правит Шварцвальдом. С палахом и кинжалом, что сумел вытащить с постоянного двора вор, я им ничего противопоставить не смогу.

Вместо того чтобы хвататься за оружие, я шагнул к столу Деточки и с силой хлопнул по столешнице ладонями. Громкий звук и резкое движение на мгновение заставили всех замереть, приковав ко мне общее внимание.

— Я буду говорить только с сыном вильдграфа, Деточка, — так, чтобы меня услышал только фальшивый сын Гильдерика, сказал я. — Вы под пытками можете вытащить из меня всё, но молчать я могу долго, уж поверь мне. К тому времени информация давно уже

устареет и от неё не будет никакого толку.

— А вот это мы сейчас и проверим, милейший, — ответил мне Деточка, чьё лицо побледнело от моих слов. Однако они, увы, произвели на него не достаточно впечатления. — Курцбах, что вы замерли?! Взять обоих!

Как бы презрительно не относился рейтарский офицер к Деточке, однако прямого приказа фальшивого сына вильдграфа он послушаться просто не мог. Нас с вором быстро связали, избавив от всего оружия, найденного в ходе короткого, но тщательного обыска. После, по приказу Деточки, вора оттащили в угол, меня же примотали понадёжнее к стулу и прямо так подтащили к жаркому камину, согревавшему общий зал.

— А ну-ка места! Места побольше! Разойдись! — Деточка склонился над пламенем. — Сейчас мы тебя проверим на крепость, милейший.

Он долго и тщательно раскалял в жарком пламени камина длинный кинжал, что висел прежде у него в ножнах. Делал это так старательно и показательно, стараясь уже этим запугать меня. Я же сидел, не в силах пошевелиться, намертво примотанный к крепкому стулу, связанный по рукам и ногам. Даже пальцем дёрнуть и то не мог, так хорошо меня связали.

И в тот момент, когда Деточка вынул из огня кинжал с докрасна раскалённым клинком и сделал первый шаг ко мне, я понял, что это — конец. Меня не прикончили ни проклятые в Пьяченце, ни ужасы города скорби. Я пережил схватку с ведьмой, обезумевшей от собственной силы. Однако сейчас пробил-таки мой Ultima Forsan — в богом забытой корчме в Шварцвальде. Мне суждено умереть от руки мерзкого садиста, любящего пытать людей — это явно читалось в глазах Деточки. Но чего я не мог понять в этот момент, так это — где же я ошибся, когда свернул не туда, почему всё заканчивается так скверно...

Деточка шагнул ко мне, поднося раскалённый кинжал к моему лицу. Я почувствовал жар, он обжёг кожу и я стиснул зубы крепче, готовясь к чудовищной боли.

— Поглядим, как ты запоёшь, когда я тебе глазик выжгу, — почти пропел Деточка, медленно протягивая кинжал.

Я почувствовал как по лбу обильно потёк пот, ещё крепче стиснул зубы, чтобы не застонать раньше времени.

— Скрипи-скрипи зубами, — говорил Деточка. — Сейчас глазик как зашипит, и ты запоёшь у меня. Все поют, стоит только до глаз добраться...

Дверь корчмы распахнулась от могучего удара — и внутри как будто стало темнее. Прогрохотали по деревянному полу тяжёлые шаги. Деточка как был, так и замер на полусогнутых, не донеся раскалённого кинжала до моего лица какие-то считанные дюймы.

А следом он отлетел в сторону от обрушившегося на него удара пудового кулака. Не в силах повернуть голову, чтобы увидеть вошедшего, я мог оценить его габариты лишь по тени, пляшущей на полу. И пускай теням свойственно преувеличивать, но вошедший был настоящим гигантом.

— Что здесь происходит? — раздался его густой, но какой-то невнятный голос.

В общем зале трактира стало темнее, как будто вошедший поглощал свет свечей на столах и огня в камине.

— Деточка решил поразвлечься, — раздался откуда-то из-за моей спины голос Курцбаха, рейтарский офицер и не думал скрывать звучавшего в нём торжества.

— Это я понял, — ответил вошедший, — но что именно происходит?

— Эти двое притащили сюда венгерскую падаль, — не спеша поднимаясь с пола

выпалил Деточка. Я видел только его ноги в грязных чулках тонкой шерсти и ботинках с оторванными пряжками. — А тот, которого я пытать хотел, знает что-то о вильдграфе. О том, где он сейчас. Я хотел только вызнать у него всё!

— Ты был идиотом, Деточка, — заявил вошедший, — им и остался. В какие перья не рядись...

— А идиот сумел бы обвести вокруг пальца фогта и епископа в Базеле?! — перебил его фальшивый сын вильдграфа Гильдерика.

— Заткнись и не смей перебивать меня, — отрезал вошедший, и Деточка сжался на полу, будто собака в ожидании хозяйского пинка. — Курцбах, отпрыск его сиятельства слишком расшалился в последнее время. Проводи его во Фрейбург и проследи, чтобы он не покидал замка.

— Эй! — вскочил на ноги Деточка. — Да что ж это такое?! Ты, значит, ездил — развлекался, и мне прежде можно было, а теперь я должен под замком сидеть сиднем? Мы так не договаривались!

Вошедший шагнул к Деточке и я, наконец, смог разглядеть его. Он был куда выше среднего роста, одет почти в такие же доспехи, как Курцбах, только качеством получше. Стальные наплечники и прочная кожаная кираса были украшены стилизованным изображением чёрного орла на разделённом на два поля щите — гербом вильдграфа Гильдерика. На поясе у него висел тяжёлый меч в простых ножнах. Лицо же скрывала маска из кожи с прорезами для глаз и защитным ртом, вот почему речь его звучала так невнятно.

Так вот кто пожаловал в трактир, войдя за секунду до того, как Деточка выжег мне глаз. Настоящий сын вильдграфа Гильдерика. Тот, кого даже отец называл чудовищем. Кожаное лицо — кошмар Шварцвальда и правая рука правящих им сил.

Кожаное лицо легко поднял Деточку, схватив его за горло одной рукой, так что пятки Деточки болтались в добром полуфуте от пола. Фальшивый сын вильдграфа Гильдерика задёргался в безжалостной хватке железных пальцев настоящего, издавая сдавленный хрип. Он обеими руками вцепился в предплечье Кожаного лица, но ничего не мог поделать. Наконец, Кожаное лицо решил, что с Деточки достаточно и разжал пальцы. Фальшивый сын вильдграфа рухнул на пол, свернувшись клубком. Он судорожно подёргивался, прижимая ладони к горлу.

— Курцбах, — как ни в чём не бывало распорядился Кожаное лицо, — вы слышали приказ.

— Слушаюсь! — бодро отрапортовал офицер, и лично вздёрнул Деточку обратно на ноги и поволок прочь из трактира.

Прихлебатели фальшивого сына вильдграфа поспешили убраться вслед за ним, не желая оставаться один на один с Кожаным лицом.

— Ну, а теперь займёмся тобой.

Кожаное лицо легко развернул стул, к которому я был привязан, так что теперь камин пылал у меня за спиной. Какое-то время наёмник изучал меня, оглядывая с ног до головы, будто я не человек вовсе, а конь или призовая корова на ярмарке. Я тоже пытался оценить его, однако получалось всё слишком мрачно. Кроме внушительных габаритов, усиленных доспехами — и как только Деточку за него выдавать решили? — в нём чувствовалась сила. Не просто некий внутренний стержень железной воли, но сила потусторонняя, иная, заставляющая вспомнить мой последний рейд и нисхождение скорби.

— Деточка не лгал, когда говорил, что у тебя есть сведения о вильдграфе? — спросил у

меня Кожаное лицо.

— Не лгал, — ответил я, стараясь глядеть в чёрные провалы в его жуткой маске, за которыми скрывались его глаза. — И я хотел поговорить именно с тобой, Кожаное лицо.

— Ты не сопротивлялся, — произнёс он, — дал себя связать без боя. На твоём теле нет следов побоев. Но ты молчал, когда Деточка едва не выжег тебе глаз. Ты либо глуп, либо отважен и умён. И мне не нравится ни то ни другое.

— Я алчен, Кожаное лицо. Я знаю, как сильно нужен вильдграф тем, кто сейчас правит Шварцвальдом. Отправить в Авиньон Деточку всё равно что в голос заявить о себе. Он испортит всякое дело, какое ему ни поручи.

— Это мне ближе, — кивнул Кожаное лицо. — И где же вильдграф?

— Думаешь, я вот так запросто выдам тебе всё? — покачал головой я. — Я провожу тебя туда, а когда ты его получишь, я получу свою плату. Всё честно.

Он шагнул ко мне стремительным, текучим движением профессионального убийцы. Маска из человеческой кожи, сшитая грубыми стежками суровых ниток, оказалась в считанных дюймах от меня.

— Ты слишком складно поёшь, — выдохнул мне прямо в лицо сын вильдграфа. — Чем ты можешь доказать свои слова?

— Человек, которого наняли искать вильдграфа, — ответил я, стараясь оставаться как можно спокойнее и говорить как можно ровнее, — сидит сейчас привязанный к стулу, как и я, вон в том углу.

Я мотнул головой, стараясь, как мог, указать на угол, куда оттащили вора. Кожаное лицо обернулся, увидел вора и махнул кому-то из своих людей, как-то незаметно наполнивших трактир. Не прошло и минуты, как вор стоял рядом с нами, освобождённый от верёвок, однако рядом с ним замерли двое наёмников, контролировавших каждое его движение.

— На тебе мундир чёрного гусара, — произнёс Кожаное лицо, — и вы притащили сюда эту венгерскую падаль. — В третий раз за сегодня голову графа Ханнсегюнтера подняли и отпустили, она свесилась с края стола. — Выходит вильдграф у них, верно?

— Да, — кивнул потирающий освобождённые от верёвок запястья вор, — но только он знает, где именно засели венгры.

— Хорошо, — кивнул вроде как убеждённый Кожаное лицо. — Покажешь дорогу, а там видно будет.

Он махнул рукой и один из наёмников быстро разрезал мои путы. Мне стоило известных усилий подняться на ноги. Кровь вновь свободно побежала по жилам, разнося по всему телу боль, и сотни крохотных иголок впивались мне в мышцы. Однако я постарался не подать вида, лишь машинальным жестом потёр запястья.

— Идём, — бросил Кожаное лицо, стремительно разворачиваясь, так что тяжёлый дорожный плащ за его спиной взлетел подобно крыльям. — Ты же вроде говорил Деточке, что время дорого. Так что поспешим.

Я подумал, как долго он находился поблизости, раз слышал мои слова, тем более что и говорил я не так громко. Выходит, эффектное появление Кожаного лица в последний момент было вовсе не случайностью, а заранее подготовленным шагом. Очень непросто этот человек, совсем не прост, как бы ни прикидывался банальным маньяком в маске из человеческой кожи.

— А что делать с телом? — выскочил из кухни хозяин трактира. — Не дело, чтобы оно тут оставалось валяться.

— Зарой его на заднем дворе, — отмахнулся Кожаное лицо.

— А какое имя на могиле написать? По кому службу справить?

— Это был венгерский пёс, — бросил, выходя из трактира, Кожаное лицо, — а разве имя пса пишут на могиле? Или по псу заказывают службу? Пускай гниёт в земле, пока черви не сожрут.

Во дворе трактира ошивались с десятков наёмников, экипированных как Курцбах или Кожаное лицо, видимо, та самая личная гвардия, о которой говорил вильдграф. У всех вороные кони, массивной статью напоминавшие гусарских. А вот вооружены наёмники были довольно разномастно — у кого мечи, у кого кривые сабли, у кого кавалерийские палаши, а у кого к седлу были приторочены тяжёлые топоры на длинных рукоятках. Правда, сразу видно, за оружием они ухаживали куда лучше сброда, которым командовал Курцбах.

— Вы запалили коней, — бросил нам с вором Кожаное лицо, садясь в седло, — они уже не скакуны, только на колбасу и сгодятся. Курцбах оставил вам другую пару.

Он указал на двух тонконогих гунтеров, [\[46\]](#) лошадей выносливых, но слишком лёгких, чтобы быть боевыми. Уверен, прежде они принадлежали прихлебателям Деточки, которые поспешили убратся вслед за ним, вот только теперь им придётся тащиться до Фрейбурга на своих двоих.

— Показывай дорогу, — велел мне Кожаное лицо, как только я сел в седло рыжего гунтера.

Оружия мне никто не вернул, равно как и вору. Наши вещи распределили среди наёмников, и они везли их скорее как трофеи и явно не горели желанием поскорее вернуть их своим хозяевам. Я предпочёл не обратить на это внимания, и только кивнул, прежде чем толкнуть коня пятками.

Мы отправлялись обратно к постоялому двору, и мне оставалось только молиться, чтобы гусары вместе с вильдграфом ещё оставались там.

Глава 18

Под кожаным лицом

Постоялый двор выглядел каким-то почти заброшенным. Ни единого звука не раздавалось изнутри. Прочные ворота в высоком частоколе, окружавшем его, были затворены, что удивительно — ведь день был в самом разгаре, и он должен быть открыт для всякого, кто готов укрыться за его прочными стенами.

— Разбежались, похоже, твои венгры, — бросил один из наёмников Кожаного лица. Тот, кто ехал ближе всего ко мне, больше всего напоминая ненавязчивого конвоира, нежели спутника. — И вильдграфа с собой прихватили.

— А зачем тогда запирают ворота? — спросил я, глядя в основном на предводителя рейтар.

— Они внутри, — уверенно заявил тот, как будто точно знал это. — И готовы встретить незваных гостей.

— Но почему не уехали? — удивился рейтар, ехавший рядом со мной. Кожаное лицо не снизошёл до ответа. Он обернулся ко мне и произнёс:

— Вор говорил, что у него есть гусарский мундир и доспехи на тебя. Поедешь вместе с ним внутрь.

— Откуда такое доверие? — приподнял я бровь.

— Одному ворота не откроют, — ответил он. — На полноценный поисковый отряд вор не похож. Начнут расспрашивать, кто такой, с кем поехал. Двое — в самый раз.

А если нас в чём-то заподозрят засевающие внутри гусары во главе с Альфредом, чей гнев вряд ли притупился за столь короткое время, они просто расстреляют нас как собак. Но об этом Кожаное лицо предпочёл умолчать — зачем же говорить очевидные вещи, пустое сотрясание воздуха, не более того.

— Да куда они отряды отправляют? — не унимался рейтар. — Зачем? Кого им искать?

— Одну собаку, — не знал, что Кожаное лицо склонен ещё и к мрачному юмору, — которую пару часов назад зарыли на заднем дворе трактира.

Рейтар потряс головой, явно ничего не поняв, однако продолжать расспросы не решил. Мрачное чувство юмора Кожаного лица вполне могло распространиться и на него. К примеру, для убедительности мы с вором могли везти труп, перекинутый через седло. Многие же на постоялом дворе видели, как именно увозили оттуда графа Ханнсеюнтера.

Переодеваться на холоде то ещё удовольствие, должен сказать. Стоило нам покинуть трактир, как с серого неба посыпались тяжёлые хлопья снега. Он ложился на землю, но не образовывал прочного ковра, быстро превращаясь в грязь под копытами мерно скачущих коней отряда рейтар. И мне пришлось спрыгнуть в эту ледяную грязь да ещё и танцевать в ней форменным образом, стараясь как можно скорее сменить одежду на гусарский мундир, нацепить кольчугу с длинными рукавами, вместо привычных башмаков натянуть высокие кавалерийские сапоги. А при этом ещё и не перепачкаться, будто свинья. В общем, дело это было сложное, и вряд ли без помощи вора я бы с ним справился. Рейтары же ограничились наблюдением за моими в высшей степени забавными, особенно если глядеть со стороны, танцами в грязи. Лишь пара придерживала под уздцы наших с вором коней, хотя в этом особенной нужды не было — животные, чуя собратьев, стояли спокойно, лишь изредка трясая мордами и прядая ушами.

Наконец, я заскочил обратно в седло, правда, это пришлось делать осторожней обычного. К весу кольчуги мне ещё привыкать и привыкать — даже в годы рейдерства я никогда не носил доспехов, ограничиваясь прочным, но не сковывающим движения джеркином.

Вор протянул мне знакомый длинный меч в простых кожаных ножнах.

— Погоди, — покачал головой я, — а где моё оружие? Палаш, пистолет, кинжалы?

— Там всё осталось, — пожал плечами вор, мотнув головой в сторону постоянного двора.

— Лучше не придумаешь, — вздохнул я, быстро цепляя тяжёлый и чертовски неудобный меч к наборному оружейному поясу.

— Тебе повезло, бродяга, — бросил у меня за спиной один из рейтар, не тот разговорчивый, кто-то другой. — Гусары вооружены именно такими мечами, так что может тебя раскусят не сразу.

Всадник подъехал ко мне, в левой руке он держал пару ольстр с пистолетами.

— Это тоже часть их экипировки. — Он бросил ольстры мне, и я пристроил их перед седлом. — Не беспокойся, оба заряжены. Стрелять-то умеешь?

— Вряд ли с седла в кого попаду, — честно ответил я, — но плотность огня создать, если надо, сумею.

— И то хлеб, — кивнул рейтар, отъезжая обратно.

Мне оставалось лишь подивиться такой щедрости и доброте, хотя за ними, уверен, стояли корыстные интересы. Штурмовать постоянный двор у рейтар не было особого желания, может, они и были жестоки до безжалостности, но не безумны же. Удайся же наш маскарад, и отряд ворвётся в гостеприимно открытые для них ворота, тогда бой пойдёт уже совсем иначе.

Вору тоже выдали ольстры с пистолетами, и пора было отправляться. Кожаное лицо махнул нам рукой, чтобы ехали, не задерживаясь. Я первым тронул коня шпорами, послушный гунтер тут же понёс меня к постоянному двору. Вор последовал за мной без лишних колебаний.

Солнца видно не было, низкие тучи, нависшие над самыми верхушками деревьев, закрыли его совсем. Казалось, не день белый на дворе, а какие-то бесконечные сумерки. Хорошо хоть снег прекратился. Окружённый частоколом постоянный двор приближался медленно, мы не торопили коней, изображая возвращающихся из рейда разведчиков. Понуренные головы и ссутуленные спины тоже пришлись как нельзя кстати, так нас сложнее было опознать.

Мы подъехали к самым воротам постоянного двора, и я обрушил на них удары затянутого перчаткой с длинной крагой кулака. Колотить пришлось недолго, не прошло и минуты, как рядом с воротами показалась голова, и кто-то окликнул нас на незнакомом наречии. Оставалось надеяться, что в рейд отправили не только венгров, и что у гусар нет какого-нибудь пароля для разведчиков.

— Не понимаю я по-вашему! — крикнул в ответ я. — Откройте скорей, погода ж собачья! Никак снова снег посыплет!

Голова исчезла, но лишь для того, чтобы смениться новой. Этот малый явно венгром не был — немытые светлые волосы и широкое лицо выдавало мне местного уроженца.

— Не нашли? — спросил он.

— Без толку всё, — махнул рукой я. — Только поморозились все! Конь ещё у меня захромал. Открывай уже! — гаркнул я во всю глотку, довольно достоверно изображая, что

потерял терпение. — Мы ж не собаки, чтобы нас столько гонять!

Вторая голова исчезла за брёвнами частокола, однако вскоре массивные створки ворот постоянного двора начали открываться.

Мне стоило очень больших усилий не оглянуться, чтобы не выдать ждущих в засаде рейтар. Я облизнул враз пересохшие губы и потянул за узды, заставляя коня отступить от медленно ползущих на нас створок.

Во дворе собирались несколько гусар, скорее всего, отправленных караулить. Вряд ли кому бы то ни было, находящемуся в здравом уме, пришлось бы в голову выбраться из тёплого, хорошо протопленного здания, на улицу.

— Быстро ж вы коней притомили, — бросил мне стоявший у самых ворот гусар.

— Donnerwetter, ^[47] — выругался в ответ я, направляя коня внутрь двора.

Теперь главное не потянуться к оружию раньше времени. Не оглянуться. Не посмотреть ненароком какому-нибудь гусару в глаза. Не выдать себя. И молиться, чтобы гусары не обратили внимания на слишком уж лёгких, тонконогих гунтеров, совсем не похожих на их боевых коней.

— Heu! — крикнул вдруг один из наблюдавших за окрестностями гусар. — Hogy... ^[48]

Больше он ничего сказать не успел. Вор с поразительным даже для него проворством выхватил из ольстры пистолет и выстрелил. Пуля угодила в висок гусару — тот дёрнулся и рухнул на утоптаный снег двора, вокруг головы его начало разливаться красное пятно.

Я тут же схватил один из своих пистолетов и разрядил его прямо в непонимающее лицо гусара, отпустившего замечание по поводу нашего быстрого возвращения. Он дёрнулся назад и повалился на спину, прижимая руки к кровавому месиву, в которое превратилось его лицо.

Я дал коню шпоры, отправляя в быстрый рывок к внутреннему двору. Вор отшвырнул первый пистолет за спину и успел застрелить ещё одного гусара. Я поступил так же, и вовремя. Кто-то твёрдой рукой схватил не успевшего набрать разбег моего гунтера под уздцы. Сдерживаемый чужой силой конь заржал и едва не поднялся на дыбы. Вряд ли я сумел бы удержаться в седле, сделай он это. Я выстрелил, не глядя, и наградой мне стал выкрик боли. Убитый или раненый гусар отпустил моего коня, и тот стрелой рванул вперёд, грудью сметая с дороги неосторожного врага, попытавшегося заступить мне дорогу.

Вытащив из ножен меч, я тут же оценил его непривычную тяжесть и длину, однако это было отменное оружие, и для верхового боя подходило как нельзя лучше. Мы с вором пустили коней по кругу, объезжая внутренний двор по широкой дуге, чтобы враги не сумели остановить нас и стянуть на землю. Сейчас в движении была наша жизнь — и никак иначе! Мы щедро раздавали удары длинных мечей, хоть ни я, ни вор не были обучены конной схватке. Гусары легко отбивались от нас, однако и приближаться не спешили — у них просто не было оружия против нас. А кидаться под мечи никто желанием не горел.

Конечно, долго это продлиться не могло — нам с вором хватило бы одной ошибки, чтобы оказаться на земле, где выстоять против выбежавших из постоянного двора гусар у нас не было никаких шансов. Но рейтары Кожаного лица примчались вовремя. Уверен, именно их и видел убитый первым гусар, но тревогу поднять не успел, и мы сделали своё дело, не дали врагам закрыть ворота.

Ворвавшиеся во внутренний двор рейтары ещё на подходах выпрыгивали из сёдел. Верховом драться в ограниченном пространстве было бы просто самоубийством для них. Ведомые своим кошмарным предводителем они ринулись в атаку. Без строя, без порядка, зато с отменной жестокостью. Первые гусары повалились на истоптанный сапогами и

копытами снег от ударов в спину — ни о каком благородстве в этой схватке и речи быть не могло.

Гусары быстро перегруппировались, тут же позабыв о нас с вором. Без команды они плотнее сбили ряды и отступили к главному зданию постоянного двора. Из окон их поддерживали оставшиеся внутри товарищи, открывшие огонь из пистолетов. Может быть, при другом раскладе это могло и решить исход схватки, но в здании сидели не больше двух-трёх человек и стреляли они нечасто и совсем не метко. Лишь один рейтар был ранен шальной пулей, пущенной изнутри большого дома.

Мы с вором прыгнули с коней, чтобы присоединиться к рейтарам. Две группы вооружённых людей замерли на несколько минут, глядя друг на друга. Словно две стаи жестоких хищников перед дракой. Никто не решался первым ринуться в атаку. Ведь силы были почти равны. Гусары собрались, сбились в тесную группу, встав плечом к плечу, оцетинившись клинками. Рейтары замерли напротив, выставив в сторону врагов разнообразные орудия убийства — длинные мечи, сабли, секиры.

Две наши группы разделяла полоска утоптанного, политого кровью снега не шире пары ярдов. Однако преодолеть её было очень непросто. Казалось бы, что легче — рвани вперёд, удар первым. Вот только решиться на подобное мог далеко не каждый.

— Трусливые псы, — раздался удивительно спокойный голос Кожаного лица. В бою маска сбилась и он говорил ещё менее внятно, чем обычно. — Ничего без меня не можете. Вперёд, собаки!

И его люди бросились на врага. Воистину, собственного командира они боялись куда больше смерти, и уж точно больше тех, кто стоял сейчас против них.

Меня как будто кто-то в спину толкнул. Я налетел на первого же врага, нанёс быстрый удар. Гусар подставил под мой меч свой, приняв клинок на сильную часть своего. Тут же толкнул меня обратно, попытался достать, рубанув сверху, однако слишком открылся и поплатился за это. Широкое лезвие секиры буквально вскрыло ему грудную клетку, под хруст собственных рёбер гусар повалился к моим ногам. И почти в тот же миг рейтар с секирой упал на тело убитого им гусара. Ни он, ни я даже заметить не успели стремительного удара, которым прикончил его слуга покойного графа Ханнсеюнтера.

Альфред атаковал меня со стремительной безжалостностью настоящего профессионала. Лёгкая сабля в его руках так и летала, нанося удары то с одной стороны, то с другой. Лишь чудом я успевал парировать их, либо уклоняться. Кривой клинок то и дело скрежетал по прочной, воронёной кольчуге, отдавая вспышками боли в рёбрах, в боку, в плечах. И всё же я выстоял под яростным натиском узнавшего меня Альфреда. Он замедлился лишь на секунду, да что там — на долю мгновения, и я сумел использовать представившийся мне шанс.

Длинным мечом, вроде доставшегося мне кампеадорского, конечно, не получится орудовать так же быстро, как лёгкой саблей или более привычным мне палашиом. Однако у него тоже есть неоспоримые преимущества, и главные среди них длина и вес. Я нанёс Альфреду несколько быстрых ударов, он легко отбил их все, но я вложил в каждый столько сил, сколько было у меня. И сабля Альфреда отлетала слишком далеко после каждого парированного удара, заставляя его уклоняться от следующего, не думая о контратаке.

Всё же он сумел сделать стремительный выпад из, казалось бы, совершенно неподходящей позиции. Провернувшись всем телом, вложив в удар всю силу. Я не успевал уклониться, лишь как-то судорожно дёрнулся в сторону, отчего удар у Альфреда вышел

смазанным. Лёгкий клинок сабли в очередной раз проскрежетал по звеньям кольчуги, по рёбрам же моим словно стальным ломом прошлись. Я задохнулся, едва не выронив меч. Альфред же вскинул саблю для нового удара, который без сомнения станет для меня последним.

— Сзади! — услышал я крик вора, каким-то шестым чувством поняв, что предназначается он именно мне.

Я подался в сторону — это не спасло бы меня от стремительного выпада Альфреда, тому достаточно было лишь слегка повернуть клинок, зато от ножа в спину уберегло. Гусар, явно не рассчитывавший на такой поворот событий, подался вперёд слишком сильно. Я успел сграбастать его левой рукой за ворот мундира и буквально швырнул под саблю Альфреда. Клинок её с треском раскроил череп гусару — удар слуги покойного графа вышел столь сильным, что он не сумел сразу освободить оружие. Ему пришлось упереться ногой в грудь гусару, чтобы выдернуть прочно засевший клинок сабли.

Не воспользоваться такой возможностью было бы просто грешно!

Перехватив меч левой рукой за клинок, я впечатал крестовину в бок Альфреда. Он отступил на полшага, ловя ртом враз вылетевший из лёгких воздух. Я же изо всех сил треснул его навершием рукояти по голове — раз, другой, третий. По лицу слуги покойного графа Ханнсеюнтера обильно полилась кровь. Однако он нашёл в себе силы поднять саблю — вот только на большее его уже не хватило. Я снова перехватил меч, теперь уже взявшись обеими руками за достаточно длинную для этого рукоять, и обрушил на него сильный рубящий удар. Ослабевший от ударов по голове Альфред не сумел парировать этот выпад — сабля вылетела из его руки, а клинок кампеадорского меча продолжил свой безжалостный полёт. Я и не думал, что доставшийся мне в наследство от дона Бласко меч настолько хорош. Одним ударом я начисто срубил Альфреду голову, словно всю жизнь тренировался в декапитации, как заправский палач.

Обезглавленный Альфред упал на снег, а я получил краткую передышку и смог оглядеться. Оказывается, схватка считай что закончилась — почти все гусары были мертвы, валяясь в бурой от крови грязи, в которую превратилась под нашими ногами земля. Отряд Кожаного лица тоже понёс серьёзные потери, многие из его рейтар были ранены и стояли, как и я, опираясь на своё оружие, переводя дух после короткого, но яростного боя.

Дрался один лишь Кожаное лицо — и противником его был капитан Тенкеш. По словам вора, Тенкеш не уступал в мастерстве фехтовальщика Альфреду, и, наверное, на его схватку с Кожаным лицом стоило взглянуть. Но я застал лишь самый финал. Кожаное лицо схватил Тенкеша за горло, подняв куда выше, чем Деточку, и с силой швырнул прямо в дверь постоянного двора. От удара она распахнулась, и капитан Тенкеш буквально влетел внутрь.

Кожаное лицо размеренным шагом направился вслед за ним. Он переступил порог постоянного двора — почти тут же прогремел выстрел, но я был уверен, что Кожаное лицо даже не обратил на него внимания. Вместе с остальными рейтарами я поспешил вслед за Кожаным лицом, и одним из первых вошёл внутрь главного здания постоянного двора.

Капитан Тенкеш уже стоял на ногах, обеими руками сжимая свой меч. Он отступал от размеренно шагающего в его сторону Кожаного лица. На полу валялся труп гусара, разрубленный парой жестоких ударов. Пальцы отсечённой правой руки всё ещё сжимали рукоять пистолета. Последний оставшийся в живых гусар осыпал Кожаное лицо потоком площадной брани на нескольких языках — в основном на родном, но попадались и знакомые словечки на *lingua franca*. Кожаное лицо как будто и драться не хотел. Он просто наступал на

капитана Тенкеша, опустив меч. И у того не выдержали нервы. Он ринулся в самоубийственную атаку, не думая о защите вовсе. Кожаное лицо отбил его удар, но длинный клинок капитанова меча задел его маску, заставив болтаться широкий лоскут кожи. Сын вильдграфа Гильдерика пинком впечатал капитана в стену постоянного двора. Шанса на второй выпад Кожаное лицо ему уже не дал, вонзив клинок своего меча в горло капитана Тенкеша с такой силой, что сталь на добрый дюйм ушла в дерево стены.

Обернувшись к своим людям, Кожаное лицо сорвал повреждённую выпадом капитана Тенкеша маску и швырнул её на пол.

Мне довелось повидать многое — травмы, полученные во время рейдов, и старые шрамы, которыми хвастались старшие товарищи, не раз выбиравшиеся из передряг в мёртвых городах. Ведь там кого только не встретишь, и все норовят оставить какую-нибудь особенно уродливую отметину на память о себе. Однако никто не мог и близко сравниться с Кожаным лицом. Сказать, что он был изуродован — это значит ничего не сказать. По лбу шёл глубокий шрам, как будто ему пытались вскрыть череп, будто яйцо, края его терялись в густой, чёрной шевелюре сына вильдграфа. Левая сторона лица застыла гротескной маской боли и ненависти, с обострившимися чертами, впалой щекой и острыми, грозящими порвать восковую, как у свежего покойника, кожу скулами. Над правой же явно поработал огонь. Около рта не хватало куска кожи, а дальше шли три длинных шрама, как будто щеку разорвали на несколько неровных лоскутов. Правого уха не было вовсе, вокруг того места, где ему полагалось находиться, красовалась багровая проплешина неровной шрамовой ткани, тянущаяся на шею и уходящая куда-то под доспехи.

— Хирург, ты жив ещё? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь, однако вперёд выступил среднего роста рейтар, ничем не отличавшийся от остальных.

— Жив, конечно, — пожал плечами он, — что мне станется. Драчка-то плёвая была.

— Мне нужна новая маска, — заявил Кожаное лицо, проходя к одному из немногих уцелевших столов и ставя рядом с ним стул, которому тоже повезло пережить осаду постоянного двора. Он тяжело опустился на жалобно скрипнувший под его весом стул. — Прежнюю, как видишь, испортила эта венгерская скотина. Сними кожу с его лица и ещё пары-тройки гусар, только гляди, чтобы без угрей, как в прошлый раз. Когда отправимся обратно во Фрейбург, мне нужно будет новое лицо.

— Не впервой, — с тем же отменным равнодушием снова пожал плечами рейтар по прозвищу Хирург и отправился на двор. Наверное, к своему коню за инструментами для прикладной таксидермии.

— Приведите сюда вильдграфа, — продолжил раздавать распоряжения Кожаное лицо. Я заметил, что его люди сейчас стараются как можно реже глядеть на него, даже для столь прожжённых и битых жизнью ничуть не меньше моего наёмников, это было слишком неприятное зрелище. — Хочу удостовериться, что с ним всё в порядке. И обращаться с ним как положено — это всё ещё правитель Шварцвальда!

Рейтары отправились на поиски комнаты, где держали вильдграфа, и вскоре постоянный двор наполнился обычными звуками обыска. Топотали тяжёлые шаги, трещали выбиваемые двери, падали на пол засовы, не выдержавшие натиска рейтарских сапог.

— А ты, бродяга, себя хорошо показал в драке, — сказал мне Кожаное лицо.

Ни я, ни вор к обыску не присоединились, так и остались в главном зале постоянного двора вместе с молчавшим какое-то время командиром рейтар.

— Да и ты, вор, тоже, не ожидал даже от вас подобной доблести.

— Ты не оставил нам выбора, — пожал плечами я.

— Человек — не крыса, — покачал головой Кожаное лицо, — даже перед лицом смертельной опасности многие трусят и бросают оружие, пытаются спасти свою жизнь любой ценой. Но вы из другого теста, таких я беру в свои рейтары. И вам бы предложил, но не вижу смысла воздух сотрясать — сразу ясно, вы не пойдёте.

Он помолчал несколько секунд, прислушиваясь к тому, что творится на постоялом дворе. Его люди продолжали обыск, но судя по всему без особого результата. Главное здание было пусто. Лишь слышались размеренные удары чем-то тяжёлым.

— Ломают какую-то особенно прочную дверь, — сказал в пространство Кожаное лицо, — вильдграф скорее всего за нею. Интересно, при нём остался кто-нибудь из гусар?

— Вряд ли, — заявил вор. — Я не один день прожил с ними, они все были лихими рубаками, но предусмотрительности ни на грош. Им вполне достаточно было запереть вильдграфа покрепче, даже охранников у его дверей не оставив. Ну, и ставни заколотить, чтобы старик не сбежал через окно.

— Тем лучше для нас, — кивнул изборождённым шрамами подбородком Кожаное лицо. — Вы получите свою награду сполна, во Фрейбурге, конечно. Я-то такими финансами не располагаю. Заодно постережёте его в карете, должен же кто-то с ним внутри торчать. Вы оба те ещё конники, как и старый вильдграф, только задерживать нас будете. А так скорее награду свою получите.

Оправдание вышло у Кожаного лица какое-то совсем неуклюжее. Ясно же как белый день, что он нам с вором попросту не доверяет. Ему нужно доставить во Фрейбург не только вильдграфа, но и нас, а из кареты мы точно сбежать не сможем. Заодно и склонного к побегам владыку феода постережём.

Тут судя по треску дверь не выдержала и рейтары с топотом ворвались в комнату. И почти сразу прозвучали два выстрела, потом послышался шум потасовки, удары, однако вскоре всё стихло.

— Если они причинили вред вильдграфу, — обычным отстранённым тоном произнёс Кожаное лицо, — я с них всех шкуры попускаю.

Однако с Гильдериком фон Шварцвальдом обращались уважительно, как и велел Кожаное лицо. Да, он выглядел слегка помятым, но лишь потому, что его буквально волокли на себе трое рейтар.

— Так и знал! — выплюнул нам в лица вильдграф. — Твари! Сволочи! Предатели! Всем вам гореть в геенне огненной тысячу лет!

— Довольно, — осадил его Кожаное лицо, поднимаясь на ноги и нависая над отцом. — Хватит горячиться, это вредно в вашем возрасте. — Он обернулся к рейтарам, спустившимся со второго этажа. — Кто стрелял?

— Вильдграф, — ответил тот, кто выдал мне ольстры с пистолетами. — Ему оставили пару пистолетов и палаш, на всякий случай. Двоих наших ранил, но ничего серьёзного, и не такие дыры зарастали.

— Если ты думаешь, что сумеешь доставить меня во Фрейбург...

— Довольно, — оборвал вильдграфа Кожаное лицо. — Если надо будет, тебя повезут связанным по рукам и ногам. А эти двое, — он кивнул в нашу сторону, — проследят, чтобы в карете ты не наделал глупостей, твоё сиятельство. Им заплатят только за живого тебя, а не за твой труп, так что уж будь уверен: они постараются. Не так ли, господа?

Он даже не обернулся в нашу сторону, чтобы увидеть наши с вором кивки.

— Надеюсь, мы поняли друг друга, твоё сиятельство? — Он долго и пристально глядел в глаза вильдграфа. — Если же нет, то мне придётся отрубить тебе ступни. Это сочли вполне приемлемым, и даже выдали мне снадобья, чтобы не допустить заражения, и лауданум, чтобы ты не сошёл с ума от боли.

— Ты и прежде был чудовищем, — заявил вильдграф, — теперь же служишь ещё более страшным... существам... Надо было дать тебе умереть...

— Может быть.

Эти два слова, произнесённые Кожаным лицом, как будто придавили вильдграфа к земле. Спина его ссутулилась, голова поникла. Он совсем повис на руках державших его рейтар, и теперь тем приходилось прикладывать усилия уже не для того, чтобы удерживать его, а чтобы не дать ему упасть.

Кожаное лицо кивнул и отвернулось от вильдграфа. Рейтары отвели старика в сторону и усадили за один из столов подальше от сына.

— Готовьте карету и лошадей, — бросил Кожаное лицо, садясь обратно на тот же стул. — Мы выезжаем, как только Хирург мне новую маску сделает.

Не прошло и получаса, как мы с вором и вильдграфом Гильдериком сидели в карете, прежде принадлежавшей Ханнсегюнтеру. На козлах устроился один из рейтар, а со всех сторон её окружили его товарищи, ведущие в поводу трофейных гусарских коней. Я переоделся обратно, никто не претендовал на моё оружие, и я забрал так и оставшийся в большой комнате, где ночевали гусары, свой палаш, а также кинжал и пистолет с патронной сумой и пороховницей. Трофеев рейтарам и без этого хватало. Вор тоже сменил мундир на привычную ему одежду и сидел рядом с вильдграфом, положив себе на колени знакомую мне короткую дубинку. Сложенный лук он пристроил на противоположное сидение, около меня, поставив рядом и закрытый колчан, полный стрел.

Кожаное лицо махнул рукой, давая сигнал отправляться, и небольшой отряд, окружающий роскошную карету, двинулся вперёд — мы ехали на север, к столице Шварцвальда, городу Фрейбург. А за нашими спинами первые языки пламени лизали деревянные стены постоялого двора. Ему суждено будет стать общей огненной могилой для чёрных гусар графа Ханнсегюнтера.

Глава 19

Ожидаемая неожиданность

Немало повидал я мест, для которых определение «дыра» подходило бы лучше, чем Фрейбургу. Он был самым грязным из виденных мной грязных городов, даже непонятно, как он не вымер от чумы, прокатившейся по этим землям пару лет назад. За высокими стенами царила антисанитария, от сточных канав несло так, что над ними, наверное, летом мухи падали замертво, нищие жались к стенам домов в надежде на жалкие крохи тепла и кутались в лохмотья, не обращая внимания на то, что им на головы выливались целые ушаты помоев. Мостовая была далеко не везде в городе, а там где имелась, пребывала в плачевном состоянии, по большей же части под ногами хлюпала жидкая, холодная грязь. У задних дверей трактиров нищие дрались с тощими собаками за выплеснутые на улицу остатки пищи и рылись в них, как можно скорее обгладывая с костей невидимые глазу остатки мяса.

— Да уж, свободный город, — бросил вор, переступая через распростёртое тело, неясно было: жив ли этот человек и просто пьян мертвецки, или уже отдал душу Господу. — Свободный от всякой морали и окончательно теряющий человеческий облик.

— Не думал, что тебя может шокировать город, — пожал плечами я. — Говорят, до чумы многие из них выглядели не лучше, даже столицы.

— Может быть, — развёл руками вор, и тут же вынужден был убрать их, потому что из окна второго этажа в сточную канаву кто-то выплеснул вонючее содержимое ночного горшка. — И всё равно, мне противно находиться тут лишних полчаса, не говоря уже о днях.

— Думай о награде за возвращение вильдграфа, — философски заметил я. — Мысли о золоте обычно согревают душу.

— Очень надеюсь, что трактир, о котором он говорил, отличается от остальных здешних хоть немного.

— Оставь надежду, — процитировал я, и слова великого поэта пришлись как нельзя кстати.

Трактиру, куда направил нас вильдграф, лучше всего подошло бы название «Обманутая надежда». Конечно, он выглядел куда крепче и основательней остальных, даже первый этаж его выстроен был из камня, второй же сложен из слегка подгнивших, но ещё вполне прочных брёвен. Другие трактиры, мимо которых нам с вором пришлось пройти по дороге сюда, представляли собой форменные развалюхи, готовые рухнуть под весом собственной худой крыши. Однако кроме основательности ничего хорошего в трактире «Под кабаньей головой» не было. Выцветшая вывеска покачивалась на несильном ветру, отчаянно скрипя, единственная уцелевшая створка двери болталась на каком-то чудом не вывернутой из стены петле.

— Может быть, внутри он несколько лучше, чем снаружи, — попытался опровергнуть собственные слова я, и первым направился к дверям трактира, решительно толкнул створку и шагнул внутрь.

...За всю дорогу вильдграф не произнёс и десятка слов. Он был мрачен и глядел на нас с вором волком. Неужели и в самом деле думал, что мы станем исполнять его просьбу? Если так, то он куда наивнее, нежели я считал. Нам с вором тоже было не до разговоров, не знаю, как его, а меня клонило в сон. Всё же полтора суток на ногах, да ещё и в столь бешеном галопе, давали о себе знать. Глаза у меня просто закрывались, и небыстро катящаяся карета,

да ещё и отлично подрессоренная с плавным ходом, внутри которой почти не чувствовались многочисленные ухабы и рытвины, этому способствовала как нельзя лучше.

— Кожаное лицо пустил отряд рысью, — сказал мне вор, видя мои отчаянные попытки бороться со сном, — и заводные лошади у них есть, даже осёдланные, так что, скорее всего, не остановятся до самого Фрейбурга.

— Предлагаешь вздремнуть, пока, всё равно, делать нечего? — спросил я.

— Спи, — кивнул он, — мне пока не хочется. А как клевать носом стану, подниму тебя.

Я решил воспользоваться его щедрым предложением. Не то чтобы доверял сверх меры, но я и так находился среди отряда врагов, в двух шагах от меня ехал верхом один из самых опасных противников, с которым мне, скорее всего, придётся скрестить клинки, чего я отчаянно боялся. Так что даже если усну, большему риску вряд ли подвергнусь. Вот и откинулся на удобном сиденье, скрестил на груди руки, вытянул ноги, насколько позволяли размеры кареты, и почти сразу задремал под скрип рессор и мерное покачивание. Не прошло и минуты, наверное, как я провалился в сон.

Проснулся от несильного, но довольно болезненного тычка в щиколотку. Вор вознамерился пнуть меня ещё раз, однако я вскинул руку, давая понять, что проснулся.

— Моя очередь, — заявил он. — Веки уже такие тяжёлые, что не поднять.

Я кивнул ему и сел поровнее, чтобы снова не провалиться в сон. Это оказалось не так и сложно, солнце скрылось за горизонтом и в карете стало довольно холодно. Я натянул на плечи сползший плащ и подумывал уже вытащить из вещевого мешка одеяло, когда вильдграф неожиданно обратился ко мне.

— Ты ведь не такой как остальные, — произнёс он надтреснутым голосом, — отчего ты с ними? Этот, — короткий, но исполненный великолепия презрения кивок в сторону посапывающего во сне вора, — с ним всё ясно. Человек без совести, её давно заменил звон монет. Но ты другой — я вижу это в твоих глазах. Тебя даже то чудовище, которым стал мой сын, опасается.

— Может быть, я просто ещё хуже него? — пожал плечами я, попытавшись изобразить равнодушие.

— Я вовсе немолод, юноша, и титул вильдграфа достался мне не по праву рождения. Мне пришлось драться за него, глотки рвать, интриговать при дворе в Авиньоне. Я далеко не ангел, и готов честно признать это. Однако и чудовищем не был никогда, и не стану, как бы ни старались те, кто завладел сейчас моим феодалом.

— К чему вы это говорите мне, ваше сиятельство? Чтобы просто развеять дорожную скуку? Зачем вам нужны ответы на вопросы?

— Верно, — кивнул вильдграф, — мне уже ничего не получить, а пустой болтовни никогда не любил. Но я бы хотел, чтобы ты услышал меня, чтобы понял, вильдграф Гильдерик фон Шварцвальд никогда не служил тем силам, которые сам же неосторожно призвал на доверенные ему земли. Всё, что делается в Шварцвальде от моего имени, ко мне никакого отношения не имеет.

— Снова пытаетесь исповедоваться мне, ваше сиятельство, — пожал плечами я, поплотнее закутываясь в плащ, с каждой минутой в карете становилось всё холоднее. — Да только не нужна мне ваша исповедь. Я не за этим приехал в ваш феодал.

— А зачем же?

Правды вильдграфу говорить, конечно же, нельзя. У него точно спросят, о чём он говорил с нами по пути, и спросят так, что у него не будет возможности не ответить или

солгать. А потому я избрал простейшую стратегию, продолжил прикидываться жадным подонком.

— Золото, конечно же, — заявил я. — Быть может, кое-какая совесть у меня ещё и осталась, но, думаю, сумма, которую нам заплатят за ваше возвращение, вполне способна заглушить и куда более сильный голос совести.

— И ты уверен, что вам с этим заплатят?

— А зачем так сложно обманывать нас? — пожал плечами я. — Зачем тащить с собой во Фрейбург. Нас куда лучше было бы прикончить на постоялом дворе, как только вы нашли, и сжечь вместе с трупами гусар.

Я думал, что Кожаное лицо попытается сделать нечто подобное, и даже прикидывал, как выкручиваться из этой ситуации. Однако поступил он иначе, и я, откровенно говоря, просто терялся в догадках, что же заставило его. Неужели я сумел произвести на него впечатление? Это, конечно, вряд ли, не стоит приписывать себе слишком многого, возможно, я просто чего-то не знаю, каких-то мотивов, движущих монстром по имени Кожаное лицо.

— Исповедуетесь, ваше сиятельство? — неожиданно зевнул вор, устраиваясь поудобнее, — лучше бы помогли нам, раз уж так ненавидите тех, кто управляет вашим феодалом от вашего имени.

— И какой же вы видите эту помощь?

— Да хотя бы рассказали, как к вам в сокровищницу попасть, — развёл руками вор. — Я бы оттуда что-нибудь крайне ценное вытащил на горе вашим врагам.

— А ведь это мысль, — прищурился вильдграф. — Это, конечно, не нанесёт им удара, но станет хорошим щелчком по носу. Моим прощальным подарком этим господам. Во Фрейбурге найдите лучший трактир, он называется «Под кабаньей головой», в его подвале есть люк, не особенно-то и хорошо спрятанный. Найти его труда не составит. Трактир стоит достаточно близко от стен замка, так что не составило особого труда проложить подземный ход оттуда в его подвал.

После он подробно рассказал, как отыскать сокровищницу и что именно лучше всего оттуда вытащить.

— Очень интересно, — протянул вор, снова откидываясь на сиденье, — никогда ещё прежде мне не заказывали грабёж собственного дома.

— Шварцвальд перестал быть мне домом, — ответил вильдграф, — да и не был им никогда, если уж по чести судить.

Во Фрейбург мы въехали на рассвете. Ночью отряд хоть и двигался без остановок, однако лошадей пустили небыстрым шагом — никто не хотел рисковать и ехать быстрее в полной темноте.

Выглянув из окна кареты, я увидел городские ворота Фрейбурга, перед которыми не было очереди из желающих въехать за стены. Жители Шварцвальда явно не жаловали собственную столицу. У ворот дежурили пара стражников самого что ни на есть помятого вида — не то пьяных, не то с перепоею, — по крайней мере, ровно на ногах держаться они не могли и покачивались, опираясь на древки алебард. При виде отряда рейтар, и особенно их зловещего командира, оба попытались подтянуться, но получилось у них не слишком убедительно. Однако Кожаное лицо и не глянул в их сторону.

Отряд вместе с каретой миновал ворота, и Кожаное лицо взмахом руки велел остановиться. А после, подъехал к карете и сделал нам с вором знак выбираться из неё.

— Ждите в городе, — велел нам Кожаное лицо. — Где вас найти?

— В трактире «Под кабаньей головой», — ответил я, спрыгивая со ступеньки и потягиваясь, чтобы хоть как-то размять затёкшие за время путешествия конечности. — И долго нам ждать? Задаром ведь нас кормить не станут. Я не говорю уж о постое.

— К вечеру ждите гостей, — бросил Кожаное лицо и развернул коня. Мне пришлось резко отпрыгнуть, чтобы брызнувшие из-под копыт комья грязи не попали в меня.

Вот так и оказались в столь же грязном, зато основательном, как и весь Фрейбург, трактире. Усевшись за круглый стол, мы заказали крепкого пива и закусок, чтобы скоротать время, хотя ждать вечера ни в мои, ни вора планы не входило.

— И как мы проберёмся в подвал? — спросил у меня вор, как только подавальщицы, принесшие нам пиво и закуски, отошли от стола.

— Из нас двоих ты — вор, тебе и карты в руки, — пожал плечами я, делая первый глоток оказавшегося довольно приличным горьковатого пива. — Я могу и Кожаное лицо тут подождать.

— Ты так уверен, что тебя с почестями пригласят в замок, чтобы вручить награду? — скепсиса в голосе вора хватило бы на дюжину профессоров теологии Болонского университета.

— Я уже говорил вильдграфу, что прикончить нас с тобой можно было без затей на постоялом дворе. Или ты считаешь, что у Кожаного лица духу не хватило бы?

— Это значит лишь, что у них на нас есть ещё какие-то планы, а вовсе не то, что нам заплатят.

— Вот мне интересно, зачем ты вообще ввязался в эту авантюру, если так уверен, что тебе не станут платить?

— Думаешь, я спонтанно подтолкнул вильдграфа к идее с ограблением его собственной сокровищницы? Конечно, первоначальные планы у меня были иные, но раз уж всё пошло прахом, то придётся довольствоваться малым.

— Сокровищница вильдграфа не столь уж малое, — покачал головой я. — Или у тебя были совсем уж грандиозные планы?

— Скорее амбициозные, — пожал плечами вор, — но что теперь о них вспоминать. Всё равно, они пошли прахом. Давай возвращаться к реальности, а именно к тому, как нам проникнуть в здешний подвал.

Ситуация и в самом деле была из тех, про которые говорят: близок локоть, да не укусишь. Вроде бы до подвала и подземного хода в замок рукой подать, но попасть туда даже под самым благовидным предлогом совсем непростое дело.

— Лучше старой доброй трактирной потасовки ничего на ум как-то не приходит, — сказал я. — Тем более что мне кажется, стража сюда явится только в том случае, если трактир загорится.

— Тут обычной потасовкой дело не обойдётся, — окинув взглядом сидевших за остальными столами посетителей, заявил вор. — Морды у всех злобные, будто у волков, сразу за ножи схватятся.

И в самом деле, компания в «Под кабаньей головой» собралась самая что ни на есть мрачная. Почти сплошь небритые или заросшие бородами мужики, частенько в одежде с чужого плеча, и лица у всех были, действительно, хищные — волчьи, как будто в каждом видят врагов или добычу. Длинные ножи имелись у каждого. Их носили вполне открыто, подвешенными у правого плеча, чтобы легко было при нужде быстро достать и пустить в

дело.

— Тем лучше для нас, — кивнул я. — Драка с поножовщиной — то, что нам надо. Осталось только повод найти.

И хотя за поводом обычно дело не становилось, но в этот раз он сам нашёл нас. Мы ещё не успели допить своё пиво, как дверь трактира распахнулась настежь, и внутрь ввалились несколько крепких парней, вооружённых увесистыми дубинками. За их спинами маячили знакомые лица Деточки и его прихлебателей.

Деточка с важным видом прошествовал мимо своих телохранителей. Все разговоры в трактире при его появлении тут же умолкли, и посетители вперили в фальшивого сына вильдграфа тяжёлые взгляды. Его здесь явно недолюбливали, и это ещё слабо сказано. У многих на лицах читались неприкрытая ненависть или откровенное презрение.

— Я снова решил осчастливить ваше заведение своим визитом, — заявил, как ни в чём не бывало, Деточка, направляясь к столу у пышущего жаром камина.

Сопровождавшие его парни выкинули оттуда занимавших его посетителей. Это, конечно же, не понравилось остальным, но внушительная охрана заставила всех проглотить эту наглость.

— Хозяин, лучшего вина и блюда как я люблю, — щёлкнув униженными золотыми перстнями пальцами, бросил Деточка. — И пускай подавальщица будет посимпатичней, чем в тот раз была! От её костлявой задницы у меня после два дня колени болели!

— Капитан Курцбах ясно дал понять, что вас больше не станут обслуживать за счёт заведения, — заявил хозяин трактира. — И плату с вас велел брать вперёд.

— Да что вы такое говорите? — вспыхнул Деточка. — Кто такой этот капитан Курцбах, чтобы отдавать такие распоряжения, а?

Отвечать трактирщик не стал, только руками развёл, и не подумав выполнять заказ Деточки.

— Проучите-ка его, — велел тот своим людям, и дюжие ребята тут же направились к трактирщику, поигрывая дубинками. — Пускай он пожалеет о том дне, когда решил перечесть мне.

— Капитан Курцбах узнает о вашем самоуправстве, — заявил трактирщик.

— Это если ему будет кому об этом рассказать, — хищно прищурился Деточка. — Ребята, хозяин этой дыры должен до конца дней своих запомнить мой урок.

Молодцы понимающе закивали и прибавили шагу.

— Бесплатная выпивка тем, кто останется на ногах! — выкрикнул хозяин трактира. — Выкиньте их отсюда!

Слова его были встречены одобрительным рёвом. Сидевшие за столами посетители, как будто только этого и ждали, как сигнала к атаке. Они вскочили на ноги едва ли не все разом, а ближайшие ринулись наперерез молодчикам с дубинками. Стоит отдать тем должное, они не растерялись и не спасовали перед лицом превосходящего их числом противника, смело ринувшись в драку. Все они мастерски владели дубинками, обрушивая их на головы посетителей, вставших на защиту хозяина трактира. На пол пролилась первая кровь, и рухнули первые тела с разбитыми черепами. В ответ те пустили в ход ножи, и крови пролилось уже куда больше. Однако это не остановило молодчиков Деточки, у них тоже имелось оружие серьёзнее дубинок и владели им они ничуть не хуже. Драка быстро переросла в настоящее побоище.

— Пора, — кивнул я, ставя кружку на стол.

Мы с воров сразу разумно выбрали себе место в углу потемнее, и теперь оказались в стороне от центра событий.

Мы поднялись на ноги и хотели уж было направиться к двери на кухню трактира, откуда будет проще всего попасть в подвал, когда прямо на наш стол рухнул спиной здоровяк в потрёпанной шубе. Стол выдержал его немалый вес, и здоровяк тут же вскочил на ноги, ринувшись обратно в драку. Мы с воров поспешили убраться, пока к нам не пожаловал очередной непрошенный гость.

Проскочить через зал трактира оказалось проще, чем я думал. Дерущиеся были слишком заняты избиванием друг друга, чтобы обращать внимание на кого из тех, кто непосредственной опасности для них не представлял. Этим и воспользовались мы с воров, пробежав к кухонной двери. Рядом с нею пара посетителей с азартом избивала припёртого к стенке молодчика Деточки. Тот даже не пытался обороняться, стоял, прижимая руки к животу, пытаясь удержать вываливающиеся кишки. После очередного удара в лицо он покачнулся и завалился на бок. Избивавшие его посетители тут же принялись месить его ногами. Молодчик же только подёргивался, скорее всего, это была уже агония.

На нас никто не обратил внимания, и мы с воров выскочили на кухню. За дверью собрались все подавальщицы, по очереди подглядывающие в щель за дракой в главном зале. На наше появление они отреагировали весьма бурно.

— Вы что творите?! — закричала одна из них. — Сюда нельзя! Немедленно убирайтесь!

— Именно это мы и собираемся сделать, — кивнул я, стараясь держаться как можно любезнее. — Подскажите, где тут дверь в подвал?

— А зачем тебе туда? — подозрительно прищурилась девица, явно самая бойкая из подавальщиц.

— Это моё дело, — ответил я, — и лучше тебе в него не лезть, милая. А то мой молчаливый друг решит, что ты хочешь помешать нашим планам.

— Пугали меня такие... — фыркнула девица. — Эй, Ножик, тут в твои владения влезли!

Ножиком звали местного повара. Его явно ничуть не интересовала драка, он не отрывался от готовки, пока его не позвала бойкая подавальщица. Вид повар имел самый что ни на есть внушительный, а коллекция разного рода ножей, разложенная перед ним на разделочном столе, только добавляла уважения.

— А ну цыц мне! — рявкнул он, убирая с огня сковороду, на которой шкворчало жаркое. — Что тут?

Девицы тут же поспешили убраться с его дороги, втянув головы в плечи. Им явно не раз доставалось от повара, тяжёлый характер которого можно было без труда угадать по выражению лица и взгляду.

— На кухню посетителям нельзя, — заявил он. — Убирайтесь отсюда.

— Мы как раз собирались сделать это, — кивнул я. — Только нам нужна дверь подвала.

— Туда тоже нельзя, — тон повара стал ещё мрачнее, и не предвещал нам ничего хорошего.

Он взял со стола длинный нож и показательно принялся пробовать его остроту пальцем.

— Давай не будем обострять, — напрямик заявил я. — Ты же понимаешь, что с нами двумя тебе не справиться. Мы уберёмся отсюда, как только нам покажут дверь в подвал.

— Уберётесь, — кивнул повар, беря в левую руку тесак для рубки мяса, — но не через подвал.

Видимо, оподземном ходе в замок знали и повар, и подавальщицы, и пускать нас туда

никто не собирался.

— Я хотел решить дело миром, — развёл руками я.

Вор, стоявший рядом со мной, уже успел вытащить из-под плаща лук и в ответ на угрожающие движения повара вскинул его. Стрела уже лежала на тетиве, натягивать которую вор не спешил. Может быть, думал, что дело ещё можно решить без лишнего кровопролития.

Повар ринулся на нас, сократив расстояние одним стремительным прыжком. Но не быстрее стрелы. Вор натянул тетиву быстрым движением и разжал пальцы. Наконечник стрелы пробил горло повару и тот рухнул навзничь, царапая пол кухни каблуками.

— Где дверь в подвал?! — крикнул я на подавальщиц, стараясь произносить слова раздельно и максимально понятно.

Перепуганные видом убитого повара девицы глядели на меня со страхом и непониманием. Пришлось повторить вопрос, прежде чем самая бойкая из них указала на дверь в противоположном конце кухни.

— Спасибо, — кивнул я ей, и мы вместе с вором направились туда, переступив через бьющегося в последних приступах агонии повара. Прежде чем покинуть кухню трактира, я обернулся к сбившимся в угол подавальщицам и произнёс: — И передайте хозяину наши извинения за повара. Видит Бог, мы не хотели обострять ситуацию и доводить до кровопролития.

Не уверен, что они поняли меня и, главное, поняли верно. Что скажут хозяину трактира, даже предсказывать не возьмусь, однако этими словами я хоть немного облегчил совесть. Убивать людей просто так, ни за что, всё-таки крайне скверное дело.

В подвале трактира, как и положено, были подвешены к потолку окорока, на полках стояли круги сыра, в мешках была сложена мука, а на отдельных полочках лежали даже кое-какие специи. Как бы ни был грязен лучший трактир Фрейбурга, он всё же мог, наверное, похвастаться своей кухней, и о том, что такое голод здесь уж точно не знали. Правда, с кухней у них, скорее всего, теперь будет похуже, по крайней мере, какое-то время, пока нового повара не найдут.

Как ни странно, при воспоминании о гибели повара меня уколола совесть. Не было нужды убивать его, просто ситуация так сложилась: или он, или мы — разговаривать с нами он точно не собирался, равно как и отпускать живыми со своей кухни. Думаю, с помощью подавальщиц хозяин трактира не раз избавлялся от особенно назойливых клиентов, интересующихся его подвалом.

Люк не был замаскирован. Однако если специально не искать его, то вряд ли обратишь внимание. Ведь надо знать, что искать, а уж где именно — это вторично. Мы с вором легко отодвинули мешавшую поднять крышку люка бочку вина, и один за другим нырнули в темноту. Первым вор, предусмотрительно зажегший небольшой фонарь, а за ним я. Опустить крышку изнутри тоннеля труда не составило. Тот, кто проложил его, был талантливым инженером и отлично разбирался в строительстве потайных ходов.

Мы убедились в этом, пройдя всего десяток шагов. Тоннель был чуть выше человеческого роста, и мы могли идти не сутулясь. Разве что мне пришлось передвинуть привязанный к вещевому мешку кампеадорский меч, рукоятка его так и норовила зацепиться за каждую перекладину из укреплявших тоннель сверху.

Пока шагали по сыроватой земле, перешагивая разного размера лужи, я прикидывал расстояние от трактира до стен замка. Выходило, что вскоре мы должны уже подойти к ним.

Вот и порода над нами сменилась. В неверном свете воровского фонаря я разглядел гранитное основание, на котором был выстроен замок. Значит, пора.

Я замедлил ход, принявшись проверять оружие. Палаш легко выходит из ножен, кинжал можно выхватить в любой момент. Кампеадорский меч висит за спиной и его легко сбросить вместе с вещевым мешком. Последним вынул пистолет, проверил на месте ли заряд, утрамбовав его для верности шомполом ещё раз. Никогда не доверял этому новому оружию, третья часть выстрелов заканчивается осечкой, и доверить подобной игрушке собственную жизнь — настоящая глупость. Вот только в этот раз выбора у меня просто не было.

Открыв полку, я на ходу, стараясь не сильно много просыпать мимо, заполнил её мелким затравочным порохом. Закрыв её, аккуратно поднял пистолет и взвёл курок, стараясь, чтобы скрежет его прозвучал как можно отчётливей.

Вор впереди замер, а я нацелил ствол ему между лопаток.

— Ну и когда ты догадался? — удивительно спокойным для человека в подобной ситуации тоном поинтересовался вор.

— Да почти сразу, — честно ответил я.

Вор стремительно обернулся, вскидывая лук с уже наложенной на тетиву стрелой.

Попасть в человека из лука с близкой дистанции вроде бы несложно. Стрела на таком мизерном расстоянии, как разделявшее меня и вора, едва ли не надёжнее пули. Однако и тут есть одна хитрость. Я выучил этот трюк очень давно, во времена первых стычек между командами рейдеров в опустевших городах. В те времена, когда самые доступные богатства уже были вывезены, и за оставшиеся приходилось драться не только с населявшими руины городов монстрами и ходячими мертвецами, но и с другими командами. Ведь были и те, кто предпочитал сам не рисковать, а просто караулить выходящие после рейдов команды, зачастую измождённые и явно не в силах сражаться. Одни просто требовали процент за проход по «своим» улицам, но большая часть без затей вырезала чужие команды, приходя на фабрики с их трофеями.

Вот тогда-то я и узнал, что если в тебя целится с небольшого расстояния лучник, то надо падать. На колени, или просто распластываться по земле. Стрелять сверху вниз в движущуюся цель, да ещё и на таком маленьком расстоянии, очень и очень тяжело. А уж попасть в неё и вовсе невозможно.

Именно так я думал, падая на колени и нажимая на спусковой крючок пистолета. И всё же вор почти попал! Стрела буквально прочесала мне волосы, я кожей ощутил движение воздуха, разрываемого ею. И всё равно, ушёл от неё. Пистолет дёрнулся в моих руках, с полки вверх метнулся столбик дыма и язычок пламени, куда больший клуб порохового дыма и язык пламени вырвались из ствола. Тяжёлая пуля угодила вору в колени, едва не оторвав ему ногу. Зашипев от боли, словно гадюка, он выронил лук и сполз по земляной стенке прохода на пол. Да так и замер, дотянувшись ладонями до раны и стараясь зажать её.

Я стремительно подскочил к нему, сорвал с него пояс и перетянул ногу на середине бедра. Тугой жгут не позволит ему истечь кровью прежде, чем я всё от него узнаю.

— Когда? — внезапно прохрипел вор. — Когда ты узнал меня?

— Ещё в Пьяченце подозрения были, — ответил я, — но меня отвлекли, не дав разобраться с тобой окончательно. Да и тевтону со скандинавом не стоило знать, кто ты такой. Если бы правда всплыла наружу, вряд ли меня бы так запросто выпустили из церкви.

— Я когда тебя в кабаке увидел, — речь вора с каждым словом становилась всё более разборчивой, он как будто переставал чувствовать боль или попросту не обращал на неё внимания, — так весь холодным потом покрылся. Ты в городе накануне таких событий. Тебя же потеряли, сам Господин не мог найти тебя, как ни старался, а отправленные на твои поиски шпионы или пропадали, или возвращались ни с чем. И тут, когда Господин вместе с миланскими некромантами решил на большую игру, ты объявляешься в городе, где должен быть разыгран её первый акт. Я не верил в то, что это может быть совпадением до последнего.

— В городе скорби тебе повезло, — заявил я. — Я хотел разобраться с тобой после того, как выберемся оттуда. Ты, видимо, уверился, что я не раскусил тебя, но именно там я понял, что это ты.

— Что же выдало меня?

— Для начала разноцветные глаза, — принялся перечислять я. — Потом шрам на правой стороне лица. Думал, я не выясняю всего о людях из своей команды? Думал, я не

знаю, что ты прячешь под чёрным капюшоном, поверх которого таскал свой шлем? Но именно в Милане я понял, что не ошибся.

— Когда именно? Не тяни уже жилы!

— Когда мы по крышам скакали, — охотно пояснил я. — Хитрые приспособления на твоём костюме. У тебя же подобные были ещё когда ты рейдером был у меня.

— Всегда питал к ним пристрастие, — кивнул вор. — Они очень облегчают жизнь, знаешь ли, особенно если по мёртвым городам промышляешь в одиночку.

— В общем, это тебя в Милане выдало с головой, Абеле, — сказал я. — И тебе чертовски повезло, что я едва на ногах держался, когда мы выбрались оттуда. Зря ты отправился вместе со мной. Если бы не пошёл тогда, после форта Бездушных, я бы может и решил, что мне показалось. Столько времени прошло, да и лица я твоего толком не видел никогда.

Самый молодой из моих рейдеров, присоединившийся к команде за один или два рейда в мёртвый город до ставшего для нас роковым, Абеле Аркури рассмеялся. Его тонкие, бескровные губы нечистого растянулись в сардонической улыбке, но он не сдержал рвущегося изнутри смеха и расхохотался в голос.

— Нельзя, — давясь от хохота и боли невнятно произнёс он, — нельзя смешивать дело и личное. Я ведь в Пьяченцу подался, чтобы свести счёты. Помнишь того кавальери, которого джаггернаут прикончил?

— Кто прикончил? — не понял я.

— Джаггернаут — здоровенная такая тварь, их выставили у ворот Пьяченцы, чтобы не дать никому вырваться из города. Вот он-то и прикончил кавальери вместе со всем его отрядом. А фамилия его тебя тогда ни на какие мысли не навела?

Кавальери и в самом деле представлялся, но я пропустил мимо ушей его имя. Оно не имело для меня значения.

— Он тоже был Аркури, и я сразу узнал его, — продолжил вор, а точнее Абеле Аркури, — мой дальний родич. Из той ветви семьи, что пустила меня по миру. Именно эта сволочь, кавальери Аркури, явился со своими людьми, чтобы выставить меня из моего родного дома. Они забрали всё, потому что документы на имущество, деньги, земли — да на всё, что было у нас, остались в проклятом городе! И вытащить их оттуда не было никакой возможности. Вот почему я стал рейдером, Рейнар. Я хотел вернуть себе то, что принадлежит мне по праву!

— А стал шпионом на службе у врага рода людского, — заявил я. — Незавидная судьба, скажу я тебе.

— А ты стал цепным псом Авиньонской церкви, — выплюнул мне в лицо Абеле. — И что, можешь сказать, твоя участь лучше моей?

— Я сижу над тобой, а ты истекаешь кровью, — пожал плечами я.

— Очень смешно, — огрызнулся Абеле. — Так что же ты не добиваешь меня? Ещё покуражиться хочешь?

— Я хочу знать, в какую ловушку ты меня должен был завести, — ответил я. — Что ждёт меня впереди?

— Кожаное лицо со своими рейтарами, — сказал Абеле. — Он встретит тебя у самого входа с десятком солдат, так что со мной или без меня — у тебя нет шансов выбраться отсюда живым. Поздно ты спохватился.

— Вполневозможно, — не стал спорить я. — Но, сам понимаешь, это ещё не повод для

меня, чтобы опускать руки. Я ведь нужен вашему господину живым, не так ли?

— Откуда такая уверенность?

Если честно, никакой уверенности у меня не было и в помине, однако что-то такое блеснуло в глазах Абеле, когда он задал этот вопрос. И это уверило меня в правоте моего предположения.

— Хотя бы то, что ты не прикончил меня в городе скорби, — пожал плечами я. — У тебя было без счёта возможностей. Особенно когда я валялся без чувств сразу после того, как мы покинули его.

— Я думал над этим, — заявил Абеле, — но всадники появились чертовски не вовремя, я едва успел скрыться.

— И на фабрику Рощано ты вывел меня не просто так, — добавил я. — Хотел тёпленьким сдать с рук на руки Бауму?

— Этот недоумок может испортить какой угодно план, а уж если приходится импровизировать, так на него вообще нельзя положиться. Ещё та толпа покойников, из-за которой мы в кустах провалялись не один час. По моим прикидкам, отряд Баума должен был появиться в Рощано позднее. Мы бы заночевали там, а утром — *voilà!* — ты у нас в руках. Тёпленький, как ты верно выразился. Но Баум всё испортил, недоумок!

Он перевёл дыхание — длинный, яростный монолог стоил Абеле дороже, чем он хотел мне показать. Несмотря на жгут, кровь, смешанная с проклятыми чернилами, вытекала из его тела.

— Ладно, Абеле, скоро я оставлю тебя в покое, — сказал я. — Ответь мне на один вопрос, на тот, от которого уклоняешься всеми силами. Что вы затеяли здесь, в Шварцвальде? Зачем вообще вашему господину понадобился этот богом забытый феодал?

— Откуда мне знать? — вполне убедительно пожал плечами Абеле. — Думаешь, он делится с кем бы то ни было своими планами? Он велит, даже не приказывает, а именно велит, и мы выполняем, не более того.

— Не лги мне, Абеле, — покачал головой я. — Тебя ведь насквозь видно. Ты даже болтать начал, лишь бы мне язык заговорить. Отвечай.

— Да пошёл ты, Рейнар, — голос Абеле стал отрешённым. — Ничего я тебе говорить не буду. Что ты можешь мне сделать? Я уже калека, так что лучше распусти ремень, чтобы я истёк тут кровью.

— Зря ты думаешь, что я ничего не могу поделать с тобой, Абеле, очень зря. Многих из тех шпионов вашего господина, что отправляли искать меня, приводили ко мне, чтобы я вытянул из них правду. И они говорили. Ни тиски, ни плети, ни огонь не могли сломить воли многих из них, ломались они, когда я глядел им в глаза.

Я с силой откинул голову Абеле, впечатав его затылком в мягкую стену подземного хода, и прежде чем он успел отвернуться или зажмуриться, буквально вцепился в его глаза своим взглядом. Не прошло и мгновения, как Абеле Аркури закричал.

Моё проклятие бьёт в самую сущность силы того, кого Абеле зовёт Господином. Я вижу его лицо, оно словно наплывает поверх лица моего бывшего товарища. И я волей-неволей узнаю все тайны Абеле.

Он продался давно, очень давно. Его поймали на крючок шпионы тирана, называющего себя Господином, он слишком хотел отомстить собственным родственникам. Тем, о ком говорил мне. Абеле привёл нас в ловушку — ведь именно он был нашими глазами в мёртвом городе. Я слишком полагался на него. Его Господину нужны были рабы — сильные, ловкие,

умелые, и моя команда подходила для этого как нельзя лучше.

Бледное, вытянутое лицо Господина искажается от негодования, точно так же как в ту злосчастную ночь. Я снова гляжу ему в глаза, и прошлое Абеле тает, теперь моё проклятье бьёт в самую сущность тирана. В его след, оставленный в душе Абеле.

Я проваливаюсь в своё прошлое, снова стою на коленях перед одетым по последней моде господином с бледным лицом, чёрными губами и белоснежными волосами, едва достающими до воротника рубашки. В тот момент он напомнил мне элитного куртизана, какие развлекают богатых дамочек — и не только их — в городах со свободной моралью, наподобие Салерно или Новой Венеции. Однако, несмотря на внешность в нём чувствовалась опасность. Да такая, от которой поджилки начинают трястись сами собой, хотя непосредственной угрозы на первый взгляд и нет никакой. Вот только этот самый первый взгляд частенько бывает ошибочным.

Тиран — а эта тварь не может быть никем иным — поднимает мой подбородок, заставляя глядеть ему в глаза. Его сила врывается в меня, подавляет волю, не даёт сопротивляться. Я чувствую боль от упёршегося в основание шеи наконечника копья, чувствую, как между лопатками струится кровь. Крысолюд, держащий оружие, и не думает давать мне послабление. Его только радуют причиняемые мне дополнительные страдания.

— Ты — мой, — в третий раз за эту ночь произносит тиран. — Я — твой Господин, признай это, прекрати сопротивляться, и боль уйдёт...

Он уже повторял сегодня эти слова дважды, но к кому обращался, не знаю.

Я и не думаю сопротивляться. У меня нет на это сил — ни физических, ни духовных. Я сломался в тот момент, когда Абеле сообщил, что выхода из дома нет. Дальше действовал уже рефлекторно — животные инстинкты вели меня, а не воля к жизни. Я должен был драться, потому что так велит самый сильный из них — инстинкт самосохранения. Но теперь пасовал и он. Перед натиском силы тирана, называющего себя Господином, удержаться не может, наверное, ничто.

Я подчиняюсь этой могучей силе, не пытаюсь даже сопротивляться. Воли нет, инстинкты забиты — ничто не мешает тирану подчинить меня, как остальных. Его сила проникает всё глубже в меня, и вдруг тиран отшатывается. Он отпускает мою голову, и я безвольно валяюсь на грязный пол. Крысолюд тут же пользуется моментом, чтобы поставить ногу мне на спину. Теперь мне уже никак не подняться.

Тиран, зовущий себя Господином, отступил на несколько шагов, прижимая руки к лицу. Я же почувствовал, что его сила получила отпор, нечто внутри меня заставило тирана отступить. И, кажется, даже нанесло ему урон. Быть может, пострадала только его гордость, но и это уже немало.

— Прокажённый, — выдавил тиран. — Тварь... Проклятая тварь... Проклятая зараза... Прикончить его!

Однако после происходит нечто. У меня нет слов, чтобы описать это — ни в одном из языков мира не найти слов, которые могли бы хоть немного дать понять мои ощущения, мои чувства, которые как будто взорвались, сошли с ума. Я видел ушами, слышал запахи, кожей ощущал цвета, свет и тень. Все чувства перемешивались раз, другой, третий, как будто нечто поставило перед собой задачу свести меня с ума.

Я потерял себя в этом безумном водовороте, и лишь одно было неизменно. Моё проклятье, моя болезнь, что страшнее чумы: проказа, она жгла меня изнутри, не давала расстаться с собой окончательно.

Когда всё закончилось, я остался лежать на грязном полу, глядя в потолок. И лишь одна мысль не давала мне свалиться в тёмные пучины безумия: «Можно ли болеть чумой и проказой одновременно? Можно ли быть проклятым дважды?».

Кожаное лицо ждал меня один. Не было никакого десятка рейтар, о котором говорил Абеле. Первым, что я увидел, выбравшись из люка, которым закончился подземный ход, были подкованные сапоги Кожаного лица. Он протянул мне руку, помогая выбраться в подвал. Я не стал пренебрегать его помощью, и вскоре уже стоял перед ним.

— А где второй? — спросил Кожаное лицо.

— Там остался, — мотнул я головой, указывая в сторону люка, — решил отдохнуть по дороге. Он мне сказал, что ты будешь ждать с десятком рейтар.

— Одного меня довольно, — бросил Кожаное лицо. — Деточка заварил слишком крутую кашу в городе — начался мятеж, и все люди нужны там.

— А ты здесь? — удивился я. — Не руководишь его подавлением?

— Мои капитаны знают что делать, — отмахнулся Кожаное лицо, — они справятся и без меня. Я нужен здесь. Тебя хочет видеть Доктор.

— Тот, кому ты обязан жизнью?

Кожаное лицо ничего отвечать не стал. Он молча указал мне на лестницу, ведущую наверх. Сопротивляться я не стал — зачем? Пока рано затевать бучу, меня ведут ровным счётом туда, куда я так стремился, так для чего сопротивляться? Главное, не пропустить момент, когда сопротивляться будет уже слишком поздно.

Мы прошли с Кожаным лицом почти через весь замок. Немногочисленные слуги, что попадались нам, стремились как можно скорее скрыться и ни в коем случае не поднимали глаз. Иные же просто замирали, вжавшись в стену, как будто пытались сделаться невидимыми, чтобы на них не упал взгляд Кожаного лица.

Мой спутник не произнёс ни единого слова, пока мы размеренно шагали по коридорам и поднимались по лестницам. Я почти не обратил внимания на замок вильдграфа, заметил только вполне очевидное запустение — пыль в углах, паутину, кое-где свисающую длинными, серыми клочьями, пару раз из-под ног с отчаянным писком выбегали мыши. Гобелены на стенах давно потускнели и покрылись толстым слоем пыли. Пол был скверно выметен. Однако на всё это Кожаному лицу было, похоже, глубоко наплевать. Он вёл меня к цели и не глядел по сторонам.

Наконец, мы остановились у массивных дверей, у которых дежурили двое рейтар.

— Дальше зал, в котором вильдграф принимает просителей и прочих визитёров, — объяснил мне Кожаное лицо. — Жди здесь, пока двери не откроются.

— И ничего? — удивился я. — Ты не попытаешься прикончить меня? У меня не заберут оружие? Вот так запросто пустят, когда закончат свои дела?

Кожаное лицо только плечами пожал, и тут из-за массивной двери раздался жуткий, почти нечеловеческий крик. Он быстро затих, видимо, сил у кричавшего было не слишком много.

— Это вильдграф? — спросил я у Кожаного лица.

Он ничего не ответил, но его молчание было красноречивее сотен слов.

— Там ведь пытаются твоего отца, — сказал ему один из охранявших вход рейтар, — и ты ничего не предпримешь? Не думал я, что ты станешь такой тварью...

— Вон, — бросил ему Кожаное лицо. — Чтобы я тебя в Шварцвальде больше не видел.

Слабакам нет места здесь!

— Я-то уйду, — грустно произнёс рейтар, совсем уже немолодой дядька с вислыми седыми усами, — а что тогда от тебя останется? Только твоя личина из кожи?

— Вон! — неожиданно взревел Кожаное лицо, и выхватил меч.

А после всё завертелось словно само собой. Схватился за оружие второй рейтар, и я быстро выдернул из ножен палаш. Кожаное лицо нанёс усачу сокрушительный удар — такой силы, что далеко не каждый сумеет отбить, но немолодому это удалось. Небыстрым, зато удивительно плавным движением он отвёл тяжёлый клинок вражеского меча в сторону. Отпрыгнув, рейтар вскинул свой палаш, готовясь отразить новую атаку Кожаного лица.

Второй рейтар тоже обнажил оружие, но обернулся ко мне, замерев на мгновение, оценивая, представляю я для него опасность или нет. И этого мгновения было более чем достаточно — ведь оно оказалось как раз из тех, в которые решаются вопросы жизни и смерти. Я ударил рейтара не палашом, к которому был прикован его взгляд, а длинным кинжалом, что сжимал в левой руке. Прямой клинок вошёл в горло рейтара прежде чем он понял, что же произошло. Он кашлянул кровью — красные струйки обильно побежали по его подбородку прямо мне на пальцы, всё ещё сжимающие рукоять кинжала. Рейтар начал заваливаться назад. Мой удар оказался слишком сильным — клинок крепко засел в теле рейтара, и я вынужден был отпустить его.

Обернувшись к Кожаному лицу и седоусому рейтару, я стал свидетелем гибели старика. Они как раз сшиблись снова — зазвенела сталь. Рейтар сумел отбить два могучих удара Кожаного лица, попытался контратаковать, но ему не хватило ловкости. Всё же он был немолод и уступал в скорости движений Кожаному лицу. Тот легко парировал его выпад и тут же нанёс сокрушительный удар ногой. Подкованный каблук врезался в грудь рейтара, мне показалось, что я услышал треск рёбер, хотя это и моё воображение могло разыграться.

Старик отлетел к стене, врезавшись в неё спиной, и сполз на пол. Из рта его потянулась струйка крови. Кожаное лицо шагнул к нему, занося меч для последнего удара. И тут я сделал просто чудовищную глупость. Даже не представляю, какой чёрт толкнул меня под руку. Вместо того чтобы ударить Кожаное лицо в спину, я швырнул свой палаш в него. Вращаясь, тот врезался в клинок меча Кожаного лица, не дав тому нанести старику смертельный удар, и со звоном отлетел куда-то в угол.

Кожаное лицо обернулся ко мне, склонив голову на бок, словно птица. Наверное, этот жест у него означал недоумение. Я же быстрым движением скинул со спины вещевой мешок, к которому был привязан кампеадорский меч, и постарался как можно скорее извлечь его клинок из ножен.

— Можешь не торопиться, — произнёс Кожаное лицо, шагнув в мою сторону, — я не убиваю безоружных. — Он помолчал мгновение, и неожиданно для меня продолжил: — Может, и к лучшему, что этот старый дурень решил прочесть мне нотацию в самый неподходящий момент. Мне велели принести твою голову, если не выйдет привести тебя самого. Значит, пусть будет голова.

И Кожаное лицо сорвал маску, отшвырнув её в угол. Не знаю уж, оказывал он мне таким образом некую почесть, признавая достойным противником, или же смутить хотел своим жутким видом. Мне было наплевать.

— Я сделаю новую маску из твоего лица, — заявил он, прежде чем атаковать, — и буду носить её долго.

Он атаковал меня рубящим ударом — быстрым и чудовищно сильным. Но я и не

подумал принимать его на свой клинок. Полшага в сторону, вскинутый для обороны меч, клинки всё же со звоном сталкиваются, запястья с предплечьями отзываются на это тупой болью. Кожаное лицо тут же атаковал снова, попытался достать меня обратным движением, однако уклониться мне труда не составило. Он не остановился на достигнутом и ринулся в новую атаку. Дважды крутанув мечом, усиливая замах, Кожаное лицо рубанул меня сверху вниз. Я нырнул вперёд, подставив под выпад меч, и продолжил двигаться, заставляя его клинок соскальзывать по моему. Сила вражеского удара едва не заставила меня упасть на колени, и всё же я сумел выдержать её, ушёл в перекат и попытался рубануть противника сзади. Одного не учёл, в руках у меня был не привычный лёгкий палаш, а длинный меч. Кожаное лицо успел крутнуться на месте и отбить мой не самый ловкий выпад.

Пользуясь тем, что я стоял-таки на одном колене, он обрушил на меня новый могучий удар сверху-вниз. Уклониться у меня возможности не было, и я ударил в ответ. Клинки столкнулись со стеклянным звоном, во все стороны брызнули снопы искр, боль снова вспыхнула в запястьях с предплечьями. Но я выдержал удар, и рванул вперёд и вверх, снова пропуская вражеский клинок по своему. С неприятным скрежетом тот соскользнул, заставляя Кожаное лицо податься вперёд. Мы оказались на расстоянии в полфута, если не ближе. Перехватив меч правой рукой, левой я взмахнул хитрым образом, заставляя выскочить в ладонь крошечный нож. Даже не нож, а заточенную до бритвенной остроты полоску металла.

Я забрал её вместе с наручем, где она была спрятана, у Абеле, прежде чем двинуться дальше по тоннелю. Он попытался меня полоснуть этим ножичком, как только я закрыл ему глаза ладонью, прекращая пытку. Наруч отлично уместился под рукавом джеркина, и полоска металла легко выскакивала в ладонь. Хотя, конечно, после первых тренировок у меня оказалась сильно порезана перчатка, пока я не научился правильно сжимать полоску пальцами. Перчатку пришлось выкинуть по дороге, зато теперь у меня появился ещё один шанс в схватке с Кожаным лицом.

Я стремительно полоснул ножичком по шее противника, целя под изуродованную челюсть, в яремную вену. Кожаное лицо дёрнулся назад, его жуткое лицо скривилось от боли. Он отступил на пару шагов, зажимая левой рукой рану. Таковую, от которой любой другой умер бы в течение считанных секунд. Но для Кожаного лица этого было, увы, недостаточно — он давно уже не был обычным человеком.

Я снова перехватил меч обеими руками и нанёс врагу быстрый удар, каким-то чудом Кожаное лицо сумел отбить его. Он уверенно сжимал меч правой рукой, левую же не отрывал от располосованного мной горла. И более того, Кожаное лицо и не думал уходить в оборону — он атаковал!

Он с рёвом ринулся на меня, не обращая внимания на хлещущую из-под пальцев кровь. Схватив меч двумя руками, Кожаное лицо нанёс чудовищно сильный удар, мне ни за что не справиться с ним, даже пытаться не стоит — гиблое дело. Я ушёл в сторону классическим пируэтом, провернувшись на месте, на мгновение подставив врагу спину, но что самое главное — уйдя с пути его тяжёлого клинка. Вот теперь он был мой! Я на излёте парировал его сильный, но не слишком ловкий выпад, нанеся удар по основанию клинка. Кожаное лицо не сумел удержать оружия в руках, и меч с глухим стуком отлетел в угол.

Ни о каком благородстве в этом поединке и речи идти не могло, продолжая движение, я прокрутился во второй раз, усиливая удар, и рубанул Кожное лицо по корпусу. Остро отточенный клинок кампеадорского меча, который я правил и точил по дороге к Фрейбургу,

легко разрубил кирасу Кожаного лица и глубоко вошёл в тело с мерзким хрустом. Я потянул его на себя, освобождая, и тут же разорвал дистанцию. Но Кожаное лицо и не думал атаковать меня — силы у него подошли к концу.

Из располосованного горла и раны на боку обильно текла кровь. Он ещё держался на ногах, но сразу видно — сражаться уже не может. Мне оставалось его только добить. Этот момент — самый опасный в схватке, когда кажется, что ты уже победил. Обречённый противник всегда может выкинуть нечто этакое и утащить тебя за собой на тот свет. Поэтому я ударил быстро и безжалостно. Быстрым выпадом я насквозь пронзил грудь Кожаного лица, кираса снова не сумела остановить клинок кампеадорского меча. Я выдернул оружие, и Кожаное лицо тут же завалился на спину. Под ним на полу начала растекаться лужа почти чёрной от проклятого ихора крови.

— Ты... прикончил его?.. — услышал я слабый голос.

Я обернулся и увидел седоусого рейтара, сидящего у стены. Он был ещё жив, но каким чудом — непонятно. Зато сразу видно — он отдаст богу душу в ближайшие минуты.

Я подошёл к нему и присел рядом.

— Да, убил, — сказал я.

— Хорошо... — выдохнул рейтар. — Сил не было... глядеть... каким он стал...

Вместе со словами из него будто жизнь выходила, и я не прерывал его. Пусть говорит, если ему так этого хочется. Что-то в последнее время мне часто исповедуются.

— Я ж ему... вместо отца был... — продолжил старый рейтар, переведя дыхание. — Мы ещё с отцом его... начинали... вместе. А потом он меня к нему приставил... Когда парень в наёмники податься решил... Вместе служили... много повидали... Потом вернулись... На войне много всего было... Но тут... Надо было отцу отречься от него... Похоронить после той резни на свадьбе...

Силы окончательно оставили старого рейтара, он начал бредить, речь его становилась всё тише и сбивчивей. Последним, что я услышал, были слова:

— Сил нет... Каким стал...

И старый наёмник умер у меня на руках. Отчего-то мне было жаль его, хотя я не знал этого человека вовсе. Очередной безымянный труп, через который остаётся только переступить. И всё равно, мне было жаль его — сам не знаю, почему.

Я закрыл глаза старому наёмнику и поднялся на ноги. Пришёл черёд навестить ещё одного из моих бывших товарищей по рейдам в мёртвые города.

Глава 21

Из прошлого...

Я хотел было поддаться дурацкому желанию и открыть массивные двери, ведущие в главный зал замка, пинком ноги. Однако мне бы это не удалось, потому что открывались они наружу. Я распахнул створки и вошёл в просторную залу, где на высоком пьедестале был установлен настоящий трон. Назвать эту роскошную, но при этом массивную и основательную конструкцию просто креслом язык бы не повернулся. Изготовленное из стали и дерева, затейливо украшенное резьбой — да такие троны есть далеко не у всех владык, называющих себя королями. Вот только вряд ли кто из них, взглянув на сидящего на нём вильдграфа Гильдерика, мог бы позавидовать его участи.

Над ним всё ещё стоял Чумной Доктор, а значит, процедуры, заставляющие старика кричать от боли, не были завершены. Я узнал его сразу же, хотя он ничем не отличался от прочих братьев по профессии. Тот же плащ, круглая шляпа с маленькими полями, перчатки с крагами и клювастая маска, с которой он почти не расставался даже вне мёртвых городов. И всё же я точно знал, передо мной именно он — Чумной Доктор из моей команды.

Ловкими движениями рук он словно сплавлял воедино плоть вильдграфа с деревом и сталью кресла. Гильдерик потерял сознание от боли, но было ясно, скоро он снова придёт в себя, чтобы исторгнуть новый нечеловеческий крик.

Услышав мои шаги, Чумной Доктор, не оборачиваясь, бросил через плечо раздражённо: — Сколько можно повторять, не отвлекать меня, когда я работаю!

— Мне ты этого не говорил ещё ни разу, — сказал я, уверенно шагая через просторную залу.

Мои слова заставили Чумного Доктора обернуться. Он прекратил свою тонкую работу, руки его замерли. И почти тут же пришёл в себя вильдграф. Все чувства вернулись к старику, и он закричал. Доводилось мне несколько раз бывать в полевых госпиталях после сражений. Только там, наверное, слышал я такие крики, полные боли и отчаяния. Так кричат будущие калеки, которым пилят руки или ноги, чтобы спасти жизнь. Куда страшнее боли в их воплях безнадёжность, обречённость. Они уже не люди, обрубки, отгрызки, которым только и остаётся, что доживать свою жизнь на паперти или у добрых родственников. Меньше часа назад они были сильными людьми, а теперь стали чудовищными калеками, на которых никто не взглянет лишний раз.

Вот что услышал я в крике вильдграфа. Он уже не был человеком, Чумной Доктор своими манипуляциями превращал его в часть кресла. Вильдграф уже никогда не сумеет подняться на ноги. Руки его были вплетены в узор, покрывающий подлокотники кресла, металлические полосы пересекали их и Гильдерик теперь может разве что пальцами свободно шевелить.

Какую боль он испытывал сейчас я себе даже представлять не хотел.

— Рейнар? — удивился Чумной Доктор. — Кто тебя пустил сюда? Где охрана? Где Кожаное лицо, чёрт побери?

— Мертвы, — развёл руками я, — так что пришлось самому двери открывать.

— Я ведь приказал этому недоумку взять десяток солдат и ждать тебя у выхода из тоннеля! — вспыхнул Чумной Доктор. — В этом проклятом Шварцвальде хоть кто-нибудь что-нибудь умеет делать на совесть?

— Абеле родом не отсюда, — заметил я.

— Ему вообще тут делать нечего, — отмахнулся Чумной Доктор.

Вильдграф Гильдерик закричал за его спиной с новой силой. Чумной Доктор раздражённо ткнул его каким-то инструментом, который, оказывается, держал в правой руке. Старик тут же замолчал, потеряв сознание — интересно, надолго ли?

— Абеле был крупным кретином, раз связался с тобой, — продолжил Чумной Доктор. — Ты был ему не по зубам, но у него, конечно же, было иное мнение.

Я лишь руками развёл — мол, чужая душа — потёмки.

— А Кожаное лицо тоже решил повести свою игру, — кивнул клювастой маской Чумной Доктор, — раз не выполнил моего приказа. Что с ним случилось? Приступ ярости который спровоцировала какая-то мелочь, верно?

— Вроде того, — кивнул я, подходя к ступенькам пьедестала.

— Ни шагу дальше, — вскрикнул Чумной Доктор. — Ни шагу — я не шучу!

— Ты мне угрожаешь? — удивился я, остановившись.

— Предупреждаю, — веско произнёс Чумной Доктор.

— Что же такое ты можешь сделать?

Мной овладело веселье. Это был какой-то абсурд — Чумной Доктор угрожает мне. Тот, кто всегда первым удирал от тварей в мёртвых городах, тот, кто ничего тяжелее скальпеля в руках не держал и всегда отлынивал, когда мы выносили добычу. Старина Чумной Доктор — бесполезный в схватках с людьми и даже бродячими мертвецами, вдруг начинает угрожать мне.

— Думаешь, я здесь ради вильдграфа? Так он уже отыгранная карта. Он никому не интересен. Не пройдёт и недели, как в Шварцвальд прибудет новый вильдграф со своим войском, который наведёт тут порядок. И его твоя марионетка, прикованная к этому креслу, не обманет. Не успеешь унести ноги — отправишься на костёр.

— Ты глупец, Рейнар, и всегда был им! — отрезал Чумной Доктор. — Прежде ты был удачливым глупцом, но теперь тебя и удача оставила. Зря ты явился сюда. Здесь тебя ждёт только смерть! В какие бы игры ты теперь ни играл. Хотя какой ты игрок — ты ведь пешка на чужой доске, разменная карта в руках.

— Если считаешь себя чем-то большим, — сказал ему я, — то — ошибаешься. Я заглянул в душу Абеле и видел, что все вы — рабы тирана, называющего себя Господином.

— Зачем ты вообще сюда пришёл? Нотации мне читать? Так я в них не нуждаюсь. Лучше быть рабом Господина, нежели алчных и развращённых князей Авиньонской или Кастильской церкви, подобно тебе.

— Я пришёл убить тебя, Чумной Доктор.

— И ты считаешь, что сумеешь сделать это?

— А ты считаешь, что сумеешь мне помешать?

Я выхватил из-за пояса пистолет, ладонью левой руки взвёл курок, и тут же выстрелил. И всё равно не успел. Чумной Доктор двигался с удивительной скоростью — даже Абеле, при всей его ловкости, уступал ему. Тот каким-то почти кошачьим движением ушёл в сторону и прыгнул, преодолев расстояние никак не меньше пары ярдов. Приземлившись на пол, Чумной Доктор уверенно стоял на ногах, сжимая в правой руке крепкую дубовую палку. Обычно подобной переворачивали трупы жертв чумы, однако и как оружие она вполне сгодится. И Чумной Доктор решил мне это доказать прямо сейчас.

Он сорвался с места, обрушив на меня серию стремительных ударов. Крепкая палка

врезалась мне в плечо, и лишь кольчужный рукав уберёг меня от перелома. Тут же обратным концом Чумной Доктор ткнул меня в живот, заставляя переломиться пополам, ловя ртом воздух. Удар по рёбрам заставил лёгкие взорваться болью, а Чумной Доктор и не думал останавливаться на достигнутом. Прокрутив палку над головой, он обрушил её на меня сверху вниз. Я едва успел подставить под удар скрещённые руки, принимая дерево на наруч и плотный рукав джеркина. Чумной Доктор тут же отдёрнул палку, не давая мне шанса перехватить её, и ударил снова. Крепкая древесина врезалась мне в рёбра с другой стороны. Я закашлялся и упал на одно колено.

— Господин наделил всех нас особыми дарами, Рейнар, — произнёс торжествующим тоном Чумной Доктор. — Я больше не старый слабак, только и годный на то, чтобы латать вас после драк. Теперь я могу постоять за себя. Да что там, я могу легко отправить на тот свет любого бойца, вроде тебя! Даже Кожаное лицо не смог продержаться против меня и пары минут.

— Он слишком полагался на свою силу, — ответил я, стараясь потянуть время, чтобы хоть немного прийти в себя после ошеломительной атаки Чумного Доктора. Ничего подобного я от него и в самом деле не ожидал. — А вот с ловкостью и скоростью движений у него было плохо.

— У меня с этим теперь, как видишь, всё отлично! И не пытайся заговорить мне зубы!

Чумной Доктор ударил меня снова — теперь целил в висок. Я ушёл от встречи с деревянной палкой, распластавшись на полу, тут же вскочил на ноги, оказавшись почти за спиной Чумного Доктора. Тот попытался ткнуть меня обратным концом своей палки, но я снова сумел уклониться и изо всех сил врезал кулаком по его клювастой маске.

Ошеломлённый Чумной Доктор отступил на пару шагов — маска съехала с его лица, открыв мне один глаз. И это был совсем не человеческий глаз. Жёлтый, с вытянутым как у кота зрачком.

Я тоже отпрыгнул, разрывая дистанцию, чтобы получить возможность обнажить оружие. Вещевой мешок вместе с тяжёлым кампеадорским мечом остались по ту сторону двери. Прежде чем войти в зал, я зарядил пистолет и вернул в ножны палаш. Теперь же надо было успеть выхватить клинок, прежде чем Чумной Доктор атакует снова.

И я успел, даже вовремя вскинул оружие, чтобы подставить его под летящую мне прямо в лоб палку. Отбил и следующие атаки Чумного Доктора. Пускай его господин и наделил его нечеловеческой скоростью и ловкостью, вот только настоящих боевых навыков это не заменит ни за что. Я парировал все его быстрые, но чертовски предсказуемые атаки, всякий раз я едва ли не заранее знал, куда он будет бить, и дерево его палки встречало сталь клинка.

Чумной Доктор начал злиться — это видно по его движениям. Они стали куда резче, ещё менее расчётливыми, нежели ещё секунду назад. Он продолжал наседать на меня, но ни одна из его атак и близко не могла нанести мне какого-либо вреда.

— Издеваешься надо мной? — прошипел он из-под маски, которую вернул на место быстрым движением руки. — Думаешь, победил? Как бы ни так!

И он ринулся в новую атаку — ещё более стремительную. Несмотря на всю её грубость и предсказуемость, я не сумел отбить всех ударов, обрушившихся на меня. Два последних оказались слишком быстрыми. Сначала левое плечо, а следом шея и основание черепа взорвались болью — и я покатился по полу, едва не выронив палаш. Если бы не корзинчатая гарда, точно потерял бы.

Чумной Доктор наступал на меня. На сей раз молча. И я видел, что ему эта атака далась

очень непросто. Он переводил дыхание, даже под свободным одеянием его было видно, что грудь ходит как кузнечные меха.

Я лежал на полу до последнего, делая вид, будто у меня не осталось сил для обороны. Чумной Доктор совершил первую ошибку, подойдя ко мне слишком близко — он ведь и представления не имел о дистанции схватки. Он занёс надо мной свой палку, целя концом в лицо. Будь на его месте кто другой, я мог бы заподозрить обманный манёвр — слишком уж прямолинейной была эта атака. Но Чумной Доктор за всю нашу короткую схватку атаковал только так — прямо в лоб, без каких-либо затей, полагаясь только на дарованную скорость.

Прежде чем он успел ударить меня, я рванул вверх. Второй ошибкой Чумного Доктора был прикованный к клинку палаша взгляд. Он не обратил внимания на короткий кривой нож, что я сжимал в левой руке. Чумной Доктор легко отбил палаш — тот отлетел далеко в сторону, заскользив по каменному полу, я даже удерживать его не стал.

Чумной Доктор даже не понял, что именно убило его. Я снял длинный кривой кинжал с пояса умершего у меня на руках рейтара. Очень уж приглянулся он мне. Не люблю шарить по трупам, но в этот раз не смог удержаться. К тому же мой собственный кинжал крепко засел в костях позвоночника второго рейтара и освободить его времени не было. Так что этот пришёлся как нельзя кстати. И вот сейчас я по самую рукоятку вонзил его в низ живота Чумного Доктора. Тот не носил под просторным одеянием ни кольчуги, ни даже плотной кожаной куртки, что могли бы спасти ему жизнь. Я перехватил рукоять ножа обеими руками и рванул его вверх. Чумной Доктор задохнулся от боли и неожиданности. Я же продолжал тянуть вверх рукоять, чувствуя, как остро отточенному клинку поддаётся плоть, как он режет внутренние органы, пока не упирается в ребро. Он и его начинает резать, но мне довольно и той страшной раны, что я уже нанёс Чумному Доктору. Я выдёргиваю кинжал из раны и отступаю на полшага.

Чумной Доктор выронил палку, та с глухим стуком ударилась об пол, прижал обе руки к распоротому животу, откуда обильно лилась кровь, и уже начинали лезть сизые петли кишок.

— Зря ты ввязался в это дело, — покачал головой я. — Ты не воин и никогда не был им. Ты врач, учёный, и даже скорость реакции не поможет тебе победить.

— Я ничем не хуже тебя... — прохрипел умирающий Чумной Доктор. — Ничем... не хуже...

— Умение драться ещё не всё, — пожал я плечами. — Далеко не всё. Жаль, ты этого так и не понял.

Я сильно толкнул его ногой, и Чумной Доктор повалился на бок, свернувшись в позе зародыша. Он ещё подёргивался, но это была агония. И всё же я поднял с пола не так и далеко отлетевший палаш, подошёл к Чумному Доктору и быстрым ударом оборвал его страдания.

Как только Чумной Доктор отправился в тот круг ада, куда попадают все продавшиеся некромантам, вильдграф Гильдерик пришёл в себя и закричал. Это стало для меня знаком — Чумной Доктор и в самом деле мёртв.

Я поднялся на пьедестал, где было установлено тронное кресло вильдграфа. Гильдерик сейчас мало походил на себя прежнего — боль исказила его благородные черты лица, в глазах плескались ужас и безумие. Он уже не был человеком. Безумец с затравленным взглядом животного.

Быстрым движением кинжала я перехватил его горло — на седую бороду и роскошное

одеяние, в которое облачили вильдграфа, обильно пролилась кровь. Он бросил на меня последний, удивительно осмысленный взгляд, в котором было столько облегчения и благодарности, что мне стало не по себе.

Я отступил на пару шагов и обернулся, чтобы спуститься с пьедестала. И тут из-за тронного кресла вышла она. Я был точно уверен, что никого и ничего позади кресла нет, однако Гитана вышла оттуда с такой непринуждённостью, будто стояла в паре шагов от меня, когда я прекратил невыносимые страдания вильдграфа Гильдерика фон Шварцвальда.

— Ты ничуть не изменилась, — нагло солгал я ей.

Если кто и изменился больше всех, так это она — Гитану больше нельзя было назвать симпатичной девушкой. Каким-то странным образом её лицо удивительно гармонично переходило от плоти к оголённым костям черепа с пустой глазницей на месте правого глаза. Пускай она и носила широкополую шляпу, стараясь прикрыть эту жуть, но помогало это не слишком.

— Лжец, — половиной лица улыбнулась она.

Улыбка у Гитаны вышла печальная, а вовсе не сардоническая, и уж точно не лживая — совсем не такая, к каким я привык.

— Но мне, всё равно, приятно, — добавила она.

— И за это ты продала душу тирану? — спросил я у неё.

— Ты же сам отлично знаешь, Рейнар, что нет, — ответила она. — Только Господин мог спасти жизнь Бауму, а ради него я готова на всё.

— И где теперь Баум? Я видел его в фактории Роццано, куда меня хотел заманить Абеле.

— Он сражается под Пьяченцей, — ответила Гитана. — Там сейчас, благодаря тебе, завертелась кровавая карусель, и сколько продлится, бог ведаёт.

— Вот только не надо меня виноватым делать, хорошо? — осадил её я. — Вы хотели тихо-мирно прибрать к рукам город, прикончив всех его жителей, а после населив его нечистыми из Подгорода. Я не дал вам этого сделать. Не забывай, мы по разные стороны баррикад, и какая бы кровавая карусель ни крутилась сейчас под Пьяченцей, раскрутил её именно ваш господин, и никто иной.

— Тебе никогда не поздно перейти баррикады, — предложила мне Гитана. — Поверь, по ту сторону тебя ждут.

— С распростёртыми объятьями, конечно. — Меня начинал злить наш разговор. — Чумной Доктор хотел получить мою голову, значит, вашему господину я не нужен.

— Слуги нужны всякому разумному Господину, а я могу убедить его, что ты не опасен.

— Брось, Гитана, опасного слугу никто не станет держать при себе. Не хочу получить нож в спину от тебя, к примеру, или ещё от какого-нибудь разумного слуги. Лучше скажи, зачем ты явилась сюда?

— Может, тебе и о планах Господина относительно Шварцвальда рассказать? — теперь улыбка её была озорной.

Такие улыбки я видел лишь в детстве — в то счастливое время до чумы.

— Не отказался бы, — нагло кивнул я. — Хотя и так всё более-менее понятно. Вам просто нужен был феодал, где вы могли бы творить что хотите. Почти открыто на территории Империи. Привечать нечистых, вивисекторов, даже некромантов. Шварцвальд — место, где можно скрыть множество тайн, особенно с ручным вильдграфом.

— Ну вот, ты всё и сам отлично понимаешь, зачем же пытаться вопросами меня?

Непонятно только, раз ты всё знал, отчего не покинул Шварцвальд раньше, а, господин шпион?

— Закрутилось всё как-то, — пожал плечами я, — слишком быстро. Как будто в водоворот угодил после того, как мы с Абеле бежали с постоялого двора вместе с трупом венгерского графа. Кстати, не знаешь, какую рыбку он тут пытался удить? Граф, а не Абеле, конечно.

— А вот в эти игры, Рейнар, тебе лучше не лезть, — предупредительно покачала головой Гитана. — Что же до того, зачем я здесь... — Она помолчала с полсекунды, затем продолжила: — Я просто хотела попытаться переубедить тебя, рассчитывала на твою разумность. Жаль, что ошиблась.

Она отправила мне воздушный поцелуй, получившийся слегка зловещим из-за её жуткого лица, и шагнула обратно за кресло, в котором сидел мёртвый вильдграф Гильдерик фон Шварцвальд.

Инквизитор Фюрстенберг чем-то неуловимо напоминал прелата Лафрамбуаза, хотя по внешности этого сказать было никак нельзя. Высокий, какой-то весь узкий, словно и не человек, а клинок меча, Фюрстенберг предпочитал, чтобы его длинную фамилию сокращали до короткого Фюрст. И дело было вовсе не в тщеславии^[49], нет, просто он не любил лишних слов, сразу переходя к делу.

Одевался он крайне аскетично, и аскетизм его был не показной, а самый настоящий. Фюрстенберг не пил ничего кроме ключевой воды и пищу предпочитал простую, хотя и сытную. В нынешнюю нашу встречу поверх платья, которое не всякий дворянин из небогатых надел бы, Фюрстенберг был облачён в багровую мантию инквизитора, украшенную вышитым серебром распятием. Это одеяние ему пришлось явно не по душе, и он чувствовал себя в нём неуютно.

— Проходите, Рейнар, — велел он мне. — У меня много дел на сегодня, так что давайте с вами покончим как можно скорее.

— Звучит зловеще, — заметил я.

— Отчего? — не понял меня Фюрстенберг. Его почти бесцветные брови сошлись на костистой переносице. Однако он, видимо, быстро понял, в чем дело, и кивнул. — Нет, — сказал он, — опасаться вам ничего не стоит. Я внимательно ознакомился с протоколом вашего допроса, и склонен признать вашу работу в Шварцвальде удовлетворительной. Вы сделали всё, что могли, и большего требовать от вас — глупо.

Эти слова прозвучали бы оскорблением, произнеси их кто-нибудь другой, но только не Фюрстенберг. Он лично провёл мои первые допросы, где обошлось без таких традиционных для инквизиции методов, как пытка огнём или водой. Он слушал внимательно всё, что я говорил, и по виду его было совершенно неясно — верил он мне или нет. Секретарь скрипел пером, записывая каждое моё слово, Фюрстенберг изредка задавал уточняющие вопросы. Он не пытался с их помощью запутать меня или поймать на лжи — он просто сухим тоном уточнял интересующие его детали. И даже если я не мог пояснить чего-либо, просто кивал, давая мне знак говорить дальше. Потом и вовсе перестал ходить на допросы и его сменил мрачного вида официал^[50] с серебряным перстнем на пальце. Тот ограничивался общими вопросами, иногда прося уточнить что-то из прошлых моих допросов. Ответы мои писарь заносил в отдельные протоколы.

— Кстати, а кто тот важный здоровяк, что вышел из вашего кабинета?

Я обратил внимание на него в основном из-за впечатляющей внешности и привычки носить доспехи и оружие где бы то ни было. Покинувший кабинет инквизитора человек был выше меня почти на голову, однако казался ниже ростом из-за сутулости и широких плеч. Грубое лицо его пряталось в густой, отливающей сталью от обильной седины, бороде. Под просторным кафтаном он носил кожаную, укреплённую сталью на животе кирасу, а на голове кожаный чепец, какой обычно надевают под шлем. На поясе его висел длинный меч.

— Это новый вильдграф Шварцвальда, — ответил на мой вопрос Фюрстенберг. — Я давал ему необходимые инструкции, прежде чем он отбудет в свой феодал.

Да уж, именно такой правитель и нужен разорённому прежним правлением феодалу, где от порядка не осталось и памяти, а по дорогам бродят банды мародёров и грабителей из числа солдат, служивших прежнему вильдграфу. Хотя, если уж быть точным, то, скорее,

Кожаному лицу. Почти каждый из капитанов его рейтар сейчас имел собственную ватагу, наводящую ужас на небольшие поселения. Даже Деточка сумел сплотить вокруг себя совсем уж отпетых головорезов, и его банда отличалась особой жестокостью.

— Его прозвали Кровавым бароном, — добавил инквизитор, — и не зря, стоит сказать, хотя титул он носил и не по праву. Он проявил себя при подавлении нескольких бунтов, и теперь в награду за заслуги император даровал ему свой феодал.

Хорошая награда, надо сказать, но, видимо, Кровавый барон и такой был рад. Получить титул, пусть даже с таким феодалом, уже совсем немало, за подобное многие горло готовы рвать кому угодно.

— Однако мы отвлеклись, — заметил Фюрстенберг. — В Шварцвальд вы вряд ли вернётесь в скором времени, так что лучше сосредоточьтесь на своём будущем, Рейнар.

Инквизитор был безупречно вежлив, аж не по себе становилось. Он даже на допросах ко мне исключительно на вы обращался.

— Моё будущее в ваших руках, — покачал головой я. — Раз я не в кандалах, и не в подвале, выходит, у вас есть на меня несколько иные планы.

— Ваша проницательность делает вам честь.

И ведь не поймёшь, издевается надо мной сейчас Фюрстенберг или говорит серьёзно. Крайне непонятная для меня личность, а потому опасен вдвойне.

— Для начала, взгляните на этот портрет.

Он вынул из ящика стола лист бумаги, на котором карандашом было набросано лицо мужчины, которое я узнал бы из тысячи. Со слегка пожелтевшего листа на меня глядел тот, кого мои прежние товарищи звали Господином.

— Вы узнаете того, кто здесь изображён?

— Конечно, узнаю, — кивнул я. — Это опасный тиран, называющий себя Господином. Именно он поработил мою команду во время нисхождения скорби.

— Тогда познакомьтесь с ним снова, — сказал Фюрстенберг, — Мирча Дракулести — воевода короля Владислава Кана Венгерского, господарь Валахии и Трансильвании. А также консул в Тоскане и Южной Италии. Именно он станет вашей целью.

Так вот что имела в виду Гитана, когда говорила, что не стоит ввязываться в эти игры. Граф Ханнсегюнтер, скорее всего, метил в доверенные лица венгерского короля, а может, был направлен им в Шварцвальд с инспекцией действий подопечных этого Дракулести. Вот откуда посреди Империи взялись чёрные гусары во главе с венгерским графом, да ещё и с Абеле в придачу.

— Целью? — уточнил я.

— По просьбе инквизитора Тосканы, — пояснил Фюрстенберг, — вы должны будете собрать отряд и покончить с этим... — он замолчал на секунду, — существом. Однако прежде, конечно, вам надо раздобыть доказательства его деятельности. Сами понимаете, для конфликта с Венгрией одних ваших слов мало.

— И из кого мне собирать отряд? — удивился я.

— На ваше усмотрение, — отмахнулся Фюрстенберг. — Вы вольны подбирать себе тех, кто нужен, без оглядки на происхождение и репутацию. Вам будут предоставлены в полное распоряжение архивы инквизиции, в которых, думаю, вы найдёте достаточно кандидатур.

Вот, значит, кого мне предлагают. Отпетых негодяев, сидящих в тюрьмах инквизиции в ожидании исполнения смертного приговора. Слышал я о подобных засенках, думал, и сам попаду в подобную после того, как меня из города скорби вытащили. Люди без будущего,

вроде меня самого, они станут служить инквизиции лишь бы не вернуться в тюрьму, а в случае чего от них всегда так просто откреститься. Ведь официально большинство из них мертвы — казнены по приговору трибунала, приведённому в исполнение при множестве самых заслуживающих доверия свидетелей.

— В вашей работе не обойтись без официального статуса, — продолжил Фюрстенберг, — и он у вас будет. Передо мной стояла сложная задача, поставленная князьями Церкви, намного превосходящими меня. На мои плечи возложили решение вашей судьбы, Рейнар. Я понимаю, вы многое утаили от меня о событиях в Шварцвальде, но, уверен, в главном были достаточно правдивы. В остальном же, Господь вам судья. Пока.

Он поднялся из-за стола, обошёл его и взглянул мне прямо в глаза. От этого взгляда мне, честно говоря, стало не по себе. Очень уж пронизательным он оказался. Серые глаза инквизитора, словно в самую душу мою заглядывали, видя ложь о встрече с Гитаной, о которой я предпочёл попросту умолчать.

— Я принял решение, Рейнар, — продолжил Фюрстенберг ровным тоном. — Я наделяю вас полномочиями официала инквизиции.

Он вынул из кармана массивный серебряный перстень с собачьей головой, держащей в оскаленной пасти факел.^[51]

— Все необходимые бумаги и патенты уже готовы и подписаны теми самими князьями Церкви, что возложили выбор на мои плечи.

Отчего-то я был уверен, что и приговор мне тоже подписан, но озвучивать эту мысль не стал, конечно.

Инквизитор Фюрстенберг вложил мне в ладонь тяжёлый перстень.

— Желаете ли вы узнать ещё что-либо, прежде чем покинуть мой кабинет?

— Хотелось бы узнать о той ведьме, которую я уничтожил в Лугано. Вам что-нибудь удалось узнать о ней?

— Тут вы оказались замешаны в совсем другую историю, — покачал головой Фюрстенберг. — Жаль, что ведьму пришлось уничтожить, её допрос во Фраумюнстере вполне мог бы изменить карту Европы.

— Даже так? — не удержался и присвистнул я.

Инквизитор поглядел на меня осуждающе, и я поспешил извиниться за своё неподобающее поведение.

— Именно так, — кивнул он. — Если вкратце, а подробностей вам знать, всё равно, не стоит, то сия девица была похищена из Египта отрядом убитого вами виконта Паредеса, он вёз её своей королеве, Маргарите Наваррской. Вы, верно, в курсе слухов о нравах и свободах, царящих в её королевстве.

Если он сейчас намекает на Белых дам — ложу не то просто экзальтированных дворянок, не то и в самом деле ведьм, среди которых можно встретить даже правительниц некоторых королевств, то, конечно, я знаю о ней. Кто же не знает? И что Маргарита Наваррская возглавляет эту ложу, тоже знаю, по слухам, конечно. И что кроме неё туда входят Изабелла Арагонская и королева Лукреция, правящая Сардинией и Корсикой, тоже. Но всё это лишь слухи, которыми делятся на базаре друг с другом торговки рыбой, не более того.

— Видимо, этим дамам, — подтвердил мои невысказанные предположения инквизитор Фюрстенберг, — очень не хватало настоящей египетской ведьмы. К слову сказать, виконт Паредес был в Египте в составе наваррского посольства, однако покинул это государства в

крайней спешке, сев на первый попавшийся корабль. И это всё, что вам, Рейнар, стоит знать.

Намёки, особенно высказанные столь недвусмысленно, я понимал отлично, и никаких вопросов больше не задавал.

— Я так понимаю, возвращаться мне лучше иной дорогой, — сменил тему я. Тем более что обстоятельства войны под Пьяченцей меня волновали ничуть не меньше истории с ведьмой.

— Именно так, — кивнул Фюрстенберг, — в этом регионе события развиваются куда хуже, нежели мы могли себе даже представить. Массовые восстания нечистых, орды нежити выходят из города скорби, к тому же их возглавляет довольно талантливый военачальник, который на равных ведёт войну с командорами бездушных. Именно поэтому в Шварцвальд и был назначен столь решительный человек, поднаторевший в подавлении бунтов, как Кровавый барон. Ведутся переговоры о найме значительного контингента наёмников из кантонов, однако тамошние правители ни за что не пойдут на это, пока по соседству у них творится такой бардак, как в Шварцвальде.

— Тогда отправлюсь на юг, — решил я, — через Лион в Марсель и оттуда морем в Луку.

— Подорожные документы вам будут предоставлены, — кивнул Фюрстенберг. — Но пока вам придётся задержаться у меня, в Дижоне. Мастер обновит ваши татуировки, они сильно выпцвели, а значит сила, защищающая вас от зла, уменьшилась. К тому же, вам надо будет ознакомиться с архивом. Думаю, его чтение может повлиять на ваш маршрут. Если у вас всё, Рейнар, то я вас больше не задерживаю.

Намёки, как я уже говорил, я понимал отлично, а намекал инквизитор очень уж откровенно, и я поспешил откланяться.

Теперь можно позволить несколько дней отдыха в картезианской обители Шанмоль. Келью в монастыре тихих учёных монахов мне предоставили по просьбе инквизитора Фюрстенберга. Однако отдых, конечно же, не будет долгим, раз меня наделили полномочиями официала, значит, планы у князей Церкви, на которых ссылался инквизитор, самые что ни на есть обширные. Какой уж тут отдых может быть, смешно ей-богу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

Двуручный меч, цвайхандер или биденхандер — меч ландскнехтов на двойном жаловании (доппельзольднеров), имевший специфическую двойную гарду, в которой малая гарда, называвшаяся «кабаньими клыками», отделяла незаточенную часть клинка (рикассо) от заточенной

Чернила — изменённая кровь заражённых чумой

Morituri (лат.) — те, кто умрут, заражённые чумой

Бандельера, также бандельер, бандольера, бандельера (исп. Bandolera — «перевязь, плечевой ремень») — вспомогательный элемент военного снаряжения, происходящий от более ранней берендейки. Представляет собою удлинённую сумку для оружия и боеприпасов, которая носится на ремне или лямке через плечо. Также бандольером могут называть носимый через плечо патронташ

Джеркин — короткая приталенная куртка со стоячим воротником. Носили его плотно застегнутым на пуговицы от шеи до талии или падающим открыто от закрытого выреза горловины, обычно он был без рукавов, но имел «крылышки» или подбитые валики на плечах. Кожаные куртки-джеркин, или кожаные колеты, были заимствованы гражданскими у военных и носились в неофициальных случаях

Симонія (греч. σιμωνία, лат. *simonia*) — продажа и покупка церковных должностей, духовного сана, церковных таинств и священнодействий (причастие, исповедь, отпевание), священных реликвий и т. д. В широком смысле симония — продажа благодати Святого Духа

Рейнар — лис из народных сказок, воплощение дерзости и хитрости

Экзорцист — один из чинов церковнослужителя причисляются к малым чинам клира (лат. *ordines minores*), к числу которых кроме них принадлежат остиарии, чтецы и аколиты

Вильдграф — от *wild* (нем. *дичь* в значении «дикая, неосвоенная местность») — граф, как и ландграф пользуется весьма широкой автономией в своих владениях, и не подчинен герцогу или князю

Бездушные — рыцари, посвятившие себя борьбе с чумой, их первоочередной задачей является карантин территорий, где зафиксированы первые очаги заболевания

Санбенито — (исп. Sanbenito, сокращен. Sacco benito), или замарра (Zamarra) одеяние осужденных инквизицией, из желтого полотна; спереди и сзади красный Андреевский крест; часто тело разрисовано пламенем и дьяволами, вероятно — подражание мешку, какой носили в первые века христианства кающиеся

Гросмессер, Гросмейстер, Крейгмессер (нем. Großes Messer, Kriegs messer, иногда lange Messer, англ. Grosmeister) — буквальный перевод: Большой и Военный и Длинный нож. Представляет собой разросшийся до размеров меча боевой нож. Клинки бывают различного вида и размера и самого различного уровня кривизны, но заточка всегда односторонняя, также присутствует небольшое расширение на конце клинка, для уколов применяется скос на острие. Основным отличительным признаком является рукоять: с уплощенным по бокам хвостовиком, покрытым с обеих сторон деревянными планками не обмотанными, а покрытыми кожей. Черенок в конце имеет небольшое навершие в виде птичьей головы, а иногда навершие как таковое недоразвито. Гарда представлена в виде прямой крестовины с длинными концами, передний конец крестовины иногда загнут вниз для прикрытия пальцев, а задний загнут вверх. Носился в ножнах из кожи

Под Твою защиту прибегаем, Святая Богородица! Не презри молений наших в скорбях наших, но от всех опасностей избавляй нас всегда, Дева преславная и благословенная! Владычица наша, Защитница наша, Заступница наша! С Сыном Твоим примири нас. Сын! Твоему поручи нас. Сыну Твоему отдай нас

Крысолюды — порождения чумы, по официальной версии крысы, питавшиеся телами умерших от чумы людей и изменённые ею

Морион (фр. *morion* из исп. *morrión*) — шлем с высоким гребнем и полями, сильно загнутыми спереди и сзади. Появился предположительно в Испании в начале XVI века

Мил (англ. *mil*, сокр. от *mille* — тысячная доля) — единица измерения расстояния, равная 1/1000 дюйма, т. е. 0,0254 мм

Кацбальгер (нем. *Katzbalger* — кошкодёр), он же Ландскнета (нем. *Landsknechtsschwert*) — короткий ландскнехтский меч для «кошачьих свалок» (ближнего боя) с широким клинком и сложной гардой в форме восьмерки. Также известен, как ландскнетта («оружие ландскнехта»). При общей длине от 70 до 85 сантиметров вес кацбальгера колеблется от 1,5 до 1,8 килограммов

Тененте — обращение к младшему офицеру — тененту — в армии итальянских городов

Текст на основании Откровения 19:1-9

Псалом 28 (29)

Синдик — глава городского или общинного самоуправления. Является исполнительным органом муниципального совета

Наокс — центральный неф

Митральеза (фр. *mitrailleuse*, от фр. *mitraille* — картечь) — скорострельное многоствольное артиллерийское орудие, которое вело залповый огонь мушкетными пулями и имело полностью ручную перезарядку

Плутонг (от фр. *peloton*, клубок, ком, рой — взвод) — небольшое отделение войска в строю, для стрельбы мелкими залпами

«**Requiem Æternam**» (лат. *Покой вечный*), — это молитва, в которой просят Бога об освобождении душ верующих из Чистилища

Добро пожаловать (нем.).

С Богом (лат.)

Консерватор — интендант ордена, в его обязанности входил также контроль ежегодных выплат рыцарям на их личные потребности

Кто? Кто в гости пришёл? (турецк.)

Cazzaro (итал.) — раздолбай, Incapace (итал.) — бездарь

Подестат — городская администрация, возглавляется подестой

Агирре, ступай к лошадям (исп.)

Довольно! (испан.)

Куэрво — от испан. cuervo (ворона).

Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь (лат.). Книга Екклесиаста, или Проповедника Глава 1 стих 18

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем (лат.).

Matamuertos (исп.) — убийцы мёртвых

Моя великая вина (лат.)

Фирвальдштётское озеро, реже — Люцернское озеро (нем. *Vierwaldstättersee*, озеро четырёх лесных кантонов) — озеро в центральной части Швейцарии.

Штадтфогт — глава города в германских государствах, зачастую должность была наследной

Пляска святого Витта (хорея) — синдром, характеризующийся беспорядочными, отрывистыми, нерегулярными движениями, сходными с нормальными мимическими движениями и жестами, но различные с ними по амплитуде и интенсивности, то есть более вычурные и гротескные, часто напоминающие танец

Козёл! Сукин сын! (испан.)

Базельский собор (нем. *Basler Münster*) — главный храм в Базеле.

От лат. *jus primae noctis* — право первой ночи

Ольстры — пара кожаных пистолетных чехлов впереди седла

Гунтер (англ. *hunters*, охотничья лошадь) — наиболее известная из английских полукровных лошадей

От нем. Donner — гром, Wetter — погода.

Эй! Что... (венгерск.)

Фюрст (от нем. Fürst) — князь

Официал — в учреждениях Авиньонской и Кастильской церковей светское лицо, исполняющее определенные церковные функции как правило коллегиально с духовными лицами, или же по их поручению. Так, например, официальными именовались светские члены инквизиционных трибуналов

Герб ордена Доминиканцев. Инквизиторские обязанности были изъяты из компетенции епископов и специально вверены доминиканцам, представлявшим то преимущество перед епископами, что они не были связаны ни личными, ни общественными узами с населением данной местности, и потому могли действовать, безусловно, в папских интересах и не давать пощады еретикам